

УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научно-практический журнал. Учрежден федеральным государственным казенным образовательным учреждением высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-63039 от 10 сентября 2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционный совет:

Председатель

Гусев А.В., к.ю.н., доцент

Члены редакционного совета:

Базаров Р.А., д.ю.н., профессор; Балакшин В.С., д.ю.н., профессор; Бозров В.М., д.ю.н., профессор; Гончаров Д.Ю., д.ю.н., доцент; Грибунов О.П., д.ю.н., профессор; Давлетов А.А., д.ю.н., профессор; Дарменов А.Д., к.ю.н., доцент; Дегтярев С.Л., д.ю.н., профессор; Карасёв А.Т., д.ю.н., профессор; Кодан С.В., д.ю.н., профессор; Майоров В.И., д.ю.н., профессор; Мансуров Г.З., д.ю.н., профессор; Осинцев Д.В., д.ю.н., профессор; Савоськин А.В., д.ю.н., доцент; Семьякин М.Н., д.ю.н., профессор; Смыкалин А.С., д.ю.н., профессор; Стельмах В.Ю., д.ю.н., доцент; Татьянанина Л.Г., д.ю.н., профессор; Шабуров А.С., д.ю.н., профессор; Шнарбаев Б.К., д.ю.н., доцент

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Голубых Н.В., к.ю.н., доцент

Зам. главного редактора

Маслов В.А., к.ю.н., доцент

Члены редакционной коллегии:

Аюпова Г.Ш., к.ю.н.; Головизнин А.В., к.ю.н.; Гребенщикова И.В., к.ю.н.; Дерюгин Р.А., к.ю.н.; Западнова Ю.А., к.ю.н.; Казанцев А.О., к.ю.н., доцент; Климович Ю.С., к.ю.н., доцент; Кокорин Д.Л., к.ю.н., доцент; Крысанов А.В., к.ю.н., доцент; Курилов С.И., к.ю.н.; Лаппо Е.А., к.ю.н., доцент; Макеева И.С., к.ю.н., доцент; Носкова Ю.Б., к.ю.н., доцент; Орлов К.А., к.ю.н., доцент; Пересадица О.В., к.ю.н.; Сазон К.Д., к.ю.н., доцент; Спирин А.В., к.ю.н., доцент; Сергеев Д.Н., к.ю.н., доцент; Хамидуллин Р.С., к.ю.н.; Щетинина Н.В., к.ю.н., доцент; Харламова А.А., к.ю.н., доцент

Ответственный секретарь Кудоярова Г.Р.

Редактор Бебих И.Б.

Переводчик Гузикова В.В.

Научно-практический журнал «Вестник Уральского юридического института МВД России» является рецензируемым периодическим научным печатным изданием, предназначенным для опубликования результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по отрасли юридические науки, материалов научно-представительских мероприятий, рецензий на научные издания, информации о научных школах.

Издатель журнала – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал выходит с 2014 года и издается ежеквартально.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), а также представлен в свободном бесплатном доступе в полнотекстовом формате в научной электронной библиотеке.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал не предназначен для опубликования материалов, содержащих сведения, составляющие государственную, иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования.

Адрес редакции / издательства / типографии:

620057, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Тел./факс: (343) 331-70-64

Эл. почта: ural-yui@mvd.ru

Сайт: <http://www.ural-mvd.ru>

ISSN 2312-5640. Подписной индекс: E43226

Подписано в печать 28.09.2023. Формат 60х84/8

Печать офсетная. Бумага офисная

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 40 экз. Заказ № 60

Дата выхода в свет 29.09.2023. Свободная цена

BULLETIN

№ 3 (39) • 2023

OF THE URAL LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

The Federal Scientific and Practical Journal. The founder and publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Certificate of registration of mass media PI № ФС77-63039 dated September 10, 2015, Issued by the Federal Service for Supervision in the field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Editorial Council:

Chairperson

Gusev A.V., *cand. of law, associate professor*

Members of the Editorial Council:

Bazarov R.A., *dr. of law, professor*; Balakshin V.S., *dr. of law, professor*;

Bozrov V.M., *dr. of law, professor*; Goncharov D.YU., *dr. of law, associate*

professor; Gribunov O.P., *dr. of law, professor*; Davletov A.A., *dr. of law,*

professor; Darmenov A.D., *cand. of law, associate professor*;

Degtyarev S.L., *dr. of law, professor*; Karasyov A.T., *dr. of law, professor*;

Kodan S.V., *dr. of law, professor*; Majorov V.I., *dr. of law, professor*;

Mansurov G.Z., *dr. of law, professor*; Osincev D.V., *dr. of law, professor*;

Savos'kin A.V., *dr. of law, associate professor*; Semyakin M.N., *dr. of law,*

professor; Smykalin A.S., *dr. of law, professor*; Stelmakh V.Yu., *dr. of law,*

associate professor; Tat'yanina L.G., *dr. of law, professor*; Shaburov A.S.,

dr. of law, professor; SHnarbaev B.K., *dr. of law, associate professor*

Editorial Board:

Chief Editor

Golubih N.V., *cand. of law, associate professor*

Chief Editor Deputy

Maslov V.A., *cand. of law, associate professor*

Members of the Editorial Board:

Ayupova G.SH., *cand. of law*; Goloviznin A.V., *cand. of law*;

Grebenshchikova I.V., *cand. of law*; Deryugin R.A., *cand. of law*;

Zapadnova Ju.A., *cand. of law*; Kazancev A.O., *cand. of law, associate*

professor; Klimovich YU.S., *cand. of law, associate professor*;

Kokorin D.L., *cand. of law, associate professor*; Krysanov A.V.,

cand. of law, associate professor; Kurilov S.I., *cand. of law*; Lappo E.A.,

cand. of law, associate professor; Makeeva I.S., *cand. of law, associate*

professor; Noskova Yu.B., *cand. of law, associate professor*; Orlov K.A.,

cand. of law, associate professor; Peresadina O.V., *cand. of law*; Sazon K.D.,

cand. of law, associate professor; Sergeev D.N., *cand. of law, associate*

professor; Spirin A.V., *cand. of law, associate professor*;

Khamidullin R.S., *cand. of law*; Schetinina N.V., *cand. of law, associate*

professor; Kharlamova A.A., *cand. of law, associate professor*

Executive Secretary Kudoyarova G.R.

Editor Bebikh I.B.

Translator Guzikova V.V.

The Scientific and Practical Journal «Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia» is a peer-reviewed periodic scientific publication intended to publish the results of fundamental and applied scientific researches in the sphere legal science, materials of scientific and representative activities, reviews of scientific publications, information about scientific schools.

The publisher of the journal is the federal state public educational institution of higher education «The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia».

The journal is published since 2014 and is published quarterly.

The journal is included into the database of Russian Scientific Citation Index (RSCI) and presented in free access in full-text format in the scientific electronic library.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral and PhD research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation.

The journal is not intended to publish materials containing information constituting a state secret or another secret protected by law, information intended for service use.

Address of the editorial office / publishing house /
printing house: 620057, Sverdlovsk region, Ekaterinburg,
ul. Korepina, 66. Tel./Fax: (343) 331-70-64;
E-mail: ural-yui@mvd.ru Website: <http://www.ural-mvd.ru>
ISSN 2312-5640 The index E43226

Signed in the press on September 28, 2023. Format 60x84 / 8
Offset printing. Office paper. Usl. Printer. L. 18.0.
Uch.-ed. L. 18.0 Edition 40 copies. Order No. 60
Date of publication on September 29, 2023. Free price

© The Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2023

Содержание

Актуальные проблемы административного права и процесса

Генералов В.В. Компьютерный и фиджитал спорт в России: административно-правовое регулирование и перспективы 5

Кротов М.С. Институт административной преюдиции в механизме уголовно-правовой профилактики в сфере незаконного оборота наркотических средств 10

Осинцев Д.В. Особенности применения отдельных мер обеспечения к особым субъектам административной ответственности 15

Актуальные проблемы частного права

Вакула А.И., Макеева И.С., Парковская М.И. Земли общего пользования: исследование правовых признаков и места среди иных видов земель на примере садоводческих и огороднических товариществ 23

Головизнин А.В., Миннегайева Л.И. Право собственности на автомобиль: коллизии гражданского и административного законодательства 27

Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и уголовно-процессуального законодательства

Асанов Р. Ш. Ходатайства участников досудебного производства: новое понимание сущности и основные проблемы 33

Балуев А.С. К вопросу об участии защитника в уголовном судопроизводстве 41

Курилов С.И. Процессуальные и иные полномочия начальника подразделения дознания по организации расследования дознавателями системы МВД России на районном уровне неочевидных преступлений 45

Леонова К.И. Несовершеннолетний как субъект следственных действий 50

Политыко О.Е. Смерть уголовно преследуемого лица как юридический факт, образующий особенности уголовно-процессуальных правоотношений 53

Степных В.Ю. Процессуальная активность следователя – основное подтверждение разумности срока предварительного расследования 60

Титов П.М. К вопросу о порядке получения показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе 65

Ушаков А.Ю., Расулова Н.С. О вопросах производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания с применением видео-конференц-связи 69

Шпагина Ю.В. Особенности дифференциации уголовно-процессуальных форм в некоторых зарубежных государствах 75

Вопросы криминалистики

Беляков А.А., Речков И.Е. Проблемы организации следственного эксперимента, возникающие на подготовительном этапе следственного действия 80

Воеводкин Д.В. К проблеме установления способов и механизмов подделки документов в сфере медицинского обслуживания населения (по материалам Республики Казахстан) 86

Дронова О.Б., Рыжков И.В. Проблемные аспекты организации функционирования натуральных коллекций в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России 93

Плахтий Е.В. Особенности производства следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 243 Уголовного кодекса Российской Федерации 99

Шнейдерова Д.И. Характеристика криптовалют как предмета преступного посяательства в материальной структуре хищений (белорусский опыт): криминалистический контекст 107

Янин С.А. Типичная модель механизма уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации 115

Основные тенденции государственно-правового развития

Кожевников О.А., Крысанов А.В. Отдельные аспекты правового регулирования персональных данных в Российской Федерации 121

Мещерягина В.А. Использование искусственного интеллекта при оказании бесплатной юридической помощи гражданам: *Suius commodum, ejus periculum* 127

Мочалов А.Н. Конституционные гарантии единства Российской Федерации как федеративного государства в условиях этнокультурного и языкового многообразия 131

Нагорный И.Е. О видах представительства в конституционном судопроизводстве 141

Садовой М.В. Правовые основы независимости судебных и специализированных органов правовой охраны конституции в российском праве: анализ исторического развития 147

Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию

и расследованию преступлений

Иванов П.И. Розыскная и идентификационная деятельность как единая система: точка зрения 154

Укрепление законности и правопорядка

Винокурова А.А. К вопросу об организационно-правовых особенностях оказания первой помощи в Российской Федерации 159

Уголовное право и уголовная политика

Ермакова О.В. Недостатки конструкций квалифицированных составов превышения должностных полномочий (статья 286 Уголовного кодекса Российской Федерации) 164

Малышев К.С. Особенности разграничения статей 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации 169

Первухин А.С. Содержание и перспективы совершенствования признака «механическое транспортное средство» в уголовном законодательстве 173

Contents

Topical problems of administrative law and process

<i>Generalov V.V.</i> Computer and phygital sports in Russia: administrative and legal regulation and prospects	5
<i>Krotov M.S.</i> Administrative and legal ways of countering illicit drug trafficking with the help of the Institute of Administrative Prejudice	10
<i>Osintsev D.V.</i> Features of the application of individual security measures to special subjects administrative responsibility	15

Topical problems of private law

<i>Vakula A.I., Makeeva I.S., Parkovskaya M.I.</i> Public lands: research of legal features and place among other types of land on the example of horticultural and horticultural partnerships	23
<i>Goloviznin A.V., Minnegalieva L.I.</i> Car ownership: conflicts of civil and administrative legislation	27

Topical issues of legal procedure and criminal procedure legislation

<i>Asanov R.S.</i> Petitions of participants in pre-trial proceedings: a new understanding of the essence and main problems	33
<i>Baluyev A.S.</i> On the issue of the participation of a defense lawyer in criminal pro-ceedings	41
<i>Kurilov S.I.</i> Procedural and other powers of the head of the inquiry unit to organize the investigation of non-obvious crimes by investigators of the Russian Ministry of Internal Affairs system	45
<i>Leonova K.I.</i> Minor as a subject of investigative actions	50
<i>Polityko O.E.</i> The death of a criminally persecuted person as a legal fact forming the features of criminal procedural legal relations	53
<i>Stelmakh V.Yu.</i> The procedural activity of the investigator is the main confirmation of the reasonableness of the term of the preliminary investigation	60
<i>Titov P.M.</i> On the issue of the procedure for obtaining the testimony of the suspect and the accused in the criminal process	65
<i>Ushakov A.Y., Rasulova N.S.</i> On the issues of interrogation, confrontation and presentation for identification using video conferencing	69
<i>Shpagina Yu.V.</i> Features of differentiation of criminal procedural forms in some foreign countries	75

Questions of criminalistics

<i>Belyakov A.A., Rehkov I.E.</i> Organizational problems of the preparatory stage of an investigative experiment	80
<i>Voyevodkin D.V.</i> On the problem of establishing methods and mechanisms for falsifying documents in the field of medical care for the population (based on materials from the Republic of Kazakhstan).....	86
<i>Dronova O.B., Ryzhkov I.V.</i> Problematic aspects of the organization of the functioning of full-scale collections in the ECP of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	93
<i>Plakhtiy E.V.</i> Features of investigative actions in the investigation of crimes under Article 243 of the Criminal Code of the Russian Federation	99
<i>Shneiderova D.I.</i> Characteristics of cryptocurrencies as the subject of a criminal attack in the material structure of thefts (Belarusian experience): forensic context	107
<i>Yanin S.A.</i> Typical model of the mechanism of destruction or damage of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation	115

The main trends of state and legal development

<i>Kozhevnikov O.A., Krysanov A.V.</i> Certain aspects of the legal regulation of personal data in the Russian Federation	121
<i>Meshcheryagina V.A.</i> The use of artificial intelligence in the provision of free legal aid: Cujus commodum, ejus periculum	127
<i>Mochalov A.N.</i> Constitutional guarantees of the unity of the Russian Federation as a federal State in the conditions of ethnocultural and linguistic diversity	131
<i>Nagorny I.E.</i> On the types of representation in constitutional court proceedings	141
<i>Sadovoy M.V.</i> Legal bases of independence of judicial and specialized bodies of legal protection of the Constitution in Russian law: analysis of historical development	147

Improving the activities of law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes

<i>Ivanov P.I.</i> Search and identification activities as a united system: point of view	154
---	-----

Strengthening of legality and order

<i>Vinokurova A.A.</i> On the issue of organizational and legal features of first aid in the Russian Federation	159
---	-----

Criminal law and criminal policy

<i>Ermakova O.V.</i> Disadvantages of designs of qualified abuse of power (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation)	164
<i>Malyshev K.S.</i> Features of differentiation of Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation	169
<i>Pervukhin A.S.</i> The substance and prospects of improving the feature of «mechanical vehicle» in criminal legislation	173

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Научная статья
УДК 342.9

Компьютерный и фиджитал спорт в России: административно-правовое регулирование и перспективы

Генералов Владислав Владимирович
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, vladislav.generaloff@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуется действующее административно-правовое регулирование киберспортивных мероприятий в России и их разновидностей. Автором выделяются требования, предъявляемые к соревнованиям по компьютерному спорту (киберспорту): включение его в специальные планы, наличие соответствующей спортивной дисциплины и специального места проведения. В работе акцентируется внимание на необходимости совершенствования правового регулирования киберспорта. Исходя из динамично развивающихся в информационном обществе общественных отношений, автором статьи делается прогноз популяризации в ближайшее время компьютерного и фиджитал спорта в России и мире.

Ключевые слова: киберспорт, компьютерный спорт, электронный спорт, фиджитал спорт, спортивные соревнования, спортивные мероприятия, «Игры Будущего»

Для цитирования: Генералов В. В. Компьютерный и фиджитал спорт в России: административно-правовое регулирование и перспективы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 5–9.

Original article

Computer and phygital sports in Russia: administrative and legal regulation and prospects

Generalov Vladislav V.
National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod,
Russia, vladislav.generaloff@yandex.ru

Abstract. The article examines the current administrative and legal regulation of esports events in Russia, their varieties. The author highlights the requirements for competitions in computer sports (esports): its inclusion in special plans, the availability of an appropriate sports discipline and a special venue. The paper focuses on the need to improve the legal regulation of esports. Based on the dynamically developing social relations in the information society, the author of the article makes a forecast about the popularization of computer and phygital sports in Russia and the world in the near future.

Keywords: esports, computer sports, electronic sports, phygital sports, sports competitions, sports events, «games of the Future»

For citation: Generalov V. V. Computer and phygital sports in Russia: administrative and legal regulation and prospects // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 5–9.

В последнее время тема киберспорта в России широко обсуждается в общественных и политических кругах. Способствовали этому победы российских спортсменов на крупных международных соревнованиях: чемпионство команды «TeamSpirit» на турнире «TheInternational 10 (2021)» по «Dota 2» с призовым фондом более 18 млн долларов США и поздравлением от Президента России [1]; победа команды «NatusVincere» в «PGLMajorStockholm (2021)» с победным 1 млн долларов США; команда «GambitEsports» стала вице-чемпионами в первом для них Чемпионате мира – «VCT Champions (2021)», с призовыми 150 тыс. долларов США.

Киберспорт нельзя назвать молодым видом спорта, так как в России его официально признали ещё в 2000 году (Российская Федерация стала первой страной в мире, создавшей Федерацию компьютерного спорта). На сегодняшний день это одно из самых быстро развивающихся и перспективных направлений.

В 2019 году глобальный доход от киберспорта оценивался в 1,1 млрд долларов США, а к 2022 году должен был составить 1,8 млрд долларов, что означает совокупный годовой темп роста с 2017 года по 2022 год на уровне 22,3 % [2].

На XXV Петербургском международном экономическом форуме заместитель председателя Правительства России Д. Н. Чернышенко на сессии «Спорт без преград: новые сценарии и форматы» заявил, что «сейчас вклад отрасли в ВВП страны равен 0,3 %, он достаточно небольшой, но там огромный спящий потенциал и его можно развивать. Наша задача – двукратное увеличение спорта в структуре ВВП. Мы привыкли думать, что спорт – это дотируемая отрасль, но он бывает выгодным» [3].

Считаем, что для достижения указанных показателей ВВП необходимо обратить особое внимание на потенциал киберспортивной индустрии, для развития которой необходимы четкие и своевременные механизмы административно-правового регулирования.

На сегодняшний момент в российском нормотворчестве киберспорт в большинстве случаев определяется как «компьютерный спорт». Так, приказом Министерства спорта России от 22 января 2020 г. № 22 утверждены Правила вида спорта «Компьютерный спорт», где закреплено следующее определение: «Компьютерный спорт (киберспорт, е-спорт, электронный спорт от англ. cybersport, e-Sport, esport, esports, electronicsport) – вид соревновательной деятельности и специальной практики подготовки к соревнованиям на основе компьютерных и/или видеоигр, где игра предоставляет среду взаимодействия объектов управления, обеспечивая равные условия состязаний человека с человеком или команды с командой» [4].

Для подготовки и проведения соревнований по компьютерному спорту необходимо соблюдение следующих требований к официальным спортивным мероприятиям с учетом их собственной специфики:

включение его в специальные планы, наличие соответствующей спортивной дисциплины и специально-го места проведения.

1. Официальность спортивного мероприятия. Данный критерий раскрывается в п. 9 ст. 2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: официальные спортивные мероприятия – «спортивные мероприятия, включенные в Единый календарный план межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий, календарные планы физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий субъектов Российской Федерации, муниципальных образований» [5].

Так, согласно Единому календарному плану межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий в 2022 г. было запланировано проведение 8 мероприятий по компьютерному спорту [6], а в 2023 г. – 5 таких мероприятий [7]; такое количество является одним из самых малочисленных.

2. Спортивная дисциплина отражает целевую направленность мероприятия, иными словами предмет интереса зрителей. ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» нормативно закрепляет понятие спортивного соревнования как «состязания (матча) среди спортсменов или команд спортсменов по различным видам спорта (спортивным дисциплинам) в целях выявления лучшего участника состязания (матча), проводимого по утвержденному его организатором положению (регламенту)» [5].

Однако в дефиницию спортивного мероприятия помимо спортивного соревнования входят также «тренировочные мероприятия, включающие в себя теоретическую и организационную части, и другие мероприятия по подготовке к спортивным соревнованиям с участием спортсменов» [5]. Стоит отметить важность и популярность таких мероприятий. Так, во время проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г. на полуторатысячном стадионе академии «Краснодар» при аншлаге провели тренировку испанцы, на тренировку сборной Австралии в Казани пришли больше трех тысяч зрителей, местный «Рубин» такой внушительной аудиторией не мог похвастаться даже на некоторых официальных матчах [8].

Соревнования по компьютерному спорту проводятся в следующих спортивных дисциплинах: боевая арена, соревновательные головоломки, спортивный симулятор, стратегия в реальном времени, технический симулятор, файтинг [4].

3. Специальное место проведения спортивного мероприятия. Особенностью проведения спортивных мероприятий является наличие места проведения официального спортивного соревнования – «объекта спорта, а также территории, специально подготовленной для проведения официального спортивного соревнования, включая природные, природно-антропогенные и антропогенные объекты, воздушное пространство над ними» [5].

В правилах компьютерного спорта один из разделов посвящен дополнительным требованиям к месту проведения соревнований, где раскрываются его технические и иные параметры, а также дополнительные требования к инвентарю [4].

Следует отметить, что содействие развитию компьютерного спорта определено в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года как приоритетное направление по совершенствованию здоровья и благополучия, а также по повышению уровня жизни населения Российской Федерации [9]. Однако это единственное упоминание анализируемого спортивного соревнования в данном акте без наличия действенных правовых механизмов, направленных на достижение поставленной задачи.

Тенденцию к популяризации компьютерного спорта во всем мире достаточно наглядно продемонстрировал Майкл Г. Вагнер, профессор Университета Дрекселя, интерпретировавший появление киберспорта как «логическое и необратимое следствие перехода от индустриального общества к современному информационно-коммуникационному обществу, так как участники культуры, особенно люди с высокой мотивацией, почувствуют необходимость в демонстрации мастерства, преуспев в соревновании» [10, с. 4].

Данную мысль в дальнейшем развил в своей работе Эрик Виндхольц, старший преподаватель Университета Монаш, пришедший к выводу, что «виды деятельности, воспринимаемые как спорт, развиваются по мере культурного и технологического развития общества. Как например, произошла эволюция от метания камней к стрельбе из лука и оружия, от бега к скачкам и автомобильным гонкам. Киберспорт – еще один шаг в этой эволюции» [11, с. 37].

Действительно, «в обществе, где правоотношения преимущественно возникают в информационной среде, происходит информационная трансформация ценностей и интересов. Так, наряду с уже установившимися ценностями (авторитет, вещи, деньги и т. д.) появляются новые конвертированные ценности (просмотры, лайки, дизлайки в сети Интернет, криптовалюта, персональные данные)» [12, с. 68]. Данная тенденция, безусловно, имеет свое отражение в спортивной сфере жизнедеятельности.

Учитывая становление информационного общества в России, считаем, что спортивное движение также будет активно информационно трансформироваться, поэтому государственным органам необходимо обратить особое внимание на развитие киберспорта в нашей стране, исходя из стратегических целей и задач, стоящих перед Россией как спортивной державой.

Одним из преимуществ киберспортивных мероприятий является возможность их проведения с использованием технологий удаленного доступа, что делает их более доступными и практически неуязвимыми перед различными препятствиями и угрозами

(инфекционными заболеваниями, техногенными и природными катастрофами и др.).

Положительный опыт в правовом регулировании общественных отношений, возникающих при проведении соревнований по киберспорту, можно отметить в правовых актах Франции. Так, в Законе Франции «О цифровой Республике» особое внимание акцентируется на создании правового статуса профессиональных спортсменов, организационных и финансовых вопросов соревнований по компьютерному спорту [13].

В Декрете Франции от 9 мая 2017 г. № 2017-871 более подробно закреплены вопросы, связанные с организацией спортивных соревнований по компьютерному спорту (зоны ответственности в организационных расходах, формы различных уведомлений, статус несовершеннолетних участников и порядок получения ими денежного вознаграждения, штрафные санкции и др.) [14].

На данный момент вышеуказанные важные положения в отечественных нормах права не нашли своего полного отражения.

Также особое внимание хотелось бы обратить на новый формат международного соревнования под названием «Игры Будущего», где планируется участие более тысячи участников со всего мира, которые будут состязаться в рамках 15 новых спортивных дисциплин, основанных на последних разработках в области киберспорта, робототехники, дополненной и виртуальной реальности, информационных технологий и искусственного интеллекта. Международные спортивные соревнования «Игры Будущего» планируется проводить раз в 2 года в разных странах мира. Почетное право провести в феврале 2024 года эти Игры получила Республика Татарстан [15].

С учетом динамично развивающихся общественных отношений в информационной сфере считаем, что данный формат спортивных мероприятий имеет большие перспективы и стратегическую важность в развитии всего спортивного движения. Концепция «Игр Будущего» основана на технологии «фиджитал», т. е. объединения физических нагрузок и навыков, присущие «традиционным» дисциплинам спорта, с цифровыми технологиями (VR-/AR-технологиями, искусственным интеллектом и др.).

На фоне отстранения в 2022 году российских и белорусских спортсменов от большинства международных спортивных соревнований без наличия на то реальных юридических оснований особенно важным видится создание и поддержка нового международного спортивного проекта, где действительно можно будет реализовать действие основных спортивных принципов: «*citius, altius, fortius-communis*» и «*fairplay*».

В 2023 году во Всероссийский реестр видов спорта добавлен «фиджитал спорт (функционально-цифровой спорт)» [16], поэтому Министерству спорта России в ближайшее время необходимо принять подзаконный нормативный акт, где следует закрепить правила

проведения таких соревнований, общие требования и разновидности фиджитал спорта, организационное обеспечение соревновательного процесса.

Учитывая организацию на территории России в 2024 году международного соревнования «Игры Будущего», считаем необходимым использовать опыт правового регулирования, установленный Федеральным законом «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [17], с целью должной организации и популяризации данного соревнования как через стриминговые площадки (ожидается более 150 млн просмотров), так и через атмосферу в месте проведения спортивного мероприятия.

С целью популяризации компьютерного и фиджитал спорта Всероссийским федерациям совместно с другими заинтересованными лицами необходимо увеличить количество таких официальных спортивных соревнований. Считаем, что вышеназванные спортивные соревнования способны стать высокодоходными проектами за счет заинтересованности крупных спонсоров, т. к. соревнования должны привлечь большую аудиторию на самом объекте спорта, но еще большую ее часть – в онлайн-формате.

Видится необходимым закрепление различных целевых показателей именно в стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: увеличение количества официальных соревнований по компьютерному и фиджитал спорту на 20 % каждый год, строительство фиджитал-арен, организация финансирования отечественных IT-разработчиков и др.

Список источников

1. Участникам команды клуба TeamSpirit – победителям The International-2021, чемпионата мира по Dota-2 // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/66961> (дата обращения: 28.02.2023).
2. Отчет Newzoo о мировом киберспортивном рынке за 2019 г. // Официальный сайт Newzoo. URL: <https://newzoo.com/insights/trend-reports/newzoo-global-esports-market-report-2019-light-version> (дата обращения: 28.02.2023).
3. Чернышенко рассказал о задаче двукратно увеличить вклад спорта в ВВП России // Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/sport/14945531> (дата обращения: 28.02.2023).
4. Приказ Министерства спорта России от 22 января 2020 г. № 22 «Об утверждении правил вида спорта "Компьютерный спорт"» // Официальный сайт Министерства спорта России. URL: <https://www.minsport.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2023).
5. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

6. Приказ Министерства спорта России от 21 декабря 2021 г. № 1016 «Об утверждении Единого календарного плана межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий на 2022 год» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 28.02.2023).

7. Приказ Министерства спорта России от 29 декабря 2022 г. № 1419 «Об утверждении Единого календарного плана межрегиональных, всероссийских и международных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий на 2023 год» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 28.02.2023).

8. Топ-сборные перед стартом чемпионата мира провели открытые тренировки для болельщиков // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2018/06/12/top-sbornye-proveli-otkrytye-trenirovki-dlia-bolelshchikov.html> (дата обращения: 28.02.2023).

9. Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 49. Ст. 7958.

10. Вагнер Майкл Г. О научной значимости киберспорта: материалы Международной конференции по интернет-вычислениям и конференции по разработке компьютерных игр 2006 г., ICOMP 2006, Лас-Вегас, Невада, США, 26–29 июня 2006 г. // Европейская сеть ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/220968200_On_the_Scientific_Relevance_of_eSports (дата обращения: 28.02.2023).

11. Виндхольц Эрик. Управление киберспортом: государственная политика, регулирование и закон // SportsLaweJournal. 2020. Т. 1. Вып. 1. 38 с.

12. Генералов В. В. Развитие информационного общества как нового типа социальной организации в России // Законность и правопорядок. 2020. № 3 (27). С. 67–70.

13. LOI № 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique // Официальный сайт Legifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 28.02.2023).

14. Décret № 2017-871 du 9 mai 2017 relatif à l'organisation des compétitions de jeux vidéo // Официальный сайт Legifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 28.02.2023).

15. Названа столица «Игр Будущего». Казань примет первые соревнования нового формата // Официальный сайт проекта «Игры будущего». URL: <https://игрыбудущего.рф/tpost/bu8ao2ga81-nazvana-stolitsa-igr-buduschego-kazan-pr> (дата обращения: 28.02.2023).

16. Приказ Министерства спорта России от 31 января 2023 г. № 58 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, вида спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта» // КонсультантПлюс: сайт (дата обращения: 28.02.2023).

17. Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федера-

ции чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2866.

References

1. Members of the Team Spirit club team - the winners of The International-2021, the Dota-2 World Championship // Official website of the Administration of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/66961> (date of access: 02/28/2023).
2. Newzoo report on the global eSports market for 2019 // Newzoo official website. URL: <https://newzoo.com/insights/trend-reports/newzoo-global-esports-market-report-2019-light-version> (date of access: 02/28/2023).
3. Chernyshenko spoke about the task of doubling the contribution of sports to Russia's GDP // Official website of the TASS news agency. URL: <https://tass.ru/sport/14945531> (date of access: 02/28/2023).
4. Order of the Ministry of Sports of Russia dated January 22, 2020 No. 22 «On approval of the rules of the sport "Computer Sports"» // Official website of the Ministry of Sports of Russia. URL: <https://www.minsport.gov.ru> (date of access: 02/28/2023).
5. Federal Law of December 4, 2007 No. 329-FZ «On Physical Culture and Sports in the Russian Federation» // SZ RF. 2007. No. 50. Art. 6242.
6. Order of the Ministry of Sports of Russia dated December 21, 2021 No. 1016 «On approval of the Unified calendar plan for interregional, all-Russian and international physical culture and sports events for 2022» // ConsultantPlus: website (date of access: 02/28/2023).
7. Order of the Ministry of Sports of Russia dated December 29, 2022 No. 1419 «On approval of the Unified calendar plan for interregional, all-Russian and international sports events and sports events for 2023» // ConsultantPlus: website (date of access: 02/28/2023).
8. Top teams before the start of the World Cup held open training for fans // Official website of the Russian newspaper. URL: <https://rg.ru/2018/06/12/top-sbornye-proveli-otkrytye-trenirovki-dlia-bolelshchikov.html> (date of access: 02/28/2023).
9. Decree of the Government of the Russian Federation of November 24, 2020 No. 3081-r «On approval of the Strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period until 2030» // SZ RF. 2020. No. 49. Art. 7958.
10. Michael G. Wagner. On the scientific significance of e-sports: proceedings of the International Conference on Internet Computing and the Conference on the Development of Computer Games 2006, ICOMP 2006, Las Vegas, Nevada, USA, June 26–29, 2006 // European Network ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/220968200_On_the_Scientific_Relevance_of_eSports (date of access: 02/28/2023).
11. Windholz Eric. Cybersport Governance: Public Policy, Regulation and Law // SportsLaweJournal. 2020. Vol. 1. Issue 1. 38 p.
12. Generalov V. V. Development of the information society as a new type of social organization in Russia // Legality and the rule of law. 2020. No. 3 (27). Pp. 67–70.
13. LOI No. 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique // Legifrance official website. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (date of access: 02/28/2023).
14. Decret No. 2017-871 du 9 mai 2017 relatif à l'organisation des compétitions de jeux video // Legifrance official website. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (date of access: 02/28/2023).
15. The capital of the Games of the Future has been named. Kazan will host the first competitions of the new format // Official site of the project «Games of the Future». URL: <https://gamesofthefuture.rf/tpost/bu8ao2ga81-nazvana-stolitsa-igr-buduschego-kazan-pr> (date of access: 02/28/2023).
16. Order of the Ministry of Sports of Russia dated January 31, 2023 No. 58 «On recognition and inclusion in the All-Russian Register of Sports of sports disciplines, a sport and amendments to the All-Russian Register of Sports» // ConsultantPlus: website (date of access: 02/28/2023).
17. Federal Law No. 108-FZ of June 7, 2013 «On the preparation and holding in the Russian Federation of the 2018 FIFA World Cup, the 2017 FIFA Confederations Cup, the UEFA European Football Championship and amending certain legislative acts of the Russian Federation» (ed. from 08/03/2018) // SZ RF. 2013. No. 23. Art. 2866.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 22.09.2023

Научная статья
УДК 342.9

Институт административной преюдиции в механизме уголовно-правовой профилактики в сфере незаконного оборота наркотических средств

Кротов Михаил Сергеевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, michaelkrotov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации административной ответственности за совершение административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В частности, исследуется возможность применения института административной преюдиции в рамках обозначенной сферы. Анализируются статистические данные относительно количества совершаемых административных правонарушений и лиц, привлекаемых к административной ответственности. Подчеркивается высокая социальная значимость упомянутого института за счет «тяжести» такого рода правонарушений. Административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотических средств рассматриваются через призму института предупреждения иных противоправных деяний, в том числе преступлений общеуголовной направленности. Вносятся предложения о возможности применения административной преюдиции по обозначенным категориям административных правонарушений. Кроме того, даны криминологические оценки по возможному снижению «традиционной» преступности в результате влияния фактора административной преюдиции на лиц, совершающих незаконные действия в сфере незаконного оборота наркотических средств для личного потребления.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, административная преюдиция, преступление, предупреждение преступности, наркотические средства, психотропные вещества

Для цитирования: Кротов М. С. Институт административной преюдиции в механизме уголовно-правовой профилактики в сфере незаконного оборота наркотических средств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 10–14.

Original article

Administrative and legal ways of countering illicit drug trafficking with the help of the Institute of Administrative Prejudice

Krotov Mikhail S.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
michaelkrotov@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problems of the implementation of administrative responsibility for the commission of administrative offenses related to illicit drug trafficking. In particular, the possibility of applying the institute of administrative prejudice within the designated area is being investigated. Statistical data on the number of administrative offenses committed and persons brought to administrative responsibility are analyzed. The high social significance of the mentioned institution is emphasized due to the «severity» of such offenses. Administrative offenses in the field of illicit drug trafficking are considered through the prism of the institute for the prevention of other illegal acts, including crimes of a common criminal orientation. Proposals are made on the possibility of applying administrative prejudice for the designated categories of administrative offenses. In addition, criminological assessments are given on the possible reduction of «traditional» crime as a result of the influence of the factor of administrative prejudice on persons committing illegal actions in the field of illicit trafficking of narcotic drugs for personal consumption.

Keywords: administrative responsibility, administrative offense, administrative prejudice, crime, crime prevention, narcotic drugs, psychotropic substances

For citation: Krotov M. S. Administrative and legal ways of countering illicit drug trafficking with the help of the Institute of Administrative Prejudice // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 10–14.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена широким спектром распространенности и доступности наркотических средств в настоящее время, а также общим высочайшим уровнем наркотизации современного общества.

Так, опираясь на статистические данные, размещенные на сайте Единой межведомственной информационно-статистической системы (государственная статистика), разумно будет обратить внимание на следующие показатели. Число административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в 2019 г. составило 140 059, в 2020 г. данный показатель остановился на отметке в 140 827 правонарушений. Казалось бы, данные цифры представляют собой картину некоего плато и существенного роста административных правонарушений в рассматриваемой сфере не наблюдается, но вполне прогнозируемый динамический рост числа подобных правонарушений случился в 2022 г. (171 583 правонарушения). При этом в том же 2022 г. общее количество лиц, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и сильнодействующих веществ, составило 75 385 человек, что составляет 43 % от числа лиц, совершивших административные правонарушения [1]. Данному обстоятельству могло способствовать активное развитие информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», следствием чего является не только повышение уровня цифровой грамотности населения, но и появление новых способов осуществления противоправной деятельности [2, с. 28]. Таким образом, число лиц, привлекаемых к административной и уголовной ответственности в сфере незаконного оборота наркотических средств, стабильно находится на верхних ступенях условного пьедестала противоправных деяний.

Еще одним подтверждением и обоснованием приведенных выше доводов выступает прагматичная официальная статистика, размещенная в открытых источниках, в том числе на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, в качестве наглядного примера может выступать ст. 6.8 КоАП РФ «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества». За отчетный период 2021 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации на рассмотрение поступило 15 284 дела (рассмотрено – 15 277). К

ответственности привлечено 13 111 лиц. Среди видов административных наказаний применялись административный штраф (9554 раз) и административный арест (3554 раз), а также предупреждение (2 раза, вероятно, по основаниям, предусмотренным в ст. 4.1.1 КоАП РФ) и 1 раз административное выдворение за пределы Российской Федерации (как единственная мера наказания). Данную статью принято считать одной из самых «тяжких» среди наркотических административных составов, поскольку она влечет за собой в подавляющем большинстве случаев и незаконное потребление наркотических средств лицом, которое ранее приобрело и хранило при себе наркотическое вещество. Так, за 2021 г. по ст. 6.9 КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ» в суды общей юрисдикции поступило 111 189 материалов, из которых 111 016 были рассмотрены. Привлечены к ответственности 95 972 лица, которые были подвергнуты наказанию в виде административного штрафа (59 040 раз) и административному аресту (36 924 раза) [3]. И это только официальная статистика. В связи с тем, что рассматриваемая категория административных правонарушений носит крайне латентный характер, можно смело предположить, что реальные показатели в разы выше. Такие цифры наглядно демонстрируют высочайший уровень наркотизации общества.

Важно упомянуть и тот фактор, что иные административные правонарушения зачастую совершаются в состоянии наркотического опьянения, что является отягчающим обстоятельством (п. 6 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ). Законодатель не зря предусмотрел и признал состояние опьянения отягчающим, поскольку измененное состояние зачастую влечет непредсказуемые действия, а следовательно, более неожиданные и серьезные последствия. Лицо, совершающее противоправное деяние в указанном состоянии, в подавляющем большинстве случаев не отдает себе отчет в совершенном, но кому от этого легче? Кроме того, может быть и обратная ситуация. Например, чтобы наркозависимому лицу приобрести для личного потребления наркотическое вещество, ему приходится идти на такие противоправные действия, как совершение мелких хищений, краж и даже грабежей, поскольку самостоятельно и законным способом заработать на «дозу» для этой категории граждан практически невозможно. Реализовав свою «добычу», полученную в результате совершения перечисленных злодеяний, и получив прибыль, наркозависимое лицо становится еще на шаг ближе к желаемому результату.

Таким образом, административная преюдиция может выступать весьма действенным, а также одним из ключевых способов предупреждения совершения новых преступлений, что в полной мере соответствует положению ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Основная часть

Принято считать, что наиболее эффективные показатели уголовно-правовой профилактики наркотических преступлений могли бы достигаться путем установления уголовной ответственности за потребление наркотических средств, психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ в общественных местах, а также в «домашних условиях», либо появление в состоянии наркотического опьянения в общественных местах, совершенное неоднократно. Сконструировать предлагаемый и предполагаемый состав преступления возможно при помощи института административной преюдиции. Преюдиция в переводе с лат. (*prejudicium*) – это некое «предрешение вопроса; решение, которое принято заранее; обстоятельство, дающее возможность судить о последствиях». Сущность данного явления с точки зрения административного законодательства обуславливается тем, что лицо, совершившее повторное деяние (однородное административное правонарушение) в течение определенного периода времени, подлежит привлечению уже к уголовной ответственности. При этом срок, или, как сказано выше, период времени, может варьироваться в зависимости от совершенных деяний. В таком случае этот временной отрезок можно условно обозначить как своего рода испытательный срок, в течение которого лицо обязано избегать совершения аналогичного правонарушения. Административную преюдицию в данном случае следует признать нормативным установлением межотраслевой связи, отражающей плотное взаимодействие уголовного и административного права [4, с. 57–62]. Таким образом, административная преюдиция, по своей сути, выступает неким межотраслевым проводником, позволяющим плавно и постепенно переходить от административной ответственности к уголовной. Исходя из сказанного, можно полагать, что административное наказание в контексте преюдиции выступает средством борьбы не только с административными правонарушениями, но и с возможными преступлениями, поскольку лицо, совершившее административное нарушение и понесшее за это справедливое наказание, тем самым получает в свой адрес весомое предупреждение о возможности его привлечения уже к уголовной ответственности в случае совершения им еще одного такого нарушения, что послужило результатом несделанных выводов.

Подводя промежуточный итог, предлагаем следующую дефиницию в качестве определения понимания рассматриваемого правового явления. Административная преюдиция (по делам об административных правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотических средств) – возможность привлечения лица, повторно совершившего в течение

года административное правонарушение, нарушающее законодательство о наркотических средствах и психотропных веществах, к уголовной ответственности. При этом считаем нужным определить и установить перечень статей, повторное нарушение которых будет порождать возможность применения административной преюдиции. К таким статьям в первую очередь следует отнести: ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ, поскольку они занимают высшую ступень в иерархии наркотических составов сразу по нескольким критериям (количество и «качество»). Следовательно, предлагаемая норма могла бы иметь следующие очертания в рамках уголовного законодательства: «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ лицом, подвергнутым административному наказанию». В свою очередь, данное деяние подразумевает наличие уголовной ответственности в том случае, если лицо, совершившее административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ, повторно совершило аналогичное правонарушение в течение года.

Конституционный Суд РФ также подчеркнул, что повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона [5].

Принимая во внимание существующую значимость такого рода общественных отношений, целесообразно было бы установить весьма строгие, при этом объективные виды наказаний за совершение деяний, охватываемых институтом административной преюдиции, и сопоставить их с наказаниями за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Исходя из сказанного, сам собой напрашивается логичный вывод. Предлагаемая и обсуждаемая нами уголовно-правовая норма будет способна обладать двойным профилактическим воздействием, т. е. даст возможность убить двух зайцев сразу. Произойдет это потому, что действие административной преюдиции направится не только в отношении преступлений, для борьбы с которыми она непосредственно предназначена (незаконный оборот наркотических средств), но и в отношении иных тяжких деяний общеуголовной направленности. Благоприятная почва для них будет подготовлена в том случае, если изначальные правонарушения останутся без должного

внимания и без соответствующих принятых мер. Таким образом, необходимая своевременная реакция государства в виде «возведения» института административной преюдиции на неоднократное потребление наркотических средств, психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ в общественных местах, а также неоднократное появление в состоянии наркотического опьянения в общественных местах, привлечение соответствующих лиц к уголовной ответственности, создаст условия для своевременной блокировки и недопущения более опасных преступлений против личности, общества, государства.

Однако в своего рода негативный противовес положительного влияния административной преюдиции на снижение наркотизации российского общества можно привести свежий пример из Канады. В самой западной провинции Канады (Британской Колумбии) в последний день первого месяца 2023 г. был дан старт своеобразному эксперименту, направленному на снижение вреда от наркотических веществ. Так, в данном регионе вступил в силу закон о декриминализации хранения тяжелых видов наркотиков, таких как героин, морфин, кокаин, метамфетамин. Случилось это спустя четыре года после легализации употребления марихуаны под предлогом «развлечения». Таким образом, в Британской Колумбии лица, достигшие 18 лет, имеют право, не боясь уголовного преследования, хранить при себе без цели сбыта указанные выше наркотические вещества, масса которых не превышает 2,5 гр. Вместо уголовной ответственности правоохранительная система будет предлагать пройти социальные программы и лечение, если люди, потребляющие наркотики, попросят об этом [6]. А если не попросят?

Уместно будет также отметить тот факт, что, к примеру, в Российской Федерации хранение 2,5 гр героина без цели сбыта является тяжким преступлением и влечет ответственность, предусмотренную ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Принимая во внимание данные сравнительные примеры, можно проследить диаметрально-противоположные возможные подходы к регулированию общественных отношений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Иными словами, перед нами наглядный пример известной метафоры, связанной с методами «кну́та и пряника».

Учитывая менталитет нашего общества, мы считаем, что применительно к законодательству Российской Федерации необходим метод «кну́та», которым в данном случае и может выступить предлагаемый институт административной преюдиции.

Заключение

Проведенное исследование подчеркивает значимость и актуальность рассматриваемой темы. Соответствующие выводы можно сделать на основании данных официальной статистики, согласно которой на двух «наркотических» правонарушителей приходится один преступник. Следовательно, примерно

каждое второе лицо, подвергнутое административному наказанию, потенциально может быть привлечено и к уголовной ответственности. Этот фактор прямо указывает на важность возможного применения института административной преюдиции в механизме уголовно-правовой профилактики в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Нельзя не отметить, что, по нашему мнению, такое правовое явление, как административная преюдиция, может выступить весьма действенным и эффективным способом противодействия наркопреступности, а также уголовно-правовым средством двойной превенции для правонарушителей, совершающих противоправные действия, направленные на посягательство на законодательство о наркотических средствах и психотропных веществах. Следовательно, уместно было бы рассмотреть возможность о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации путем введения новой статьи, регулирующей обозначенные правоотношения. Безусловно, предложенная в статье конструкция правовой нормы подлежит тщательному изучению, оценке и апробированию на практике. При этом принятие и введение института преюдиции должно позволить государству и правоохранительной системе более дифференцированно и избирательно реагировать на рассмотренные противоправные проявления. Это важно в том контексте, что существуют не только лица, на которых первое административное наказание не подействовало, но и лица, которые, может быть, по случайности встали на путь «наркотических» правонарушений. Не подлежит сомнению тот факт, что использование рассматриваемого института может поставить перед правоприменительными органами новые проблемы, которые будут связаны с организацией создания и ведения соответствующих учетов административных правонарушений и лиц, которые были подвергнуты административным наказаниям за совершение правонарушений в области незаконного оборота наркотических средств. Однако при должной консолидации и ответственности всех задействованных в данной борьбе структур возможные сложности и трудности вполне преодолимы.

Список источников

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Текст: электронный. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 04.05.2023).
2. Грачева О. С., Ремизов П. В. Об отдельных проблемах реализации административной ответственности за совершение административных правонарушений в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 7-А. С. 28–34.
3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Текст: электронный. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 31.01.2023).

4. Денисова А. В. Уголовно-правовая профилактика наркотических преступлений с помощью института Административной преюдиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 1 (42). С. 57–62.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина // Собрание законодательства РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

6. В провинции Канады легализовали тяжелые наркотики. Текст: электронный. URL: <https://lenta.ru/news/2023/02/01/canada/> (дата обращения: 31.01.2023).

References

1. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). Text: electronic. URL: <https://www.fedstat.ru/> (date of access: 05/04/2023).

2. Gracheva O. S., Remizov P. V. On some problems of implementation of administrative responsibility for committing administrative offenses in the information and telecommunication network Internet // Issues of Russian and International Law. 2022. Vol. 12. No. 7-A. Pp. 28–34.

3. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Text: electronic. URL: <http://www.cdep.ru/> (date of access: 01/31/2023).

4. Denisova A. V. Criminal and legal prevention of drug crimes with the help of the Institute of Administrative Prejudice // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (42). Pp. 57–62.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017 No. 2-P in the case of checking the constitutionality of the provisions of Art. 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. I. Dadin // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 9. Art. 1422.

6. In the province of Canada, heavy drugs have been legalized. Text: electronic. URL: <https://lenta.ru/news/2023/02/01/canada/> (date of access: 01/31/2023).

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Особенности применения отдельных мер обеспечения к особым субъектам административной ответственности

Осинцев Дмитрий Владимирович
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, dimios@mail.ru

Аннотация. Вопрос о мерах обеспечения в производстве по делам об административных правонарушениях, несмотря на длительную практику правоприменения, сохраняет ряд неизученных сторон, которые существенным образом определяют процессуальную форму юрисдикционной деятельности. В ряде случаев применения таких мер по отношению к субъектам со специальным (особым) административно-правовым статусом появляется необходимость серьезной трансформации административных процедур. Также влечет возникновение затруднительных или неразрешимых ситуаций, требующих скорейшего изменения отраслевого законодательства в части унификации принудительных мер или перевода в разряд средств доказывания отдельных мер процессуальной деятельности, применяемых органами публичной администрации.

Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, особые субъекты административной ответственности, меры обеспечения, административное принуждение

Для цитирования: Осинцев Д. В. Особенности применения отдельных мер обеспечения к особым субъектам административной ответственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 15–22.

Original article

Features of the application of individual security measures to special subjects administrative responsibility

Osintsev Dmitry V.
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, dimios@mail.ru

Abstract. The issue of security measures in the proceedings on cases of administrative offenses, despite the long practice of law enforcement, retains a number of un-explored aspects that significantly predetermine the procedural form of jurisdictional activity. In a number of cases, the application of such measures in relation to entities with a special (special) administrative-legal status requires a serious transformation of administrative procedures, and sometimes leads to difficult or insoluble situations that require an early change in sectoral legislation in terms of unifying coercive measures or transferring them to the category of means of proof. individual measures of procedural activity applied by public administration bodies.

Keywords: proceedings on cases of administrative offenses, special subjects of administrative responsibility, security measures, administrative coercion

For citation: Osintsev D. V. Features of the application of individual security measures to special subjects administrative responsibility // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 15–22.

Вопросы правоприменения в отношении лиц, обладающих дифференцированным правовым статусом, неоднократно были предметом обсуждения в административно-правовой литературе. Они достаточно хорошо изучены, несмотря на отдельные неточности и смешение категорий «специального» и «особого» субъекта административной ответственности (принуждения в целом).

Специальным субъектом административной ответственности выступает физическое или юридическое лицо, в отношении которого состоялся административный акт, вследствие чего на указанное лицо прямо или косвенно распространяются обязательные требования Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях» [1].

Признак специального субъекта является конструктивным для квалификации отдельных видов административных правонарушений, влияет на более строгий вид и более высокий размер назначаемого наказания. При этом не важно адресован ли соответствующий административный акт непосредственно конкретному субъекту (распорядительный акт, лицензия, акт аккредитации, регистрации, кадастрового или реестрового учета и пр.), либо он косвенным образом распространяет на указанное лицо действие специального (индивидуального) административно-правового режима (водитель, кассир, медицинский работник, оператор связи, спортсмен и пр.) [2; 3; 4].

К особым субъектам относят юридических лиц [5], должностных лиц [6], индивидуальных предпринимателей [7], государственных служащих [8] и т. д. Они обладают специальным статусом, позволяющим реализовать административно-политические и (или) правоохранительные функции либо в отношении них установлены особые меры публичной опеки или защиты. Признак особого субъекта не является конструктивным, не влияет на квалификацию деяния, но определяет возможность применения мер административной ответственности в целом, допускает её замену иными мерами принуждения, освобождение от административного наказания полностью или от определенных его видов, а также устанавливает наличие особого порядка ведения производства по делу об административном правонарушении [9; 10; 11].

Такое производство зачастую начинается и может быть возбуждено путем применения одной из мер обеспечения, перечисленных в гл. 27 КоАП РФ (п. 2 ч. 4 Ст. 28.1 КоАП РФ).

В частности меры обеспечения, применяемые в отношении несовершеннолетних. Следует отметить, что в отдельных случаях несовершеннолетних признают специальными субъектами административной ответственности, что является ошибкой, так как на квалификацию административных правонарушений этот признак не влияет, при этом несовершеннолетний может определять признак «другого лица» в структуре объективной стороны административного правонарушения [12]. В действительности же применяемые к ним меры должны сопровождаться рядом процессуальных гарантий, отсутствие которых влечет недействительность результатов административно-юрисдикционной деятельности. Например, в конкретном деле наличие показаний сотрудников ГИБДД, несовершеннолетней, ее родителей и иных свидетелей не позволяет сделать однозначный вывод об участии законного представителя при составлении протокола об административном правонарушении, таким образом, порядок привлечения несовершеннолетней к административной ответственности был нарушен. Кроме того, было ухудшено ее положение тем, что дело направлено на новое рассмотрение, производство по которому в конечном итоге прекращено [13]. При этом незаконное административное преследование несовершеннолетнего может

повлечь возмещение причиненного вреда, в т. ч. морального [14].

В некоторых случаях несовершенство норм КоАП РФ влечет за собой возникновение неразрешимых ситуаций. По материалам дела ответчиками являются родителями несовершеннолетнего, который управлял без прав мотоциклом. Сотрудником ГИБДД составлен протокол задержания транспортного средства, которое было помещено на специализированную стоянку. Оплатить услуги, связанные с этим, в добровольном порядке ответчики отказались. Протокол об административном правонарушении в отношении несовершеннолетнего не составлялся, соответственно производство по делу прекращено не было, поэтому удержание транспортного средства на специализированной стоянке вне целей обеспечения административного производства являлось незаконным [15].

В любом случае в ходе применения указанных мер следует руководствоваться нормой-гарантией, гласящей, что защиту прав и законных интересов несовершеннолетних (как в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, так и в отношении потерпевших), а также лиц, являющихся по своему физическому или психическому состоянию лишенными возможности самостоятельно реализовать свои права, осуществляют их законные представители [16; 17; 18; 19].

Например, если в целях составления протокола об административном правонарушении (при невозможности его составления на месте) необходимо применить наименее строгую из всех мер обеспечения – доставление (ст. 28.1 КоАП РФ), но обстоятельства происшедшего не могут позволить сделать однозначные выводы о квалификации поступка как административного правонарушения (либо санкция соответствующей статьи не позволяет применить её по отношению к несовершеннолетнему), то возбуждать дело об административном правонарушении не требуется. В этом случае доставление теряет свой смысл.

Однако сам по себе факт доставления свидетельствует о возбуждении дела об административном правонарушении, которое должно иметь процессуальную перспективу, в т. ч. в форме последующего прекращения производства по административному материалу. И здесь зачастую вместо решения задач, указанных в Ст. 1.2 и 24.1 КоАП РФ, должностными лицами заполняются формуляры, а какая-либо реакция (профилактическая или санкционная) на правонарушение равна нулю. В случае задержания несовершеннолетнего обязательно ожидание законного представителя, что влечет лишь дискомфорт и стеснительные условия для участников дела, а также потерю времени. Более того, может потребоваться приглашение защитника и специалиста в области педагогики, психологии, демографии и пр., что вновь откладывает содержательную часть юрисдикционной деятельности, заменяя её непродуктивным ожиданием.

Представляется целесообразным заменить названную меру на *«временное препровождение*

правонарушителя» (независимо от его возраста), а исчислять время начала производства по делу об административном правонарушении после выяснения и (или) уточнения необходимых обстоятельств дела (ч. 2 Ст. 28.5 КоАП РФ).

Если же несовершеннолетний, находящийся в состоянии опьянения, помещен в медицинское учреждение, он будет фигурантом административного дела (производство по которому еще не возбуждено) лишь в течение одного часа с момента фиксации факта его доставления (обращения) в журнале регистрации [20], что не свидетельствует о начале производства по делу. Участником юрисдикционных отношений он может стать и по истечении 24 часов с момента помещения в специализированную организацию, а то и дольше (по завершении ночного времени с 22.00 до 6.00 часов). Поскольку формально правоохранительная деятельность еще не началась, то приглашение законного представителя, защитника, специалиста и др. участников для производства с участием несовершеннолетнего не обязательно. Даже после его фактического задержания по завершении пребывания в специализированной организации срок административного задержания будет исчисляться с момента вытрезвления (ч. 4 Ст. 27.5 КоАП РФ).

Касательно административного задержания (ст. 27.3 КоАП РФ) следует отметить, что оно также необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела. Судить о законности его применения возможно только после однозначного отнесения поступка как административному правонарушению и его верной квалификации [21; 22; 23]. Вместе с тем не имеет смысла административное задержание лица, в отношении которого производство по делу об административном правонарушении будет прекращено в связи с невозможностью назначения определенного вида наказания. Наиболее нецелесообразным в этот момент является присутствие законных представителей несовершеннолетнего, с которыми зачастую никакие процессуальные действия не производятся, они пребывают в режиме ожидания оформления процессуальных документов.

Иной вариант развития событий складывается, если административное правонарушение совершено **военнослужащим** либо иным лицом, указанным в Ст. 2.5 КоАП РФ. По отношению к некоторым из них (служащим по призыву или курсантам до заключения контракта) не применяется административный штраф (ч. 6 Ст. 3.5 КоАП РФ), административный арест (ч. 2 Ст. 3.9 КоАП РФ), административное выдворение (ч. 3 Ст. 3.10 КоАП РФ). Также к отдельным категориям военнослужащих не применяются наказание в виде обязательных работ (ч. 3 Ст. 3.13 КоАП РФ).

Об административном задержании лиц, указанных в ч. 1 Ст. 2.5 КоАП РФ, уведомляются военная полиция Вооруженных Сил РФ или воинская часть, а также орган или учреждение, где задержанный проходит службу (ч. 4.1 Ст. 27.3 КоАП РФ).

Недостаточно понятен вопрос необходимости уведомления о доставлении перечисленных лиц со-

гласно Приказу МВД России от 13 апреля 2021 г. № 212 «Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции». А также вопрос обязательности возбуждения в этом случае дела об административном правонарушении.

В ч. 2 Ст. 24.5 КоАП РФ сказано, что производство по делу после выяснения всех обстоятельств совершения административного правонарушения, совершенного лицом, указанным в ч. 1 Ст. 2.5 КоАП РФ, подлежит прекращению для привлечения его к дисциплинарной ответственности, т. е. оно изначально не может быть возбуждено, такая административная процедура исключена. Следовательно, доставлять, задерживать, досматривать, изымать, а равно предпринимать любые иные меры обеспечения в отношении указанных лиц не дозволено. В противном случае автоматически следует возбуждать соответствующее производство, что недопустимо. Более того вполне достаточным будет применение мер непосредственного принуждения и (или) проведение оздоровительных мероприятий по выведению лица из состояния опьянения или агрессивного состояния, вызвавшего нарушение закона.

Дело в том, что цели доставления и административного задержания в отношении указанных субъектов могут быть достигнуты иным образом, обеспечить их явку для последующего дисциплинарного производства достаточно путем приказа о прибытии по месту прохождения службы для проведения соответствующей проверки (дисциплинарного расследования). Последствия противоправного поведения сотрудников милитаризованных (правоохранительных) служб вполне очевидны. Уклонение от явки может повлечь более серьезные организационные последствия (вплоть до утраты специального правового статуса), чем сам факт совершения служащим административного правонарушения.

Кроме того, существует негативный организационный и психологический аспект применения названных мер обеспечения: субъекты, производящие доставку и задержание, а также задерживаемые лица сообразно их особому служебно-правовому статусу друг другу не подчинены. При этом совершившие деяние, предусмотренное КоАП РФ, могут быть старше по должности и званию, иметь большую выслугу, выполнять более ответственные и значимые функции и полномочия по службе, в силу чего применение к ним мер принудительного характера расценивается как неэтичное и нормативно непозволительное.

Кроме того, содержание доставленных и (или) задержанных лиц должно осуществляться в особых условиях, т. к. они не только граждане, но представители власти. При этом имеющий место «административный инцидент» может быть оперативной инсценировкой либо сопутствующими незначительными

последствиями более серьезной спецоперации, а значит сохранять конфиденциальность.

В точном значении такие меры неправомерно именовать доставлением или административным задержанием, их следует перевести в разряд *мер оперативного реагирования* и вывести из КоАП РФ. Они носят общий охранительный характер, а не только способствуют достижению целей и решению задач производства по делам об административных правонарушениях.

Зачастую применение доставления и административного задержания сопровождается проведением личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7 КоАП РФ), но если несовершеннолетних можно отнести к разряду «физические лица», то субъектов, указанных в Ст. 2.5 КоАП РФ, признать таковыми затруднительно. Личный досмотр указанных лиц во многих случаях запрещен [24; 25; 26], равно как и задержание, привод, а также досмотр их вещей и используемых ими транспортных средств. Или приобретает иную правовую основу (например, в случае с военнослужащими), когда тождественные действия реализуются в рамках дисциплинарного принуждения [27]. Все перечисленные меры не могут быть применены к рассматриваемой категории по формальным основаниям, т. к. указанные лица не совершали административного правонарушения, в случае с ними имеет место дисциплинарный проступок. Следовательно, отыскивать орудия совершения или предметы административного правонарушения у них не имеет смысла, потому что их юридический режим впоследствии будет затруднительно определить, для этого отсутствуют соответствующие правовые основания, ведь, как уже говорилось ранее, производство по делу об административном правонарушении не осуществляется.

В силу ч. 4 Ст. 27.7 КоАП РФ могут быть применены упрощенные процедуры досмотра (без понятий), если при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия. Вновь законодатель подчеркивает – «при физическом лице». При этом лицами, перечисленными в ст. 2.5 КоАП РФ, закреплено служебное боевое оружие, которое процессуально не так просто досмотреть, а тем более изъять.

В ст. 27 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» определено, что «распоряжение оружием и патронами к нему, изъятими в связи с нарушением правил в сфере оборота оружия, осуществляется в соответствии с решением суда по административному делу или делу об административном правонарушении либо иного уполномоченного осуществлять производство по делу об административном правонарушении органа» [28]. Если не было никакого материала по делу об административном правонарушении или иного административного дела, то изъять оружие можно, но последующие действия с ним не определены общегражданским законодательством, а только регламентированы ведомственными нормативными актами.

По большому счету, называть перечисленные меры досмотром или изъятием крайне затруднительно, т. к. оружие (равно как и иные вещи, предметы, информационные носители и пр.) никогда не принадлежало сотрудникам ведомственных структур как их собственные, а было вверено им по службе для выполнения отдельных государственных функций. Точнее было бы назвать такие действия передачей (сдачей) соответствующих материальных объектов, чем относить их к классу мер обеспечения по делу об административном правонарушении, у них иная квалификационная позиция это – *меры превентивной защиты (сдерживания)*.

Несколько слов об изъятии вещей и документов (ст. 27.10 КоАП РФ) у особых субъектов административного правонарушения. Часть 1 вышеуказанной статьи предполагает строгое логическое следование данных мер в материалах административного дела согласно их роли в отобрании и (или) приобщении в качестве орудий совершения, предметов, доказательств по делу об административном правонарушении, если они обнаружены на месте совершения последнего или являются следствием применения иных мер обеспечения. Однако иные меры применять было запрещено или менялась их процессуально-правовая основа на применение мер дисциплинарного принуждения [29; 30].

При этом в силу ч. 2 Ст. 129 Гражданского кодекса РФ законом или в установленном законом порядке допустимо введение ограничений оборотоспособности объектов гражданских прав, в частности могут быть предусмотрены виды их объектов, принадлежность которых устанавливается лишь по отношению к определенным участникам оборота либо совершение сделок с которыми допускается по специальному разрешению. Большинство вещей, принадлежащих особым субъектам административной ответственности, подпадают именно под указанный правовой режим [30]. Их изъятие возможно лишь специально уполномоченными сотрудниками того органа или административного ведомства, где правонарушитель проходит службу, иное граничит с преступным самоуправством и (или) превышением должностных полномочий.

Изъятие документов возможно исключительно при условии соблюдения требований по защите информации [32; 33; 34; 35; 36; 37; 38]. В частности, признается правомерным отказ в предоставлении беспрепятственного доступа сотрудникам одних правоохранительных органов к информационным ресурсам других подобных организаций. Информация, содержащаяся в банках данных, предоставляется органам внутренних дел и их должностным лицам, а в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, государственным органам и их должностным лицам, правоохранительным органам иностранных государств и международным полицейским организациям в соответствии с международными договорами РФ [39]. Целесообразным представляется установление следующего правила: изъятие доку-

ментов с особым режимом обращения информации производится уполномоченными представителями обладателей информационных ресурсов, а впоследствии решается вопрос о возможности её использования в юрисдикционной деятельности.

Еще более затруднительная ситуация возникает в связи с применением ч. 5.1 ст. 27.10 КоАП РФ, когда изымаются оригиналы документов, а обеспечение их прежних обладателей копиями может быть отложено на 5 дней. Тем самым нарушается непреложное требование соблюдения сроков административного производства [40; 41; 42], а также искусственным образом создаются препятствия по реализации соответствующих публичных функций (полномочий), а ряд из них перекладывается в качестве дополнительного обременения на подвластных субъектов.

В завершение следует рассмотреть механизм направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (алкогольное опьянение) милитаризованных служащих или сотрудников правоохранительных органов (ст. 27.12 и 27.12.1 КоАП РФ). Данная мера является обеспечительной, соответственно протоколирование факта, подтверждающего состояние опьянения, означает возбуждение дела об административном правонарушении, что вновь противоречит положениям ст. 24.5 КоАП РФ. При этом должны соблюдаться процессуальные гарантии (наличие защитника, при необходимости переводчика, представителя административного органа или ведомства и пр.), что делает в целом процедуру (и непосредственно медицинские манипуляции) проблемной с точки зрения оформления результата, т. к. слишком много времени проходит с момента установления факта опьянения до непосредственного проведения аналитической работы. Здесь стоит задуматься, кто может выступать защитником представителя правоохранительных органов. Допустимо, что очевидный ответ – адвокат, становится причиной недопонимания, потому что их предыдущая юридическая практика могла быть крайне негативной по отношению к представителям власти.

В свою очередь нахождение в специализированной организации, где также может быть установлен факт опьянения, с абсолютной достоверностью не может подтверждать наличие или отсутствие соответствующих показателей для квалификации административного правонарушения.

Есть основания полагать, что названные меры следует перевести из числа обеспечительных в доказательственные, причем, не сугубо административно-юрисдикционного плана, а общепроцессуальные, технически доказывающие факты и не создающие процессуальных затруднений и невыполнимых условий при реализации правоохранительных функций органами публичной власти.

Список источников

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях».
2. Старченко Т. С. Некоторые вопросы административной ответственности родителей как специальных субъектов по кодексу об административных правонарушениях РФ // В сборнике: инновационные технологии в кооперативном образовании как фактор развития экономики: материалы Международ. науч.-практ. конференции: в 7 ч. 2009. С. 204–210.
3. Титова М. С. Специальные субъекты административной ответственности в сфере функционирования средств массовой информации: проблемы и практика // В книге: Конституция Российской Федерации и современный правопорядок. Московская юридическая неделя: материалы XV Международной науч.-практ. конференции: в 5 ч. 2019. С. 338–341.
4. Илюшина Е. С., Дубровин Н. А., Федосеева Л. А., Воронцов А. М., Барсукова А. Е. Специальный субъект административной ответственности // Трибуна ученого. 2021. № 7. С. 70–73.
5. Деркач Т. А. Юридические лица как особые субъекты административной ответственности // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 161–167.
6. Чаннов С. Е. Должностное лицо как особый субъект административной ответственности // Статья в открытом архиве. № 22631. 28 ноября 2007 г.
7. Голоманчук Э. В., Астахов Д. А. Некоторые особенности правового положения индивидуального предпринимателя // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2019. № 1 (18). С. 56–60.
8. Лисняк А. Н. Современное осмысление развития административной ответственности государственных служащих в российском праве // Юридическая наука и практика. 2016. Т. 12. № 1. С. 151–158.
9. Цацкина А. В. Административная и дисциплинарная ответственность специальных субъектов на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской науч.-практ. конференции / отв. за выпуск Д. Г. Зыбин. 2018. С. 434–436.
10. Камасова А. Г. Сотрудники органов внутренних дел как специальные субъекты административной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 42–45.
11. Косицин И. А., Майле А. Д., Шевченко Ю. П. Особенности применения мер административно-правового принуждения в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 235–241.
12. Сафонов А. А. Несовершеннолетние как специальный субъект административной ответственности // В сборнике: Фундаментальные и прикладные социально-гуманитарные исследования: сборник статей Международ. науч.-практ. конференции. 2018. С. 196–202.
13. Постановление Верховного Суда РФ от 9 февраля 2018 г. № 11-АД18-2.
14. Апелляционное определение Московского городского суда от 10 апреля 2018 г. по делу № 33-15558/2018.

15. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 12 мая 2015 г. по делу № 33-3823/15.
16. Постановление Кемеровского областного суда от 23 мая 2014 г. по делу № 4А-363-14.
17. Королев В. А. Несовершеннолетний как субъект административной ответственности // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 36. С. 722–730.
18. Танаева З. Р. Административно-правовой статус родителей или иных законных представителей несовершеннолетних в административно-деликтных отношениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 2. С. 105–111.
19. Гаврилова О. В., Смольяков А. А. К вопросу об административных правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними в области дорожного движения // В книге: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам X юбилейной Международ. науч.-практ. конференции (Сорокинские чтения) / под общ. ред. А. И. Каплунова. 2019. С. 765–769.
20. Приказ Минздрава России № 796н, Минтруда России № 788н, МВД России № 962 от 19 декабря 2022 г. «Об утверждении Правил организации деятельности специализированных организаций для оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. 29 декабря 2022 г.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статьи 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4.
22. Бараковских С. А. Мотив административного задержания: так ли он важен? // Личность, право, государство. 2017. № 4. С. 111–122.
23. Сидоров А. А. К вопросу о процессуальных последствиях отсутствия указания на мотивы задержания в протоколе задержания // Юридический факт. 2020. № 92. С. 3–5.
24. Часть 3 статьи 29 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
25. Статья 17 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.
26. Часть 1 статьи 20 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.
27. Статья 28.7 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
28. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.
29. Николашкин М. В. Изъятие вещей и документов как мера обеспечения производства по делам административных правонарушений в Российской Федерации // В сборнике: Инновационная наука и современное общество: сборник статей Международ. науч.-практ. конференции. 2014. С. 81–82.
30. Кончатова С. В. Изъятие вещей и документов как мера обеспечения административного процесса: понятие и юридическое содержание // В сборнике: Актуальные вопросы применения административного принуждения органами внутренних дел: правовые и идеологические аспекты: сборник статей. Могилев, 2022. С. 121–124.
31. Указ Президента РФ от 22 февраля 1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» // Росс. Газ. № 61 от 16 марта 1992 г.
32. Статьи 16, 17 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31.
33. Статья 3448 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4736.
34. Статья 16 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 382-ФЗ «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7060.
35. Статья 9 Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3742.
36. Статья 9 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4210.
37. Статья 10 Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
38. Статьи 1, 14 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4193.
39. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа № Ф01-15198/2020 от 22 декабря 2020 г. по делу № А43-12818/2020.
40. Зуева Л. Ю. О стадиях и сроках производства по административному делу // Административное право и процесс. 2015. № 9. С. 45–50.
41. Кузнецов Е. Н. Рассмотрение дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в порядке админи-

стративного производства // Вестник гражданского процесса. 2016. № 1. С. 222–242.

42. Миронов А. Ю., Миронова А. Ю., Бурлов В. Г. Превентивное управление производством по делам об административных правонарушениях при конфликте сторон и дефиците ресурсов // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2021. № 4 (56). С. 27–40.

References

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 247-FZ "On Mandatory Requirements".
2. Starchenko T. S. Some issues of administrative responsibility of parents as special subjects under the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // In the collection: innovative technologies in cooperative education as a factor in economic development: materials of the International. scientific-practical conference: at 7 o'clock 2009. pp. 204–210.
3. Titova M. S. Special subjects of administrative responsibility in the sphere of functioning of the media: problems and practice // In the book: The Constitution of the Russian Federation and the modern legal order. Moscow Legal Week: materials of the XV International Scientific and Practical. conference: at 5 o'clock 2019. pp. 338–341.
4. Ilyushina E. S., Dubrovin N. A., Fedoseeva L. A., Vorontsov A. M., Barsukova A. E. Special subject of administrative responsibility // Tribune of the scientist. 2021. No. 7. pp. 70–73.
5. Derkach T. A. Legal entities as special subjects of administrative responsibility // Power and management in the East of Russia. 2013. No. 4 (65). pp. 161–167.
6. Channov S. E. Official as a special subject of administrative responsibility // Article in the open archive. No. 22631. November 28, 2007
7. Golomanchuk E.V., Astakhov D.A. Some features of the legal status of an individual entrepreneur // Forum. Series: Humanities and economics. 2019. No. 1 (18). pp. 56–60.
8. Lisnyak A. N. Modern understanding of the development of administrative responsibility of civil servants in Russian law // Legal science and practice. 2016. T. 12. No. 1. P. 151–158.
9. Tsatskina A. V. Administrative and disciplinary responsibility of special subjects on the example of employees of the penal system // In the collection: Current problems of the activities of penal system departments: collection of materials of the All-Russian scientific and practical. conferences / rep. for the release D. G. Zybin. 2018, pp. 434–436.
10. Kamasova A. G. Employees of internal affairs bodies as special subjects of administrative responsibility // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 3. pp. 42–45.
11. Kositsin I. A., Maile A. D., Shevchenko Yu. P. Features of the application of measures of administrative legal coercion in relation to persons with a special legal status // Bulletin of Tomsk State University. 2021. No. 470. pp. 235–241.
12. Safonov A. A. Minors as a special subject of administrative responsibility // In the collection: Fundamental and applied social and humanitarian research: collection of articles International. scientific-practical conferences. 2018. pp. 196–202.
13. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2018 No. 11-AD18-2.
14. Appeal ruling of the Moscow City Court dated April 10, 2018 in case No. 33-15558/2018.
15. Appeal ruling of the Irkutsk Regional Court dated May 12, 2015 in case No. 33-3823/15.
16. Resolution of the Kemerovo Regional Court of May 23, 2014 in case No. 4A-363-14.
17. Korolev V. A. A minor as a subject of administrative responsibility // Innovations. The science. Education. 2021. No. 36. pp. 722–730.
18. Tanaeva Z. R. Administrative and legal status of parents or other legal representatives of minors in administrative and tort relations // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2018. T. 18. No. 2. pp. 105–111.
19. Gavrilova O. V., Smolyakov A. A. On the issue of administrative offenses committed by minors in the field of road traffic // In the book: Current problems of administrative and administrative procedural law: a collection of articles based on materials from the X Anniversary International. scientific-practical conference (Sorokin Readings) / edited by. ed. A I. Kaplunova. 2019, pp. 765–769.
20. Order of the Ministry of Health of Russia No. 796n, Ministry of Labor of Russia No. 788n, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 962 of December 19, 2022 "On approval of the Rules for organizing the activities of specialized organizations to provide assistance to persons in a state of alcohol, drug or other toxic intoxication" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>. December 29, 2022
21. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2009 No. 9-P "In the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of Articles 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 and 30.7 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences, paragraph 1 of Article 1070 and paragraph three of Article 1100 Civil Code of the Russian Federation and Article 60 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens M. Yu. Karelin, V. K. Rogozhkin and M. V. Filandrov" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2009. No. 4.
22. Barakovskikh S.A. The motive for administrative detention: is it so important? // Personality, law, state. 2017. No. 4. pp. 111–122.
23. Sidorov A. A. On the issue of procedural consequences of the lack of indication of the motives for detention in the detention report // Legal fact. 2020. No. 92. pp. 3–5.
24. Part 3 of Article 29 of the Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ "On the Investigative Committee of the Russian Federation" // SZ RF. 2011. No. 1. Art. 15.

25. Article 17 of the Federal Law of April 3, 1995 No. 40-FZ "On the Federal Security Service" // SZ RF. 1995. No. 15. Art. 1269.

26. Part 1 of Article 20 of the Federal Law of May 27, 1996 No. 57-FZ "On State Security" // SZ RF. 1996. No. 22. Art. 2594.

27. Article 28.7 of the Federal Law of May 27, 1998 No. 76-FZ "On the status of military personnel" // SZ RF. 1998. No. 22. Art. 2331.

28. Federal Law of December 13, 1996 No. 150-FZ "On Weapons" // SZ RF. 1996. No. 51. Art. 5681.

29. Nikolashkin M.V. Seizure of things and documents as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the Russian Federation // In the collection: Innovative science and modern society: collection of articles International. scientific-practical conferences. 2014. pp. 81–82.

30. Konchatova S.V. Seizure of things and documents as a measure to ensure the administrative process: concept and legal content // In the collection: Current issues of the use of administrative coercion by internal affairs bodies: legal and ideological aspects: collection of articles. Mogilev, 2022. pp. 121–124.

31. Decree of the President of the Russian Federation of February 22, 1992 No. 179 "On types of products (works, services) and production waste, the free sale of which is prohibited" // Ross. Gas. No. 61 of March 16, 1992

32. Articles 16, 17 of the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On information, information technologies and information protection" // SZ RF. 2006. No. 31.

33. Article 3448 of the Federal Law of July 26, 2017 No. 187-FZ "On the security of critical information infrastructure of the Russian Federation" // SZ RF. 2017. No. 31. Art. 4736.

34. Article 16 of the Federal Law of December 3, 2011 No. 382-FZ "On the state information system of the fuel and energy complex" // SZ RF. 2011. No. 49. Art. 7060.

35. Article 9 of the Federal Law of June 8, 2020 No. 168-FZ "On the Unified Federal Information Register containing information about the population of the Russian Federation" // SZ RF. 2020. No. 24. Art. 3742.

36. Article 9 of the Federal Law of July 21, 2014 No. 209-FZ "On the state information system of housing and communal services" // SZ RF. 2014. No. 30. Art. 4210.

37. Article 10 of the Federal Law of February 9, 2009 No. 8-FZ "On ensuring access to information about the activities of state bodies and local governments" // SZ RF. 2009. No. 7. Art. 776.

38. Articles 1, 14 of the Federal Law of July 27, 2010 No. 224-FZ "On combating the misuse of insider information and market manipulation and on introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // SZ RF. 2010. No. 31. Art. 4193.

39. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District No. F01-15198/2020 dated December 22, 2020 in case No. A43-12818/2020.

40. Zueva L. Yu. On the stages and timing of proceedings in an administrative case // Administrative law and process. 2015. No. 9. pp. 45–50.

41. Kuznetsov E. N. Consideration of cases on awarding compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time in administrative proceedings // Bulletin of Civil Procedure. 2016. No. 1. pp. 222–242.

42. Mironov A. Yu., Mironova A. Yu., Burlov V. G. Preventive management of proceedings in cases of administrative offenses in the event of a conflict between the parties and a shortage of resources // Caspian Journal: management and high technologies. 2021. No. 4 (56). pp. 27–40.

Информация об авторе

Осинцев Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Osintsev Dmitry V. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 22.09.2023

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК 349.412.3

Земли общего пользования: исследование правовых признаков и места среди иных видов земель на примере садоводческих и огороднических товариществ

Вакула Анна Ивановна¹, Макеева Ирина Сергеевна², Парковская Мария Ивановна³

¹ Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия, vakulaann@rambler.ru

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, i.suhanova@bk.ru

³ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, vakulamar@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется правовой режим земель общего пользования, в частности дается понятие, анализируются их признаки и особенности использования. Отдельно рассматривается вопрос земель общего пользования на территории садоводческих и огороднических товариществ. Проведенное исследование позволяет определить земли общего пользования как самостоятельный объект прав, требующий к себе повышенного внимания со стороны законодателя. Авторами обозначены главные проблемы пользования земель рассматриваемой категории, отмечены пробелы в законодательстве, регулирующем садоводческие и огороднические товарищества.

Ключевые слова: земли общего пользования, садоводческие товарищества, огороднические товарищества, земельное законодательство

Для цитирования: Вакула А. И., Макеева И. С., Парковская М. И. Земли общего пользования: исследование правовых признаков и места среди иных видов земель на примере садоводческих и огороднических товариществ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 23–26.

Original article

Public lands: research of legal features and place among other types of land on the example of horticultural and horticultural partnerships

Vakula Anna I.¹, Makeeva Irina S.², Parkovskaya Maria I.³

¹ Rostov Institute (branch) VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia, vakulaann@rambler.ru

² Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, i.suhanova@bk.ru

³ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, vakulamar@rambler.ru

Abstract. The article examines the legal regime of public lands, in particular, the concept is given, their characteristics and features of use are analyzed. The issue of public lands on the territory of horticultural and vegetable farming partnerships is considered separately. The conducted research allows us to define public lands as an independent object of rights that requires increased attention from the legislator. The authors identified the main problems of using land in the category under consideration, and noted gaps in the legislation regulating horticultural and vegetable farming partnerships.

Keywords: public lands, horticultural partnerships, horticultural partnerships, land legislation

For citation: Vakula A. I., Makeeva I. S., Parkovskaya M. I. Public lands: research of legal features and place among other types of land on the example of horticultural and horticultural partnerships // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 23–26.

Повышенный интерес к земельным отношениям существовал на протяжении всего их развития, за это время накоплен достаточный опыт регулирования возникающих в этой сфере вопросов, что на сегодняшний день является существенной опорой для формирования современных методов управления земельными ресурсами.

Современные земельные отношения представляют собой сложный институт. Однако особого внимания заслуживают вопросы земель общего пользования, актуальность которых заключается в постоянном поиске баланса между частными и публичными интересами, что осложняется сложившейся экономической ситуацией.

На основании действующего законодательства, а также имеющихся научных трудов представляется возможным определить, что земли общего пользования отличаются, прежде всего, беспрепятственным доступом к ним неограниченного круга лиц, что непосредственно закреплено в Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее – ГРК РФ). Данный признак в первую очередь обеспечивает реализацию публичных интересов, однако они не должны идти вразрез с частными. Для соблюдения этого правила земли общего пользования необходимо четко отграничивать от иных видов земель.

Переходя к рассмотрению института земель общего пользования, отметим, что регулирование их использования осуществляется двумя основными нормативными актами – ГРК РФ и Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ). При этом ГРК РФ более подробно раскрывает понятие земель общего пользования, а также закрепляет основные правила их эксплуатации, а положения ЗК РФ осуществляют контроль соблюдения этих правил.

Ввиду того, что понятие земель общего пользования присуще и для градостроительных и для земельных отношений, то не менее важную, а порой ключевую роль в их регулировании играет региональное законодательство [1]. В этой связи важно, чтобы указанные нормативные акты не противоречили друг другу и не создавали правовых коллизий.

Анализ действующего законодательства показал, что в нем отсутствуют единые критерии для отнесения земель к землям общего пользования. Так, в одних субъектах РФ городские леса относят к таким землям, в других – они считаются рекреационной зоной. При этом правоприменительная практика позволяет определить основные признаки земель общего пользования:

- земли общего пользования находятся в границах земель городов и иных населенных пунктов и включены в состав различных территориальных зон;

- на планах границы земель общего пользования обозначены красными линиями;

- земли общего пользования обеспечивают публичные интересы и выполняют социально-экономические, социально-бытовые, рекреационные и культурно-оздоровительные функции;

- земли общего пользования находятся в государственной или муниципальной собственности.

В данном ключе следует обратить внимание на обязательную совокупность указанных признаков, т. е. отсутствие хотя бы одного из них является основанием для отнесения земель к иной категории.

Таким образом, под землями общего пользования понимаются земли, расположенные в пределах границ земель городов и иных населенных пунктов в составе различных территориальных зон, обозначенные красными линиями, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, используемые в целях удовлетворения публичных интересов в соответствии с их функциональным назначением.

Настоящее определение позволяет отнести земли общего пользования к объектам реализации прав граждан. Данная категория земель предназначена не только для обеспечения естественных потребностей человека, но и для создания благоприятных условий его жизнедеятельности. Данный тезис свидетельствует о том, что без участков общего пользования права граждан были бы ограничены. В частности, право на свободу передвижения или право мирно собираться, проводить собрания и т. д. Данный факт не только доказывает важность рассматриваемой категории земель, но и говорит о необходимости пресечения приобретения в собственность таких территорий частным лицом.

Особое место на сегодняшний день занимают практические и теоретические вопросы использования и охраны земель общего пользования. Анализ научной литературы позволил убедиться, что все чаще в своих трудах исследователи поднимают проблемы контроля их использования и охраны.

Не смотря на то, что все земли, отнесенные к землям общего пользования, именуются «земли общего пользования», их целевое назначение и разрешенное использование земельных участков в их составе может быть совершенно разным. Объединяет их одно – использование на основании права общего пользования. Именно эта особенность не позволяет законодателю закрепить конкретный перечень земельных участков, относящихся к анализируемой категории земель [2]. С одной стороны, это затрудняет данный сегмент правоотношений, с другой – ввиду разнообразия каждому субъекту логично ориентироваться на их состав и режим использования. Кроме того, в со-

став земель общего пользования могут быть включены площади, улицы, проезды, набережные, бульвары и т. д., что еще раз доказывает логичность индивидуального правового регулирования для каждого субъекта. Однако иногда отсутствие конкретного перечня приводит к тому, что право общего пользования не закрепляется, а реализуется в качестве составной части права общего пользования иными природными ресурсами.

На наш взгляд, важнее списка земель общего пользования является перечень земель, которые для такого пользования недоступны. Это, прежде всего, земли находящиеся в частной собственности. Указанный аспект и является балансом соблюдения публичных и частных интересов.

Как говорилось ранее, границы земель общего пользования на планах территорий выделяют красными линиями. Такая наглядность объясняется тем, что эти земли не могут находиться в частной собственности, как и не могут быть арендованы посредством торгов. Также и градостроительные регламенты не распространяют свое действие на земли общего пользования, т. к. использование таких территорий регламентируется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органами местного самоуправления.

Рассмотрев основные теоретические положения, касающиеся категории «земли общего пользования», проанализируем их на примере территорий садоводческих и огороднических товариществ. Исследования в данной области являются особенно актуальными, т. к. многие граждане не задумываются о правовой природе таких земель и об условиях их использования.

Сегодня все чаще возникают ситуации, когда граждане, покупая участок на территории садоводческих или огороднических товариществ, выходят из состава членов таких товариществ, желая вести хозяйство в индивидуальном порядке. В этом случае возникают обстоятельства, когда содержание имущества общего пользования, в том числе земель, «ложится на плечи» членов товарищества, а пользуются им всех без исключения. Сложившаяся ситуация осложняется тем, что многие товарищества не имеют четкого перечня имущества общего пользования, а также нередко игнорируют возможность привлечения к ответственности за его неправомерное использование и отказ от его содержания тех, кто не входит в состав членов.

На сегодняшний день данная проблема весьма актуальна еще и потому, что вопросам правового регулирования земель общего пользования на территориях садоводческих и огороднических товариществ уделено мало внимания со стороны законодателя [3]. При этом судебная практика пополняется новыми исками, только в Ростовской области за период с 2019 по январь 2022 года было подано и рассмотрено более 100 исковых заявлений, предметом которых являлись земли общего пользования на территории садоводческих и огороднических товариществ. Судьи же в свою очередь имеют возможность руководство-

ваться только общими нормативными положениями, чего, безусловно, недостаточно для рассмотрения большинства дел.

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества», вступивший в силу с января 2019 года, содержит такое понятие как земельные участки общего назначения, определяя их как «участки, предназначенные для общего использования членами товарищества для собственных нужд» [4]. Иными словами, это все объекты, с помощью которых граждане добираются до своих участков, и где пользуются общими благами, например, площадки для сбора мусора и т. д. При этом земельные участки общего пользования на территории садового или огородного некоммерческих товариществ должны располагаться в соответствии с проектом межевания территории. Некоторые товарищества в настоящее время внешне представлены как полноценные поселки, в том числе и по площади территории. Проект межевания для их территории стоит немалых денег, которых, как правило, у товариществ нет. Это еще одна причина, после слабого законодательного регулирования, по которой возникает большинство судебных споров.

Безусловно, Устав товарищества является его главным учредительным документом, где в числе прочих отражен порядок пользования землями общего пользования, при этом у каждого участника, будь то член товарищества или гражданин, ведущий хозяйство в индивидуальном порядке, имеется свой функционал.

Отметим, что садовые некоммерческие товарищества или огородные некоммерческие товарищества не являются исключениями, и земля на этих территориях также должна использоваться с учетом целевого предназначения. В этой связи вернемся к обязанности иметь проект планировки территории для определения территории общего пользования и правомерного ее использования, который включает в себя в том числе и межевание. Еще раз подчеркнем важность данного процесса, т. к. на основании межевания товарищество обозначает свои границы, а значит, определяет земли общего пользования, которые становятся доступными для садоводов и огородников. Более того, определение границ земель общего пользования позволит привлекать к ответственности за неправомерное их занятие и использование. Практика показывает, что один из распространенных вариантов нарушения законодательства в части земель общего пользования заключается в самозахвате.

Надо сказать, что проведенное исследование позволило доказать, что земли общего пользования представляют собой сложную и важную в современном обществе категорию. Судебные споры по поводу таких земель возникают значительно чаще, чем может показаться на первый взгляд. В этой связи нельзя недооценивать важность федерального и регионального законодательного регулирования использования таких земель. К сожалению, из судебной практики видно, что нахождение таких земель в государственной собственности не защищает их от захвата.

Итак, можно назвать несколько главных отличительных качеств, присущих землям общего пользования. Во-первых, данная категория земель находится в государственной и муниципальной собственности в целях обеспечения беспрепятственного доступа к ней неограниченного круга лиц.

Во-вторых, земли общего пользования обеспечивают доступ не только к инфраструктурным объектам, таким как площади, улицы, бульвары и др., но и к природным объектам, таким как леса, особо охраняемые природные территории и пр.

В-третьих, территории общего пользования наглядно обозначаются на планировке территории красными линиями. Такая наглядность необходима для обращения внимания на их наличие при расположении участков частной собственности.

В заключение отметим, что институту земель общего пользования отведено особое место в массиве земельных правоотношений. Однако его правовое регулирование на сегодняшний день нельзя назвать полным, некоторые вопросы недостаточно раскрыты на законодательном уровне и практически не освещены в правовой литературе. Что касается садоводческих и огороднических товариществ, то для них режим земель общего пользования также не определен. Более того, жители товариществ, как правило, пренебрегают уплатой членских взносов, что не позволяет благоустраивать территории общего пользования ввиду отсутствия денежных средств.

Таким образом, считаем целесообразным и необходимым дополнение действующего законодательства путем расширения норм ЗК РФ и ГРК РФ относительно земель общего пользования с учетом авторских выводов и предложений, продемонстрированных в данной статье, усиление контроля использования таких земель, принятие мер для устранения правовой неграмотности садоводов и огородников и повышения уровня их доверия к правлению товарищества.

Список источников

1. Андреев Ю. Ю. Земли общего пользования, как гарантия конституционных прав граждан // Молодой ученый. 2021. № 19. С. 19–26.
2. Широтоян Т. Д. Земли общего пользования на территории садоводческих и огороднических товариществ: проблемы и пути решения // Юрист. 2020. № 11. С. 102–110.
3. Мадоян А. Ю. Контроль за использованием земель общего пользования // Юридический вестник. 2021. № 17. С. 140–146.
4. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4766.

References

1. Andreev Yu. Yu. Public lands as a guarantee of constitutional rights of citizens // Young scientist. 2021. No. 19. Pp. 19–26.
2. Shirotoyan T. D. Of public Lands in the territory of horticultural and gardening societies: problems and solutions // Lawyer. 2020. No. 11. Pp. 102–110.
3. Madoyan A. Y. Control over the use of public lands // Legal Bulletin. 2021. No. 17. Pp. 140–146.
4. Federal Law of July 29, 2017 No. 217-FZ «On gardening and gardening by citizens for Their Own Needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part I). Vol. 4766.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Вакула Анна Ивановна – кандидат юридических наук, доцент

Макеева Ирина Сергеевна – кандидат юридических наук

Парковская Мария Ивановна – кандидат юридических наук

Information about the authors

Vakula Anna I. – Candidate of Law, Associate Professor

Makeeva Irina S. – Candidate of Law

Parkovskaya Maria I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Право собственности на автомобиль: коллизии гражданского и административного законодательства

Головизнин Алексей Васильевич¹, Миннегалиева Лариса Ильинична²

¹ Уральский государственный экономический университет; , Екатеринбург, Россия, a.goloviznin@mail.ru

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

³ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, larissa5@mail.ru

Аннотация. Существующие коллизии между гражданским и административным законодательством, регулирующим отношения собственности на транспортные средства, противоречат принципу правовой определенности. Современная правоприменительная практика еще более усугубляет данные противоречия, поскольку по-разному трактует положения законодательства. В связи с этим теория и практика, сложившиеся в данной сфере правового регулирования, указывают на необходимость устранения существующих противоречий в законодательстве и выработки единой правовой концепции.

Ключевые слова: право собственности на автомобиль, владелец транспортного средства, регистрация транспортного средства

Для цитирования: Головизнин А. В., Миннегалиева Л. И. Право собственности на автомобиль: коллизии гражданского и административного законодательства // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 27–32.

Original article

Car ownership: conflicts of civil and administrative legislation

Goloviznin Alexey V.^{1,2}, Minnegaliev Larisa I.³

¹ Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, a.goloviznin@mail.ru

² Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

³ Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, larissa5@mail.ru

Abstract. The existing conflicts between civil and administrative legislation governing the ownership of vehicles contradict the principle of legal certainty. Modern law enforcement practice further exacerbates these contradictions, as it interprets the provisions of the law in different ways. In this regard, the theory and practice that has developed in this area of legal regulation indicate the need to eliminate existing contradictions in legislation and develop a unified legal concept.

Keywords: car ownership, vehicle owner, vehicle registration

For citation: Goloviznin A. V., Minnegaliev L. I. Car ownership: conflicts of civil and administrative legislation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 27–32.

В настоящее время как в науке, так и в судебной практике особо остро стоит вопрос относительно права собственности на транспортные средства. Причиной этому являются коллизии гражданского и административного законодательства, что порождает противоречивость правоприменительной практики и, как следствие, большое количество судебных споров в данной сфере.

Суть проблемы состоит в том, что автомобиль, являясь одной из разновидностей вещей, может на-

ходиться в собственности граждан, юридических лиц и публично-правовых образований. Исходя из ст. 130 ГК РФ, автомобиль относится к движимым вещам [1, с. 13–14]. Следовательно, на автомобиль распространяется правовой режим движимых вещей, который, в отличие от недвижимости, не обременяется системой государственной регистрации прав. Причем любой гражданин, независимо от объема его дееспособности, может быть собственником авто-

мобиля. Как и с любой вещью, с автомобилем могут совершаться различные сделки – купля-продажа, дарение, рента, аренда и т. д., автомобиль может быть объектом наследственного правопреемства.

С другой стороны, чтобы использовать автомобиль по своему прямому назначению собственнику необходимо соблюсти ряд условий административно-правового характера: автомобиль должен быть поставлен на учет, собственник должен иметь право на управление транспортным средством, должны быть соблюдены требования технического состояния автомобиля. Таким образом, нет никаких ограничений для того, чтобы быть собственником автомобиля, но существуют ограничения для реализации правомочий собственника. Как было отмечено Конституционным судом РФ, осуществление правомочий собственника в отношении транспортного средства имеет свои особенности, обусловленные техническими характеристиками автомобилей как объектов повышенной опасности, и поэтому их правовой режим определяется нормами не только гражданского, но и административного законодательства [2].

Согласно п. 3 ст. 15 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [3] транспортное средство допускается к дорожному движению при условии его государственного учета. Государственный учет должен быть осуществлен в течение 10 дней с момента приобретения владельцем права на транспортное средство при условии, что оно ранее не состояло на учете в Российской Федерации [4] (далее – Федеральный закон № 283). Учет автомобиля осуществляется посредством его регистрации, осуществляемой подразделениями Госавтоинспекции. По сути, административное законодательство никаким образом не коррелирует систему учета транспортных средств с возникновением права собственности на них. Цель учета лежит в плоскости публичного права: допуск транспортного средства к участию в дорожном движении, выявление и пресечение правонарушений, налогообложение.

О несовпадении собственника и лица, на которое осуществлена регистрация транспортного средства, можно сделать вывод из ст. 4 Федерального закона № 283. В данной норме используется термин «владелец», а не «собственник» транспортного средства. В частности, если собственником автомобиля является несовершеннолетний гражданин, не достигший возраста 16 лет, то транспортное средство может быть поставлено на учет на его законного представителя, который считается владельцем такого автомобиля. Также автомобиль может быть зарегистрирован за лицами-несобственниками, владеющими им на праве хозяйственного ведения, оперативного управления или договора лизинга.

К тому же если автомобиль приобретает в период брака и становится общей совместной собственностью, то он может быть зарегистрирован только на одного из супругов, поскольку согласно п. 29 постановления Правительства РФ от 21 декабря 2019 г. № 1764 «О государственной регистрации транспорт-

ных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» [5] регистрация транспортного средства может быть осуществлена только за одним лицом.

Таким образом, подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что, с одной стороны, автомобиль может быть зарегистрирован за лицом, которое не является собственником транспортного средства, а с другой стороны, не во всех случаях автомобиль может быть зарегистрирован на его собственника, даже при огромном желании последнего.

Также необходимо учитывать то обстоятельство, что при купле-продаже автомобиля момент перехода права собственности на автомобиль не совпадает с его регистрацией на нового владельца. Поскольку автомобиль является движимой вещью, право собственности на него по договору возникает с момента передачи (ст. 223 ГК РФ). Постановка на учет транспортного средства осуществляется, как правило, после его передачи, на основании правоустанавливающих документов. И в некоторых случаях новые собственники транспортного средства пренебрегают своевременной регистрацией автомобиля, что влечет негативные правовые последствия.

К сожалению, не все суды видят разницу между собственником транспортного средства и лицом, на которое транспортное средство зарегистрировано. А исправлять эти ошибки приходится высшей судебной инстанцией. Так, в одном деле, рассмотренном Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ, участнику дорожно-транспортного происшествия было отказано в страховом возмещении с виновного лица, застраховавшего свою гражданскую ответственность, в связи с тем, что на момент ДТП собственником транспортного средства по документам из ГИБДД было другое лицо. Истец ссылался на то, что купил автомобиль и стал собственником, но пока не зарегистрировал его на себя. Нижестоящие суды признали правомерным отказ страховой компании в страховых выплатах, т. к. застрахованное лицо и собственник автомобиля не одно и то же лицо. По сути, суды отождествили собственника автомобиля с лицом, на которое зарегистрирован автомобиль. Однако Верховный Суд РФ восстановил справедливость, отменив решения нижестоящих судов. В определении было указано, что автомобиль является движимым имуществом и поэтому на него распространяется общее правило возникновения права собственности, т. е. с момента передачи транспортного средства по договору. Регистрация транспортных средств носит учетный характер и не является условием возникновения права собственности [6]. Подобную позицию высказал Верховный Суд РФ и в другом деле, где покупатель приобрел автомобиль и вовремя не поставил на учет. На данный автомобиль был наложен арест по долгам бывшего собственника. Нижестоящие суды признали правомерность ареста, посчитав, что право собственности не перешло к покупателю. Однако Верховный Суд РФ указал, что право собственности пере-

шло к покупателю с момента передачи автомобиля, а регистрация транспортных средств носит учетный характер и не является основанием для возникновения права собственности [7]. Таким образом, отсутствие документов, свидетельствующих о выполнении обязанности по изменению регистрационных данных, возложенной законом на собственника транспортного средства и лицо, за которым транспортное средство было зарегистрировано, не ставит под сомнение переход права собственности на транспортное средство к другому лицу [8].

Также следует обратить внимание на несоответствие терминов владельца автомобиля, на которого транспортное средство зарегистрировано, и владельца автомобиля как источника повышенной опасности в контексте деликтных обязательств. Под владением понимается основанная на законе возможность иметь у себя имущество, содержать его в своем хозяйстве [9, с. 49].

В цивилистике выделяют два признака владельца источника повышенной опасности: юридический и материальный [10, с. 388–389]. Юридическое владение источником повышенной опасности следует из какого-либо правового основания: права собственности, права хозяйственного ведения или оперативного управления, договора аренды, ссуды и т. д. Материальное владение вытекает из фактического господства лица над источником повышенной опасности. В связи с этим в деликтных обязательствах суды признают владельцем не собственника автомобиля, а лицо, управляющее автомобилем в присутствии собственника и с его согласия [11, с. 8].

Достаточно интересное разъяснение по этому поводу дал Верховный Суд РФ, который выделили три вида владения: а) владение собственника или иного обладателя вещного права; б) владение по воле собственника (например, на основании договора аренды); в) владение не по воле собственника (например, хищение). Для установления владельца автомобиля необходимо установить как юридическое, так и фактическое владение. А передача транспортного средства по воле собственника в управление не всегда свидетельствует о законном владении [12]. В связи с этим возникает обоснованный вопрос: что имела в виду высшая судебная инстанция? Далее суд приводит такой пример, как техническое управление автомобилем. Но тогда можно сделать вывод, что лицо, осуществляющее техническое управление, является незаконным владельцем. Очевидно, что это не так. Или же правоприменитель имел в виду передачу автомобиля в управление без оформления документов? Но и эта версия весьма сомнительна, поскольку, как известно, сделки могут совершаться как в письменной, так и устной форме. Поэтому автомобиль может передаваться другому лицу безвозмездно без оформления в письменной форме договора, и это является законным. Может быть, здесь речь идет о некоторых аномальных способах передачи в управление транспортных средств, например лицу, не имеющему права управления, или лицу, находящемуся в состоянии ал-

когольного опьянения. В любом случае такие туманные формулировки Верховного Суда РФ вызывают множество вопросов и в конечном счете не решают одну из задач гражданского процесса – обеспечение единства судебной практики. Представляется, что Верховному Суду РФ следовало обратить внимание на основные характеристики владельца источника повышенной опасности в качестве деликтанта.

Существует проблема определения владельца транспортного средства, вызванная коллизиями гражданского и административного законодательства, в контексте привлечения к административной ответственности. В частности, в соответствии с Правилами дорожного движения водителю запрещается передавать управление транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения. Частью 2 статьи 12.8 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за несоблюдение этого правила. Следует обратить внимание, что данной нормой предусмотрена не передача транспортного средства, а передача *управления* транспортным средством. Следовательно, передача транспортного средства может быть и без предоставления полномочия управления (например, передача на хранение автомобиля).

Как указано в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20, субъектом правонарушения по ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ может быть как собственник транспортного средства, так и другое лицо [13]. Видимо, под другим лицом понимается несобственник автомобиля, который владеет транспортным средством на иных законных основаниях. Под владением понимается фактическое господство лица над вещью, т. е. право «держат вещь в своих руках» по образному, хотя юридически и не вполне точному выражению [14, с. 17]. Вместе с тем практика привлечения к административной ответственности под правонарушителем интерпретирует лицо, на которое транспортное средство зарегистрировано.

Смоделируем «классическую» ситуацию: супруги на автомобиле возвращаются с какого-либо праздника и оба находятся в состоянии алкогольного опьянения. Их останавливают сотрудники ГИБДД. Автомобиль зарегистрирован на жену, а за рулем ее муж. Это является основанием для привлечения обоих супругов к административной ответственности в виде лишения права управления транспортным средством и штрафа: супруга за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, а супругу за передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ).

Судебная практика содержит противоречивые решения, в том числе и на уровне Верховного Суда РФ. В некоторых случаях суды ссылаются на режим общей совместной собственности супругов и, следовательно, супруг является таким же собственником, как и супруга [15; 16]. Так, в одном из дел суд установил, что супруги состояли в зарегистрированном браке с 2014 года, а автомобиль они приобрели в 2015 году.

Поэтому автомобиль является общей совместной собственностью супругов, которой они владеют и пользуются сообща. Следовательно, управление супругой в состоянии алкогольного опьянения автомобилем, зарегистрированным на праве собственности за ее супругом, не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ [17]. Однако имеется и противоположная судебная практика, согласно которой, несмотря на признание за автомобилем режима общей совместной собственности супругов, суды констатируют факт передачи управления транспортным средством между супругами и привлекают к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ [18; 19; 20]. Такая противоречивая судебная практика не соответствует принципу правовой определенности и не вызывает доверия к закону и суду.

Задача юридической науки заключается не только в констатации противоречий в законодательстве и правоприменительной практике, но и в выработке научно обоснованных путей решения возникающих коллизий. Поэтому далее постараемся аргументировать свою позицию по этому поводу.

Вопрос о привлечении или непривлечении к административной ответственности за передачу управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения, зависит только от того, на кого из супругов автомобиль зарегистрирован. Иными словами, применительно к рассматриваемому примеру, если в автомобиле находятся оба супруга в состоянии алкогольного опьянения, т. е. два варианта привлечения их к административной ответственности: а) за рулем находится супруга, за которой зарегистрирован автомобиль, – ее привлекают по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, а супруга, сидящего на пассажирском сиденье, не привлекают к административной ответственности; б) супруга, за которой зарегистрирован автомобиль, находится на пассажирском сиденье, а супруг находится за рулем – ее привлекают по ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, а супруга, по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. При этом в обоих случаях они являются сособственниками автомобиля, а регистрация автомобиля носит учетный характер и не подтверждает право собственности. Очевидно, что здесь нарушается базовый принцип юридической ответственности – принцип справедливости, который коррелируется системой учета транспортных средств.

Право собственности состоит в возможностях, которые предоставляются лицу по отношению к материальной вещи для удовлетворения его потребностей в ней [21, с. 370]. Безусловно, в силу особенностей транспортных средств, обусловленных их потенциальной опасностью для окружающих, административное законодательство устанавливает определенные ограничения права собственности. Ограничение собственности – это ограничение свободы, автономии, самодеятельности лица. Поэтому проблема ограничения собственности – это проблема выбора наименее худшего из двух зол [22, с. 156]. Таким ограничением является установленный запрет

передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения.

Но что же следует понимать под передачей управления транспортным средством? Можно ли предположить, что слово «передача» имеет различное значение в зависимости от сферы формирования правовых отношений? Думается, что нет. Слово «передача» достаточно часто используется в ГК РФ в рамках договорных обязательств в качестве распорядительного акта. В соответствии с п. 1 ст. 224 ГК РФ под передачей вещи понимается ее вручение приобретателю. Вещь считается врученной с момента ее фактического поступления во владение приобретателя. Таким образом, передачей вещи является какое-либо действие владельца, результатом которого является фактическое господство приобретателем над вещью. Соответственно, передача управления автомобилем – это действие владельца с целью предоставления другому лицу возможности использования автомобиля по прямому назначению. В любом случае передача управления автомобилем является элементом правомочия распоряжения.

Передача является юридическим фактом, который в зависимости от целей может порождать различные юридические последствия. Поэтому представляется, что между супругами не может быть передачи общего имущества, влекущего изменение его правового режима, за исключением брачного договора или соглашения о разделе общего имущества. В связи с этим следует согласиться с точкой зрения тех ученых, которые считают невозможным заключение между супругами договора купли-продажи автомобиля, купленного ими в период брака. Однако данные договорные формы используются на практике для осуществления перерегистрации автомобиля на другого супруга [23, с. 89].

Таким образом, нельзя признавать в качестве юридического факта передачу супругой супругу управление автомобилем, находящимся в их совместной собственности. Следовательно, отсутствует состав административного правонарушения, предусмотренный ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ, при передаче транспортного средства супругу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения. В соответствии с п. 1 ст. 253 ГК РФ участники совместной собственности владеют и пользуются имуществом сообща. У сособственников равный объем правомочий в отношении общего имущества. Поэтому возможность пользования общим автомобилем одним участником совместной собственности не может зависеть от волеизъявления другого участника, на которого транспортное средство зарегистрировано.

Список источников

1. Белов В. А. Автомобиль как объект права собственности гражданина // Законодательство. 1998. № 12. С. 13–21.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2006 г. № 544-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Календы Анжелики

Николаевны на нарушение ее конституционных прав абзацем вторым пункта 3 постановления Правительства Российской Федерации "О государственной регистрации автомототранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. №3.

3. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Российская газета. 1995. 26 декабря.

4. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 6 августа.

5. Постановление Правительства РФ от 21 декабря 2019 г. № 1764 «О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (часть II). Ст. 7999.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 12 апреля 2022 г. № 78-КГ22-8-К3. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2109992

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 5-КГ19-191. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26112019-n-5-kg19-191-2-33352018/>

8. Постановление Верховного Суда РФ от 8 февраля 2018 г. № 14-АД18-1. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08022018-n-14-ad18-1>.

9. Белов В. А. Очерки вещного права // Научно-популярные заметки: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. Москва: Издательство Юрайт, 2015. 332 с.

10. Советское гражданское право: в 2 т. / под ред. О. А. Красавчикова. Москва, 1985. 544 с.

11. Яшнова С. Характеристика владельца источника повышенной опасности как участника гражданско-правового обязательства // Мировой судья. 2009. № 6. С. 7–11.

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 33-КГ21-1-К3 № 2-42/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26042021-n-33-kg21-1-k3/>

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2019. 3 июля.

14. Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Москва: «Статут», 2004. Т. 2. 557 с.

15. Постановление Верховного суда РФ от 17 ноября 2016 г. № 33-АД16-15. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17112016-n-33-ad16-15/>

16. Постановление Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 11-АД18-12. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/719869544>

17. Постановление Верховного Суда Республики Татарстан от 16 февраля 2017 г. № 4А-15/2017. URL: <https://base.garant.ru/146150795/>

18. Постановление Верховного Суда РФ от 18 декабря 2019 г. № 53-АД19-10. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18122019-n-53-ad19-10/>

19. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 июня 2023 г. по делу № 16-3233/2023. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/333785652/>

20. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 марта 2022 г. по делу № 16-830/2022. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/3273289592>

21. Щенникова Л. В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 3. С. 361–371.

22. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: учебно-практическое пособие. 3-е изд. Москва: Дело, 2002. 512 с.

23. Рудьман Д. С., Слышалов И. В. О государственной регистрации транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов деятельность // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3. С. 99–104.

References

1. Belov V. A. A car as an object of citizen's property rights // Legislation. 1998. No. 12. pp. 13–21.

2. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 7, 2006 No. 544-О "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kalenda Anzhelika Nikolaevna about the violation of her constitutional rights by the second paragraph of paragraph 3 of the resolution of the Government of the Russian Federation "On state registration of motor vehicles and other types self-propelled vehicles on the territory of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2007. No. 3.

3. Federal Law of December 10, 1995 No. 196-FZ "On Road Traffic Safety" // Russian newspaper. 1995. December 26.

4. Federal Law of August 3, 2018 No. 283-FZ "On state registration of vehicles in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Russian newspaper. 2018. August 6.

5. Decree of the Government of the Russian Federation of December 21, 2019 No. 1764 "On the state registration

of vehicles in the registration divisions of the State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. No. 52 (part II). Art. 7999.

6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases Supreme Court of the Russian Federation dated April 12, 2022 No. 78-KG22-8-KZ. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2109992

7. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 26, 2019 No. 5-KF19-191. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26112019-n-5-kg19-191-2-33352018/>

8. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of February 8, 2018 No. 14-AD18-1. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08022018-n-14-ad18-1/>

9. Belov V. A. Essays on property law // Scientific and polemical notes: textbook for undergraduate and graduate students. Moscow: Yurayt Publishing House, 2015. 332 p.

10. Soviet civil law: in 2 volumes / ed. O. A. Krasavchikova. Moscow, 1985. 544 p.

11. Yashnova S. Characteristics of the owner of a source of increased danger as a participant in a civil obligation // Justice of the Peace. 2009. No. 6. P. 7–11.

12. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 26, 2021 No. 33-KG21-1-KZ No. 2-42/2019. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26042021-n-33-kg21-1-k3/>

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 25, 2019 No. 20 "On some issues arising in judicial practice when considering cases of administrative offenses provided for by Chapter 12 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" // Rossiyskaya Gazeta. 2019. July 3.

14. Venediktov A.V. Selected works on civil law: in 2 volumes. Moscow: "Statute", 2004. T. 2. 557 p.

15. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of November 17, 2016 No. 33-AD16-15. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17112016-n-33-ad16-15/>

16. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of June 14, 2018 No. 11-AD18-12. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/719869544>

17. Resolution of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated February 16, 2017 No. 4A-15/2017. URL: <https://base.garant.ru/146150795/>

18. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of December 18, 2019 No. 53-AD19-10. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18122019-n-53-ad19-10/>

19. Resolution of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated June 7, 2023 in case

No. 16-3233/2023. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/333785652/>

20. Resolution of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated March 30, 2022 in case No. 16-830/2022. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/3273289592>

21. Shchennikova L. V. The concept of property rights in the argumentation of Russian civilists // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2017. Vol. 3. pp. 361–371.

22. Sklovsky K.I. Property in civil law: educational and practical guide. 3rd ed. Moscow: Delo, 2002. 512 p.

23. Rudman D.S., Slyshalov I.V. On the state registration of vehicles that are jointly owned by spouses // Bulletin of the Ufa Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. pp. 99–104.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Головизнин Алексей Васильевич – кандидат юридических наук

Миннегалиева Лариса Ильинична – кандидат юридических наук

Information about the authors

Goloviznin Alexey V. – Candidate of Law

Minnegalieva Larisa I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья

УДК 343.131

Ходатайства участников досудебного производства: новое понимание сущности и основные проблемы

Асанов Решат Шевкетович

Следственный отдел ОМВД России по Кировскому району Республики Крым, Республика Крым,
Россия, reshrock@mail.ru

Аннотация. Исследование института ходатайств в досудебном производстве указывает на то, что их сущность до настоящего времени глубоко не осмыслена, в связи с чем, многие юристы по сей день под данным видом обращений понимают практически любую процессуальную просьбу участника к следователю, что является методологически неверным подходом. Поэтому в статье максимально подробно раскрыто истинное назначение ходатайств и указаны три наиболее важные проблемы, связанные с их подачей и разрешением: 1) смешение ходатайств с иными видами обращений участников к следователю; 2) вменение следователю обязанности удовлетворения некоторых ходатайств; 3) соблюдение срока рассмотрения ходатайств и выбор способа информирования заявителя о результатах их разрешения.

Ключевые слова: досудебное производство, обращение, ходатайство, заявление, просьба, замечание, следователь, участник, баланс, обеспечение прав

Для цитирования: Асанов Р. Ш. Ходатайства участников досудебного производства: новое понимание сущности и основные проблемы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 33–40.

Original article

Petitions of participants in pre-trial proceedings: a new understanding of the essence and main problems

Asanov Reshat S.

The Investigative Department of the OMVD of Russia in the Kirovsky district of the Republic of Crimea, The Republic of Crimea, Russia, reshrock@mail.ru

Abstract. A study of the institution of petition in pre-trial proceedings indicates that its essence has not yet been deeply understood, and therefore, many lawyers to this day understand this type of appeal as almost any procedural request of a participant to the investigator, which is a methodologically incorrect approach. Therefore, the article reveals in as much detail as possible the true purpose of petitions and identifies the three most important problems associated with their filing and resolution: 1) mixing petitions with other types of requests from participants to the investigator; 2) imposing on the investigator the obligation to satisfy certain requests; 3) compliance with the

deadline for consideration of applications and the choice of method of informing the applicant about the results of their resolution.

Keywords: pre-trial proceedings, appeal, petition, application, request, remark, investigator, participant, balance, enforcement of rights

For citation: Asanov R. S. Petitions of participants in pre-trial proceedings: a new understanding of the essence and main problems // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 33–40.

Будучи традиционной и наиболее часто используемой формой обращения участников досудебного производства к следователю (далее при упоминании следователя также подразумевается дознаватель) ходатайство по УПК РФ определяется как просьба «о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации» (ч. 1 ст. 119 УПК РФ) [1].

В уголовно-процессуальной науке взгляды ученых принципиально не отличаются от представленной законодателем нормативной трактовки термина «ходатайство», поскольку под данным обращением понимается официальная просьба о выполнении каких-либо процессуальных действий, принятии решений [2, с. 50; 3, с. 126]. П. А. Лупинская определила ходатайство как обращение «с просьбой о производстве процессуальных действий с целью выяснения обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу, принятия решения для обеспечения прав и законных интересов лица...» [4, с. 78]. Максимов О. А. пришел к выводу о том, что «ходатайство – это просьба о совершении какого-либо процессуального действия или принятии решения, направленного чаще всего на исследование определенных обстоятельств дела, обеспечение объективности и полноты доказывания или принятие иных мер для защиты прав и интересов личности...» [5, с. 14].

Аналогичное видение сложилось и у правоприменителей, поскольку по уголовным делам, как правило, практически любое заявление участника, содержащее просьбу, оформляется и разрешается в режиме ходатайства.

Указанное приводит к выводу о том, что юристы расценивают ходатайство как собирательную категорию обращений участников к следователю с просьбой о выполнении каких-либо процессуальных действий.

Говоря о процедуре заявления и рассмотрения данной категории обращений, следует отметить, что в УПК РФ этому посвящена целая глава 15, в которую входят ст. 119 – «Лица, имеющие право заявить ходатайство», ст. 120 – «Заявление ходатайства», ст. 121 – «Сроки рассмотрения ходатайства», ст. 122 – «Разрешение ходатайства». Кроме этого, некоторые особенности порядка их рассмотрения также закреплены в ст. 159 «Обязанность рассмотрения ходатайства».

Невзирая на столь подробную нормативную регламентацию порядка рассмотрения ходатайств, в

реальной практической деятельности существуют проблемы, которые на теоретическом уровне не обозначены и не разрешены. Главной причиной этого, на наш взгляд, является ошибочное представление многих процессуалистов о сущности и назначении ходатайств участников досудебного производства.

Анализ научных трудов и положений УПК РФ, введенный на основе сложившейся следственной практики, с учетом личного опыта автора позволяет выделить три наиболее острые проблемы по рассматриваемой теме, решение которых позволит раскрыть истинный смысл ходатайств в уголовном производстве.

Проблема смешения ходатайств с иными видами обращений участника к следователю как результат неверного понимания их сущности. Специфика уголовно-процессуальных отношений, возникающих между следователем и другими участниками досудебного производства, обуславливает наличие наряду с ходатайствами иных видов обращений, которые нормативно закреплены в УПК РФ, а именно: отводы, замечания, заявления, просьбы. Однако в отличие от ходатайств указанные разновидности обращений не имеют подробной нормативной регламентации и мало исследованы в юридической науке, в связи с чем их процессуальный порядок рассмотрения остается не урегулированным до настоящего времени.

По этой причине данная проблема ранее выступила предметом проведенного совместно с профессором Давлетовым А. А. исследования, в котором в зависимости от предназначения и процессуального режима рассмотрения всех обращений к следователю разработана авторская концепция разграничения их на две группы: ходатайства и иные обращения (заявление о реализации права; замечание; возражение) [6]. В основе разграничения ходатайств от иных форм обращений участников лежит то, что первые затрагивают сферу публичных интересов уголовного производства, поскольку инициируют проведение следственных действий или принятие процессуальных решений, отнесенных к исключительной компетенции следователя, который, будучи «хозяином» уголовного дела, самостоятельно определяет ход расследования и необходимость производства того или иного действия, то есть обладает свободой усмотрения в данном вопросе (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Соответственно в зависимости от процессуальной значимости заявленного ходатайства участника следователь вправе как удовлетворить его, так и отказать в удовлетворении. Эта их принципиальная особенность прямо закреплена в ст. 122 и ч. 3 ст. 159 УПК

РФ, а также прослеживается в ряде «рабочих» норм, например, в ч. 1 и 3 ст. 219, ч. 3 ст. 226.4, ч. 7–9 ст. 226.7 УПК РФ и др.

Совсем иначе дело обстоит с теми обращениями, которые предназначены для обеспечения частных интересов личности и содержат просьбу участника реализовать его процессуальные права, прямо закрепленные в УПК РФ, например, право на участие защитника или адвоката, право на ознакомление с материалами уголовного дела, право на получение какого-либо процессуального документа и т. д.

В этих случаях следователь не правомочен отклонить или отказать в реализации таких просьб, наоборот, в отличие от ходатайств, они обязательны к беспрепятственному исполнению, ведь наличие какого-либо правомочия у лица не требует рассмотрения вопроса о допустимости его реализации со стороны государственно-властного органа или должностного лица. Иными словами, желание участника воспользоваться своим правом не может зависеть от дозволения следователя. Отсюда эти обращения стали именоваться нами как «заявления о реализации права» [6], которые, в отличие от ходатайств, имеют уведомительный, а не разрешительный характер.

К сожалению, в отечественной процессуальной науке и на нормативном уровне данный раздел между ходатайствами и заявлениями о реализации права не прослеживается. Более того, некоторые авторы отождествляют эти формы обращений. Так, Алексеева А. Г. отмечает, что ходатайствами являются обращения участников следователю «с просьбой о предоставлении им возможности использовать то или иное их право» [7, с. 6]. Алимamedов Э. Н. и Пушкарев В. В. считают, что ходатайство представляет собой обращение «с просьбой о производстве следственных или процессуальных действий и/или о принятии процессуальных решений о предоставлении им предусмотренных законом прав» [8, с. 144].

Неопределенность в данном вопросе привела к тому, что указанные обращения абсолютно разного назначения смешались между собой и нашли неуместное упоминание в ряде норм УПК РФ, например, «потерпевший по ходатайству вправе получать копии иных процессуальных документов, затрагивающих его интересы» (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ); «отказ от защитника не лишает подозреваемого, обвиняемого права в дальнейшем ходатайствовать о допуске защитника к участию в производстве по уголовному делу» (ч. 3 ст. 52 УПК РФ); «по ходатайству потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей следователь знакомит этих лиц с материалами уголовного дела» (ч. 1 ст. 216 УПК РФ); «по ходатайству обвиняемого и его защитника следователь предоставляет им возможность знакомиться с материалами уголовного дела раздельно» (ч. 1 ст. 217 УПК РФ) и др. Как видно, в этих нормах указаны случаи, связанные с желанием участника воспользоваться своим неотъемлемым правом, однако законодатель отнес данные просьбы к ходатайствам.

В результате этого в уголовно-процессуальной деятельности сформировалась стабильная практика заявления участниками ходатайств о реализации своих прав, прямо предусмотренных УПК РФ, например: подозреваемые заявляют ходатайства об участии защитника либо ходатайства о получении копии постановления о возбуждении уголовного дела (п. 2 и 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ); потерпевшие ходатайствуют об ознакомлении с заключением экспертизы либо о применении фотосъемки при ознакомлении с материалами уголовного дела (п. 11 и 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ); адвокаты-защитники заявляют ходатайства об ознакомлении с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого (п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ) и т. д. Таким образом, в реальной практической деятельности по сей день участники, включая профессиональных юристов (адвокатов), изъявляют намерения воспользоваться своими правомочиями путем заявления ходатайств, что является методологически неверным подходом, поскольку реализация личностью своего права, как уже отмечалось ранее, не может зависеть от волеизъявления государственно-властного органа. В противном случае такие понятия как «право», «правомочие» попросту теряют свой смысл.

Наличие данной проблемы впервые отчетливо проявилось к 2017 году, когда юристами на основе многочисленных жалоб уголовно преследуемых лиц был поднят вопрос о необходимости внесения изменений в ч. 2 и 4 ст. 49 и ч. 1 ст. 53 УПК РФ, содержащих понятие «допуск защитника» при его вступлении в дело [9, с. 119; 10, с. 107]. Используемая в законе такая категория расценивалась правозащитниками как фактор, зависящий от усмотрения и разрешения следователя, что противоречило праву лица на защиту. В итоге формулировка «допуск защитника» на нормативном уровне была заменена на следующие сочетания: «защитник участвует», «защитник вступает» [11]. Однако выявление и решение указанной ошибки законодательной техники не способствовало обнаружению и исследованию аналогичной проблемы применительно к институту ходатайств в масштабе всего уголовного производства.

Такая неразрешенность привела к тому, что до настоящего времени следователи не усматривают ошибку при заявлении участниками ходатайств, направленных на реализацию их прав, и в целом отвечают на такие обращения посредством вынесения постановления об удовлетворении ходатайства, однако бывают случаи, когда в их исполнении даже неправомерно отказывают.

В свою очередь обращения, связанные с необходимостью проведения какого-либо следственного действия, участниками оформляются как заявления, хотя должны именоваться ходатайствами и рассматриваться в соответствующем процессуальном режиме.

Следует отметить, что кроме заявлений о реализации права к обращениям участников, связанным с обеспечением их частных интересов, также относятся замечания, в том числе на составленный протокол процессуального действия, на нарушенный порядок производства того или иного действия следователем либо иным лицом. В первом случае законодатель не предусмотрел порядок рассмотрения, но конкретно указал, что такие обращения следует именовать как «замечания о дополнении и уточнении протокола» (ч. 6 ст. 166 УПК РФ), а во втором – не предусмотрел даже наличие подобного вида замечаний, распространяющихся на неправомерное процессуальное поведение следователя или иных лиц. Данный аспект взаимоотношений нормативно на сегодняшний день никак не закреплен применительно к досудебному производству. Именно поэтому нами наряду с традиционным замечанием на протокол процессуального действия предложена отдельная форма обращения – замечание (возражение) на действия следователя или иных лиц [12], которые, по мнению заявителя, нарушают его права, свободы и законные интересы. Указанный вид обращений не следует путать с отдельными обращениями – жалобами, которые адресуются не следователю, а руководителю следственного органа, прокурору или в суд.

Отсутствие в УПК РФ процедуры разрешения замечаний и их разграничения на два вида порой приводит к тому, что следователи, которые преследуют цель процессуального реагирования на них, вынуждены рассматривать их в режиме ходатайств с вынесением соответствующих постановлений, что, безусловно, является неверным подходом.

Подводя итог, необходимо остановиться на следующем:

1. Общепринятое представление о сущности и назначении ходатайств в досудебном производстве привело к тому, что по сей день складывается порочная практика смешения их с иными обращениями участников к следователю. Данная проблема требует глубокого осмысления и скорейшего разрешения.

2. Кроме ходатайств, затрагивающих исключительно публичные интересы уголовного производства, отдельными видами обращений участников к следователю являются те, которые направлены на обеспечение частных интересов: заявление о реализации права; замечание на протокол процессуального действия; замечание (возражение) на действия следователя или иных лиц.

3. Ходатайствами являются лишь те обращения участников к следователю, которые инициируют совершение какого-либо действия либо принятие решения, априори относящихся к исключительной компетенции лица, производящего предварительное расследование. Указанные обращения основаны на правоотношениях, выстроенных по схеме: просьба участника – дозволение следователя, поэтому результат разрешения ходатайств зависит от волеизъявления должностного лица.

Не могут являться ходатайствами обращения, посредством которых участник сообщает о желании воспользоваться имеющимся правом, прямо закрепленным в УПК РФ или о наличии замечаний. Правоотношения в данном случае имеют уведомительный характер по отношению к следователю и выстраиваются по схемам: желание участника – исполнение следователем; замечание участника – реагирование следователя.

Проблема вменения следователю обязанности удовлетворения некоторых ходатайств. Как отмечалось ранее, отличительной особенностью ходатайств, позволяющей отграничить их от других форм обращений участников, является то, что они затрагивают сферу публичных интересов, поскольку содержат просьбу о производстве каких-либо следственных действий или принятии решений, соответственно позволяют процессуально самостоятельному должностному лицу удовлетворить их или отказать в удовлетворении.

Это правило прямо закреплено в ст. 122 и ч. 3 ст. 159 УПК РФ – «об удовлетворении ходатайства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении дознаватель, следователь, судья выносят постановление» и «в случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь, дознаватель выносит постановление».

Однако в 2013 году законодатель проявил непоследовательность в этом вопросе, поскольку УПК РФ был дополнен новой нормой (ч. 1.2 ст. 144) следующего содержания – «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению» [13].

Очевидно, что стремление законодателя в этом случае направлено на обеспечение реализации прав участников (сторон по делу) при назначении и производстве экспертизы. Однако такой подход сложно признать правильным, поскольку положения ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ не только расходятся с самой сущностью и назначением ходатайств в уголовном производстве, но и противоречат ряду норм уголовно-процессуального закона.

Во-первых, как уже отмечалось, введенная позиция идет в разрез принципиальными положениями УПК РФ, согласно которым следователь обладает свободой усмотрения при рассмотрении данных обращений и вправе как удовлетворить их, так и отказать в удовлетворении (ст. 122 и ч. 3 ст. 159 УПК РФ).

Во-вторых, судебные экспертизы, проведенные как до возбуждения уголовного дела, так и после не имеют отличий ни в порядке и методах их производства, ни в оформлении, то есть обладают равной юридической силой и одинаково могут использоваться как доказательства без каких-либо исключений (ст. 74 УПК РФ). К тому же требование обязательного удовлетворения ходатайств о назначении и производстве экспертиз, закрепленное в ч. 1.2 ст. 144 УПК

РФ, противоречит правилу, содержащемуся в этой же норме – «полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и ст. 89 УПК РФ». Соответственно, если назначенная и проведенная до возбуждения уголовного дела экспертиза отвечает требованиям указанных статей, то она может быть использована в качестве доказательств, и необходимости в ее повторном проведении нет.

В-третьих, правило обязательного назначения в порядке ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ экспертиз без конкретизации их видовой направленности не согласуется с положениями ст. 196 УПК РФ, где приведен исчерпывающий перечень их видов, проведение которых является обязательным в ходе расследования. Возникает вопрос: как можно обязать следователя назначить, например, автотехническую экспертизу в порядке ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, если она не входит в перечень обязательных?

В-четвертых, при назначении и производстве некоторых экспертиз до возбуждения уголовного дела, например, химической или баллистической, в ходе экспертного исследования могут быть израсходованы объекты (часть или даже весь объем). При данных обстоятельствах провести ту же экспертизу в порядке ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ после возбуждения уголовного дела не представляется возможным по объективным причинам. Соответственно и здесь проявляется ошибка законодательной техники.

В итоге, в практической деятельности следователи нередко оказываются в ситуации, когда сторона защиты заявляет ходатайство о назначении экспертизы в порядке ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, ссылаясь на неукоснительное удовлетворение такого обращения, в то время как результат инициируемой экспертизы участникам в большинстве случаев заведомо очевиден. Часто такая проблема встречается в уголовных делах, возбужденных по факту нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 1 ст. 264 УК РФ), по которым в условиях сжатого срока привлечения лиц к уголовной ответственности положения ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ в большей мере используются лишь как способ затягивания расследования и возможность ухода от ответственности.

Рассматривая этот вопрос, важно отметить, что реализация прав участников при разрешении следователем их ходатайств должна основываться на принципе соблюдения баланса публичных и частных интересов. Именно такой методологически верный подход изначально реализован в ст. 159 УПК РФ (с дополнениями 2017 года), где строго определено, что не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о проведении процессуальных действий лишь тогда, когда они «имеют значение для уголовного дела». Не смотря на то, что данная норма остается дискуссионной для некоторых авторов [14; 15, с. 32], по нашему мнению, законодатель в данном случае вполне ясно, с одной стороны, указал следователю на необ-

ходимость соблюдения прав участников и целесообразность удовлетворения просьб о производстве следственных действий, а с другой – не лишил его свободы усмотрения. Представляется, что именно такой подход к разрешению ходатайств должен быть применен в УПК РФ во всех без исключения случаях.

Вместе с тем участники в целях соблюдения их прав должны иметь гарантии того, что их ходатайства будут приобщены к материалам уголовного дела со всеми приложениями для того, чтобы прокурор и судья могли оценивать представленные доводы стороны защиты в ходе досудебного производства и учесть их при принятии итогового решения.

Поэтому, разделяя позицию некоторых авторов по данному вопросу [16; 17], мы полагаем, что на следователя необходимо возложить обязанность по приобщению к уголовному делу всякого заявленного ходатайства и приложений к нему [18, с. 182–208], сохранив при этом свободу усмотрения.

Подводя итоги рассмотрения поставленной проблемы, следует остановиться на следующем:

1. Сущность ходатайств подразумевает свободу усмотрения следователя в их разрешении, в связи с чем идея обязательного удовлетворения некоторых из них противоречит не только процессуально-правовой природе данного вида обращений, но и статусу должностного лица, уполномоченного самостоятельно принимать решения, отнесенные к его исключительной компетенции.

2. В целях обеспечения прав личности и сохранения баланса публичных и частных интересов всякое ходатайство вместе с приложениями должно подлежать обязательному приобщению к материалам уголовного производства.

Проблема соблюдения срока рассмотрения ходатайств и выбора способа информирования заявителя о результатах их разрешения. Согласно ст. 122 УПК РФ срок рассмотрения ходатайств не может превышать 3 суток. На практике, как правило, при заявлении ходатайства в виде отдельного документа (речь не идет о ходатайствах, занесенных в протокол процессуального действия) этот вопрос является часто проблематичным как для следователей, так и для ходатаев.

В первом случае проблема заключается в том, что если ходатайство направлено заявителем через отделение делопроизводства органа внутренних дел или по почте, то с момента регистрации его как входящей корреспонденции и до момента получения «на руки» следователем может пройти несколько рабочих дней. Соответственно, фактически срок рассмотрения ходатайства для следователя в таких случаях сокращается до суток, ведь по общему правилу оно считается заявленным со дня его регистрации [19].

В свою очередь для лиц, заявивших ходатайство, часто проблема соблюдения срока усматривается в том, что их информирование о результатах посредством почтовой связи позволяет недобросовестному правоприменителю принять решение по ходатайству

в срок, превышающий указанный в законе, в то время как документально разрешение указанного обращения будет оформлено в отведенные 3 дня.

В юридической литературе справедливо отмечается, что проблема соблюдения срока разрешения ходатайств связана с моментом их заявления [20], поэтому мы полагаем, что в основе рассматриваемого вопроса лежит часто применяемый на практике способ их заявления, а также способ информирования о результатах их рассмотрения, при которых ходатай и следователь вступают в процессуальные правоотношения опосредованно, через отдел делопроизводства, а также посредством почтовой связи.

Отсюда решение проблемы видится в уточнении порядка подачи ходатайств и получения сведений о результатах их разрешения. Наиболее действенным способом, на наш взгляд, является заявление участником ходатайств и получение информации о результатах их рассмотрения следователем при непосредственном контакте указанных субъектов. Только такая форма взаимодействия гарантированно обеспечит соблюдение указанного срока. Минусом в этом случае является потребность некоторых участников заявлять ходатайства и получать информацию об их разрешении дистанционно, когда нет возможности прибыть лично к следователю, поэтому полностью исключить опосредованный контакт указанных субъектов, к сожалению, не получится. Тем не менее закрепление в УПК РФ требования непосредственного заявления ходатайств следователю и получения информации об их рассмотрении лично (с оговоркой возможности применения лишь в исключительных случаях опосредованной формы взаимодействия) будет стимулировать участников следовать порядку, обеспечивающему гарантированное соблюдение законодательно указанного срока. Соответственно, те участники, которые наиболее заинтересованы в скорейшем рассмотрении своих ходатайств и готовы вступить в непосредственные взаимоотношения со следователем, будут уверены в том, что их ходатайства разрешатся в течение 3 суток.

Говоря о способе информирования участника о результатах разрешения ходатайства, важно отметить, что данный аспект взаимоотношений следователя с ходатаем нуждается еще в одном уточнении. Так, согласно ст. 122 УПК РФ по результатам разрешения ходатайства должностное лицо выносит постановление, которое доводится до сведения заявившего ходатайство. Фактически эта норма позволяет следователю проинформировать участника путем вручения ему уведомления о принятом решении, то есть без предоставления копии соответствующего постановления. Ведь в тех случаях, когда на следователя возложена обязанность по предоставлению копии того или иного процессуального документа, об этом прямо указано в УПК РФ. Например, «копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения направляется заявителю» (ч. 4 ст. 148 УПК РФ); «копия протокола вру-

чается лицу, в помещении которого был произведен обыск» (ч. 15 ст. 182 УПК РФ); «копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому» (ч. 2 ст. 222 УПК РФ) и т. д.

Нами неоднократно отмечалось, что сущность ходатайств заключается в свободе следователя в своем усмотрении при разрешении данных обращений. Соответственно, в целях обеспечения баланса публичных и частных интересов, участник должен иметь возможность оперативно обжаловать принятое по заявленному ходатайству решение. Именно поэтому в данном случае крайне важно, чтобы требование о предоставлении участнику копии решения по заявленному им ходатайству нашло прямое закрепление в УПК РФ, исключая тем самым двусмысленный характер действующей нормы.

Подводя итог, важно отметить следующее.

1. Свобода усмотрения следователя при разрешении ходатайств требует разработки процессуального механизма, выступающего в качестве противовеса, обеспечивающего реальную возможность своевременного обжалования решения по заявленному ходатайству.

2. Гарантированное соблюдение срока (3 суток) рассмотрения ходатайств может достигаться при условии их заявления, а также получения информации о принятых по ним решениях только путем непосредственного (личного) контакта со следователем. В связи с этим УПК РФ целесообразно дополнить соответствующей нормой с оговоркой возможности применения опосредованной формы взаимодействия лишь в исключительных случаях.

3. Способ информирования о результатах рассмотрения ходатайства должен быть конкретизирован в УПК РФ и заключаться во вручении участнику постановления следователя, что позволит заявителю наглядно понять обоснование принятого решения и в случае несогласия реализовать право на обжалование.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.05.2023).
2. Стецовский Ю. И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника: монография. Москва, 1982. 50 с.
3. Миликова А. В., Россинский С. Б. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. 126 с.
4. Лупинская П. А. Ходатайства и жалобы // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права: сборник статей. Москва, 1987. 78 с.
5. Максимов О. А. Правовой институт ходатайств и жалоб на досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации как способ защиты прав граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 14 с.

6. Давлетов А. А., Асанов Р. Ш. Ходатайства и иные обращения участников досудебного производства к следователю // Российский следователь. 2021. № 5. С. 8–12.

7. Алексеев А. Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005.

8. Алимamedов Э. Н., Пушкарев В. В. Актуальные вопросы теории и практики заявления и разрешения ходатайств, заявленных по окончании ознакомления с материалами уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. 144 с.

9. Таран А. С. «Недопуск» адвоката к участию в уголовном процессе: законодательство и судебная практика // Судебная власть и уголовный процесс судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. 119 с.

10. Отчерцова О. В. Проблема допуска адвоката к участию в уголовном деле // Вопросы российского и международного права. 2016. № 7. 107 с.

11. Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2017. № 83. 17 апреля.

12. Давлетов А. А., Асанов Р. Ш. Правообеспечительная функция следователя: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022.

13. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908 (дата обращения: 10.05.2023).

14. Быков В. М. Новый закон о правах адвоката в уголовном судопроизводстве: научный комментарий // Современное право. 2017. № 11. С. 108–112.

15. Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте // Российский следователь. 2017. № 18. С. 45–50. № 3. 32 с.

16. Ульянов В. Г. Ходатайства участников уголовного процесса // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 28–32.

17. Давлетов А. А. Обязан ли следователь приобщать к уголовному делу и закреплять в качестве вещественных доказательств материалы, представленные адвокатом-защитником? // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 33–38.

18. Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2021.

19. Порядок и сроки рассмотрения обращений граждан // Следственный комитет Российской Федерации по Мурманской области: сайт. URL: <http://murmansk.sledcom.ru/references/Poryadok-obrashheniya-grazhdan-v-sledstv/Poryadok-i-sroki-rassmotreniya-obrashhen> (дата обращения: 10.05.2023).

20. Асанов Р. Ш. Проблема соблюдения следователем срока разрешения ходатайств, заявленных участ-

никами досудебного производства через входящую корреспонденцию органа уголовного судопроизводства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 139–140.

References

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law

No. 174-FZ of December 18, 2001 // ConsultantPlus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (date of address: 10.05.2023).

2. Stetsovsky Yu. I. Criminal procedural activity of the defender: monograph. Moscow, 1982. 50 p.

3. Milikova A. V., Rossinsky S. B. Criminal procedural acts of preliminary investigation bodies: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2021. 126 p.

4. Lupinskaya P. A. Petitions and complaints // Problems of codification of criminal procedural law: collection of articles. Moscow, 1987. 78 p.

5. Maksimov O. A. The Legal Institute of petitions and complaints at the pre-trial stages of the criminal process of the Russian Federation as a way to protect the rights of citizens: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Moscow, 2005. 14 p.

6. Davletov A. A., Asanov R. S. Petitions and other appeals of participants in pre-trial proceedings to the investigator // A Russian investigator. 2021. No. 5. Pp. 8–12.

7. Alekseev A. G. Questions of theory and practice of application, consideration and resolution of petitions in the criminal process of the Russian Federation: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Barnaul, 2005.

8. Alimamedov E. N., Pushkarev V. V. Actual issues of theory and practice of application and resolution of petitions filed after familiarization with the materials of the criminal case // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 11. 144 p.

9. Taran A. S. «Non-admission» of a lawyer to participate in criminal proceedings: legislation and judicial practice // Judicial power and criminal process judicial power and criminal process. 2012. No. 1. 119 p.

10. Otchertsova O. V. The problem of admission of a lawyer to participate in a criminal case // Issues of Russian and international law. 2016. No. 7. 107 p.

11. Federal Law No. 73-FZ of April 17, 2017 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2017. No. 83. April 17.

12. Davletov A. A., Asanov R. S. The legal function of the investigator: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2022.

13. Federal Law No. 23-FZ of March 4, 2013 «On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // ConsultantPlus: website. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142908 (accessed: 05/10/2023).

14. Bykov V. M. The new Law on the rights of a lawyer in criminal proceedings: a scientific commentary // Modern Law. 2017. No. 11. Pp. 108–112.

15. Vdovtsev P. V., Charykov A. V. New amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation about a specialist // Russian investigator. 2017. No. 18. Pp. 45–50. No. 3. 32 p.

16. Ulyanov V. G. Petitions of participants in the criminal process // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2018. No. 3. Pp. 28–32.

17. Davletov A. A. Is the investigator obliged to attach to the criminal case and secure as material evidence the materials presented by the defense lawyer? // Law practice. 2019. No. 4. Pp. 33–38.

18. Asanov R. Sh. Ensuring the rights of the individual as a function of the investigator in the criminal process: dis. ... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2021.

19. Procedure and terms of consideration of citizens' appeals // Investigative Committee of the Russian Federation for the Murmansk region: website. URL: <http://murmansk.sledcom.ru/references/Poryadok-obrashheniya-grazhdan-v-sledstv/Poryadok-i-sroki-rassmotreniya-obrashhen>.

20. Asanov R. S. The problem of compliance by the investigator with the deadline for the resolution of petitions submitted by participants in pre-trial proceedings through incoming correspondence of the body of criminal proceedings // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. Pp. 139–140.

Информация об авторе

Асанов Решат Шевкетович – кандидат юридических наук

Information about the author

Asanov Reshat S. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

К вопросу об участии защитника в уголовном судопроизводстве

Балуев Артем Сергеевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, baluev-1988@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с обязательным участием защитника в уголовном судопроизводстве, изучены правовые последствия отказа подозреваемого (обвиняемого) от защитника. Кроме того, в целях более качественного раскрытия темы исследования проведен анализ судебной практики.

Ключевые слова: защитник, подозреваемый, обвиняемый, следователь, дознаватель, права

Для цитирования: Балуев А. С. К вопросу об участии защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 41–44.

Original article

On the issue of the participation of a defense lawyer in criminal proceedings

Baluyev Artem S.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, baluev-1988@inbox.ru

Abstract. The article discusses issues related to the mandatory participation of a defense lawyer in criminal proceedings, and studies the legal consequences of the refusal of a suspect (accused) to have a defense lawyer. In addition, in order to better disclose the research topic, an analysis of judicial practice was carried out.

Keywords: defender, suspect, accused, investigator, inquirer, rights

For citation: Baluyev A. S. On the issue of the participation of a defense lawyer in criminal proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 41–44.

Защитник является участником уголовного судопроизводства и предоставляется подозреваемому (обвиняемому) по их желанию, но есть ряд исключений, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, регламентирующей случаи его обязательного назначения.

В первую очередь это ситуации, когда подозреваемый (обвиняемый) в инициативном порядке не отказался от защитника. Следует отметить, что законодатель предусматривает возможность такого отказа в любой момент производства по уголовному делу (например, во время проведения конкретного следственного действия). При этом следователь (дознаватель) должен данный факт зафиксировать в письменном виде в целях подтверждения того, что лицо добровольно отказалось от участия защитника, и его право на защиту не нарушено.

Для должностных лиц такой отказ подозреваемого (обвиняемого) согласно ч. 2 ст. 52 УПК РФ не является обязательным к исполнению. Принимая решение по факту, следователю (дознавателю) необходимо действовать исключительно в интересах уголовного расследования и соблюдения принципов уголовного судопроизводства.

Наравне с отказом от защитника подозреваемый (обвиняемый) имеет право ходатайствовать о его участии в любой момент производства по делу. При этом если защитник вступил в дело не с самого начала расследования, то ему должна быть предоставлена возможность ознакомиться со всеми материалами, связанными с производством процессуальных и следственных действий с участием своего подзащитного.

Также защитник обязательно назначается, если субъектом преступления является несовершеннолетнее лицо, то есть на момент совершения преступления не достигшее 18-летнего возраста, соответственно не способное в полной мере осознавать всю общественную опасность совершенного им противоправного деяния.

Как правило, именно на несовершеннолетних достаточно просто повлиять психически и принудить к совершению преступления, используя в качестве довода легенду о безнаказанности в силу возраста. Безусловно, это совершенно не соответствует действи-

тельности, т. к. у каждого противоправного деяния есть последствия.

Производство по делам в отношении несовершеннолетних является усложненной дифференцированной формой, что связано с особенностями проведения следственных действий, предъявления обвинения, определения предмета доказывания. С несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) достаточно сложно устанавливать контакт, кроме того, они в силу возраста не могут в полной мере пользоваться своими правами, а также понимать толкование правовых актов (например, где говорится о его процессуальном статусе), поэтому их интересы должны представлять иные участники судопроизводства – законный представитель, педагог, психолог и защитник.

Обязательное участие защитника требуется и подозреваемому (обвиняемому), который не может самостоятельно пользоваться и осуществлять свое право на защиту в силу физических и психических возможностей. Если лицо действительно по объективным причинам не способно отстаивать свои законные интересы в полном объеме, соответственно, есть обязательство по предоставлению ему защитника [1, с 211].

Еще одним условием обязательного участия защитника является незнание подозреваемым (обвиняемым) языка уголовного судопроизводства, которым в соответствии с ч. 1 ст. 18 УПК РФ является русский либо государственные языки республик, входящих в состав Российской Федерации. В таком случае присутствие защитника будет обеспечивать защиту уголовно преследуемого лица и гарантировать ему квалифицированную юридическую помощь. В этом случае в процесс вступает еще один обязательный участник – переводчик.

Если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрено наказание свыше пятнадцати лет лишения свободы, пожизненное лишение свободы, а также смертная казнь, участие защитника обязательно. Не смотря на то, что на данный момент в российском государстве смертная казнь не применяется в связи с наложением моратория, однако в уголовном законодательстве такая мера наказания до сих пор существует, соответственно и в Уголовно-процессуальном кодексе нашей страны эта формулировка до сих пор применяется. В связи с тяжестью совершенного преступления и строгостью возможного наказания участие защитника в рассматриваемом случае является обязательным условием вне зависимости от желания самого лица, в отношении которого расследуется уголовное дело [2, с. 287].

Рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей также предусматривает обязательное участие защитника в силу специфики и порядка реализации данного процесса. Он обеспечивает юридическую помощь подозреваемому (обвиняемому), разъясняет все важные нюансы, правила и

особенности судебного разбирательства с участием присяжных заседателей.

Обязательно участие защитника в случаях, когда преступник согласен с предъявленным обвинением и имеет возможность заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в суде в особом порядке, т. е. в принятии решения без исследования доказательств. Следует отметить, что только обвиняемый самостоятельно и добровольно может ходатайствовать по указанному вопросу [3, с 47–49].

Участие защитника обязательно при производстве дознания в сокращенной форме, основная его обязанность при этом заключается в разъяснении подзащитному нюансов, требований и последствий расследования уголовного дела в таком порядке.

Если во всех вышеперечисленных случаях подозреваемый (обвиняемый) самостоятельно не обеспечил себе защитника, то такая обязанность возлагается на должностных лиц, ведущих расследование.

Анализ судебно-следственной практики рассмотрения дел с участием защитника позволяет сделать вывод о том, что квалифицированная юридическая помощь играет значительную роль в уголовном судопроизводстве. Приведем пример, когда назначенному защитнику удалось доказать, что его подзащитный не виновен в смерти своего соседа. Согласно обвинительному заключению гражданин С. совместно с гражданином К., находясь в доме последнего, распивали спиртные напитки. В один момент между ними произошла незначительная ссора, в ходе которой гражданин К. толкнул гражданина С. в грудь, за что тот в свою очередь несколько раз ударил обидчика по лицу. После этого гражданин С. пошел к себе домой, но во дворе услышал, что сосед его преследует, обернулся и увидел у него в левой руке что-то, похожее на топор. Опасаясь за свою жизнь, обвиняемый схватил с земли первый попавшийся предмет, им оказалась коса, и нанес ею один удар в плечо преследователю. Утром гражданина К. нашли мертвым на крыльце его дома, рядом с ним лежал топор.

В материалах уголовного дела имеется явка с повинной гражданина С., где он указывает, что между ним и погибшим завязалась ссора, из-за которой он ушел, но гражданин К. преследовал его и угрожал расправой. Услышав скрежет металлического предмета, показавшегося гражданину С. топором, он отразил удар поднятой с земли косой, после чего соседи разошлись. Также имеется заключение эксперта, что гражданин К. скончался от шока и обильной кровопотери.

После приведенных защитником в ходе судебного заседания доводов прокурор ходатайствовал перед судом о переквалификации деяния с убийства на причинение предметом, использованным в качестве оружия, тяжких телесных повреждений с превышением необходимой обороны, повлекшее за собой смерть. В дальнейшем защита была построена на анализе имеющихся в деле доказательств, среди которых и вышеуказанное заключение эксперта по проведенной судебной медицинской экспертизе, и аргументирова-

но представила свою позицию относительно того, что гражданин К. нанес себе в плечо удар топором, послуживший причиной смерти.

На основании всех приведенных доводов защитника суд принял решение о вынесении оправдательного приговора гражданину С. и разъяснил ему право на реабилитацию [4].

Приведенный пример ярко иллюстрирует значение квалифицированной юридической помощи защитника в уголовном судопроизводстве и реализации права на защиту подсудимого. Кроме того, законодатель не ограничивает количество защитников у одного подозреваемого (обвиняемого).

Как мы уже отмечали ранее, в соответствии с действующим законодательством отказ подозреваемого (обвиняемого) от защитника фиксируется письменно, что подтверждает принятие такого решения добровольно и самостоятельно. При этом принимаемое решение не может быть связано с отсутствием материальной возможности уголовно преследуемого лица оплатить услуги адвоката. Кроме того, отказ для следователя (дознателя) и суда не является обязательным.

Следует отметить, что подозреваемый (обвиняемый) могут отказаться от участия защитника при производстве конкретного следственного действия. В этом случае следователю (дознателю) необходимо руководствоваться ст. 75 УПК РФ, согласно которой показания, данные на досудебном производстве без участия защитника, и не подтвержденные в суде, являются недопустимыми доказательствами.

Отказ от защитника в уголовном процессе означает, что подозреваемый (обвиняемый) самостоятельно обеспечивает себе защиту, безусловно, кроме вышеуказанных случаев, когда его присутствие обязательно [5, с. 89].

Следует обратить внимание, что если решение об отказе было принято в присутствии самого защитника, то приобщенный к материалам уголовного дела ордер подтверждает наличие у лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, реальной возможности воспользоваться правом на защиту и добровольный отказ от него.

Стоит отметить значимость положения ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которая регламентирует обязанность адвоката по поддержанию своего подзащитного, исключением может быть тот случай, когда защитник из своих внутренних побуждений уверен в том, что подозреваемый, обвиняемый отказывается от его услуг не по своей воле [6].

В любом случае при отказе лица от защитника необходимо выяснять причину, а также является ли такое решение отказом от защиты в целом либо от услуг конкретного защитника, поскольку некомпетентное лицо может не видеть разницу между этими позициями. В последнем случае необходимо разъяснить подозреваемому (обвиняемому), что он может по своему усмотрению пригласить другого защитника и

ходатайствовать о нем либо осуществляет свою защиту самостоятельно.

Исследователи выделяют ряд причин отказа от конкретного защитника, наиболее часто встречаемые в практической деятельности:

- незнание адвокатом всех материалов и нюансов уголовного дела;
- желание иметь другого адвоката;
- недоверие к адвокату;
- несогласие с позицией адвоката;
- отсутствие средств для оплаты услуг определенного адвоката [7, с. 100].

В любом случае следователю (дознателю) или суду, ведущим производство по уголовному делу, надлежит разобраться в указанных причинах и обеспечить реализацию права подозреваемого (обвиняемого) или подсудимого на защиту.

Таким образом, защитник предоставляется государством только подозреваемому и обвиняемому, при этом уголовно-процессуальное законодательство регламентирует конкретные условия его обязательного присутствия, а также основания, по которым возможен отказ от него. Право на защиту регламентировано не только УПК РФ, но и Конституцией РФ, что требует неукоснительного его соблюдения, в противном случае может последовать нарушение законных прав и интересов граждан. Хотелось бы также отметить, что защитник – это лицо, поддерживающее своего подзащитного и выбирающее любые не противоречащие закону способы и средства для защиты и оказания квалифицированной юридической помощи [8].

Список источников

1. Баев М. О. Теория профессиональной защиты: тактико-этические аспекты. Москва: Юрлитинформ, 2017. 229 с.
2. Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. Москва: Юридическая литература, 2017. 340 с.
3. Власов А. А. Адвокат в судопроизводстве: краткий учебный курс. Москва: Норма, 2019. 252 с.
4. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchitnik-po-naznacheniyu-dokazal-prisyazhnym-nevinovnost-podzashchitnogo-obvinyaemogo-v-smerti-soseda/>
5. Епанешников А. С. Защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого в российском досудебном производстве: учебное пособие. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 307 с.
6. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».
7. Живулина Т. С. Защита по уголовному делу: пособие для адвокатов. Москва: Юрист, 2020. 256 с.
8. Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. Москва: Экзамен, 2019. 204 с.

References

1. Baev M. O. The theory of professional protection: tactical and ethical aspects. Moscow: Yurlitinform, 2017. 229 p.
2. Boykov A.D. Ethics of professional defense in criminal cases. Moscow: Legal literature, 2017. 340 p.
3. Vlasov A. A. Lawyer in legal proceedings: a short training course. Moscow: Norma, 2019. 252 p.
4. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchitnik-po-naznacheniyu-dokazal-prisyazhnym-nevinovnost-podzashchitnogo-obvinyaemogo-v-smerti-soseda/>
5. Epaneshnikov A. S. Protection of the rights and legitimate interests of the suspect and accused in Russian pre-trial proceedings: a textbook. Orenburg: OSAU Publishing Center, 2018. 307 p.
6. Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ "On advocacy and the legal profession in the Russian Federation."
7. Zhivulina T. S. Defense in a criminal case: a manual for lawyers. Moscow: Lawyer, 2020. 256 p.
8. Zaitsev O. A. State protection of participants in criminal proceedings. Moscow: Exam, 2019. 204 p.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 01.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 01.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Процессуальные и иные полномочия начальника подразделения дознания по организации расследования неочевидных преступлений дознавателями системы МВД России

Курилов Сергей Иванович
Академия управления МВД России, Москва, Россия, skurilov78@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7243-9624>

Аннотация. В рамках настоящей статьи автор рассматривает процессуальные и иные (непроцессуальные) полномочия руководителя подразделения дознания, имеющие организационно-распорядительный характер и содержащиеся в ведомственных нормативных правовых актах. Анализирует пробелы законодательства, связанные с их осуществлением, на примере организации расследования неочевидных преступлений. Предлагает рекомендации по совершенствованию и законодательному закреплению рассматриваемых функций указанной категории должностных лиц.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные нормы, полномочия, ведомственные нормативные акты, организация расследования, неочевидные преступления

Для цитирования: Курилов С. И. Процессуальные и иные полномочия начальника подразделения дознания по организации расследования неочевидных преступлений дознавателями системы МВД России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 45–49.

Original article

Procedural and other powers of the head of the inquiry unit to organize the investigation of non-obvious crimes by investigators of the Russian Ministry of Internal Affairs system

Kurilov Sergey I.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, skurilov78@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7243-9624>

Abstract. Within the framework of this article, the author examines the procedural and other (non-procedural) powers of the head of the inquiry unit, which have an organizational and administrative nature and are contained in departmental regulatory legal acts. Analyzes the gaps in legislation related to their implementation, using the example of organizing the investigation of unobvious crimes. Offers recommendations for improving and legislatively consolidating the considered functions of the specified category of officials.

Keywords: criminal procedural norms, powers, departmental regulations, organization of investigation, non-obvious crimes

For citation: Kurilov S. I. Procedural and other powers of the head of the inquiry unit to organize the investigation of non-obvious crimes by investigators of the Russian Ministry of Internal Affairs system // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 45–49.

Важным моментом в повышении роли руководителей подразделений дознания является необходимость принятия эффективных мер, в том числе на межведомственном уровне, направленных на улучшение результатов оперативно-служебной деятельности. Особое внимание уделяется осуществлению управленческих функций указанной категории долж-

ностных лиц и усилению ведомственного и процессуального контроля над деятельностью подразделений дознания.

Мониторинг оперативной обстановки на территории Российской Федерации свидетельствует о сни-

жении в 2022 году количества зарегистрированных преступлений по линии дознания (-1,5 %; 824 238), при этом в 22 территориальных органах МВД России наблюдается рост преступности [1].

На фоне глобальных политических и социально-экономических событий, связанных с проведением специальной военной операции, изменились структура и виды преступности. Ухудшение материального положения граждан способствовало росту некавалифицированных краж (+6,7 %; 231 104) и мелких хищений, совершенных лицами, подвергнутыми административному наказанию (+37,1 %; 37 776) [1]. Значительное количество противоправных деяний совершено в торговых центрах, супермаркетах и продовольственных магазинах. Предметами преступного посяательства являлись продукты питания и промышленные товары.

Общее количество дел, оконченных производством, сократилось на 5794 (с 368 252 до 347 338), нагрузка по ним на одного сотрудника составила 17,2 (АППГ – 18,2). Направлено прокурорами в суд 306 389 уголовных дел (-1,494; АППГ – 310 830), нагрузка по которым с учетом повторного рассмотрения составила 15,2 (АППГ – 15,4). Их удельный вес от числа оконченных возрос до 88,2 % (АППГ – 84,4 %) [1].

Кроме того, дознавателями рассмотрено 222 049 (+3,394) заявлений (сообщений) о преступлениях, по которым ими было (с учетом повторных) вынесено 295 806 (+194) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. В связи с этим средняя нагрузка на одного сотрудника по материалам проверки составила 14,6 (АППГ – 14,5) [1].

При этом анализ обращений, поступивших в МВД России, показывает, что по линии дознания выявляются системные нарушения в деятельности подразделений районного уровня и вышестоящих звеньев территориальных органов МВД России, что связано с отсутствием должного взаимодействия служб, фактической бесконтрольностью. Сложившаяся ситуация влечет за собой утрату доказательственной базы ввиду негативного влияния временного фактора и, как следствие, создает условия для освобождения правонарушителя от уголовной ответственности и способствует безнаказанности и вседозволенности.

В связи с этим следует отметить, что в рассматриваемый период удельный вес уголовных дел, включая повторные, производство по которым было приостановлено по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, увеличился до 51,7 % (АППГ – 50,1 %) [1].

Следует отметить, что значительное число уголовных дел повторно принималось к производству в связи с отменой постановлений о приостановлении расследования, что обусловлено низким качеством дознания, нарушениями ч. 5 ст. 208 УПК РФ в части принятия необоснованных решений (в первую очередь по уголовным делам о неочевидных преступлениях). Данная ситуация свидетельствует о недоработках и упущениях со стороны начальников подразделений дознаний по организации контроля

за полнотой производства дознания по уголовным делам вышеуказанной категории.

Следует согласиться, что на практике зачастую процессуальные полномочия в соответствии со ст. 40.2 УПК РФ по даче указаний о ходе расследования начальниками территориальных органов реализуются формально. При процессуальном контроле над расследованием уголовных дел о неочевидных преступлениях ответственность руководителями органа дознания перекладывается только на начальников подразделений дознания. Но фактически они не ориентируют дознавателей на качественное планирование расследования, что не позволяет эффективно распределить физические и временные затраты. Заинтересованность в раскрытии преступлений компетенции дознания либо в установлении виновных лиц по уголовным делам, не имеющих судебной перспективы, отсутствуют.

Совместная работа оперативных сотрудников, участковых уполномоченных полиции и дознавателей, как правило, осуществляется лишь на этапе возбуждения уголовного дела либо при раскрытии преступлений по «горячим следам». Но даже тогда качество осмотров мест происшествия находится на крайне низком уровне, фототаблицы и планы-схемы в большинстве случаев не составляются и не приобщаются, иногда значимые для доказывания объекты не изымаются и не опечатываются. Проведение осмотров по истечении длительного времени от произошедшего события влечет за собой утрату доказательственной базы. Рекомендации, изложенные в справочнике дознавателя «Осмотр места происшествия, криминалистическое обеспечение назначения экспертиз, применение мер процессуального принуждения», на практике не применяются.

Контроль качества составления дознавателем письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий руководством органов дознания не осуществляется, что приводит к их формальному исполнению оперативными подразделениями. В результате преступления остаются не раскрытыми.

Не используются рекомендации Управления организации дознания МВД России «Об обеспечении полноты и качества письменных поручений, направляемых в порядке п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ в орган дознания». Вместо принятия процессуального решения о приостановлении дознания в порядке п. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в отдельных регионах существует негативная практика вынесения постановлений о продлении сроков дознания на 4–6 месяцев по уголовным делам о неочевидных преступлениях. Не принимаются надлежащие меры обеспечения принципа неотвратимости наказания по преступлениям прошлых лет, при этом к данной категории необоснованно относятся ранее приостановленные уголовные дела, в которых изначально имелась информация о фигурантах.

В нарушение указания МВД России от 25 января 2022 г. № 1/592 «Об организации ведомственного контроля» работа в части незамедлительного при-

нения дознавателями уголовных дел к производству после отмены надзирающими прокурорами решений о приостановлении расследования должным образом не организовывается. Это приводит к грубейшим нарушениям законности, в том числе позволяет подозреваемым избегать привлечения к уголовной ответственности в связи с истечением срока давности.

Руководством ряда территориальных органов МВД России не обеспечивается ведомственный контроль за сохранностью изъятых с места происшествия предметов и орудий преступления, что создает предпосылки к их утрате, порче, подмене, хищению и изменению видовых характеристик вещественных доказательств по уголовным делам и материалам предварительных проверок. Впоследствии это приводит к спорным вопросам и создает трудноразрешимые ситуации при установлении подозреваемых и обвиняемых лиц и доказывании их вины [2].

Вышеперечисленные проблемы говорят о необходимости применения начальниками подразделений дознания всего комплекса процессуальных и иных полномочий для организации результативной работы дознавателей по раскрытию неочевидных преступлений.

В разрешении рассматриваемых проблем немало важным аспектом является внедрение теоретической основы в организацию работы начальников подразделений дознания. Так, теоретические и практические аспекты организации расследования преступлений, в том числе и неочевидных, исследовались многими отечественными учеными и специалистами: Р. С. Белкиным, С. В. Валовым, А. К. Гавриловым, А. Н. Балашовым, А. В. Дуловым, И. И. Колесниковым, В. П. Лавровым, А. М. Лариным, В. А. Милехиным, И. П. Можяевой, А. А. Нечаевым, В. В. Степановым, М. П. Шаламовым, А. Г. Филипповым и др. Все они сходятся во мнении, что любая организация расследования направлена, в первую очередь, на получение предполагаемого результата. В данном случае речь идет об управленческом воздействии на сотрудников подразделений дознания в целях обеспечения надлежащего ведения уголовного судопроизводства, связанного с защитой прав и законных интересов граждан и организаций, потерпевших от преступных посягательств, а также с раскрытия неочевидных (нераскрытых) преступлений.

Под процессом управления в данном случае следует понимать комплекс непрерывных, взаимосвязанных и в последовательном порядке осуществляемых действий, при котором будет должным образом организована работы подразделений дознания по расследованию неочевидных преступлений.

При этом управленческая деятельность должна рассматриваться в контексте руководящих и руководимых субъектов: руководитель – начальник подразделения дознания; исполнитель – дознаватель; приданные силы – должностные лица органа дознания, сотрудники экспертных подразделений и т. п. Это означает, что руководитель оказывает управленческое воздействие на исполнителя, который, в свою оче-

редь, посредством направления поручений оказывает управленческое воздействие на приданные силы, по отношению к которым он является управляющим субъектом. Конкретный дознаватель, как управляемый и управляющий субъект, принимает меры по раскрытию неочевидного преступления.

Следует отметить, что сущность и содержание термина «неочевидное (нераскрытое) преступление» в научной литературе рассматривается в различных значениях:

- во-первых, как преступное деяние, по которому лицо, его совершившее, не установлено, и его необходимо разыскать;
- во-вторых, как преступление, по которому лицо не привлечено в качестве обвиняемого;
- в-третьих, как деяние, в связи с которым не установлены все обстоятельства, необходимые для составления обвинительного заключения [3, с. 98–99].

Вместе с тем, следует отметить, что неочевидным (нераскрытым) считается то преступление, производство по которому приостановлено на основании п. 1, 2 или 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. И исключаются они из этого числа только после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо о его прекращении [4].

В ходе проведенных исследований вышеуказанными учеными выработаны предложения, направленные на совершенствование работы начальников подразделений дознания. В этой связи, как рассуждает в своих работах В. А. Милехин, начальнику подразделения дознания по возникающим в деятельности дознавателей проблемным вопросам необходимо вовремя выявить имеющиеся недостатки и внести соответствующие коррективы, основываясь при этом на имеющихся знаниях и управленческом опыте [5]. Осуществляя свои контрольные функции, он устанавливает существенные нарушения законодательства, своевременно реагирует на них, принимая должные меры к их устранению на всех этапах расследования уголовного дела.

Исходя из состава рассматриваемой категории преступлений, можно выделить три направления организации работы:

- 1) установление виновных;
- 2) установление места нахождения виновных (в т. ч. и за рубежом);
- 3) контроль устранения обстоятельств, препятствующих участию в следственных действиях.

Следует заметить, что указанная деятельность по организации расследования неочевидных преступлений осуществляется не только в процессуальной, но и в непроцессуальной форме и регламентируется соответственно федеральным законодательством и ведомственными нормативными актами.

Рассматриваемые процессуальные полномочия содержатся в ст. 40.1 УПК РФ:

- поручение подчиненным сотрудникам проведение проверки по сообщениям о преступлениях и принятия решений по ним;

- поручение подчиненным сотрудникам выполнения неотложных следственных действий в установленном законом порядке;
- изъятие и передача уголовного дела от одного подчиненного сотрудника другому;
- отмена необоснованных постановлений подчиненных сотрудников о приостановлении производства дознания по находившимся в их производстве уголовным делам;
- внесение ходатайств прокурору по вынесенным подчиненными сотрудниками постановлениям об отказе в возбуждении уголовного дела и др.

Немаловажным является право начальника подразделения дознания на осуществление проверки сообщений о преступлениях, а также уголовных дел находящихся в производстве подчиненных сотрудников, по которым он вправе давать указания о направлении расследования. Например, проверка всевозможных версий и фактов, изобличающих лиц в совершении преступлений, установление новых обстоятельств и т. п. Вместе с перечисленным он имеет право указывать подчиненным сотрудникам по вопросам избрания меры пресечения, квалификации деяния и объема предъявляемого обвинения по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Иные процессуальные права и обязанности сохраняются, но уже в меньшем объеме, в других нормах уголовно-процессуального законодательства. Однако следует отметить, что в них имеются пробелы. Например, среди полномочий начальника подразделения дознания имеется право на возбуждение уголовного дела (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ), а как лицо, наделенное правом проводить проверку сообщения, в том числе и по неочевидным преступлениям, он не указан (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Это ставит под сомнение законность его действий при ее самостоятельном проведении, значительно сужая круг полномочий. В связи с чем данная норма статьи нуждается в совершенствовании относительно расширения процессуальных полномочий.

Так же одним из пробелов законодательства является представленное начальнику подразделения дознания право отмены необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовным делам (п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ), в том числе и по неочевидным преступлениям, т. к. чтобы воспользоваться данным правом ему необходимо внести ходатайство прокурору (п. 4 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ). Данное обстоятельство является нелогичным в связи с тем, что начальник подразделения дознания в порядке ст. 145 УПК РФ поручает дознавателю принять по материалам проверки соответствующее решение, в число которых входит и отказ в возбуждении уголовного дела.

Внесение дополнений в п. 4 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ в целях устранения указанного несоответствия позволит повысить эффективность его контрольных функций и будет способствовать оперативному реагированию на незаконное принятие решений дознавателями.

Как показывает практика, закрепленных в УПК РФ полномочий недостаточно для эффективной и результативной деятельности дознавателей по расследованию неочевидных уголовных дел. В связи с этим они наделяются иными непроцессуальными полномочиями, имеющими организационно-распорядительный характер и содержащимися в ведомственных нормативных правовых актах.

Некоторые специалисты придерживаются мнения о недопустимости смешивания процессуальных и организационных полномочий, т. к. последние находятся за границами уголовного судопроизводства [6].

В этой связи следует отметить, что основные непроцессуальные (организационные) полномочия по осуществлению руководства подчиненными сотрудниками, планированию их работы, контролю за их деятельностью, соблюдению ими законности и сроков, а также по распределению служебных обязанностей, в том числе внесению предложений по организации внутреннего и внешнего взаимодействия между подразделениями, различными ведомствами и организациями закреплены в приказе МВД России от 15 июня 2020 г. № 430 [7].

Иные полномочия по организации дежурств подчиненных дознавателей, материальном и методическом обеспечении их деятельности, проведению инструктажей перед выездом на место преступления в составе следственно-оперативной группы, а также по инициированию дополнительных следственных и оперативных мероприятий, осуществлению контроля качества собранного материала и своевременности принятия по ним решений, внесению предложений о создании групп дознавателей и их изменений закреплены в ряде других ведомственных нормативных актах и должностных регламентах.

Таким образом, в связи с трудоемкостью и объемом работы, выполняемой по расследовании уголовных дел по неочевидным преступлениям, подчиненные сотрудники нуждаются в общей организации и руководстве, в постоянном и систематическом процессуальном, а также в ведомственном контроле, особенно за решениями о приостановлении дознания в порядке п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В части последнего за начальниками подразделения дознания предлагается путем внесения соответствующих дополнений в ст. 40.1 УПК РФ законодательно закрепить процессуальные полномочия по вынесению письменного заключения об обоснованности принятого дознавателем решения о приостановлении дознания по вышеуказанным обстоятельствам.

Резюмируя вышеизложенное, предлагается внести изменения в следующие законодательные нормы:

- ч. 1 ст. 144 УПК РФ – дополнить перечень соответствующих должностных лиц, имеющих право на рассмотрение сообщений, в том числе и о неочевидных преступлениях, словами – «начальником подразделения дознания»;
- п. 4 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ – наделить начальника подразделения дознания полномочиями по отмене

необоснованных постановлений дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела;

– ст. 40.1 УПК РФ – закрепить процессуальные полномочия начальника подразделения дознания по вынесению письменного заключения об обоснованности принятого дознавателем решения о приостановлении дознания.

В целях законодательного закрепления и совершенствования иных (непроцессуальных) полномочий, конкретизации осуществления контроля за расследованием неочевидных преступлений и выработки единого механизма его осуществления предлагается на федеральном уровне издать соответствующий нормативный правовой акт.

Предложенные рекомендации по совершенствованию процессуальных и иных полномочий руководителя подразделения дознания, а также их законодательное закрепление позволит существенно повысить эффективность и результативность деятельности дознавателей по расследованию уголовных дел по неочевидным преступлениям.

Список источников

1. ФКУ «ГИАЦ МВД России», статистический отчет, 1-А, 1-EURL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books>

2. Обзор о результатах оперативно-служебной деятельности подразделений дознания территориальных органов МВД России по итогам работы за 2022 г., исходящий № 90/370 от 15 февраля 2023 г.

3. Нечаев А. А., Курилов С. И. Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: учебное пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2021.

4. Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утв. приказом Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» // КонсультантПлюс: сайт.

5. Милехин В. А. Организация дознания в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3.

6. Можаяева И. П. Организация расследования преступлений: криминалистические аспекты: учебно-методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015.

7. Приказ МВД России от 15 июня 2020 г. № 430. Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации // КонсультантПлюс: сайт.

2. Review of the results of operational and service activities of the inquiry units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia based on the results of work for 2022, outgoing No. 90/370 dated February 15, 2023.

3. Nechaev A. A., Kurilov S. I. Organization of the activities of the bodies of preliminary investigation and inquiry in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: textbook. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

4. Regulations on the unified procedure for registering criminal cases and recording crimes, approved by the Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Ministry of Justice of Russia, the FSB of Russia, the Ministry of Economic Development of Russia, the Federal Drug Control Service of Russia dated December 29, 2005 No. 39/1070/1021/253/780/353/399 «On the Unified accounting of crimes» // ConsultantPlus: website.

5. Milekhin V. A. Organization of inquiry in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 3.

6. Mozhaeva I. P. Organization of crime investigation: criminalistic aspects: studies.-method. p

Информация об авторе

Курилов Сергей Иванович – кандидат юридических наук

Information about the author

Kurilov Sergey I. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

References

1. FKU «GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia», statistical report, 1st, 1st URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books>

Несовершеннолетний как субъект следственных действий

Леонова Кристина Игоревна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, 156815916@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты участия в следственных действиях несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на примере статистических данных и следственной практики. Проанализированы научные подходы к определению несовершеннолетнего лица с точки зрения уголовного процесса, на основании чего предложено авторское видение понятия «несовершеннолетний участник следственного действия».

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший и свидетель, несовершеннолетний подозреваемый и обвиняемый, следственные действия, законный представитель, права несовершеннолетних, процессуальный статус несовершеннолетнего

Для цитирования: Леонова К. И. Несовершеннолетний как субъект следственных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 50–52.

Original article

Minor as a subject of investigative actions

Leonova Kristina I.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, 156815916@mail.ru

Abstract. The article examines certain aspects of the participation of minor victims and witnesses in investigative actions using the example of statistical data and investigative practice. Scientific approaches to the definition of a minor from the point of view of the criminal process are analyzed, on the basis of which the author's vision of the concept of "minor participant in an investigative action" is proposed.

Keywords: minor victim and witness, minor suspect and accused, investigative actions, legal representative, rights of minors, procedural status of a minor

For citation: Leonova K. I. Minor as a subject of investigative actions // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 50–52.

Уголовное судопроизводство России представляет собой сложный, системный и многофункциональный процесс, направленный на установление истины по каждому расследуемому уголовному делу. Одним из главных критериев, определяющих эффективность расследования, является обеспечение прав участников на каждой стадии уголовного процесса. Особое внимание законодатель уделяет участникам уголовного судопроизводства, которые не достигли возраста 18 лет. Определяя специфику их процессуального статуса, дополнительные гарантии, расширенный предмет доказывания и особенности производства следственных действий, законом до настоящего времени не дано уголовно-процессуальное определение «несовершеннолетний». Этот вопрос является достаточно актуальным на сегодняшний день и становится

предметом многочисленных дискуссий ученых и практиков.

Значимость исследования позиций, связанных с участием в уголовном судопроизводстве лиц, не достигших 18-летнего возраста, подтверждается и статистическими данными. Так, с января по декабрь 2022 года на всей территории Российской Федерации количество предварительно расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними, составляет 30 469 [1].

Порядок судопроизводства предусматривает производство необходимых следственных действий по каждому уголовному делу. Невозможно представить себе расследование без определенного комплекса мероприятий, проводимых следователем либо дознавателем в строгом соответствии с УПК РФ при чет-

ком соблюдении прав и свобод участников процесса. Особое место при этом отводится лицам, которым на момент их участия в следственных действиях не исполнилось восемнадцати лет.

Несовершеннолетний как несформированная личность обладает специфичной правообеспечительной особенностью, так как в силу своего развития и возраста не в состоянии в полной мере пользоваться своими правами и осуществлять обязанности. По мнению Н. В. Машинской, «законодатель, обособляя в отдельную главу нормы, регулирующие производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, проводит дифференциацию уголовного судопроизводства, одновременно подчеркивает особое, отличное от иных норм положение и признает наличие у них особых прав и обязанностей и необходимость повышенной защиты прав и законных интересов данных лиц» [3, с. 34].

Как известно, несовершеннолетние лица в уголовном процессе России могут выступать в качестве подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего и свидетеля. Подозреваемым (обвиняемым) не может быть признано лицо, не достигшее 16-летнего возраста, а по определенным составам – не достигшее 14 лет. Дети до 14 лет могут привлекаться к участию в уголовном судопроизводстве в статусе потерпевших и свидетелей при условии, что они способны предоставить значимую для расследования уголовного дела информацию. Минимальный предельный возраст участия несовершеннолетнего в следственных действиях законодателем не закреплен. Также не учтен факт, что потерпевшим может стать малолетний ребенок, и при этом защита его прав и интересов целиком возлагается на законных представителей, фактически заменяющих его в процессе.

Так, гр. К. перевозила в качестве пассажира на переднем пассажирском месте малолетнего К.В.С. Управляя технически исправным транспортным средством, в определенный период времени она не обеспечила контроль за движением, не была внимательна к дорожной обстановке и ее изменениям, тем самым нарушила требования Правил дорожного движения РФ, применив экстренное торможение на обледенелом и заснеженном участке проезжей части. Это не позволило ей снизить скорость в пределах своей полосы движения и вызвало положение, при котором автомобиль пошел в занос и начал вращаться относительно заданного направления, что привело к потере управления и непроизвольному выезду на встречную сторону проезжей части и столкновению со встречным автомобилем. Произошедшее по неосторожности К. обстоятельство повлекло причинение тяжкого вреда здоровью пассажиру управляемого ею автомобиля К.В.С., возраст которого на момент аварии составил девять месяцев.

В указанной ситуации следователь принял решение признать в качестве потерпевшего малолетнего ребенка, но в силу возраста допросить его не представлялось возможным, поэтому по обстоятельствам

уголовного дела допрашивался отец К.В.С., выступающий в качестве его законного представителя [3].

Приведенный пример подтверждает факт того, что лицо любого возраста может стать потерпевшим по уголовному делу.

С точки зрения уголовно-процессуального законодательства процессуальный статус несовершеннолетнего определяется специфичной процедурой производства следственных действий с его участием, что закреплено в гл. 50 УПК РФ. В ней максимально подробно регламентируется процессуальный статус несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), его законного представителя с обозначением прав, условий и порядка прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних, особенностей производства допроса, а также, одновременно регламентируются иные особенности досудебного производства и судебного разбирательства.

Вопросы, касающиеся уголовно-процессуальных интересов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, законодательно закреплены в меньшей мере, поэтому требуют дополнительного исследования. Для начала необходимо определить уголовно-процессуальную регламентацию понятия «несовершеннолетний», которое имеет отношение к различным отраслям российского права, что говорит о его междисциплинарном характере. Известно, что в гражданском законодательстве понятие «несовершеннолетний» определяется возрастом, когда наступает дееспособность лица. В теории административного права существуют различные точки зрения относительно данного определения, так как КоАП РФ не предусмотрено четкое понятие, а лишь указано с какого возраста лицо подлежит административной ответственности. Под несовершеннолетними в УК РФ понимаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет.

Анализ уголовно-процессуального законодательства показал, что понятие «несовершеннолетний» не конкретизируется в УПК РФ, с учетом его тесной связи с уголовным кодексом наблюдается отсылочная норма, обозначающая рассматриваемую категорию с точки зрения уголовно-правового смысла. Таким образом, понятие «несовершеннолетний» сводится лишь к возрасту субъекта правоотношений, но не раскрывает его полного понимания.

Как уже отмечалось, сложность понимания уголовно-процессуального определения категории «несовершеннолетний» обуславливается отсутствием четкой формулировки в УПК РФ. На данное обстоятельство обращено внимание известных ученых-процессуалистов. Так, Э. Б. Мельникова считает, что «несовершеннолетний – тот, кто не достиг определенного возраста, с которым закон связывает его полную гражданскую дееспособность, т. е. возможность реализовать в полном объеме предусмотренные Конституцией и другими законами страны субъективные права, свободы и юридические обязанности» [4, с. 6].

Ю. Р. Орлова считает, что «термин «несовершеннолетний», несмотря на сложную, междисциплинарную структуру и частое применение как в разноотраслевом законодательстве, так и в специальной литературе, до настоящего времени не имеет универсального законодательного определения» [5, с. 9]. Об этом же говорит А. А. Севастьянова: «Применительно к уголовному процессу <...> задача усложняется по причине отсутствия в ст. 5 УПК РФ пункта, раскрывающего понятие «несовершеннолетний»» [6, с. 374].

Большое внимание к отсутствию уголовно-процессуального термина «несовершеннолетний» уделено Е. В. Марковичевой, которая указывает, что «уголовное и уголовно-процессуальное законодательство нашей страны совершенно не раскрывают значение и сущность понятия «несовершеннолетний»» [7, с. 91].

Обозначенные рассуждения исследователей небезосновательны и приобрели особую актуальность в настоящее время, когда проблема четкого закрепления понятия «несовершеннолетний» остается основной при производстве следственных действий.

Исходя из изложенного, предлагаем закрепить четкую правовую позицию понятия, которое относится исключительно к уголовно-процессуальному законодательству и касается участия несовершеннолетнего при производстве следственных действий независимо от его процессуального статуса. Несовершеннолетний участник следственного действия – это лицо, в силу закона достигшее возраста, с которого вправе обладать процессуальным статусом потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого, и способное предоставить значимую информацию по расследуемому уголовному делу в рамках производства следственного действия.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map
2. Машинская Н. В. Понятие несовершеннолетнего в уголовном процессе и проблема дифференциации процессуальной формы по делам несовершеннолетних // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1 (21). С. 34–37.
3. По материалам уголовного дела, находящегося в производстве СУ УМВД России по Орловской области.
4. Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Москва: Дело, 2001. 272 с.
5. Орлова Ю. Р. Особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних. Москва: Издательство Московского университета МВД России, 2006. 180 с.
6. Севастьянова А. А. Несовершеннолетний как субъект уголовного процесса в современной России // Молодой ученый. 2017. № 11. С. 372–375.

7. Марковичева Е. В. Процессуальная дееспособность несовершеннолетних в российском уголовном процессе // Современное право. 2009. № 5. 91 с.

References

1. The state of crime in Russia in January-December 2022 // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
2. Mashinskaya N. V. The concept of a minor in criminal proceedings and the problem of differentiation of the procedural form in juvenile cases // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2013. No. 1 (21). Pp. 34–37.
3. Based on the materials of the criminal case, which is in the production of the SU UMVD of Russia in the Oryol region.
4. Melnikova E. B. Juvenile justice: problems of criminal law, criminal procedure and criminology. Moscow: Delo, 2001. 272 p.
5. Orlova Yu. R. Features of investigation and prevention of juvenile crimes. Moscow: Publishing House of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 180 p.
6. Sevastyanova A. A. A minor as a subject of criminal proceedings in modern Russia // Young scientist. 2017. No. 11. Pp. 372–375.
7. Markovicheva E. V. Procedural legal capacity of minors in the Russian criminal process // Modern law. 2009. No. 5. 91 p.

Статья поступила в редакцию 19.05.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 19.05.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Смерть уголовно преследуемого лица как юридический факт, образующий особенности уголовно-процессуальных правоотношений

Политыко Ольга Евгеньевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, lis.0612@yandex.ru

Аннотация. При производстве по уголовному делу часто возникают проблемы, не зависящие от субъектов, осуществляющих уголовное преследование. К одной из таких ситуаций относят смерть уголовно преследуемого лица. Данный юридический факт может произойти на любой стадии уголовного процесса, что значительно затрудняет деятельность властных участников. В статье рассмотрены особенности правового регулирования уголовно-процессуальных отношений при наступлении смерти подозреваемого или обвиняемого. Автором разработаны предложения по дополнению нормативных правовых актов в части совершенствования деятельности органов предварительного расследования по осуществлению обоснованного и справедливого производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные отношения, юридический факт, смерть уголовно преследуемого лица, подозреваемый, обвиняемый, близкий родственник, законный представитель, реабилитация

Для цитирования: Политыко О. Е. Смерть уголовно преследуемого лица как юридический факт, образующий особенности уголовно-процессуальных правоотношений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 53–59.

Original article

The death of a criminally persecuted person as a legal fact forming the features of criminal procedural legal relations

Polityko Olga E.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, lis.0612@yandex.ru

Abstract. In criminal proceedings, problems often arise that are independent of the subjects conducting criminal prosecution. One of these situations is the death of a criminally persecuted person. This legal fact can occur at any stage of the criminal process, which significantly complicates the activities of the power participants. The article discusses the features of the legal regulation of criminal procedural relations, upon the death of a suspect or accused. The author has developed proposals to supplement regulatory legal acts in terms of improving the activities of the preliminary investigation bodies to carry out reasonable and fair proceedings in a criminal case.

Keywords: criminal procedural relations, legal fact, death of a criminally prosecuted person, suspect, accused, close relative, legal representative, rehabilitation

For citation: Polityko O. E. The death of a criminally persecuted person as a legal fact forming the features of criminal procedural legal relations // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 53–59.

При решении уголовно-процессуальных задач в процессе возбуждения, расследования и прекращения уголовного дела перед представителями правоохранительных органов нередко возникают трудности в случае такого обстоятельства, как смерть участника уголовного судопроизводства.

Пробелом законодательства в сфере уголовно-процессуальных отношений является отсутствие в УПК РФ, а также разъяснениях Пленума Верховного

Суда РФ, понятия смерти как юридического факта, вызывающего множество правовых последствий.

Для толкования данного понятия обратимся к нормам других отраслей права. Так, согласно ст. 45 [1] и ст. 1113 ГК РФ [2] смерть гражданина может быть выражена в двух формах – наступление биологической смерти и гражданская (юридическая) смерть лица

при объявлении гражданина умершим при наличии фактов, изложенных в ст. 45 ГК РФ.

Мы можем встретить толкование этого понятия в иных сферах правовых отношений (например, в медицине и других отраслях), однако следует рассмотреть это понятие на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации как понятие смерти участника уголовного процесса.

Согласно положениям приказа Минздрава России от 4 марта 2003 г. № 73 «Об утверждении инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий» смерть человека наступает в результате гибели организма как целого [3].

Юридическое толкование понятия смерти дает А. А. Патрушева, рассматривая ее как событие, влекущее за собой последствия, которые характеризуются возникновением, изменением или прекращением уголовно-процессуальных отношений, связанных подозреваемым (обвиняемым), потерпевшим или свидетелем [4, с. 17]. Именно эти участники имеют большое значение в уголовном судопроизводстве, так как влияют на разрешение уголовного дела. Смерть иных участников уголовного судопроизводства не влечет за собой привлечение новых участников, являющихся близкими родственниками участника.

В данном случае нет четкой регламентации толкования этой дефиниции, именно поэтому необходимо закрепить понятие «смерть» в уголовно-процессуальном смысле. Мы считаем, что целесообразно ввести в УПК РФ норму, регламентирующую развитие уголовно-процессуальных правоотношений при признании юридической смерти лица, поскольку прекращение оперативно-розыскных мероприятий, уголовного преследования лица и производства по уголовному делу в некоторых случаях не представляется возможным, так как юридическое признание смерти гражданина не всегда является фактом биологической смерти.

Мы полностью согласны с приведенным выше определением А. А. Патрушевой, однако, по нашему мнению, следует добавить некоторые характеристики данного события. На основе вышеперечисленных дефиниций можно предположить, что смерть в уголовном судопроизводстве – это наступление биологически необратимых процессов, в результате которых наступает гибель организма человека, а также юридическая смерть лица при объявлении гражданина умершим, что приводит к отсутствию возможности его участия в уголовном судопроизводстве от своего имени и является основанием для привлечения к производству по уголовному делу нового лица.

Согласно ст. 45 Конституции РФ государством гарантируется защита прав и свобод каждого гражданина [5]. Следовательно, если права участника уголовного процесса были нарушены, перед правоохранительными органами стоит задача по их восстановлению в той мере, в которой это представляется возможным.

Таким образом, смерть участника уголовного судопроизводства как юридический факт становится основанием для возникновения новых уголовно-правовых отношений. В данном случае проблематичным является определение лица, которое будет представлять интересы умершего на предварительном расследовании, а также в суде.

Нравственные начала процедур уголовного судопроизводства закреплены в УПК РФ [6], так, например, из содержания ст. 6 УПК РФ можно сделать вывод, что основополагающей задачей уголовного судопроизводства является защита личности и ее прав. Наступление такого юридического факта, как смерть человека, не означает исчезновение его как личности, исходя из этого, можно сделать вывод, что нормы УПК РФ непосредственно распространяются на законные права и интересы умерших лиц, которые могут быть восстановлены за счет участия их близких родственников или представителей государства. Также содержание данной статьи свидетельствует о том, что деятельность правоохранительных органов обращена к восстановлению прав любого, подвергнутого безосновательному уголовному преследованию. В случае, если близкие родственники усомнились в правосудии, они имеют право доказать невиновность умершего уголовно преследуемого лица.

Принцип уголовного судопроизводства, заключающийся в охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, свидетельствует о необходимости защиты прав не только живого, но и умершего участника, так как из положений ч. 1 ст. 11 УПК РФ следует, что уполномоченное государством лицо, участвующее в уголовном судопроизводстве, обязано обеспечивать осуществление прав каждого из его участников.

Правопреемственность в уголовно-процессуальном праве зависит от функций привлекаемого к делу участника, то есть от того, кем был умерший участник, какую сторону он представлял – в данном случае сторону защиты или обвинения, т. к. при наступлении смерти иных участников судопроизводства можно обойтись без привлечения новых, поскольку исход дела напрямую не зависит от их наличия.

Как уже было выяснено, смерть участника уголовного судопроизводства является основанием для привлечения к уголовному делу иного лица. Появление нового участника сопровождается наделением его процессуальным статусом, т. е. совокупностью прав и обязанностей, осуществляемых в процессе производства по уголовному делу.

Согласно ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство построено на принципе состязательности сторон, его участников делят на сторону защиты, сторону обвинения и суд. Для уголовного судопроизводства данные участники имеют наибольшее значение, так как в отсутствие одной из сторон невозможно будет достичь состязания. Приведенные положения объясняют наличие в нормах УПК РФ упоминания о привлечении законных представителей при наступлении смерти потерпевшего (ч. 8 ст. 42 УПК РФ).

Уголовно преследуемое лицо, исходя из своего процессуального статуса, имеет особое значение для уголовного судопроизводства. Положение обвиняемого включает в себя права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, их объем больше по сравнению с подозреваемым. По нашему мнению, главной проблемой, возникающей при наступлении такого юридического факта, как смерть подозреваемого уголовно преследуемого лица, заключается в целесообразности продолжения производства по уголовному делу. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ смерть данного участника является основанием для прекращения уголовного дела, исключением из этого правила является реабилитация лица. Однако не обозначено и не закреплено положение о несогласии с фактом отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращении со стороны близких родственников умершего.

Стоит отметить, что положение п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ о порядке прекращения или отказа в возбуждении уголовного дела в связи со смертью уголовно преследуемого лица было закреплено еще в УПК РСФСР от 1960 года [7]. Однако в те времена данное положение не вызывало у общества такой интерес. Современный УПК РФ в отличие от советского построен на принципах состязательности и презумпции невиновности, он закрепляет важность соблюдения прав и свобод человека.

Значение принятия решения о прекращении уголовного дела в случае смерти подозреваемого или обвиняемого заключается в том, что данная ситуация влияет на протекание сроков уголовного судопроизводства. Появление близкого родственника уголовно преследуемого лица как нового участника требует привлечения его к уголовному делу, наделения его правами и обязанностями. Все эти процессы предполагают огромную затрату времени.

Обратная сторона рассматриваемого вопроса – это прекращение уголовного дела. В данном случае не требуется защита прав и законных интересов умершего лица в суде, оправдание его чести, доброго имени. Лицо признается виновным по доказательствам, собранным в процессе предварительного расследования. При этом сокращение процессуальных сроков при наступлении смерти подозреваемого (обвиняемого) является необходимостью для суда, следователя, прокурора соблюдать принцип разумного срока, закрепленный в УПК РФ. В указанной ситуации защита интересов умершего, доказательство его невиновности возлагается на его близких родственников.

Проблема возникает в том случае, когда близкие родственники не желают защищать права умершего. Некоторые процессуалисты предлагают расширить круг лиц, которые могут участвовать в уголовном судопроизводстве для защиты интересов умершего. При согласии лиц, не входящих в понятие «близкие родственники», возможно привлечь к участию в суде близких лиц умершего, которые готовы отстаивать его права. Нужно учесть, что чрезмерное расширение круга лиц, входящих в понятие «близкие лица»,

приведет к затруднению производства по уголовному делу.

Из анализа правоприменительной практики следует, что во многих случаях родственники подозреваемого, обвиняемого не согласны с решениями правоохранительных органов об отказе в возбуждении уголовного дела или его прекращении, в связи с этим следователям (дознателям) при разрешении такого вопроса необходимо руководствоваться точкой зрения Конституционного Суда РФ.

Согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П при решении вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела либо о его прекращении, в случае несогласия близких родственников подозреваемого (обвиняемого), решение подлежит пересмотру [8].

Принятие данного решения, по нашему мнению, вызвано тем, что по морально-этическим нормам недопустимо отказывать в возбуждении уголовного дела или прекращать производство по нему при наступлении такого события, как смерть уголовно преследуемого лица, поскольку это нарушает такие нравственные понятия, как честь, достоинство, доброе имя и право каждого на реабилитацию. Тем самым Конституционный Суд РФ закрепляет положение о необходимости осуществления охраны прав человека не только на период его жизни. Следователь при вынесении решений в ходе производства по делу должен руководствоваться не только нормами УПК РФ, Конституцией РФ, но также и постановлениями Конституционного Суда РФ, чтобы обеспечить законность и мотивированность своих решений.

Из вышесказанного следует, что другой не менее важной проблемой является отсутствие в УПК РФ конкретного круга лиц, которые вправе отстаивать интересы умершего, а также закрепление процессуального статуса близкого родственника уголовно преследуемого лица.

В данном случае УПК РФ не закрепляет положение о том, как следует называть нового участника уголовного судопроизводства, а следовательно, не может идти речи о его процессуальном статусе.

Ученые-правоведы в области уголовно-процессуального права выдвигают различные способы закрепления такого участника, добавив соответствующую норму в главу 7 УПК РФ. Мы придерживаемся точки зрения, что смерть уголовно преследуемого лица служит поводом для привлечения близкого родственника с процессуальным закреплением его статуса в качестве законного представителя уголовно преследуемого лица.

В судебной практике по уголовным делам, производство которых связано со смертью уголовно преследуемого лица, близкие родственники умершего принимают участие в качестве его представителя либо законного представителя. Однако их процессуальный статус определяется статьями 46, 47 УПК РФ, которые регламентируют статус подозреваемого (обвиняемого).

Например, решением Нижневартовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры уголовное дело № 22-881/2017 прекращено по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи согласием сына умершего; а дяде обвиняемого отказано в допуске в качестве представителя умершего в связи с тем, что в перечне близких родственников, регламентированном п. 4 ст. 5 УПК РФ, нет такого близкого родственника, как дядя.

Суд апелляционной инстанции Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, рассматривая апелляционную жалобу на незаконное прекращение производства по уголовному делу в отношении умершего лица и отказ в предоставлении права на привлечение нового участника уголовного судопроизводства – дяди умершего обвиняемого, отменил вышеуказанное постановление и вернул уголовное дело № 22-881/2017 для рассмотрения в общем порядке в суд первой инстанции.

В ходе рассмотрения жалобы судом установлено, что сын не был привлечен в качестве представителя умершего обвиняемого. Согласно решению Конституционного Суда РФ, в случае отказа одного из родственников в защите прав умершего участника уголовного судопроизводства его интересы может представлять другой родственник. Несмотря на то, что дядя не включен в перечень близких родственников, указанных в п. 4 ст. 5 УПК РФ, в качестве представителя обвиняемого могут выступать другие родственники не из числа близких, в соответствии с п. 37 ст. 5 УПК РФ [9].

Следовательно, признание дяди умершего обвиняемого в качестве его законного представителя, при отсутствии инициативы близких родственников, обусловлено обеспечением гарантируемого Конституцией РФ права на судебную защиту нарушенных прав и законных интересов самого умершего, гарантируемых интересам лицам, указанным в ч. 2 ст. 134 УПК РФ, и не противоречит нормам действующего законодательства.

Анализ приведенного решения суда свидетельствует о наличии пробела в уголовно-процессуальном законодательстве. Нормами УПК РФ закреплено, что защита прав умершего уголовно преследуемого лица осуществляется лишь при помощи привлечения в уголовное судопроизводство лиц из числа его близких родственников. В п. 3 ст. 5 УПК РФ дается толкование близких лиц только для потерпевшего и свидетеля, что отрицает возможность привлечение близкого окружения умершего уголовно преследуемого лица для защиты его прав.

Попыткой законодательного закрепления статуса и порядка привлечения в уголовный процесс близких родственников подозреваемого, обвиняемого была разработка Федерального закона № 180771-6, касающегося вопросов, вызванных смертью уголовно преследуемого лица, однако данный закон не был принят [10].

Рассмотрим некоторые положения проекта данного закона. Во-первых, пункт 3 ст. 5 УПК РФ после

слов «состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем» предлагалось дополнить словами «умершим обвиняемым, подозреваемым, лицом, подлежащим привлечению к уголовной ответственности».

Во-вторых, данный проект предполагал внести в УПК РФ такое понятие, как «представитель обвиняемого», то есть лицо, привлекаемое к участию в деле в случае смерти уголовно преследуемого лица для защиты его прав и законных интересов. Принятие в действие данного проекта могло бы значительно расширить права близких уголовно преследуемого лица для отстаивания его законных интересов.

В соответствии с положением ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства является, в том числе, и реабилитация умершего уголовно преследуемого лица. В том случае, когда речь идет об умершем, защита его прав возлагается на близких лиц, что имеет огромную значимость с моральной точки зрения. Перед законодателями ставится важная задача по регламентации данной процедуры защиты.

По нашему мнению, особенностью производства по уголовному делу, в котором наступила смерть отдельного участника, является не только появление новых участников, но и в случае наступления смерти уголовно преследуемого лица – специфический характер обстоятельств, подлежащих доказыванию. Вышеуказанный законопроект № 180771-6 предусматривает законодательное закрепление обстоятельств, подлежащих доказыванию в случае смерти лица, подлежащего уголовной ответственности. В нем предполагается введение новой статьи 446.2 УПК РФ, закрепляющей следующие положения.

При производстве по уголовному делу в случае смерти уголовно преследуемого лица подлежат доказыванию:

- 1) событие преступления;
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 4) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 5) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);
- 6) обстоятельства, способствовавшие совершению преступления [10].

Таким образом, представленная в законопроекте ст. 446.2 УПК РФ уменьшает перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, исключая пункты 5–7, содержащиеся в ст. 73 УПК РФ, так как в данном случае лицо не будет подвергнуто наказанию. По нашему

мнению, необходимо внести изменения в ст. 73 УПК РФ, дополнив ее частью 3 следующего содержания:

«При производстве по уголовному делу в случае смерти уголовно преследуемого лица исключить из обстоятельств, подлежащих доказыванию, пункты 5–7 части 1 настоящей статьи».

При наступлении смерти участника уголовного судопроизводства следует предоставить близким родственникам умершего лица право на защиту принадлежащих ему нематериальных благ в уголовном судопроизводстве, таких как честь, достоинство, деловая репутация. Это право следует из ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, в которой закреплено, что лицо может защищать принадлежащие ему права и законные интересы любым не противоречащим закону способом. Гарантацией указанного конституционного права является наделение близких лиц правами и обязанностями, которыми обладал умерший участник уголовного судопроизводства.

Имеет свои особенности продолжение производства по уголовному делу для реабилитации умершего. По мнению Т. Н. Москальковой, «в основе института реабилитации лежит нравственная позиция общества и государства в сфере уголовного судопроизводства, которая заключается в том, что оно заинтересовано не только в привлечении к уголовной ответственности, осуждении и наказании преступника, но и в том, чтобы ни один невиновный не стал жертвой обвинения в совершении преступлений» [11, с. 54].

В случае признания органами предварительного расследования или судом за умершим права на реабилитацию его близкие родственники или родственники в соответствии со ст. 136 УПК РФ вправе обратиться за возмещением морального вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, целями института реабилитации являются: восстановление нравственного облика уголовно-преследуемого лица; реализация презумпции невиновности как принципа уголовного судопроизводства; право его близких родственников на компенсацию морального вреда, причиненного уголовно преследуемому лицу в процессе расследования по уголовному делу.

Наступление такого юридического факта, как смерть участника уголовного судопроизводства, влечет за собой ряд последствий, которые могут быть выражены:

- в прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 24 УПК РФ, то есть в случае смерти подозреваемого (обвиняемого);
- в отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 4 ст. 24 УПК РФ;
- в привлечении нового лица в качестве участника уголовного судопроизводства, в данном случае возникает сложность с наделением участника правами и обязанностями.

Смерть подозреваемого (обвиняемого) влечет наступление уголовно-процессуальных отношений, которые посягают на конституционные, гражданско-

правовые и уголовно-процессуальные права участника уголовного судопроизводства. По нашему мнению, отсутствие правового регулирования данного вопроса является серьезным пробелом в уголовно-процессуальном законодательстве. Совершенствование указанного вопроса должно быть основано на нормах Конституции РФ и постановлений Конституционного Суда РФ.

На законодательном уровне отсутствует четкая регламентация порядка действий лица, принявшего производство по уголовному делу данной категории, поэтому органы, ведущие уголовное судопроизводство, вынуждены применять закон по аналогии. В связи с тем, что не закреплен процессуальный статус лица, защищающего интересы умершего уголовно преследуемого лица, не урегулирована процедура допроса данного участника. Проводить допрос в качестве обвиняемого незаконно, поскольку у лица нет такого процессуального статуса, и он не является уголовно преследуемым лицом. Исходя из судебной практики, процедура допроса такого лица производится по аналогии с допросом свидетеля, закрепленного ст. 187–191 УПК РФ.

Представитель лица, подлежащего уголовной ответственности, может быть привлечен на всех стадиях уголовного судопроизводства. В зависимости от стадии уголовного судопроизводства он будет именоваться как законный представитель подозреваемого или законный представитель обвиняемого. В том случае, когда лицо привлекается к уголовному судопроизводству после привлечения лица в качестве обвиняемого, он представляет его интересы в судебных стадиях. Если смерть подозреваемого наступает до привлечения его в качестве обвиняемого, возникает вопрос о порядке предъявления обвинения.

Специфика дел данной категории проявляется и в процедуре привлечения лица в качестве обвиняемого, которая проводится по правилам и в порядке главы 23 УПК РФ. Однако у следователя нет субъекта преступления. Согласно ст. 171 УПК РФ процедура предъявления обвинения начинается с вынесения следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, в данном случае в отношении умершего лица.

Следователю после вынесения указанного постановления подлежит уведомить обвиняемого, а в случае смерти лица – информировать его представителя в порядке ч. 4 ст. 172 УПК РФ. Процедура ознакомления представителя обвиняемого с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и разъяснения ему сущности обвинения и его прав осуществляется в общем порядке, однако необходимо сделать отметку о том, что с постановлением ознакомлен не сам обвиняемый.

После предъявления обвинения требуется незамедлительно произвести допрос; но поскольку обвиняемый мертв, правоприменитель должен решить вопрос, связанный с субъектом и процедурой данного следственного действия.

Сущность допроса обвиняемого заключается в выяснении следователем у уголовно преследуемого лица отношения к предъявленному обвинению и предоставлении ему возможности дать свои показания по обстоятельствам уголовного дела [12, с. 162].

По нашему мнению, в случае смерти обвиняемого необходимо изменить процедуру привлечения в качестве обвиняемого, исключив обязательный допрос, о чем сделать отметку в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого.

После ознакомления с постановлением о привлечении умершего лица в качестве обвиняемого следователем может быть допрошен законный представитель в порядке ст. 278 УПК РФ, если он обладает сведениями, имеющими значение для уголовного дела, закрепив производство данного следственного действия как право следователя, а не обязанность.

Итогом расследования при наступлении смерти обвиняемого могут быть следующие решения:

1) прекращение уголовного дела в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, только при согласии, полученном от близких родственников подозреваемого (обвиняемого);

2) если близкие родственники умершего участника не согласны с прекращением дела в его отношении, уголовное дело направляется в суд.

В обвинительном заключении (обвинительном акте) следует отражать факт смерти обвиняемого; утвержденное итоговое решение вручается представителю умершего.

Таким образом, уголовный процесс, осуществляемый после смерти участника уголовного судопроизводства, проводится по общему правилу, за исключением некоторых особенностей. Однако, по нашему мнению, необходимо введение уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок уголовного судопроизводства в случае смерти участника уголовного процесса, поскольку процессуальную деятельность в отношении умершего обвиняемого невозможно проводить по аналогии.

Мы приходим к выводу о том, что для устранения противоречий, возникающих при применении норм уголовно-процессуального законодательства по аналогии в случае смерти подозреваемого (обвиняемого), необходимо ввести изменения в УПК РФ, регулирующие правоотношения, возникающие в случае смерти участника уголовного судопроизводства. Также необходимо закрепить круг лиц, которых можно привлекать в качестве представителя умершего участника уголовного процесса, и наделить этих лиц процессуальным статусом.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

3. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 04.03.2003 № 73 «Об утверждении инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

4. Патрушева А. А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2020. 24 с.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФЗ, от 05.02.2014 № 2-ФЗ, от 01.07.2020 № 11-ФЗ, от 06.10.2022) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

9. Решение Апелляционного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 22-881/2017 от 01.06.2017 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности: законопроект № 180771-6 от 29.11.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6> (дата обращения: 29.04.2023).

11. Москалькова Т. Н. Нравственные основы уголовного процесса: стадия предварительного расследования: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М.: Акад. управления МВД России, 1997. 35 с.

12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. of 14.04.2023) // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 04/29/2023).
2. The Civil Code of the Russian Federation (part three) of 26.11.2001 No. 146-FZ (ed. of 14.04.2023) // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 04/29/2023).
3. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 04.03.2003 No. 73 "On approval of the instructions for determining the criteria and procedure for determining the moment of death of a person, termination of resuscitation measures" // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 04/29/2023).
4. Patrusheva A. A. Criminal procedural legal relations arising in connection with the death of participants in criminal proceedings: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 24 p.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 01.07.2020 No. 11-FKZ, dated 06.10.2022 // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 04/29/2023).
7. The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on 10/27/1960) // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 04/29/2023).
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/14/2011 No. 16-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of Part One of Article 24 and paragraph 1 of Article 254 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 04/29/2023).
9. Decision of the Court of Appeal of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra No. 22-881/2017 dated 06/01/2017 // Internet resource Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website. URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 29.04.2023).
10. On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of clarifying the procedure for criminal proceedings in the event of the death of the accused, suspect, person subject to criminal Prosecution: Bill No. 180771-6 of 29.11.2012 [Electronic resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/180771-6> (date of access: 04/29/2023).
11. Moskalkova T. N. The moral foundations of the criminal process: the stage of preliminary investigation : abstract of the dissertation of Dr. jurid. sciences. M.: Acad. Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997. 35 p.
12. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / Ed. by D. N. Kozak, E. B. Mizulina. 2nd ed., reprint. and an additional. M.: Lawyer, 2004.

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Процессуальная активность следователя – основное подтверждение разумности срока предварительного расследования

Стельмах Владимир Юрьевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, vlstelmah@mail.ru,

<https://orcid.qsx/3409110000-0002-7558-6531>

Аннотация. В статье кратко анализируется содержание принципа осуществления судопроизводства в разумный срок. Констатируется, что редакция соответствующей нормы уголовно-процессуального закона не вполне совершенна, в частности, в ней фактически слиты объективный срок расследования и субъективные сроки, касающиеся обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего, хотя данные сроки целесообразно разграничить и установить их соотношение. Разумный срок уголовного судопроизводства, будучи принципом уголовно-процессуальной деятельности, является положением идейного, фундаментального характера, содержание которого шире, чем обычное соблюдение сроков, установленных уголовно-процессуальным законом для производства тех или иных действий и принятия решений. Разумность срока предварительного расследования подтверждается прежде всего процессуальной активностью следователя, то есть проведением им следственных действий, избранием принудительных мер и принятием процессуальных решений. Вместе с тем процессуальная активность не должна носить формальный характер. В частности, не является реальной процессуальной активностью периодическое производство одинаковых по содержанию следственных действий, не сопровождающихся получением новых доказательств, а также неоднократное продление срока действия избранных мер принуждения по одинаковым основаниям. В подобных ситуациях следует исходить из того, что принцип разумности срока предварительного расследования не соблюдается.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, разумный срок, процессуальная активность, следователь, следственные действия, меры принуждения, меры пресечения

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Процессуальная активность следователя – основное подтверждение разумности срока предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 60–64.

Original article

The procedural activity of the investigator is the main confirmation of the reasonableness of the term of the preliminary investigation

Stelmakh Vladimir Yu.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, vlstelmah@mail.ru,

<https://orcid.qsx/3409110000-0002-7558-6531>

Abstract. The article briefly analyzes the content of the principle of judicial proceedings in a reasonable time. It is stated that the wording of the relevant norm of the criminal procedure law is not completely perfect, in particular, it actually merges the objective term of the investigation and the subjective terms concerning the accused (suspect) and the victim, although it is advisable to distinguish these terms and establish their relationship. A reasonable period of criminal proceedings, being the principle of criminal procedural activity, is a provision of an ideological, fundamental nature, the content of which is broader than the usual observance of the deadlines established by the criminal procedure law for the production of certain actions and decision-making. The reasonableness of the term of the preliminary investigation is confirmed primarily by the procedural activity of the investigator, that is, by conducting investigative actions, choosing coercive measures and making procedural decisions. At the same time, procedural activity should not be formal. In particular, the periodic production of investigative actions of the same content, not accompanied by the receipt of new evidence, as well as the repeated extension of the validity period of selected coercive measures on the same grounds, is not a real procedural activity. In such situations, it should be assumed that the principle of the reasonableness of the period of preliminary investigation is not respected.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, reasonable time, procedural activity, investigator, investigative actions, coercive measures, preventive measures

For citation: Stelmakh V. Yu. The procedural activity of the investigator is the main confirmation of the reasonableness of the term of the preliminary investigation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 60–64.

Требование о проведении предварительного расследования в относительно сжатые сроки традиционно формулировалось в теории уголовного процесса, а также выдвигалось к следователям в практической деятельности. Считалось, что, во-первых, сама система закрепленных в уголовно-процессуальном законе сроков предварительного расследования оптимальна и позволяет в эти сроки осуществить сбор всех необходимых для установления обстоятельств совершения преступления доказательств, а во-вторых, порядок продления процессуальных сроков выступает надежной гарантией того, что предварительное расследование по делу не будет необоснованно затягиваться. Следует подчеркнуть, что само по себе продление срока дознания и тем более предварительного следствия никогда не рассматривалось в качестве какого-либо нарушения. Речь шла только о том, чтобы это продление вызывалось не допущенной по делу волокитой, а реальной необходимостью собирания доказательств при условии достаточно интенсивной и эффективной следственной деятельности.

В 2010 году УПК РФ был дополнен статьей 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства», помещенной в главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Столь высокий уровень регламентации (отнесение данной нормы к принципам уголовно-процессуальной деятельности) предполагал, что ст. 6.1 УПК РФ будет носить скорее программный, декларирующий характер, нежели предусматривать какие-либо конкретные правила, касающиеся отдельных частных случаев соблюдения процессуальных сроков [1, с. 87; 2, с. 161].

В научной литературе справедливо подчеркивается, что соблюдение разумных сроков уголовно-процессуальной деятельности позволяет обеспечить не только частные, но и публично-правовые интересы, и в конечном итоге направлено на достижение назначения уголовного судопроизводства [3, с. 115].

Первоначальная редакция ст. 6.1 УПК РФ включала в себя 6 частей. В ч. 1 ст. 6.1 УПК РФ было закреплено очевидное и не вызывающее сомнений положения о том, что уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Часть 2 ст. 6.1 УПК РФ воспроизводила положения ряда других норм закона о необходимости соблюдения отдельных процессуальных сроков и возможности их продления только в порядке, установленном УПК РФ, что предполагало наличие необходимых оснований, условий для продления срока и соблюдения процедуры продления. Принципиальный характер носило закрепленное в ч. 2 ст. 6.1 УПК РФ положение о том, что наиболее значимые элементы уголовно-процессуальной деятельности – уголовное преследование, назначение наказания и

прекращение уголовного преследования – должны осуществляться в разумный срок.

Совокупность данных законодательных установлений позволяла сделать следующие выводы. Во-первых, требование о разумности срока уголовного судопроизводства возводилось в ранг принципа уголовно-процессуальной деятельности, тем самым оно распространялось на все стадии уголовного процесса и приобретало характер основополагающей идеи, выходящей за рамки требования о соблюдении конкретных процессуальных сроков. Напротив, устанавливалось иное соотношение названных правил – система отдельных предусмотренных УПК РФ сроков производства тех или иных действий и принятия решений рассматривалась как гарантия выполнения общего положения о производстве по делу в разумный срок [4]. Во-вторых, подтверждением сказанного являлось отмеченное положение об обязательности осуществления в разумный срок уголовного преследования, назначения наказания и прекращения уголовного преследования. Разумеется, в этом можно усмотреть некоторую непоследовательность законодателя. Получается, что он в известной степени противопоставил указанные направления уголовно-процессуальной деятельности производству по делу в целом. По буквальному смыслу закона, общее соблюдение процессуальных сроков и разумный срок принятия названных решений как бы отрывались друг от друга. Но, представляется, такой цели законодатель не преследовал, а всего лишь акцентировал внимание на главнейших аспектах уголовно-процессуальной деятельности.

В ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ были закреплены, на первый взгляд, критерии разумности срока досудебного производства по делу. Однако детальный анализ этой нормы позволял констатировать, что требования соблюдения разумного срока относились не столько к расследованию в целом, сколько к персональному уголовному преследованию в отношении конкретного лица, либо, напротив, к конкретному потерпевшему. Более того, объективные факторы подчинялись субъективным и оценивались через их призму. По тексту закона, разумный срок уголовного судопроизводства для обвиняемого (подозреваемого) включал сроки со дня начала осуществления уголовного преследования, а для потерпевшего – со дня подачи заявления о совершении в отношении него преступления. Получалось, что по одному уголовному делу требуется по-разному оценивать разумность сроков производства относительно различных участников [5, с. 123; 6, с. 34].

Такая конструкция ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ была обусловлена имплементацией в российское национальное

законодательство положений ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах [7], содержащих требования о необходимости максимально возможно краткого срока заключения лица под стражу до судебного разбирательства. Вместе с тем было очевидно намерение российского законодателя закрепить в УПК РФ более высокий стандарт соблюдения базовых прав граждан, распространив требование соблюдения разумного срока не только на указанную меру пресечения, но и на все производство по уголовному делу в целом. Однако, как представляется, в этом случае было целесообразно разделить разумный срок производства по делу (объективный срок) и разумные сроки осуществления уголовного преследования и защиты прав потерпевшего (субъективные сроки), подыскивать оптимальные формулировки, позволяющие диалектически сочетать оценку разумности объективных и субъективных сроков.

В ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ содержалось примыкающее по смыслу к предыдущим частям положение о том, что обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства.

В ч. 5 и 6 ст. 6.1 УПК РФ были закреплены новые, ранее не присущие российскому уголовно-процессуальному праву правила о возможности участника уголовного судопроизводства в судебных стадиях обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении движения дела и полномочиях председателя суда по ускорению производства.

Впоследствии ст. 6.1 УПК РФ неоднократно дополнялась, в том числе и путем включения в нее новых частей. Приходится констатировать, что новые положения весьма часто носили излишне «точечный» характер, регламентировали конкретные частные ситуации, при этом их включение в текст закона не всегда соответствовало более общим нормативным правилам той же статьи УПК РФ. Вместе с тем детальный анализ данных установлений представляет собой тему отдельного исследования и выходит за рамки настоящей статьи.

В ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ установлены обстоятельства, которые необходимо учитывать при оценке разумности срока досудебного производства по делу: своевременность обращения потерпевшего с заявлением о преступлении; правовая и фактическая сложность материалов доследственной проверки или уголовного дела; поведение участников судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, должностных лиц органа предварительного расследования; общая продолжительность уголовного судопроизводства.

В практической деятельности зачастую основным критерием оценки разумности срока досудебного производства выступает ритмичность расследования, то есть постоянная и примерно равномерная процессуальная активность следственного органа.

Отсутствие такой активности, как правило, рассматривается как очевидное подтверждение фактов допускаемой по делу волокиты. Вместе с тем такой подход был бы однозначно правильным, если бы в производстве следователя всегда находилось одно уголовное дело. Однако следователь в подавляющем большинстве случаев расследует несколько дел, и по каждому из них требуется производство следственных действий, применение принудительных мер, составление процессуальных документов. Соответственно, усиление процессуальной активности по одному делу объективно сопровождается снижением такой активности по другим делам. Не учитывать эти факторы – значит игнорировать реальность. Однако сказанное не означает, что следователь вправе допускать по делу волокиту. Должное планирование служебной деятельности, учитывающее комплекс расследуемых следователем дел, может в значительной степени нивелировать негативные последствия и обеспечить относительно ритмичную работу следователя.

Возникает вопрос, по каким обстоятельствам оценивать соблюдение разумного срока предварительного расследования. Представляется, что главный критерий – это наличие по делу процессуальной активности, то есть производство следственных действий и принятие процессуальных решений, связанных с направлением хода расследования. Вместе с тем процессуальная активность зачастую бывает фиктивной, заключающейся в периодическом производстве следственных действий однотипного характера, не сопровождающихся получением новой значимой для дела информации. Так, по уголовному делу о мошенничестве следователем периодически, примерно раз в месяц, производился обыск в квартире и офисном помещении обвиняемого, всего было произведено три таких обыска. Дважды по результатам обысков изымался один и тот же компьютер, после чего следственная деятельность сводилась к его осмотру и возврату обвиняемому. При этом конкретная следственная ситуация по делу свидетельствовала о полной ненужности проведения подобных процессуальных действий, по результатам их производства никаких дополнительных сведений, имеющих какое-либо значение для дела, получено не было. Неясно было, какие сведения планировалось собрать через несколько месяцев после возбуждения дела на компьютере, периодически изымавшемся у подозреваемого. При этом необходимость производства обыска для изъятия в том числе компьютеров и последующего осмотра содержащейся на них информации дважды указывалась в качестве оснований для продления срока предварительного расследования [8].

Кроме того, в ряде случаев производятся следственные действия, не вызываемые необходимостью установления обстоятельств дела. Так, по уголовному делу о хищении бюджетных средств руководителем управляющей компании М. следователем на протяжении третьего месяца расследования были произведены только допросы лиц, лично знавших М. по

прошлым местам работы. Никакой доказательственной ценности для расследования дела о хищении полученная информация не имела, показания данных лиц не нашли своего отражения в обвинительном заключении. Очевидно, что подобная процессуальная активность носила формальный характер, скрывая реальную бездеятельность следственного органа [9].

Вряд ли можно считать реальным проявлением процессуальной активности продление срока действия принудительных мер, избранных в ходе расследования, прежде всего мер пресечения. Разумеется, каждое такое продление сопровождается значительными по объему действиями следователя – составлением и согласованием соответствующих ходатайств, копированием материалов уголовного дела, их надлежащим оформлением и представлением в суд. Это требует большого времени, которое входит в срок расследования. Однако требуется учитывать, что принудительные меры сами по себе не направлены на установление обстоятельств совершения преступления, не приближают принятие по делу законного решения, а лишь обеспечивает создание необходимых условий для этого. Поэтому, если продление сроков действия принудительных мер не вызывается потребностями доказывания, техническая деятельность следователя не может служить подтверждением реальной процессуальной активности по делу. Особенно это характерно для случаев неоднократного продления срока действия меры пресечения по одним и тем же фактическим обстоятельствам, что явно свидетельствует об отсутствии продвижения в сборе доказательств по делу. Получается, что фактические обстоятельства, послужившие основаниями для избрания меры пресечения и первых продлений срока ее действия, остались неизменными, а это и прямо, и косвенно подтверждает вывод о том, что доказывание по делу «застыло» на месте.

Таким образом, процессуальная активность, свидетельствующая о соблюдении разумных сроков предварительного расследования, не должна носить формального характера. Она предполагает производство следственных действий, направленных не на воспроизведение одного и того же объема информации, а на расширение этого объема, либо применение мер процессуального принуждения, обусловленных динамикой развития следственной ситуации по конкретному уголовному делу.

Список источников

1. Кальницкий В. В. Процессуальные документы, сроки, издержки // Законодательство и практика. 2013. № 2 (31). С. 85–88.
2. Соловьева Н. А., Шинкарук В. М. Взаимосвязь процессуальной истины и разумных сроков ее установления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 4 (25). С. 159–164.
3. Дикарев И. С., Гордеев П. С. Разумность процессуальных сроков – принцип уголовного судопроиз-

водства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 115–118.

4. Цебекова Г. В., Улюмджиев З. В., Харцхаев В. В., Воробьев А. В. Сроки предварительного следствия как процессуальный гарант выполнения назначения уголовного судопроизводства // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 219–221.

5. Кучерков И. А. Проблема процессуальных сроков досудебного производства в контексте разумных сроков уголовного судопроизводства // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): сб. ст. по материалам Международ. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 июня 2017 г.) / под ред. Н. П. Кирилловой, Н. Г. Стойко. СПб., 2018. С. 119–124.

6. Мазюк Р. В. Процессуальные интересы потерпевшего при реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства // Академический юридический журнал. 2015. № 1 (59). С. 32–40.

7. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.05.2023).

8. Уголовное дело № 11126909. 2019 г. // Архив следственного отдела ОП № 11 УМВД России по Свердловской области.

9. Уголовное дело № 1114670908. 2018 г. // Архив Чкаловского районного суда города Екатеринбурга.

References

1. Kalnitsky VV Procedural documents, terms, costs // Legislation and practice. 2013. No. 2 (31). pp. 85–88.
2. Solovieva N. A., Shinkaruk V. M. Relationship between procedural truth and reasonable terms for its establishment // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2014. No. 4 (25). pp. 159–164.
3. Dikarev I. S., Gordeev P. S. Reasonableness of procedural terms - the principle of criminal proceedings // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2012. No. 1 (16). pp. 115–118.
4. Tsebekova G. V., Ulyumdzhiyev Z. V., Khartskhaev V. V., Vorobyov A. V. The terms of the preliminary investigation as a procedural guarantor of the fulfillment of the appointment of criminal proceedings // Eurasian Legal Journal. 2018. No. 2 (117). pp. 219–221.
5. Kucherkov I. A. The problem of procedural terms of pre-trial proceedings in the context of reasonable terms of criminal proceedings // Scientific school of criminal procedure and criminalistics of St. Petersburg State University: criminal justice of the XXI century (to the 15th anniversary of the practice of applying the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): collection Art. according to the International. scientific-practical.

conf. (St. Petersburg, June 23–24, 2017) / ed. N. P. Kirillova, N. G. Stoyko. St. Petersburg, 2018, pp. 119–124.

6. Mazyuk R. V. Procedural interests of the victim in the implementation of the principle of reasonable time in criminal proceedings // Academic legal journal. 2015. No. 1 (59). pp. 32–40.

7. International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by resolution 2200 A (XXI) of the UN General Assembly on December 16, 1966 [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Accessed 05/12/2023).

8. Criminal case No. 11126909. 2019 // Archive of the investigative department of OP No. 11 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Sverdlovsk Region.

9. Criminal case No. 1114670908. 2018 // Archive of the Chkalovsky District Court of the city of Yekaterinburg.

Информация об авторе

Стельмах Владимир Юрьевич – доктор юридических наук, доцент

Information about the author

Stelmakh Vladimir Yu. – Doctor of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 12.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

К вопросу о порядке получения показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе

Титов Павел Михайлович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, titov1995@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности порядка получения показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе. Данная тема является актуальной, так как ежедневно следователи, дознаватели сталкиваются с проблемами при проведении допросов, в ходе которых получают показания, которые должны в полной мере отвечать назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, доказывание, уголовные дела, подозреваемый, обвиняемый

Для цитирования: Титов П. М. К вопросу о порядке получения показаний подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 65–68.

Original article

On the issue of the procedure for obtaining the testimony of the suspect and the accused in the criminal process

Titov Pavel M.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, titov1995@ya.ru

Abstract. The article discusses the features of the procedure for obtaining testimony from a suspect and accused in a criminal trial. This topic is relevant, since every day investigators and interrogators face problems during interrogations, during which they receive testimony that must fully meet the purpose of criminal proceedings (Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation).

Keywords: criminal procedural activity, criminal procedure, criminal proceedings, evidence, criminal cases, suspect, accused

For citation: Titov P. M. On the issue of the procedure for obtaining the testimony of the suspect and the accused in the criminal process // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 65–68.

Понятия «показания подозреваемого» и «показания обвиняемого» закреплены в ст. 76 и 77 УПК РФ соответственно [1]. В положениях данных норм указывается, что показания могут быть получены в ходе производства следственного действия – допроса на досудебных стадиях производства по уголовному делу. Применительно к обвиняемому показаниями также признаются сведения, сообщенные им в суде, что обусловлено его статусом и на судебных стадиях производства по уголовному делу. Соответственно, исследуя порядок получения показаний подозреваемого и обвиняемого, необходимо обратиться к общим правилам производства допроса.

В научной литературе учеными выделяются особенности рассматриваемого следственного действия, зависящие от определенных факторов совершения

того или иного преступления, на основании чего выбирается тактика и методика его производства [2, 3, 4, 5].

Одним из важнейших этапов деятельности следователя является подготовка к допросу. М. А. Полянская определяет значимость изучения основных элементов плана допроса, составляющего базу при подготовке следователя к его производству [6, с. 77]. Прежде чем приступить непосредственно к подготовке данного следственного действия необходимо обозначить круг вызываемых на допрос лиц и очередность их допросов, в дальнейшем изучить все материалы уголовного дела и в случае необходимости предпринять оперативно-розыскные меры.

А. А. Шаевич уделяет внимание необходимости изучения личности при подготовке и организации допроса [7, с. 415]. В. С. Шевченко выделяет особенности выявления лжи при допросе [8, с. 462], что, безусловно, является значимым умением в деятельности следователя. И, на наш взгляд, данное обстоятельство должно обязательно браться в расчет при подготовке к допросу.

Подготовка к допросу включает в себя следующие действия:

1. Анализ данных и определение предмета допроса. Следователю (дознавателю) необходимо конкретизировать и установить в процессе расследования обстоятельства, требующие узнавания или уточнения у допрашиваемого, они и будут являться предметом допроса. На данное обстоятельство в своих трудах указывают Е. В. Колузакова, А. С. Александров [9], П. Г. Воробьев [10], В. В. Печерский [11].

2. Изучение личности допрашиваемого, что считается важным фактором эффективности следственного действия, так как допрос – это всегда психологическое взаимодействие субъектов. Соответственно, необходимость установления контакта с допрашиваемым и создание наиболее благоприятной атмосферы положительно влияет результат всего следственного действия. Этот немаловажный факт выделяет А. И. Сучков: «...установить персональные данные допрашиваемого: пол, возраст, образование, место проживания, место учебы или место работы и т. д. Выявление привычек и интересов также помогает сформировать общее представление о человеке, помогая при этом определить его индивидуальные особенности» [12, с. 64]. Особенно тщательно до следственных мероприятий необходимо изучить личность подозреваемого и обвиняемого, так как именно они заинтересованы в положительном для себя исходе уголовного дела, поэтому менее правдивы. Изучение личности потерпевших и свидетелей не менее важны.

3. Определение времени и места допроса в строгом соответствии с требованиями закона. В частности, допрос может быть произведен в кабинете следователя, по месту нахождения допрашиваемого (если он находится в медицинском учреждении либо под стражей), на месте происшествия. Последнее положительно влияет на исход дела, так как именно обстановка может напомнить о забытых обстоятельствах.

4. Выбор способа вызова на допрос лица: повесткой, направленной по месту жительства, телеграммой, факсом, а также нарочным. Его необходимо осуществлять с учетом жизненных обстоятельств допрашиваемого. Несовершеннолетние по общему правилу вызываются через родителей или иных законных представителей. Явку военнослужащих обеспечивает командование воинской части. Лиц, содержащихся под стражей, вызывают через администрацию места заключения (содержания).

5. При возникновении необходимости обеспечения участия в допросе третьих лиц (переводчик, пе-

дагог, законные представители и др.). Это является прямой обязанностью следователя (дознавателя).

6. Составление плана допроса, который является необходимой частью при производстве следственных действий. Для более опытных следователей он может состоять из перечня вопросов с указанием некоторых обстоятельств в качестве уточнений. Допрос подозреваемого либо обвиняемого на протяжении всего расследования может проводиться неоднократно, именно поэтому в плане допроса должна быть отработана тактическая линия. В результате последующих допросов план, соответственно, меняется, но остается в рамках избранной тактики.

Допрос является многогранным явлением, его можно классифицировать по разным основаниям. Как отмечали Е. И. Фойгель и Д. Ю. Яковлев в зависимости от «процессуального положения выделяют допрос свидетеля; допрос потерпевшего; допрос подозреваемого; допрос обвиняемого; допрос эксперта. Распределяя допрашиваемых по возрасту: допрос малолетнего, допрос несовершеннолетнего, далее допрос взрослого и допрос престарелого» [13, с. 77].

Немаловажная роль отводится последовательности проведения допросов. Необходимо отметить, что при первичном допросе его предмет выясняется в полном объеме, при повторном – следователь выясняет те обстоятельства, по которым уже даны показания, так как он направлен на детализацию и уточнение ранее полученных данных, а также для сравнения их с предыдущими показаниями.

По субъекту проведения допросы можно разделить на проводимые следователем, дознавателем, прокурором, начальником следственного отдела, судом. Хотелось бы отметить, что особенности допроса, проводимого судом, выделил в своей работе В. Ю. Стельмах, анализируя правовой статус такого участника уголовного судопроизводства, как судья [14].

Как справедливо отмечали С. А. Голунский и Г. К. Рогинский, «допрос – большое искусство. Научиться вести допрос можно только на практике. Это, как всякое искусство, требует, с одной стороны, способностей, а с другой – опыта и умения» [15, с. 53]. Данное высказывание является актуальным и в настоящее время. Несмотря на то, что допрос изучался неоднократно, в силу своей многогранности и многоаспектности оно практически не имеет пределов исследования в обозримом будущем [16, с. 12].

Процессуальный порядок проведения допроса подразумевает в качестве первого действия установление личности допрашиваемого лица, уровня владения им языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, разъяснение принадлежащих ему процессуальных прав и обязанностей. Как указывалось ранее, перед допросом в обязательном порядке подозреваемому и обвиняемому должно быть указано, что их показания могут быть использованы в дальнейшем в качестве доказательств по уголовному делу, что справедливо расценивать в качестве одной из гарантий обеспечения их прав.

Уголовно-процессуальный закон не устанавливает специальных правил ведения допроса, оставляя выбор стратегии и тактики на усмотрение следователя (дознателя). Им следует еще в ходе подготовки к допросу продумать каждый свой шаг, подготовить вопросы и спрогнозировать возможные пути развития беседы с подозреваемым и обвиняемым.

В ст. 189 УПК РФ накладывается запрет на использование в ходе допроса наводящих вопросов, под которыми понимают такие формулировки, содержащие в себе ответ, т. е. создают предпосылки к получению конкретных сведений.

Участие в рассматриваемом следственном действии защитника подозреваемого (обвиняемого) дает ему право задавать вопросы допрашиваемому лицу, которые, с одной стороны, могут быть отведены следователем (дознателем), а с другой – в обязательном порядке должны быть отражены в протоколе следственного действия с сохранением точной формулировки. На этот факт также обращает внимание В. Ю. Стельмах [17, с. 36].

Ход и результаты допроса фиксируются в протоколе, порядок, форма и требования к содержанию которого закреплены в ст. 190 УПК РФ. После его составления допрашиваемое лицо, а также иные присутствующие должны ознакомиться с ним и подписать. Отказ от подписания протокола или невозможность такого подписания удостоверяются в установленном законом порядке.

Таким образом, показания подозреваемого и обвиняемого являются важнейшими доказательствами по уголовному делу, в связи с чем порядок их получения детально регламентирован законодательством, включая алгоритм проведения их допроса. Соблюдение установленных правил имеет важнейшее значение, поскольку является необходимым условием признания показаний допустимым доказательством по уголовному делу. Несоблюдение, в свою очередь, влечет невозможность использования их для установления значимых обстоятельств по делу. Ход и результаты допроса получают детальное отражение в протоколе соответствующего следственного действия, с которым знакомится допрашиваемое лицо, а также иные присутствующие. Соблюдение правил оформления протокола также является необходимым условием порядка признания его допустимым доказательством.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.08.2023).
2. Варданян А. В., Говоров А. А. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 127–136.

3. Грибунов О. П., Малыхина Е. А. Отдельные вопросы тактики допроса при расследовании взяточничества // Дайджест. 2020. № 4 (7). С. 28–32.
4. Усачев С. И. Некоторые тактические особенности проведения допроса представителя потерпевшего при расследовании мошенничества в сфере автострахования // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17). С. 140–146.
5. Россинская Е. Р. Криминалистика. Вопросы и ответы: учебное пособие для вузов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 351 с.
6. Полянская М. А. Подготовка следователя к проведению допроса. Элементы плана допроса и психологическая составляющая при производстве допроса // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (12). С. 77–84.
7. Шаевич А. А. Возможности изучения личности при подготовке и организации допроса // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXI международ. науч.-практ. конференции. 2016. С. 415–418.
8. Шевченко В. С. Основы методологии выявления лжи на допросе // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 5 (62). С. 462–468.
9. Колузакова Е. В., Александров А. С. К вопросу о предмете и пределах перекрестного допроса свидетеля, потерпевшего в суде с участием присяжных заседателей // Российский судья. 2007. № 3. С. 17–20.
10. Воробьев П. Г. О предмете допроса особой категории свидетелей // Адвокатская практика. 2008. № 1. С. 35–38.
11. Печерский В. В. Предмет доказывания и типовые программы допроса в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: учебно-практическое пособие. Москва: Юрлитинформ, 2012. 383 с.
12. Сучков А. И. Процессуальные аспекты производства следственного действия «допрос» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-1. С. 64–66.
13. Фойгель Е. И., Яковлев Д. Ю. Криминалистика в схемах, таблицах и диаграммах: учебное пособие: в 2 ч. Иркутск-Москва: Иркутский юридический институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», 2015. Ч. 2. 206 с.
14. Стельмах В. Ю. Особенности процессуального статуса судьи, организующего допрос лица с применением видео-конференц-связи // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (67). С. 27–30.
15. Голунский С. А., Рогинский Г. К. Техника и методика расследования преступлений. Москва, 1934. Вып. 5.
16. Тетюев С. В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (Процессуальный аспект): специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 299 с.

17. Стельмах В. Ю. Дознание в органах внутренних дел: учебное пособие: в 2 т. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. Т. 2. 259 с.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 08/01/2023).

2. Vardanyan A.V., Govorov A.A. General provisions for the interrogation of suspects accused in cases of misappropriation of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (88). pp. 127–136.

3. Gribunov O.P., Malykhina E.A. Selected issues of interrogation tactics in the investigation of bribery // Digest. 2020. No. 4 (7). pp. 28–32.

4. Usachev S.I. Some tactical features of the interrogation of the victim's representative during the investigation of fraud in the field of auto insurance // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2021. No. 1 (17). pp. 140–146.

5. Rossinskaya E. R. Forensics. Questions and answers: textbook for universities. Moscow: UNITY-DANA, 1999. 351 p.

6. Polyanskaya M.A. Preparation of the investigator for interrogation. Elements of the interrogation plan and the psychological component during interrogation // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (12). pp. 77–84.

7. Shaevich A. A. Possibilities of studying personality during the preparation and organization of interrogation // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the XXI international. scientific-practical conferences. 2016. pp. 415–418.

8. Shevchenko V.S. Fundamentals of the methodology for detecting lies during interrogation // Bulletin of Science. 2023. T. 3. No. 5 (62). pp. 462–468.

9. Koluzakova E.V., Aleksandrov A.S. On the subject and limits of cross-examination of a witness, victim in a jury trial // Russian Judge. 2007. No. 3. pp. 17–20.

10. Vorobyov P. G. On the subject of interrogation of a special category of witnesses // Lawyer practice. 2008. No. 1. P. 35–38.

11. Pechersky V.V. Subject of proof and standard interrogation programs in criminal proceedings of the Russian Federation: educational and practical guide. Moscow: Yurlitinform, 2012. 383 p.

12. Suchkov A.I. Procedural aspects of the investigative action "interrogation" // Current problems in the fight against crimes and other offenses. 2022. No. 22-1. pp. 64–66.

13. Foigel E. I., Yakovlev D. Yu. Forensic science in diagrams, tables and diagrams: textbook: 2 hours. Irkutsk-Moscow: Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian Law Academy Ministry of Justice of the Russian Federation», 2015. Part 2. 206 p.

14. Stelmakh V. Yu. Features of the procedural status of a judge organizing the interrogation of a person using video conferencing // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (67). pp. 27–30.

15. Golunsky S. A., Roginsky G. K. Technology and methods of crime investigation. Moscow, 1934. Issue. 5.

16. Tetyuev S.V. Interrogation of a minor accused at the stage of preliminary investigation (Procedural aspect): specialty 12.00.09 "Criminal trial": dis. ...for a job application. scientist step. Ph.D. legal Sci. Chelyabinsk, 2006. 299 p.

17. Stelmakh V. Yu. Inquiry in internal affairs bodies: textbook: 2 volumes. Ekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. Vol. 2. 259 p.

Информация об авторе

Титов Павел Михайлович – кандидат юридических наук

Information about the author

Titov Pavel M. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 21.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 22.09.2023

О вопросах производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания с применением видео-конференц-связи

Ушаков Андрей Юрьевич^{1,2}, Расулова Наталья Сергеевна³

¹ Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета,
Нижний Новгород, Россия, ushakov.ay@skspba.ru;

² ННГУ имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

³ Следственный департамент МВД России, Москва, Россия, nrasulova@mvd.ru

Аннотация. Цифровизация процесса доказывания заставляет органы предварительного расследования при формировании доказательственной базы руководствоваться нормами уголовно-процессуального закона, регулирующего вопросы использования digital-технологий в рамках проведения ключевых следственных действий – допрос, очная ставка и опознание. Данное направление является относительно новым в уголовном процессе России, в результате чего возникают некоторые сложности при его реализации, а значит, организационные и временные ресурсы, затрачиваемые на проведение следственных действий в дистанционном формате, несоизмеримы с тем результатом, который получит следователь. В статье рассматриваются вопросы применения дистанционных технологий при проведении допроса, очной ставки, опознания. Приводятся результаты исследования о наличии реальной возможности использования системы видео-конференц-связи для производства следственных действий в подразделениях Следственного комитета и Министерства внутренних дел Российской Федерации. Предлагаются отдельные рекомендации относительно внедрения указанных систем в ход расследования и алгоритм производства следственных действий. Выводы, сделанные в статье, направлены на нивелирование уголовно-процессуальных рисков в деятельности следователя.

Ключевые слова: digital-технологии, допрос, очная ставка, опознание, ВКС, следственное действие, процесс доказывания

Для цитирования: Ушаков А. Ю., Расулова Н. С. О вопросах производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания с применением видео-конференц-связи // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 69–74.

Original article

On the issues of interrogation, confrontation and presentation for identification using video conferencing

Ushakov Andrey Y.^{1,2}, Rasulova Natalya S.³

¹ Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Nizhny Novgorod, Russia, ushakov.ay@skspba.ru

² Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia

³ Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, nrasulova@mvd.ru

Abstract. Digitalization of the evidence process forces the preliminary investigation authorities, when forming the evidence base, to be guided by the norms of the criminal procedural law that regulates the use of digital technologies in the framework of key investigative actions – interrogation, confrontation and identification. This area is relatively new in the criminal process in Russia, as a result of which some difficulties arise in its implementation, which means that the organizational and time resources spent on conducting investigative actions in a remote format are not commensurate with the result that the investigator will receive. The article discusses the use of remote technologies during interrogation, confrontation, and identification. The results of a study are presented on the real possibility of using a video conferencing system for carrying out investigative actions in the divisions of the Investigative Committee and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Separate recommendations are offered regarding the implementation of these systems in the course of the investigation and the algorithm for conducting investigative actions. The conclusions made in the article are aimed at leveling criminal procedural risks in the activities of the investigator.

© Ушаков А.Ю., Расулова Н.С., 2023

Keywords: digital technologies, interrogation, confrontation, identification, video conferencing, investigative action, proof process

For citation: Ushakov A. Y., Rasulova N. S. On the issues of interrogation, confrontation and presentation for identification using video conferencing // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 69–74.

С декабря 2021 года в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ у органов предварительного расследования появилась возможность проведения наиболее распространенных вербальных следственных действий (допрос, очная ставка, предъявление для опознания) в дистанционном формате посредством использования видео-конференц-связи (далее – ВКС). Предполагалось, что долгожданная законодательная новелла позволит эффективно и качественно организовать расследование по уголовному делу, минимизировав временной ресурс следователя (дознателя) и расходование бюджетных денежных средств, что в целом благоприятно повлияет на сокращение сроков и облегчит труд сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем уникальная возможность использования дистанционных ресурсов при проведении следственных действий на практике повлекла за собой определенные сложности, связанные с техническим обеспечением органов предварительного расследования необходимыми средствами связи, с процедурными аспектами производства и с формированием доказательственной базы. Этот тезис подтверждают материалы судебной практики [1; 2] и различного рода публикации [3, 108–110; 4; 5 и т. п.]. Причем, анализ проведенного анкетирования следователей Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) и следователей органов внутренних дел позволяет сделать вывод, что проблемы, с которыми они сталкиваются при реализации положений, предусмотренных ст. 189.1 УПК РФ, отчасти разнятся между собой.

При этом один из ключевых вопросов обусловлен императивно закрепленной возможностью проводить допрос и те следственные действия, в основе которых он лежит, только посредством ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. Нарушение этого требования влечет признание полученного доказательств недопустимыми. В настоящее время уже имеется судебная практика, свидетельствующая об этом ввиду использования альтернативных средств ВКС. Так, по одному из дел суд, не исключая эпизод преступного деяния из предъявленного обвинения, указал на недопустимость нарушения процедуры проведения следственного действия посредством использования следователем альтернативного средства ВКС при соблюдении всех остальных условий, предусмотренных в законе [1]. Аналогично признаны недопустимыми доказательствами и исключены из приговора показания свидетелей, полученные в ходе дознания с нарушением требований ст. 189.1 УПК РФ [2].

О проблеме отсутствия соответствующего технического оснащения органов предварительного расследования говорили и авторы законопроекта, вводящего в уголовно-процессуальный закон ст. 189.1 [6], и публицисты [4, 5, 7], предлагая в качестве выхода из этого казуса ожидание наличия таковой возможности. Однако данная проблема в ведомствах решается несоразмерно и отчасти продолжает оставаться актуальной по настоящее время.

Так, в ходе проведенного в 2022 году анкетирования руководителей и заместителей руководителей следственных отделов в составе следственных управлений СК РФ Приволжского федерального округа, а также следователей со стажем работы свыше одного года только трое из более чем пятидесяти респондентов сообщили о наличии реальной возможности использовать ВКС при производстве следственных действий. Ситуация усугубляется тем, что территориальные следственные управления для реализации положений ст. 189.1 УПК РФ полагают возможным применение исключительно централизованной системы ВКС СК РФ, о чем свидетельствует проведенный мониторинг по Приволжскому федеральному округу. Его результаты показали, что для организации следственных действий в дистанционном режиме указанными должностными лицами применяется программное обеспечение TrueConf, коммуникация осуществляется по согласованию с Управлением материально-технического и социального обеспечения центрального аппарата СК РФ, при этом определяются конкретная дата, время начала и примерная длительность сеанса связи.

Вместе с тем ст. 189.1 УПК РФ не предполагает применения исключительно централизованной системы ВКС, согласно ей указанные выше следственные действия могут быть проведены путем использования «систем ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование». Каких-либо требований к применяемому оборудованию рассматриваемая норма не содержит, что позволяет их минимизировать: во-первых, оборудование должно обеспечивать возможность аудиовизуальной коммуникации двух и более лиц в реальном времени, а, во-вторых, оно должно принадлежать государственному органу, осуществляющему расследование преступлений.

Основанием для формирования существующей практики, вероятно, послужила имеющая место в научном сообществе точка зрения о том, что под системой ВКС надо понимать стационарный комплекс [3], работающий по защищенному каналу связи [8] и действующий посредством обособленной и сертифици-

фицированной телекоммуникационной сети [9]. При этом в указанных работах не сказано, что проведение дистанционных следственных действий должно происходить с применением именно централизованной ведомственной сети.

По нашему мнению, если вероятность утечки данных исключена или минимизирована до разумных пределов, то проведение следственного действия с применением ВКС возможно, даже если при этом будет использовано иное программное и аппаратное обеспечение, нежели предоставляемое Управлением материально-технического и социального обеспечения СК РФ. Главным в этом случае является соблюдение законодательного требования об использовании систем ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование.

Альтернативным вариантом использования следственными подразделениями СК РФ систем ВКС будет являться модель, в рамках которой следует обращаться за содействием в порядке п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ к иным органам, осуществляющим предварительное расследование, имеющим в своем арсенале данные системы. В частности, такая практика применялась сотрудниками Управления СК РФ по Чукотскому автономному округу и, по результатам мониторинга, следственными органами СК РФ в Приволжском федеральном округе.

Информация Следственного Управления СК РФ по Нижегородской области говорит о том, что были задействованы возможности применения защищенного программного обеспечения для ВКС, используемого судебной системой – «Polycom Real Presence Group 300». В частности, следователем одного из следственных отделов данного управления было согласовано и получено разрешение на применение специального программного обеспечения суда по г. Нижнему Новгороду для проведения очной ставки между свидетелем и обвиняемым, находящимся в другом регионе. В целях реализации обвиняемый в совершении преступления по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя следственного отдела Следственного Управления СК РФ по Свердловской области, был доставлен в суд г. Нижнего Тагила для производства следственного действия в соответствии со ст. 189.1 УПК РФ. Этот способ оказался более простым в применении, поскольку момент согласования использования возможностей защищенного программного обеспечения судебной системы для организации ВКС – «Polycom Real Presence Group 300», решался на местах присутствия следственных подразделений.

Исходя из озвученной выше императивно закреплённой возможности проводить допрос и те следственные действия, в основе которых он лежит, посредством ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, следует указать, что приведенная выше практика является неверной. Более того «Регламентом организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» определено, что

такая связь организуется в судебных органах только для нужд суда [10].

Несколько иным образом ситуация складывается в органах предварительного расследования системы МВД России. Интервьюирование следователей и дознавателей различных регионов Российской Федерации показало, что должностные лица, осуществляющие расследование уголовного дела, при производстве указанных следственных действий успешно применяют сервис ВКС единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. В связи с этим респонденты из числа следователей и дознавателей территориальных ОВД отмечают положительные изменения в своей деятельности, заключающиеся в ее оптимизации, сокращении сроков расследования, экономии временных и бюджетных ресурсов, но при этом указывают на проблемные аспекты, вызванные отсутствием четко регламентированной процедуры и связанные с процессуальным механизмом использования ВКС. При этом участники интервьюирования, которые не проводили следственные действия дистанционно, разделились на две группы: те, кто говорит об отсутствии такой необходимости по находящимся у них в производстве делам, и те, кто не достаточно понимает порядок использования, поэтому не пользуется имеющимися возможностями.

Учитывая, что на сегодняшний день в действующем законодательстве, в том числе в ст. 189.1 УПК РФ, четко не определены какие-либо требования к оборудованию и к порядку его применения, представляется необходимой разработка разъяснений отдельных положений о едином порядке и практике использования ВКС для всех органов, осуществляющих предварительное расследование, аналогично тем, которые сделал Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации в конце 2015 года. Это, в первую очередь, требуется для того, чтобы сформировать единую практику производства следственных действий рассматриваемом формате и исключить различного рода неопределенности, порождающие дифференцированные подходы к реализации действующего законодательства, и как следствие, препятствующие эффективной организации деятельности органов предварительного расследования. По нашему мнению, это способствовало бы обеспечению полноты, объективности и всесторонности производства следственных действий с применением ВКС.

Между тем, для разрешения данного вопроса требуется достаточно масштабная работа по обеспечению единого информационного взаимодействия между различными органами правоохранительной системы, которые уже оснащены адаптированными специализированными сервисами. В связи с чем для обеспечения производства следственных действий с применением ВКС полагаем целесообразным предложить разработать процедурный механизм, согласующийся со ст. 189.1 УПК РФ, раскрывающий вопросы, связанные с материально-техническим и программным обеспечением.

Перед производством следственного действия необходимо определить круг участников: следователь (дознатель), иницирующий производство следственного действия; следователь (орган дознания), исполняющий инициативное поручение; специалист (сотрудники отдела технического обеспечения по месту нахождения инициатора и по месту исполнения поручения); потерпевший; подозреваемый; свидетель; понятые; другие участники стадии предварительного расследования исходя из следственной ситуации.

В каждом конкретном случае следователю (дознателю) при принятии решения о производстве допроса, очной ставки или опознания путем использования систем ВКС необходимо:

- оценить отсутствие возможности производства указанных следственных действий в обычном порядке;

- определить исключительность применения ст. 189.1 УПК РФ (например, большое количество потерпевших или свидетелей, живущих в районах, удаленных от места производства следствия; наличие у лица, чье участие в следственном действии необходимо, тяжелого заболевания, препятствующего переездам; задержание лица и др.);

- убедиться в том, что в конкретной ситуации отсутствуют обстоятельства, предусмотренные ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ;

- истребовать от руководства территориального органа (следственного подразделения) по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное подтверждение о наличии технической возможности для организации такого производства.

При этом инициатору производства с применением ВКС допроса, очной ставки, предъявления для опознания следует уделить отдельное внимание подготовке поручения в соответствии с требованиями, предусмотренными ч. 4 ст. 21, п. 4 ч. 2 ст. 38, ст. 152, ст. 189.1 УПК РФ. В них необходимо указать номер уголовного дела, фабулу преступления, обоснование решения о производстве следственного действия в дистанционном режиме, процессуальный статус лица, участие которого признано необходимым, его анкетные данные (если они не установлены в полном объеме, то необходимо требования о принятии мер к их установлению и мер по организации его участия в следственном действии), адрес жительства и контактные данные; целесообразно указать контактный телефон инициатора поручения для согласования деталей производства и предварительной проверки связи. В случае производства предъявления для опознания необходимо указать установленные в ходе расследования внешние признаки предъявляемых лиц (предметов). С учетом территориального расположения субъектов Российской Федерации и требований, предусмотренных ч. 3 ст. 164 УПК РФ, при согласовании времени проведения рассматриваемых следственных действий следует обратить внимание

на часовую пояс региона, куда направляется поручение.

В ходе интервьюирования следователи указали на жалобы со стороны защиты, касающиеся организации производства следственных действий с применением ВКС, технических сбоев во время допроса, которые возможно расценить как умышленное препятствие со стороны органов предварительного расследования в целях искажения обстоятельств дела. Для обеспечения дополнительных гарантий соблюдения прав участников уголовного судопроизводства целесообразно предусмотреть видеозапись проведения следственного действия не только по месту производства предварительного расследования, но и по месту нахождения лица, участие которого признано необходимым, в целях фиксации поведения всех участников.

В качестве еще одного способа обеспечения гарантии соблюдения прав участников следственного действия возможно рассмотреть вопрос о целесообразности привлечения двух понятых для подтверждения качества видеосвязи, которые удостоверят факт производства следственного действия, а также его содержание, ход, результаты, подтвердят разъяснение участнику проведенного дистанционно следственного действия прав, обязанностей, ответственности и порядка производства, а также будут присутствовать при оглашении протокола.

Перед началом проведения следственного действия должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, и следователь (орган дознания), являющийся исполнителем письменного поручения, обеспечивают присутствие всех участников:

- для производства допроса и очной ставки – потерпевшего, представителя потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, защитника, переводчика, педагога и др.;

- для производства опознания – опознаваемого, двух лиц по возможности внешне схожих с опознаваемым, защитника, понятых и др.

На наш взгляд является обязательным участие, которое также обеспечивается вышеуказанными лицами, в качестве специалиста сотрудника отдела технического обеспечения, что обосновывается необходимостью апробирования системы ВКС до начала и поддержанием ее в рабочем состоянии во время проведения следственного действия. По результатам проверки и подтверждения функционирования аппаратуры возможно предусмотреть оформление акта, который удостоверит эти результаты, подписанного специалистом и следователем (дознателем).

Необходимо обратить внимание на оформление подписки о разъяснении участнику допроса, очной ставки, предъявления для опознания, проводимых с использованием ВКС, прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия. Она заполняется следователем (дознателем), исполняющим поручение и служит для подтверждения разъяснения законных прав и обязанностей участникам (ч. 5 ст. 166 УПК РФ).

Ход и результаты следственного действия отражаются следователем, являющимся инициатором производства следственного действия с применением ВКС, в протоколе, который в последствии оглашается вслух с обязательным выяснением, имеются ли у участников замечания, дополнения, уточнения, они также фиксируются. После чего он представляет на подпись участникам по месту его проведения в соответствии с ч. 7 ст. 166 УПК РФ. В свою очередь следователь (дознатель), исполняющий поручение, предоставляет участнику возможность собственноручно отметить в подписке о разъяснении его прав и обязанностей наличие или отсутствие у него дополнений, ходатайств, замечаний.

После проведения следственного действия следователь (орган дознания), которому было адресовано для исполнения письменное поручение, незамедлительно направляет в адрес инициатора поручения заполненную в соответствии с разработанным образцом вышеуказанную подписку, рапорт, в котором подробно излагает ход выполнения поручения и видеофайл с содержанием следственного действия, который необходимо записать на оптический носитель информации в виде DVD-RV-диска или флеш-накопителя, зарегистрированных в установленном порядке в отделе делопроизводства и режима. В дальнейшем этот видеоматериал приобщается к уголовному делу в качестве приложения к протоколу проведенного следственного действия. Оригиналы указанных документов направляются служебной почтой в течение 24 часов.

В случаях сбоев (прерывания) связи по техническим причинам во избежание жалоб со стороны защиты и в целях обеспечения соблюдения прав участников следственного действия можно рекомендовать сотруднику отдела технического обеспечения оформить акт, где обосновать причину сбоя. Данный акт вместе с другими документами представляется инициатору производства следственного действия. Наличие технических неполадок по ходу следственного действия необходимо фиксировать в протоколе.

Если произошел длительный сбой связи при проведении очной ставки, предъявления для опознания, то целесообразно завершить следственное действие, сделав соответствующую отметку в протоколе, и рассмотреть вопрос о необходимости его проведения.

При возникновении технических сбоев в ходе производства допроса, его целесообразно завершить следователю (органу дознания), которому поручено исполнение поручения, и составить протокол допроса в соответствии со ст. 166 УПК РФ.

Анализ проведенного интервьюирования показал, что некоторые следователи отказываются от производства предъявления для опознания с применением ВКС, считая, что дистанционный формат не позволит провести его эффективно. На наш взгляд, особую роль в этом случае играет подготовительный этап и взаимодействие с сотрудником отдела технического обеспечения, который может оказать содействие в грамотном размещении видеокамер с учетом

обзора всего помещения, возможности приближения в целях подробного рассмотрения внешних признаков лиц и предметов. Кроме того, для обеспечения безопасности опознающего по решению следователя данное следственное действие может быть проведено при отключенной камере с его стороны, данное решение должно быть сообщено заранее до начала производства следственного действия, о чем надо сделать соответствующую отметку в протоколе. В соответствии с УПК РФ при производстве опознания понятия присутствуют в месте нахождения опознающего.

Полагаем, что предложенный механизм организации и производства следственных действий с применением ВКС позволит следователям (дознателям) разобраться в особенностях реализации ст. 189.1 УПК РФ и будет способствовать формированию качественной доказательственной базы.

Список источников

1. Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 17 февраля 2022 № 1-27/2022 (1-292/2021) // URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5C4D95E4FA90990142294B48A7B2C0EC&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32850-3&ts=4942165235761920464&base=AOUG&n=7224073&rnd=AiVvsQ#0BHac5TMh1YJbwZN1> (дата обращения: 26.01.2023).
2. Апелляционный приговор Клинского городского суда Московской области от 8 сентября 2022 по делу № 10-24/2022 «Приговор: по ч. 1 ст. 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества)». URL : <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5C466D341144C54F254F9B68E33F4D96&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32935-5&ts=6682167472268531383&base=AOKI&n=10754215&rnd=glmLBg#GXm92UTqoM9QPse01> (дата обращения: 26.01.2023).
3. Овчинникова О. В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 108–116.
4. Сиротинин Д. А. Некоторые процессуальные аспекты производства следственных действий с использованием ВКС // Правда и закон. 2022. № 3 (21). С. 51–58.
5. Согоян В. Л. ВКС в ходе предварительного расследования: процессуальные аспекты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 5 (144). С. 123–128.
6. Законопроект № 1184595-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения: 26.01.2023).
7. Рыжаков А. П. Следственные действия по ВКС. Вопросы и ответы // Уголовный процесс. 2022. № 3.
8. Рамалданов Х. Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем ВКС // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11.

9. Родивилина В. А. Некоторые вопросы применения видеоконференцсвязи в досудебном производстве // Вестник ИрГТУ. 2015. № 2 (97). 279 с.

10. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 (ред. от 30.12.2020) «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференцсвязи при подготовке и проведении судебных заседаний». КонсультантПлюс: сайт.

References

1. The verdict of the Leninsky District Court of Rostov-on-Don of February 17, 2022 No. 1-27/2022 (1-292/2021) // URL : <https://dsr.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5C4D95E4FA90990142294B48A7B2C0EC&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32850-3&ts=4942165235761920464&base=AOUG&n=7224073&rnd=AiVvsQ#0BHac5TMh1YJbwZN1> (date of access: 01/26/2023).

2. The appeal verdict of the Klin City Court of the Moscow region of September 8, 2022 in case No. 10-24/2022 Verdict: Under Part 1 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation (intentional destruction or damage to property). URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5C466D341144C54F254F9B68E33F4D96&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32935-5&ts=6682167472268531383&base=AOKI&n=10754215&rnd=glmLBg#GXm92UTqoM9QPse01> (date of access: 01/26/2023).

3. Ovchinnikova O. V. Remote investigative actions: current state and prospects // Legal science and law enforcement practice. 2019. No. 1 (47). Pp. 108–116.

4. Sirotin D. A. Some procedural aspects of investigative actions using video conferencing // Truth and Law. 2022. No. 3 (21). Pp. 51–58

5. Sogoyan V. L. Video conferencing during the preliminary investigation: procedural aspects // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2022. No. 5 (144). Pp. 123–128.

6. Draft Law No. 1184595-7 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (date of access: 01/26/2023).

7. Ryzhakov A. P. Investigative actions on the VSK. Questions and answers // Criminal trial. 2022. No. 3. 76 p.

8. Ramaldanov H. H. Digital evidence obtained by using video conferencing systems // Actual problems of Russian law. 2022. No. 11. 127 p.

9. Rodivilina V. A. Some issues of the use of videoconferencing in pre-trial proceedings // Bulletin of IrSTU. 2015. No. 2 (97). 279 p.

10. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of 28 Dec. 2015 No. 401 (ed. from 12/30/2020) «On the approval of the Regulations for the organization of the use of video conferencing in the preparation and conduct of court sessions». ConsultantPlus: website.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Ушаков Андрей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент

Расулова Наталья Сергеевна – кандидат юридических наук

Information about the authors

Ushakov Andrey Y. – Candidate of Law, Associate Professor

Rasulova Natalya S. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Особенности дифференциации уголовно-процессуальных форм в некоторых зарубежных государствах

Шпагина Юлия Викторовна

Академия управления МВД России, Москва, Россия, iushpagina@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-7379-5452>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности дифференциации уголовно-процессуальных форм в зависимости от тяжести преступления в ряде зарубежных стран, имеющих принадлежность к романо-германской и англосаксонской правовым семьям, отмечено, что они могут быть учтены при реформировании отдельных уголовно-процессуальных институтов отечественного судопроизводства.

Ключевые слова: дифференциация, уголовно-процессуальная форма, уголовно-процессуальная деятельность, полиция, дознание, прокурор, суд

Для цитирования: Шпагина Ю. В. Особенности дифференциации уголовно-процессуальных форм в некоторых зарубежных государствах // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 75–79.

Original article

Features of differentiation of criminal procedural forms in some foreign countries

Shpagina Yulia V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

iushpagina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7379-5452>

Abstract. The article examines the legislation of different countries regulating criminal procedural forms depending on the severity of the crime. It is noted that some features would be advisable to take into account when reforming the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: differentiation, criminal procedural form, criminal procedural activity, police, inquiry, prosecutor, court

For citation: Shpagina Yu. V. Features of differentiation of criminal procedural forms in some foreign countries // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 75–79.

В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве [1] нашли отражение некоторые зарубежные тенденции регулирования отдельных правовых институтов. Современные исследователи, рассуждая о проблемах уголовного судопроизводства, обоснованно указывают на необходимость обращения к опыту других государств в сфере регулирования схожих правоотношений, что позволит комплексно исследовать ту или иную научную проблему [2, с. 111].

На сегодняшний день в российском уголовном судопроизводстве актуальна проблема уголовно-процессуальной формы для «очевидной» категории преступных деяний, не представляющих серьезной общественной опасности и сложности в доказывании, которая могла бы применяться в целях эффективного расследования дознавателями полиции

большого количества уголовных дел как в форме «полного» дознания, так и дознания в сокращенной форме [3; 4 и др.].

Зарубежное судопроизводство в настоящее время не утратило своего значения и представляет интерес для развития науки отечественного уголовно-процессуального права. Проведенный анализ уголовно-процессуального законодательства ряда зарубежных государств, регулирующего уголовно-процессуальную деятельность отдельных властных субъектов (в частности полиции), позволил выделить некоторые особенности дифференциации процессуальных форм производства, в которых осуществляется расследование «очевидных» преступлений указанными субъектами.

Следует отметить, что по рассматриваемой категории деяний «международное сообщество» поддерживает идею упрощения и ускорения уголовного судопроизводства, что позволяет, по мнению ученых, обеспечивать соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Наиболее яркими примерами в области организации сокращенного досудебного производства представляются законодательства Германии и Франции – членов романо-германской правовой семьи, и Великобритании и Соединенных Штатов Америки, принадлежащих к англосаксонской правовой семье.

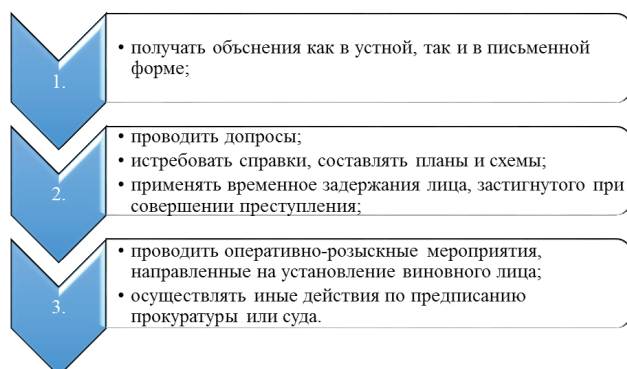
1. В Федеративной республике Германии порядка 80 % расследований приходится на долю органов полиции, остальные 20 % – на органы прокуратуры, таможенные и иные правоохранительные органы [5, с. 14]. Предварительное расследование при этом осуществляется в единой процессуальной форме, применение которой позволяет устанавливать большинство лиц, подозреваемых в совершении преступлений [6].

Несмотря на то, что главная роль в принятии итоговых процессуальных решений отводится прокуратуре, основной объем работы по производству дознания возложен законом на органы полиции (§ 161 УПК ФРГ) [7, с. 74].

При наличии повода и законного основания производство любого следственного и процессуального действия начинается без вынесения отдельного процессуального документа о начале расследования, что, по мнению ученых, вызывает в правоприменительной практике сложности, связанные с процессуальным статусом лица, привлекаемого к уголовной ответственности, поскольку на законодательном уровне предусмотрен и статус обвиняемого, и подозреваемого.

На полицейских Германии законом возложены достаточно широкие полномочия, при реализации которых они не связаны строгой процессуальной формой. Исключением являются следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, требующие участия следственного судьи.

Полицейские при производстве дознания вправе [8, с. 125]:

УПК ФРГ предусматривает суммарное и упрощенное производства при расследовании криминальных деяний, не представляющих серьезной опасности для

общества. В категорию таковых подпадает уголовный проступок, как правило, это мелкие кражи, транспортные нарушения, повреждение имущества и т. д.

В числе особенностей суммарного производства следует отметить:

- 1) согласие подсудимого с назначенным судом наказанием, в основном это конфискация добытого преступным путем имущества, штраф, лишение права управления транспортным средством и т. д. [7, с. 297];
- 2) отсутствие судебного разбирательства в случае в отсутствия сомнений у судьи, который удовлетворяет заявленное прокурором ходатайство и выносит приказ о наказании (§ 408 УПК ФРГ).

Такое производство сокращает временные затраты граждан при осуществлении правосудия и расходы участников по делу, а также избавляет от нервного напряжения в ходе судебных разбирательств.

В отношении иных криминальных посягательств, наказание за которые не превышает одного года лишения свободы, применяется упрощенное производство (§ 419 УПК ФРГ). В числе его особенностей следует выделить наличие:

- 1) категоричных и достаточных данных, подтверждающих вину злоумышленника;
- 2) письменного или устного ходатайства прокурора, являющегося отправной точкой к началу уголовного производства [7, с. 301].

Ряд ученых-процессуалистов критично оценивают упрощенное производство, которое, по их мнению, при быстроте расследования фактически исключает изучение личности преступника, что ведет к нарушению требования справедливой формы уголовного процесса [7, с. 300–301].

2. Во Франции производство дознания реализуется судебной полицией [8] и является первоначальной стадией уголовного процесса, имеющей отличительные черты:

- 1) начинается после получения сообщения о криминальном посягательстве [9, с. 260];
- 2) на данной стадии устанавливаются основания для начала расследования или их отсутствие для принятия иного процессуального решения.

Закон выделяет два вида дознания: по очевидным криминальным деяниям и первоначальное дознание.

Когда виновное лицо застигнуто с поличным, и имеются очевидцы произошедшего, уполномоченные должностные лица осуществляют его расследование в форме дознания по очевидным уголовно-наказуемым деяниям. Судебная практика очевидным может признать также деяние, по которому обнаружены явные улики, раскрывающие факт его совершения.

В целях собирания доказательственной базы и закрепления вины лица, совершившего преступление, полицейские вправе пользоваться широким перечнем установленных законом процессуальных средств, включая меры принуждения (ст. 72 УПК Франции) [10]. Результаты этой деятельности закрепляются в протоколах следственных действий, которые с иными про-

цессуальными документами передаются прокурору. Срок дознания по очевидным преступным деяниям не должен превышать недели. Его продление допустимо полномочиями прокурора республики еще на неделю, если уголовным законом за совершенное деяние предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет [11, с. 327–329].

В случае отсутствия условий очевидности при совершении преступного деяния, а также по прошествии значительного времени с момента совершения, полицейские осуществляют первоначальное дознание, представляющее собой непроцессуальную деятельность для обоснования уголовного иска, который возбуждается прокурором по ее результатам [11, с. 333]. При производстве первоначального дознания допустимо применение мер процессуального принуждения, в том числе и задержание.

А. С. Лизунов обращает внимание на то, что, в отличие от российского уголовного процесса, во Франции отсутствует как таковое нормативное разграничение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности [10, с. 87]. Офицеры полиции результаты своей деятельности оформляют единым протоколом, который передается прокурору для принятия процессуального решения о возбуждении публичного иска при наличии оснований. Конкретные сроки производства законодательством не установлены, поэтому вполне очевидно, что за осуществлением именно первоначального дознания усилен судебный контроль [11, с. 335].

Если инициатива о начале производства исходит от прокурора, то он сам устанавливает срок расследования. Если инициатором выступает полицейский, то о результатах расследования он должен отчитаться перед прокурором республики по истечении шестимесячного срока.

В научной литературе отмечается, что практика производства дознания требует более основательно-го подхода законодателя к урегулированию рассматриваемых правоотношений. По их мнению таковыми обстоятельствами выступают нивелирование различий между дознанием и предварительным следствием при условии, что результаты расследования используются при подготовке дела к рассмотрению в суде [9, с. 279; 12, с. 8]. В этой связи необходимо понимать, что возникает неоправданное ограничение права на защиту виновного лица, потому что отсутствует официальное решение о возбуждении уголовного иска, т. е. нет возможности оспаривать решения, принимаемые при производстве дознания, а также ограничен доступ к материалам производства.

Л. В. Головкин, исследовав данную проблематику, высказал мнение об оптимизации уголовного процесса, сопровождающейся отказом от доследственной проверки сообщения о преступлении и двух форм предварительного расследования. Профессор предложил собирать материалы для возбуждения уголовного дела или же для отказа в его возбуждении после проведения дознания [13, с. 15–17].

Представленная позиция кажется нам весьма дискуссионной. Двадцатилетняя практика применения гл. 32 УПК России – «Дознание», невзирая на присущие ей изъяны, вполне себя оправдывает и позволяет обеспечивать права и законные интересы участников уголовно-процессуальных отношений.

Французским же законодателем поощряется идея ускорения и упрощения уголовного судопроизводства в целях минимизации процессуальных затрат. В этой связи в уголовно-процессуальном законе этой страны по очевидным криминальным деяниям небольшой тяжести и уголовным проступкам предусмотрено производство в упрощенном порядке, в ходе которого суд фактически принимает решение на основании поступивших материалов (например, полицейского протокола) без рассмотрения дела по существу. Указанные материалы собирает судебная полиция в ходе дознания по поручению прокурора в целях установления обстоятельств произошедшего в объеме, достаточном для принятия судом законного и обоснованного решения. Срок расследования составляет восемь суток, его продление допустимо в исключительных случаях [14, с. 159].

3. Задача английской полиции при осуществлении уголовного судопроизводства состоит в предотвращении преступлений, раскрытии уже совершенных уголовно-наказуемых деяний и задержании лиц, их совершивших.

Деятельность полиции Англии в досудебной стадии производства осуществляется в следующих формах:

- регистрация информации о преступлениях;
- задержание подозреваемого на основании ордера или без такового;
- осуществление полицейского расследования.

Данный перечень не является исчерпывающим [15], это наиболее существенная форма досудебного производства по уголовным делам, на которую особое внимание обращают ученые-процессуалисты [14, с. 151].

Полицейское расследование (*police enquiry, police investigation*) – это деятельность по собиранию доказательств, способствующих раскрытию преступного деяния и привлечению виновного к уголовной ответственности. На данном этапе не существует четкого разграничения между следственными и оперативно-розыскными действиями. Начало расследования не требует вынесения отдельного формализованного процессуального акта [14, с. 151].

Полицейские в Англии обладают широкими полномочиями при осуществлении расследования, они вправе предупредить правонарушителя, предъявить обвинение подозреваемому, применить меры принуждения, а в случае отсутствия состава преступления принять решение об отказе от уголовного преследования [9, с. 61].

Порядка 90 % уголовных дел расследуются в упрощенном суммарном производстве и рассматриваются магистратскими судами (*Magistrates' Courts*). Как

правило, это уголовные дела о преступных деяниях, не представляющих значительной общественной опасности, например, повреждение чужого имущества, магазинные кражи, вождение в нетрезвом виде и др. В этих случаях полиция доставляет виновника в суд, где в устной форме происходит слушание по его обвинению и далее решается вопрос о наказании. Рассмотрение подобного дела в суде занимает порядка 15–30 минут, если виновное лицо согласно с предъявленным ему обвинением [13, с. 153].

Ученые занимают неоднозначную позицию относительно рассмотренной формы. С одной стороны, ее применение позволяет минимизировать существенную нагрузку, приходящуюся на органы полиции, с другой – имеет место игнорирование в суде возможных негативных обстоятельств, появившихся в ходе досудебного производства, например, признание вины под угрозой [5, с. 75].

4. В уголовном процессе США, относящемся к англосаксонской правовой системе, одной из особенностей деятельности полиции является дискреционность полицейских полномочий в отношении спора, возникающего между сторонами по факту совершенного преступления. Если злоумышленник признает факт совершения преступления и вину, то орган, осуществляющий расследование, может предложить сторонам заключить «сделку» (так называемую «guilty plea negotiations»). Особенностью реализации данного механизма в рамках уголовного судопроизводства является осуждение лица без исследования и проверки доказательств. Судья выясняет у подсудимого, не оказывалось ли на него давление со стороны полицейских при принятии решения о признании вины и в случае добровольности такого признания назначает наказание. Указанный порядок применим, как правило, к делам о малозначительных преступных посяательствах.

Представители научной общественности полагают, что полицейским проще получить признательные показания от виновного лица, нежели трудиться над выявлением и сбором обвинительных доказательств по делу [16].

Еще одной особенностью уголовного процесса в США признается возможность выявлять и собирать доказательства в свободной форме, сочетать в своей деятельности следственные, оперативные и розыскные действия [16, с. 76]. В связи с чем полицейские вправе:

1. интервьюировать потерпевших либо свидетелей с фиксацией в личной записной книжке;
осматривать жилые и нежилые помещения;
2. собирать характеризующий материал;
осуществлять внедрение осведомителей в целях получения необходимых данных;
обращаться к специалистам для консультации;
3. задерживать или арестовывать лицо, совершившее криминальное деяние;
осуществлять иные действия по предписанию прокуратуры или суда.

При этом предполагается право осуществления некоторых действий до регистрации сообщения о совершении криминального деяния [16].

По итогам расследования конкретного обстоятельства офицер полиции составляет отчет. Доказательством собранная информация становится, когда суд допросит указанное должностное лицо в качестве свидетеля обвинения.

Уголовный процесс США также предусматривает упрощенное (суммарное) производство. В числе его особенностей следует отметить:

- 1) категорию преступного деяния неопасного для общества, по которой возможно применение указанного производства;
- 2) очевидность его совершения;
- 3) согласие обвиняемого с инкриминируемым ему деянием и разрешением дела по существу судьей в упрощенном порядке;
- 4) осуществление разбирательства в максимально короткие сроки – сразу после регистрации сообщения о совершении криминального деяния.

Подводя итоги выше изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Представляется, что традиции, присущие англосаксонской правовой системе, довольно затруднительно имплементировать и совместить с традициями свойственными отечественному уголовному процессу.
2. Рассмотренное зарубежное законодательство отводит значимую роль полиции, наделив ее должностных лиц широкими полномочиями при реализации уголовно-процессуальных функций в досудебном производстве, что повышает не только уровень доступа к правосудию граждан, пострадавших от криминальных посягательств, но и результативность работы по противодействию указанным посягательствам.
3. Безусловно, действующее российское досудебное производство не является безупречным, и рассмотренный опыт, в частности, романо-германской правовой семьи, может быть весьма полезен с учетом сложившихся в отечественном судопроизводстве правовых традиций.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: офиц. текст // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Качалова О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2016.
3. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 22–28.
4. Григорьев Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.

5. Шклярчук М. Траектория уголовного дела в Германии: оправдательный уклон? Итоги эмпирических наблюдений. Санкт-Петербург: ИПП ЕУ СПб, 2017.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Германии от 1 октября 1879 г. (в редакции Закона от 25 марта 2022 г.). URL: <https://dejure.org/gesetze/StPO> (дата обращения: 25.04.2023).

7. Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ: научно-практическое пособие. Москва: Издательство «Спутник +», 2014.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Франции от (по состоянию на 23 марта 2023 г.). URL: https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/fr/document/lc/C-25.1?langCont=fr#ga:l_iv-h1 (дата обращения: 25.04.2023).

9. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В. И. Самарина, В. В. Луцка. Москва: Проспект, 2019.

10. Лизунов А. С. Доследственная проверка как часть досудебного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017.

11. Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции: научно-практическое пособие. Москва: Издательство «Спутник +», 2016.

12. Лубенский А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. Москва: Юридическая литература, 1977.

13. Головкин Л. В. Допрос и предварительное следствие по уголовным делам во Франции: основные тенденции развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995.

14. Никифорова Ю. Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018.

15. Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 г. // Официальный сайт Правительства Соединенного Королевства. URL: <https://www.gov.uk/guidance/police-and-criminal-evidence-act-1984-pace-codes-of-practice> (дата обращения: 01.06.2023).

15. Антонов И. А., Победкин А. В. Презумпция доверия полиции в сфере уголовного судопроизводства (зарубежный опыт) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 74–79.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ: official text // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part 1). Art. 4921.

2. Kachalova O. V. Expedited proceedings in Russian criminal proceedings: dis. ... Doctor of Law. Sci. Moscow, 2016.

3. Gavrilov B. Ya. Ideology of the formation of modern pre-trial proceedings // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (45). pp. 22–28.

4. Grigoriev D. A. Differentiation of the procedural form of inquiry production: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Moscow, 2018.

5. Shklyaruk M. Trajectory of a criminal case in Germany: acquittal bias? Results of empirical observations. St. Petersburg: IPP EU SPb, 2017.

6. German Criminal Procedure Code of October 1, 1879 (as amended by the Law of March 25, 2022). URL: <https://dejure.org/gesetze/StPO> (access date: 04/25/2023).

7. Barabanov P.K. Criminal process in Germany: scientific and practical guide. Moscow: Sputnik+ Publishing House, 2014.

8. French Code of Criminal Procedure dated (as of March 23, 2023). URL: https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/fr/document/lc/C-25.1?langCont=fr#ga:l_iv-h1 (access date: 04/25/2023).

9. Criminal procedure of European states: monograph / ed. V. I. Samarina, V. V. Lutsika. Moscow: Prospekt, 2019.

10. Lizunov A. S. Pre-investigation check as part of pre-trial proceedings: dis. ...cand. legal Sci. Nizhny Novgorod, 2017.

11. Barabanov P.K. Criminal process in France: scientific and practical guide. Moscow: Sputnik+ Publishing House, 2016.

12. Lubensky A.I. Preliminary investigation under the legislation of capitalist states. Moscow: Legal literature, 1977.

13. Golovko L.V. Inquiry and preliminary investigation in criminal cases in France: main development trends: abstract. dis. ...cand. legal Sci. Moscow, 1995.

14. Nikiforenko Yu. L. Criminal prosecution in simplified forms: doctrine, legislative technology and law enforcement practice: dis. ...cand. legal Sci. Nizhny Novgorod, 2018.

15. Police and Criminal Evidence Act 1984 // Official website of the Government of the United Kingdom. URL: <https://www.gov.uk/guidance/police-and-criminal-evidence-act-1984-pace-codes-of-practice> (accessed 06/01/2023).

15. Antonov I. A., Pobedkin A. V. Presumption of trust in the police in the field of criminal proceedings (foreign experience) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (50). pp. 74–79.

Информация об авторе

Шпагина Юлия Викторовна – кандидат юридических наук

Information about the author

Shpagina Yu.V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Научная статья

УДК 343.98

Организационные проблемы подготовительного этапа следственного эксперимента

Беляков Александр Алексеевич¹, Речков Илья Евгеньевич²

^{1,2} Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

Автор, ответственный за переписку: Речков Илья Евгеньевич, ierechkov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями организации проведения следственного эксперимента. Проанализированы тактические особенности и проблемы, возникающие на подготовительном этапе его производства, отличие от других следственных действий. Даны практические рекомендации по организации проведения следственного эксперимента.

Ключевые слова: следственный эксперимент, подготовительный этап следственного эксперимента, организация следственного эксперимента

Для цитирования: Беляков А. А., Речков И. Е. Организационные проблемы подготовительного этапа следственного эксперимента // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 80–85.

Original article

Organizational problems of the preparatory stage of an investigative experiment

Belyakov Alexander A.¹, Rechkov Ilya E.²

^{1,2} Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia

Corresponding author: Rechkov Ilya E., ierechkov@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the peculiarities of organizing an investigative experiment. The tactical features and problems that arise at the preparatory stage of its production, in contrast to other investigative actions, are analyzed. Practical recommendations for organizing an investigative experiment are given.

Keywords: investigative experiment, preparatory stage of investigative experiment, organization of investigative experiment

For citation: Belyakov A. A., Rechkov I. E. Organizational problems of the preparatory stage of an investigative experiment // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 80–85.

В процессе расследования преступления следователь (дознатель) производит выявление, собирание, исследование и оценку информации, которая может быть положена в основу доказательственной базы. Все эти виды деятельности осуществляются с помощью установленных законом процессуальных средств – следственных действий, которые являются целостной взаимозависимой системой, особое место в которой занимает следственный эксперимент.

Законодательное закрепление следственный эксперимент получил в 1960 году, когда был принят УПК РСФСР, однако действия, попадающие под данное понятие, осуществлялись задолго до этого.

Решение о проведении следственного эксперимента и его организация возложены на должностное лицо, которое введет расследование уголовного дела. Часто следователи и дознаватели из-за отсут-

ствия четкой регламентации данной процедуры в уголовно-процессуальном законодательстве РФ допускают ошибки при его проведении и необоснованно подменяют следственный эксперимент другими следственными действиями.

Невзирая на то, что следственный эксперимент регламентирован ст. 181 УПК РФ в качестве самостоятельного следственного действия, до сих пор не утихают споры относительно его правовой природы.

Под следственным экспериментом Юридический словарь (1953) предлагает понимать «следственное действие, заключающееся в воспроизведении следователем отдельных обстоятельств совершения расследуемого преступления или отдельных фактов, имеющих существенное значение для дела» [1]. Однако неверно ограничивать его воспроизведением только обстановки, потому что это более обширное понятие, которое учитывает и опыты, и испытания, то есть весь спектр экспериментальных методов.

В связи с этим Р. С. Белкиным дано более точное определение: «следственный эксперимент – это самостоятельное следственное действие, выполняемое следователем в условиях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, а также получения новых доказательств, производимое путем совершения опытных действий в условиях, максимально сходных с условиями, существовавшими в момент проверяемого факта, явления, события» [2].

Таким образом, целью данного следственного действия согласно ст. 181 УПК РФ является проверка и уточнение данных, которые имеют значение для дела, посредством воспроизведения обстановки, действий, обстоятельств события [3]. Например, проведение следственного эксперимента необходимо в тех случаях, когда возникают сомнения о фактах, событиях или совершенных действиях, его результаты могут использоваться как для проверки определенных данных по делу, так и для выдвижения следственных версий.

В соответствии с требованиями ст. 9 и 164 УПК РФ следственный эксперимент не должен причинять какой-либо материальный ущерб или создавать опасные последствия. Опытные действия, составляющие его содержание, не должны унижать честь и достоинство граждан.

В связи с этим необходимо продумать алгоритм действий участвующих лиц, чтобы исключить возможные негативные последствия, избежать ситуаций, в результате которых может возникнуть опасность для жизни и здоровья участников процесса. Все действия, которые будут произведены в ходе эксперимента, должны отвечать нормам этичности и безопасности как в отношении лиц в нем участвующих, так и в отношении имущества, используемого в качестве реквизита.

Результаты следственного эксперимента имеют большое значение, однако на практике его проведение зачастую не производится даже в тех случаях, когда это необходимо [4], что связано с большим ко-

личеством трудностей организационного характера и не всегда бесспорными и однозначными выводами.

Первоначальный этап следственного эксперимента играет важную роль в дальнейшем расследовании уголовного дела. Учеными высказывается точка зрения о его делении на два самостоятельных этапа. Например, Кузьмин Ю. А. предлагает рассматривать подготовительные действия следователя (дознателя) до выезда на место проведения следственного эксперимента и проводимые уже непосредственно на месте производства рассматриваемого следственного действия [5]. Другие ученые, например В. В. Сергеев, называют иное деление: до составления плана проведения эксперимента и составление данного плана [6].

Действия, производимые при подготовке к следственному эксперименту, не закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве, так как они не могут носить ограниченный характер. В ходе подготовки к следственному действию они могут меняться в зависимости от целей, которые преследует следователь (дознатель), сложившейся следственной ситуации на данном этапе расследования, специфики его проведения, позиции и поведения его участников, от достижений науки и техники.

Прежде всего, должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно исследовать все имеющиеся документы, относящиеся к данному делу. Это дает общее видение и конкретное понимание происходящего в момент совершения преступления, обстановки, расположения предметов и т. п.

В этой связи вполне обоснованной считается точка зрения Е. И. Пыревой, считающей, что при подготовке к следственному эксперименту следователь (дознатель) в ходе расследования некоторых преступлений (например, в области нарушения правил пожарной безопасности или правил дорожного движения) не обладает специальными познаниями, поэтому изначально должен прибегнуть к советам экспертов, исследовать нормативные документы, рекомендации по соответствующей теме [7]. Далее необходимо будет определить лиц, задействованных в эксперименте, при этом не следует забывать, что участие большого количества человек труднее контролировать.

Анализ уголовно-процессуального законодательства и следственно-судебной практики позволяет классифицировать участников следственного эксперимента по двум критериям:

- 1) обязательные и необязательные участники согласно УПК РФ;
- 2) сотрудники подразделений органов внутренних дел и лица, не являющиеся таковыми.

К обязательным участникам относят следователя (дознателя), то есть лицо, без которого невозможно производство следственного действия. В случае проведения следственного эксперимента с участием несовершеннолетнего обязательными участниками

являются его законные представители, педагог или психолог, при участии подозреваемого или обвиняемого – защитник.

К обязательным участникам следственного эксперимента относят понятых, потерпевших, свидетелей, подозреваемого и обвиняемого. Они привлекаются в случаях, когда возникает необходимость проверки достоверности их показаний или установления наличия у них профессиональных навыков, физических способностей. Однако к их показаниям и результатам опытных действий следователь должен относиться внимательно, так как и потерпевший, и обвиняемый являются лицами, заинтересованными в результате расследования, и порою данное ими согласие на участие носит корыстный характер.

Кроме того, к обязательным участникам следственного эксперимента относят иных лиц, осуществляющих вспомогательные функции, в случае возникновения необходимости в замене подлинных участников события [8]. Эти люди по своим внешним и физическим данным должны обладать сходными признаками с подлинными участниками. В криминалистической литературе можно встретить разное их название: статисты, демонстраторы, дублеры и т. п. Их роль незаменима, когда следователю (дознавателю) необходимо получить объективные результаты опытов.

К участию в следственном эксперименте также привлекаются сотрудники подразделений органов внутренних дел, призванные оказывать помощь в расследовании, например, специалисты экспертно-криминалистических служб, оперативные сотрудники, сотрудники дорожно-патрульной службы и др.

Центральным ключевым звеном на данном этапе является допрос участников эксперимента, в ходе которого выясняются первоначальные факты по исследуемому событию. Свидетели, потерпевшие, подозреваемые и обвиняемые являются носителями идеальной следовой информации, образующейся не только путем зрительного контакта, но также с помощью слухового, осязательного и обонятельного восприятия. К примеру, свидетель мог не видеть совершавших преступление лиц, но слышал их голоса, тогда следователь должен установить высоту голоса, темп речи, тембр, а также уточнить, имелись ли какие-либо особенности (дефекты) речи.

Как утверждают С. С. Маевский и В. А. Дударев, чаще всего следственный эксперимент производится для проверки показаний, которые дали подозреваемый или свидетели, поэтому следователь (дознаватель) должен детально их изучить и при обнаружении их недостаточности назначить повторный допрос [9]. Согласимся с данными авторами по тем основаниям, что допросы осуществляются с целью уточнения сведений, которые подлежат выявлению с помощью эксперимента.

Следственный эксперимент зачастую проводится непосредственно на месте преступления. В таких случаях наиболее целесообразно следователю (дознава-

телю) выезжать туда до назначенного следственного действия, это позволит заранее подготовиться, определив расположение участвующих лиц, и предприняв меры по реконструкции первоначальных условий, если с момента совершения преступления и до момента производства следственного эксперимента обстановка на месте происшествия существенно изменилась.

В большинстве случаев при производстве экспериментального следственного действия применяется фото и видеоаппаратура, фиксирующая все происходящее до эксперимента, во время его проведения и после. Проблемой в данном случае является то, что следователь (дознаватель) самостоятельно организует весь процесс следственного эксперимента, при этом УПК РФ не содержит норм, предписывающих его материально-техническое обеспечение.

«Довыездной» или «кабинетный» этап подготовки к следственному эксперименту заключается в подборе бланков процессуальных документов, поиске технических средств и составлении плана действий в процессе производства эксперимента [10].

Все последующие подготовительные действия следователь (дознаватель) осуществляет непосредственно на месте проведения следственного эксперимента. При этом эти процедуры опять же не определены законодательно, но достаточно освещены в научных трудах. Практически все исследователи считают, что следователь (дознаватель), прибыв на место проведения следственного эксперимента должен:

- 1) осмотреть его;
- 2) воссоздать, если требуется, первоначальную обстановку, имевшую место быть во время преступного деяния, используя для этого показания участников эксперимента, допрошенных ранее;
- 3) обеспечить охрану места и безопасность участников;
- 4) разъяснить лицам, участвующим в эксперименте, их права и обязанности, а также порядок дальнейших действий.

В ходе исследования проведен анализ уголовно-процессуального законодательства и выявлен ряд проблем процессуального характера. В частности, иногда следственный эксперимент проводится в ночное время в безлюдном месте. Данное обстоятельство создает для следователя (дознавателя) определенные трудности организационного характера, связанные с подбором понятых, поэтому, по нашему мнению, необходимо подобрать данных лиц заранее и прибыть на место проведения следственного действия уже с ними.

Еще одним неурегулированным вопросом является порядок вызова участников следственного эксперимента, который в УПК РФ не определен, поэтому принято пользоваться общими правилами вызова на допрос, предусмотренными ст. 188 УПК РФ. Соответственно свидетель, потерпевший, обвиняемый вызывается для производства рассматриваемого следственного действия повесткой, в которой указы-

ваются следующие позиции: кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки, а также последствия неявки без уважительных причин. Вызов должен осуществляться заблаговременно. В случае отказа от участия, попытки сорвать производство эксперимента необходимо незамедлительно убедить данное лицо в необходимости сотрудничества со следствием, в том числе и через лиц, способных повлиять на вызываемое лицо (например, родители, руководители, педагоги, психологи и т. п.) [11].

Если же участник следственного эксперимента получил повестку, но не явился и не обозначил причину своего отсутствия, следователь (дознатель) вправе осуществить процедуру принудительного привода (ст. 113 УПК РФ).

Особое внимание необходимо обратить на проведение следственного эксперимента в жилище граждан, право на неприкосновенность которого закреплено на международном уровне (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [12] и ст. 12 Всеобщей декларации прав человека [13]), а также в основном законе РФ (ст. 25 Конституции РФ [14]) – «жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения». В этой связи производство следственного эксперимента в жилище граждан должно проводиться по правилам осмотра жилища, соответственно подготовительные действия должны носить идентичный характер. Если жильцы против, следователь (дознатель) ходатайствует перед судом о разрешении производства следственного действия (ст. 165 УПК РФ).

Следующей проблемой является проведение следственного эксперимента на территории организации, учреждения, предприятия, что может блокировать их работу и повлечь причинение материального ущерба собственнику и работникам. Если же эксперимент проводится в общественном месте, он может создать условия, препятствующие нормальной жизнедеятельности людей.

Например, в статье газеты «Комсомольская правда» было сделано объявление о том, что, сотрудники следственного отдела ОМВД России по Пермскому району 26 января 2021 г. будут проводить следственный эксперимент, что может привести к затруднению движения транспорта. Его проведение необходимо для проверки обстоятельств дорожно-транспортного происшествия, в котором пострадали люди. В связи с этим с 20 часов 00 минут будет временно перекрыто движение на двенадцатикилометровом участке федеральной трассы «Пермь – Екатеринбург» [12]. В этом случае следователь обязан вынести постановление о проведении эксперимента.

Иногда процедура проведения следственного эксперимента затруднена уничтожением предмета совершения преступления и невозможностью его воспроизведения. Так, в одном из судебных дел в

качестве причины нецелесообразности проведения следственного эксперимента указано, что мотоцикл уничтожен, а другой не сможет соответствовать всем его параметрам [16].

Также не всегда допустимо доподлинное восстановление всех условий и предметов на месте совершения преступления, так как это может повлечь реальную угрозу жизни лиц, участвующих в следственном эксперименте. Обстановка воссоздается лишь в тех случаях, когда это возможно (например, расположения предметов на прилавке магазина), чтобы эксперимент считался проведенным в соответствии со ст. 181 УПК РФ, и впоследствии не появились обстоятельства, которые могут повлечь его недействительность.

Проблемным аспектом может стать невозможность привлечения к активному участию в следственном эксперименте лица, которое совершило преступление, по причине его отказа от сотрудничества или по иным обстоятельствам. Тогда следователю следует привлекать лиц, которые будут по физическим характеристикам близки к подозреваемому (обвиняемому).

Намеренное искажение лицом своих навыков с целью подмены результатов следственного эксперимента, может стать еще одним затруднением при его проведении. В таком случае результат будет носить вероятностный характер, что также необходимо учитывать на подготовительном этапе.

Если экспериментальные действия предстоит выполнять лицу, совершившему преступление, то участников надлежит предупредить о недопустимости проявления в его адрес чувств негодования, презрения или жалости, так как это может привести к нарушению контакта между следователем (дознателем) и подозреваемым (обвиняемым) и к невозможности производства следственного эксперимента [17].

Также проблемой может стать факт совершения преступления лицом, испытывающим агрессию, гнев, злость, которые в обычной жизни не свойственны ему, соответственно невозможно будет в полной мере воспроизвести преступные действия. Например, лицо могло перепрыгнуть забор либо бежать с большей скоростью, чем обычно.

Таким образом, порядок проведения следственного эксперимента должен отвечать последовательности проверяемых событий. Для получения эффективных результатов следователю (дознателю) необходимо тщательно спланировать его проведение с учетом всех обозначенных проблемных моментов.

Список источников

1. Юридический словарь / гл. ред. С. Н. Братусь и др. Москва: Госюриздат, 1953. 495 с.
2. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. Москва: Юрид. лит, 1964. 43 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 172-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/>

4. Батышева И. В. Значение следственного эксперимента в уголовном процессе // Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: сборник материалов межведомственной научно-практической конференции. Москва, 2020. 35 с.

5. Кузьмин Ю. А. К вопросу о тактике подготовки и проведения следственного эксперимента. URL: <https://novalinfo.ru> (дата обращения: 01.02.2021).

6. Сергеев В. В. Организационно-тактические аспекты подготовки к производству следственного эксперимента. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина, 2016. 67 с.

7. Пырьева Е. И. Участие специалиста при подготовке и проведении следственного эксперимента // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2017. № 3-1. 296 с.

8. Россинский С. Б. Следственные действия. Москва: Норма, 2018. 103 с.

9. Маевский С. С. Порядок производства следственного эксперимента по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ: сравнительный анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 3. 24 с.

10. Порцева Ю. Е. Тактические приемы подготовки к проведению следственного эксперимента // Студенческий вестник. 2020. № 8-1. 69 с.

11. Виноградова О. П. Следственный эксперимент при расследовании дорожно-транспортных происшествий: сущность и особенности проведения // В сборнике: Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 151–156.

12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: текст с изменениями и дополнениями на 13 мая 2004 г. [заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.] // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

13. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 10 декабря 1998 г.

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.01.2021).

15. Степура В. С. «Из-за следственного эксперимента в Пермском районе перекроют дороги» // Комсомольская правда. URL: <https://www.perm.kp.ru/онлайн/Новости/4164304/> (дата обращения: 01.02.2021).

16. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от

18 февраля 2020 г. № 22-373/2020. URL: <http://www.consultant.ru>.

17. Виноградова О. П. Тактические условия и приемы производства следственного эксперимента при расследовании уголовных дел по фактам дорожно-транспортных происшествий // В сборнике: Тенденции развития современного уголовно-процессу-

ального законодательства Российской Федерации. Сборник научных трудов II Всероссийской конференции / под ред. Н. С. Расуловой. 2017. С. 33–39.

References

1. Legal dictionary / editor-in-chief S. N. Bratus et al. Moscow: Gosyurizdat, 1953. 495 p.

2. Belkin R. S. Experiment in investigative, judicial and expert practice. Moscow: Legal lit., 1964. 43 p.

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 172-FZ // Consultant plus: website. URL: <http://www.consultant.ru/>

4. Batsysheva I. V. The significance of the investigative experiment in the criminal process // Topical issues of public order protection and administrative activities of the police: collection of materials of the interdepartmental scientific and practical conference. Moscow, 2020. 35 p.

5. Kuzmin Yu. A. On the tactics of preparation and conduct of an investigative experiment. URL: <https://novalinfo.ru> (accessed: 01.02.2021).

6. Sergeev V. V. Organizational and tactical aspects of preparation for the production of an investigative experiment. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, 2016. 67 p.

7. Pyrieva E. I. Participation of a specialist in the preparation and conduct of an investigative experiment // Public security, law and order in the third millennium. 2017. No. 3-1. 296 p.

8. Rossinsky S. B. Investigative actions. Moscow: Norma, 2018. 103 p.

9. Mayevsky S. S. The procedure for conducting an investigative experiment on the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries: comparative analysis // International criminal law and international justice. 2019. No. 3. 24 p.

10. Portseva Yu. E. Tactical methods of preparation for conducting an investigative experiment // Student Bulletin. 2020. No. 8-1. 69 p.

11. Vinogradova O. P. Investigative experiment in the investigation of traffic accidents: the essence and features of the conduct // In the collection: Criminalistics and forensic activity in modern conditions. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. Pp. 151–156.

12. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: text with amendments and additions as of May 13, 2004 [concluded in Rome of November 4, 1950] // Bulletin of International Treaties. 2001. No. 3.

13. Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948 // Rossiyskaya Gazeta. December 10, 1998.

14. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993). URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: 07.01.2021).

15. Stepura V. S. «Because of the investigative experiment in the Perm region, roads will be blocked» //

Komsomolskaya Pravda. URL: <https://www.perm.kp.ru/oNo.lino.e/no.ews/4164304/> (accessed: 01.02.2021).

16. Appeal resolution of the Rostov Regional Court of February 18, 2020 No. 22-373/2020. URL: <http://www.consultant.ru>.

17. Vinogradova O. P. Tactical conditions and methods of conducting an investigative experiment in the investigation of criminal cases on the facts of road accidents // In the collection: Trends in the development of modern criminal procedure legislation of the Russian Federation. Collection of scientific papers of the II All-Russian Conference / ed. by N. S. Rasulova. 2017. Pp. 33–39.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Информация об авторе

Беляков Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор

Information about the author

Belyakov Alexander A. – Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 22.09.2023

К проблеме установления способов и механизмов подделки документов в сфере медицинского обслуживания населения (по материалам Республики Казахстан)

Воеводкин Денис Викторович

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Косшы, Казахстан, voevodkinden@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1763-1808>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности способов и механизмов совершения преступлений, связанных с подделкой документов в сфере медицинского обслуживания населения, как самостоятельных элементов криминалистической характеристики. Автор исследования приходит к выводу, что знание указанных элементов криминалистической характеристики подделки документов в сфере медицинского обслуживания населения позволяет предлагать обоснованные предположения о лице, совершившем преступление, выбирать эффективную стратегию действий в ходе их расследования и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: медицинские документы, механизм совершения преступления, способ совершения преступления, подделка, фальсификация

Для цитирования: Воеводкин Д. В. К проблеме установления способов и механизмов подделки документов в сфере медицинского обслуживания населения (по материалам Республики Казахстан) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 86–92.

Original article

On the problem of establishing methods and mechanisms for falsifying documents in the field of medical care for the population (based on materials from the Republic of Kazakhstan)

Voyevodkin Denis V.

Law enforcement academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, Koshy, Kazakhstan, voevodkinden@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1763-1808>

Abstract. The article considers the features of methods and mechanisms of committing crimes related to forgery of documents in the field of medical care of the population as independent elements of criminalistic characteristics. The author of the study comes to the conclusion that knowledge of these elements of the criminalistic characteristics of document forgery in the field of medical care of the population allows us to offer reasonable assumptions about the person who committed the crime, to choose an effective strategy of actions during their investigation and conducting operational investigative measures.

Keywords: medical documents, mechanism of committing a crime, method of committing a crime, forgery, falsification

For citation: Voyevodkin D. V. On the problem of establishing methods and mechanisms for falsifying documents in the field of medical care for the population (based on materials from the Republic of Kazakhstan) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 86–92.

Способ совершения преступления в криминалистическом смысле представляет собой важный элемент криминалистической характеристики, оказывающий значительное влияние на процесс выявления и раскрытия преступлений. Под этим элементом при-

нято понимать комплекс средств и приемов, примененных злоумышленником для достижения своего преступного намерения и сокрытия следов преступления.

© Воеводкин Д.В., 2023

Способ совершения преступления охватывает аспекты криминалистики, уголовного права, уголовно-процессуального права и криминологии. Однако важно отметить, что понятие в контексте криминалистики имеет более широкую интерпретацию по сравнению с его определением в материальном и процессуальном праве. Это объясняется тем, что многие исследователи предлагают включать в понятие способа совершения преступления стадии подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Способ совершения преступления определяет манеру, в которой было совершено преступное действие или бездействие, и включает в себя все методы, приемы, средства и способы, которые были использованы злоумышленником. Сюда входят не только материальные действия, связанные с применением определенных предметов и инструментов, но и моральные методы воздействия, включая обман, угрозу, принуждение и т. д.

На протяжении развития криминалистики научная и практическая значимость способа совершения преступления отмечалась многими учеными, что, на наш взгляд, является оправданным, поскольку его установление – это ключевое звено в процессе расследования каждого преступления, вне зависимости от степени тяжести, характера общественной опасности, наступивших последствий и т. д.

Исследованием этой проблемы занимались Р. С. Белкин [1, с. 359], И. А. Возгрин [2, с. 26], Г. Г. Зуйков [3, с. 10], М. И. Еникеев [4, с. 105], В. Ф. Ермолович [4, с. 54–55], А. Н. Колесниченко [5, с. 18], Э. Д. Куранова [6, с. 165–166], Н. П. Яблоков [7, с. 34] и другие ученые-криминалисты.

В контексте криминалистики способ совершения преступления, по мнению исследователей, в первую очередь выступает как комплекс действий. Вторым аспектом является то, что эти действия определяются объективными и субъективными условиями. Третий аспект – они ориентированы на достижение преступной цели. И, наконец, эти действия связаны с применением конкретных приемов, орудий и средств, которые оставляют следы в окружающей обстановке.

Одним из первых классификацию способов совершения преступления предложил Г. Н. Мудьюгин, говоря о ней «в двух смыслах: а) в широком, включая в это понятие как само совершение, так и сокрытие преступления, и б) в узком, имея в виду лишь непосредственное совершение преступления» [9, с. 66].

В дальнейшем данная классификация была расширена М. С. Уткиным, который разделил способы совершения преступления на: 1) полноструктурные или наиболее квалифицированные (подготовка, совершение и сокрытие преступлений); 2) менее квалифицированные или усеченные первого типа (совершение и сокрытие преступлений); 3) менее квалифицированные или усеченные второго типа (подготовка и совершение преступлений); 4) неквалифицированные или упрощенные (только совершение преступления) [10, с. 6].

Следует отметить, что Р. С. Белкиным высказана позиция, согласно которой «действия по сокрытию преступления могут быть связаны и не связаны единым замыслом с приготовлением и совершением преступления» [1, с. 360], в связи с чем в качестве самостоятельного выделено понятие способа сокрытия преступления.

Соглашаясь с данным мнением, остановимся на способах совершения рассматриваемой разновидности преступлений.

Поскольку подделка документов, в т. ч. в сфере медицинского обслуживания населения, является многоступенчатым процессом, мы полагаем, что было бы уместно исследовать информационные обстоятельства через следующие действия:

- изготовление фальшивых медицинских документов;
- распространение фальшивых медицинских документов;
- использование фальшивых медицинских документов.

Каждому из указанных этапов присущи свои способы подготовки и совершения.

Так, подготовка к совершению подделки медицинских документов может включать в себя следующие действия:

- достижение соглашения между сторонами о подделке документов и условиях вознаграждения за такие действия;
- приобретение специализированного программного обеспечения и компьютерного оборудования, которое позволяет создавать и редактировать медицинские документы с высокой степенью достоверности;
- вербовка медицинских работников либо лиц, имеющих доступ к оригинальным бланкам медицинской документации, печатям, штампам либо информационным системам организаций здравоохранения, или сговор с ними;
- присвоение утерянного документа;
- хищение бланков документов, печатей, штампов и других необходимых материалов;
- приобретение бланков документов через различные источники, покупка в магазине или интернете;
- подбор пишущего прибора или печатающего устройства;
- сговор с лицами о нанесении ими отдельных реквизитов на бланк документа;
- приобретение навыков работы на персональном компьютере с необходимым программным обеспечением и использованием периферийных устройств;
- выбор компьютерной программы, при помощи которой будет изготовлен документ или его реквизиты;
- изучение и освоение полиграфических способов печати;
- предварительная тренировка выполнения подписи от имени другого лица;

- изготовление поддельных клише печатей, штампов, факсимиле;

- получение доступа к базам данных медицинских учреждений или к системам электронной медицинской документации для изменения информации или создания фальшивых записей;

- приобретение химических веществ, специальных материалов и иных средств для подделки печатей, подписей или графических элементов и т. д.

Помимо указанных действий, подготовка к подлогу документов может включать выбор лицом наиболее подходящего способа подделки, определение удобных мест и времени для совершения преступления, а также создание соответствующих условий, которые способствуют успешному осуществлению преступления.

Способы совершения рассматриваемой разновидности преступлений зависят от того, каким образом осуществляется фальсификация документов.

Д. А. Мозговая в зависимости от способов изготовления документов выделяет три вида подлога – интеллектуальный, материальный и интеллектуально-материальный. К первому виду относится внесение заведомо ложной информации в подлинный бланк документа, при этом подлинность реквизитов является обязательным условием; ко второму – внесение в подлинный документ исправлений, искажающих их действительное содержание, или изготовление поддельных бланков документов; к третьему – использование ненадлежащих средств для выполнения реквизитов и внесение ложной информации в подлинный бланк документа [11, с. 13].

Полагаем, что данная градация по видам подлога применима не только к подлогу документов в целом, но и к рассматриваемой разновидности преступлений, в частности.

Следует отметить, что изготовление документов с заведомо ложной информацией, известное как интеллектуальный подлог, осуществляется с использованием способов и материалов, регламентированных для данного типа документов. Такие документы, как правило, не обладают физическими признаками незаконного изготовления, поэтому определение наличия интеллектуального подлога путем экспертизы невозможно. Обычно выявление такого вида подлога происходит в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий либо негласных следственных действий. Примерами совершения таких преступлений применительно к сфере медицинского обслуживания населения может послужить изготовление заведомо ложного заключения судебно-медицинской экспертизы, заключения медико-социальной экспертизы, акта освидетельствования, листка временной нетрудоспособности, рецептов на получение лекарственных средств, содержащих наркотические вещества и прекурсоры, паспорта вакцинации и другие.

Что касается материального подлога, здесь выделяют изготовление документов, имитирующих подлинные целиком (полная подделка), либо внесение

изменений в подлинный документ (частичная подделка) [12, с. 254].

Е. Н. Бегалиевым справедливо, на наш взгляд, выделяются следующие способы изготовления поддельных документов: плоская (офсетная) печать; глубокая печать; электрография; трафаретная печать (шелкография); частичная подделка [11, с. 191].

Из всего перечня медицинской документации, которой в Республике Казахстан насчитывается более 450 наименований [14, с. 60], к печатной продукции, требующей специальной степени защиты, отнесены лишь лист о временной нетрудоспособности и ветеринарный сертификат (п. 76, 97 Перечня печатной продукции, требующей специальной степени защиты, приобретаемой у Республиканского государственного предприятия на праве хозяйственного ведения «Банкнотная фабрика Национального Банка Республики Казахстан» [15]).

Для остальных видов документации особых требований по их защите действующим законодательством не предусмотрено, в связи с чем учреждения здравоохранения самостоятельно могут устанавливать требования к ним в технической спецификации при закупке той или иной полиграфической продукции. Поэтому такие способы изготовления поддельных медицинских документов, как плоская (офсетная), глубокая, трафаретная (шелкография) печать и электрография практически не применяются.

Наиболее распространены такие способы совершения рассматриваемых преступлений, как интеллектуальный подлог и частичная подделка.

Частичная подделка включает в себя использование следующих способов: а) подчистка; б) изменение документов путем травления и смывания; в) дописка (дорисовка) и допечатка; г) замена частей документов.

А. Подчистка подразумевает применение механической силы к поверхности заполненного или составленного документа с целью внесения дополнительных сведений, которые не были учтены при его составлении. В качестве инструментов для подделки обычно используются твердые предметы с острыми концами, такие как иглы, бритвенные лезвия, циркули и другие подобные предметы.

Учитывая, что при подчистке документов бумажный слой снимается под воздействием инструмента, такой способ подделки относится к категории некачественных. Определение признаков подделки в этом случае не вызывает значительных трудностей. Поскольку медицинские документы обычно не обладают механизмами защиты, такими как ламинирование, текстовые шрифты, оптическая полоса чтения и т. д., возможны случаи подделки этих документов путем использования подчистки.

Б. Травление в контексте подделки документов означает преднамеренное удаление буквенных или цифровых символов документа путем воздействия на них химическими реагентами с целью добавления информации, которая не была учтена при его создании.

Чаще всего для этой цели используются различные химические вещества, включая спирты (этиловый, метиловый), кислоты (уксусная, соляная), перекись водорода, ацетон, очищенный бензин и другие. При внимательном осмотре поверхности подделанного документа, подвергшегося травлению, можно заметить множественные размытые краски, обычно образующие пятно в месте воздействия химических реагентов. Аналогично подчистке, способ травления наиболее часто применяется при добавлении подложной информации в документы, которые не защищены специальными технологиями производства. Из-за этого способ подделки документов с использованием травления также считается некачественным. В связи с этим применение травления в большинстве случаев встречается при подделке внутренней документации медицинских учреждений и организаций, к примеру, в историях болезни.

В. Дописка и допечатка обычно являются небольшими по объему, но способными значительно изменить содержащуюся в документе информацию. Чаще всего злоумышленниками осуществляются изменения путем добавления слов, букв, цифр или отдельных штрихов, что позволяет изменить, к примеру, дату оформления документа, наименование лекарственного средства, фамилию его владельца либо лица, от имени которого предоставляется документ, и т. д. Для маскировки дописки и допечатки имитируется почерк исполнителя текста, который присутствует в документе, выбираются соответствующие пишущие инструменты, используются похожие красители и шрифты, а также обводятся первоначальные записи для прикрытия изменений.

Мы считаем целесообразным рассмотреть дописки с двух разных точек зрения: как отдельной формы частичной подделки и как структурного элемента подчистки или травления. Полагаем, что такое разделение оправданно в связи с тем, что дописки в документах могут быть совершены без использования методов подчистки или травления. В то же время в обоих случаях предполагаются действия, направленные на внесение определенных сведений, что делает дописку обязательным элементом этих способов. В качестве признаков, указывающих на использование дописки, можно выделить особенности почерка, присущие автору текста, а также различия в цветовой гамме используемых инструментов письма.

Г. В случаях, если нет необходимости подделывать документ в целом, злоумышленники могут использовать способы замены отдельных элементов в данном типе материальных объектов. При подделке медицинской документации наиболее распространена замена такого элемента документов, как печати и штампы, которые являются ключевыми в них элементами.

Существует несколько способов подделки оттисков печатей и штампов:

а) рисование оттиска непосредственно на документе;

б) копирование оттиска с одного документа на другой;

в) изготовление оттисков на копировально-множительных устройствах;

г) термический перенос изображения.

С развитием информационно-коммуникационных технологий и появлением электронных документов необходимо учитывать возможные методы их подделки. В настоящее время субъектами здравоохранения в целях электронного документооборота используются 15 информационных систем для ведения различных реестров [16], которые входят в Единую информационную систему здравоохранения (ЕИСЗ). Главными задачами ЕИСЗ были создание единой системы сбора, хранения и анализа информации; персонификация медицинских данных на каждого человека; единая система отраслевых стандартов; рационализация схем и сроков передачи информации при более качественном предоставлении медицинских услуг населению, а также снижение уровня документооборота путем изменения требований и внедрения электронных технологий. Учитывая, что еще в 2019 году все организации здравоохранения Республики Казахстан отчитались о переходе документооборота на электронный формат (хотя в отношениях между организацией здравоохранения и пациентом превалирует бумажный), в настоящее время стали распространены факты подделки электронных документов.

К примеру, в период пандемии COVID-19 повсеместно стали выявляться факты подделки электронных паспортов вакцинации [17], в сети «расцвел» бизнес по продаже этих и иных медицинских документов [18].

В качестве способа, используемого при подделке электронного документа, исследователями отмечается такой, как модификация компьютерной информации – электронного документа [19, с. 45–46].

Модификация представляет собой процесс изменения компьютерной информации, который может включать частичную замену исходной информации другой информацией или добавление новых данных к исходным. Также модификация включает в себя изменения, нарушающие исходное представление информации, такие как изменение порядка частей в документе (страниц, абзацев, строк), включение частей одних документов в другие документы, нарушение логического расположения документов в базе данных или внедрение в текст документов посторонних элементов.

Что касается способов распространения поддельных медицинских документов, то в качестве наиболее распространенных выступают: непосредственная передача поддельной документации, в т. ч. в организациях здравоохранения; использование глобальной сети Интернет, применение различного рода мессенджеров.

Особенностью данных материальных объектов является то, что обычно подделка документов не яв-

ляется массовым явлением и ограничивается производством только отдельных экземпляров продукции применительно к отдельному лицу.

Использование поддельных медицинских документов выражается в их применении для обмана и создания ложной легитимности. Такие документы могут быть использованы с целью получения незаслуженных медицинских льгот, доступа к определенным лекарственным препаратам или процедурам, введения в заблуждение кадровых служб государственных органов, страховых компаний, правоохранительных и иных государственных органов и т. п.

Отдельного внимания заслуживает вопрос сокрытия рассматриваемой разновидности преступлений, под которым понимается преступная деятельность, направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и злоумышленника либо их носителей.

Для рассматриваемых видов преступлений свойственны определенные способы сокрытия, включающие:

- уничтожение или скрывание документов, которые имеют признаки подделки;
- сокрытие информации об обстоятельствах совершения преступления;
- сокрытие оригинальных документов, сравнение которых может раскрыть признаки подделки;
- сокрытие фактов совершения преступления как со стороны самих злоумышленников, так и со стороны руководителей государственных органов, учреждений и организаций;
- маскировка подделки документов под законную деятельность со стороны лиц, совершающих преступление.

Особое место в криминалистической характеристике отводится механизму совершения преступления. Несмотря на то, что способ и механизм совершения преступления очень близки по своему содержанию, тем не менее они имеют ряд качественных различий. «Если способ совершения преступления содержит информацию, прежде всего, о самих действиях (простых или сложных), направленных на достижение преступного результата, его подготовку или сокрытие последствий, то механизм совершения преступления отражает динамику преступной деятельности во взаимосвязи и взаимообусловленности всех ее компонентов» [20, с. 62].

Проблема механизма совершения преступления наиболее полно и всесторонне исследована А. В. Кузовым в докторской диссертации «Криминалистическое учение о механизме преступления», в которой он предложил «понимать под механизмом преступления систему процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки» [21, с. 15].

Применительно к рассматриваемому виду преступлений механизм их совершения включает (но не ограничивается) следующее:

- необходимость коммуникации и договоренностей: в большинстве случаев подделка документов требует согласованного взаимодействия между изготовителем и подельщиком. Вместе они определяют параметры подделки и распределяют обязанности. Тем не менее ситуации, когда изготовитель создает поддельные документы для собственных нужд, тоже могут иметь место;
- необходимость наличия оригинала: для успешной подделки документа обычно требуется оригинальный документ, который служит моделью для надлежащего его копирования или модификации и обеспечения всех необходимых реквизитов в подделке;
- необходимость использования идентичных материалов: качество поддельного документа во многом зависит от материалов, использованных для его создания. Использование материалов, близких к оригинальным, повышает вероятность успешной подделки;
- необходимость специального оборудования: подделка документов требует специального оборудования и инструментов;
- верификация аутентичности: после изготовления поддельного документа требуется его тщательная проверка на соответствие внешним и внутренним свойствам оригинала, что усиливает «убедительность» подделки;
- модификация сопутствующих документов: в некоторых случаях подделка документа может потребовать изменения или подделки связанных с ним документов или записей для обеспечения согласованности информации.

Приведенный механизм не является исчерпывающим, поскольку его структура может быть проще либо сложнее, включая в себя разные составляющие, уяснение которых может предоставить всестороннюю информацию о способе совершения преступления, лицах, причастных к совершению данных преступлений, степени их участия, масштабе и характере нанесенного общественного вреда. Кроме того, это позволит выявить факторы и условия, которые способствуют подделке документов в области медицинского обслуживания населения.

В завершение следует отметить следующие обстоятельства.

Механизм совершения преступления охватывает более обширное понятие, которое включает в себя всю последовательность действий: от идеи преступления до его совершения и последующего сокрытия. Это своего рода «сквозной» процесс, включающий множество различных элементов: психологический (намерение, мотивы), социальный (внешние влияния, обстоятельства), материальный (средства и условия для совершения преступления) и др.

2. Способ совершения преступления – это конкретные действия, которые злоумышленник предпринимает для реализации своего преступного намерения. В сущности, способ совершения преступления – это часть общего механизма совершения преступления, и он связан с конкретной «техникой», которую злоумышленник использует в процессе реализации своих преступных намерений.

Продолжение исследований таких элементов криминалистической характеристики подделки медицинских документов, как способ и механизм совершения преступлений, выяснение их взаимосвязей является важным этапом на пути создания эффективных методик для обнаружения, расследования и предотвращения преступлений этого типа.

Информированность об указанных элементах криминалистической характеристики подделки документов в сфере медицинского обслуживания населения обеспечивает возможность формулировать обоснованные версии о личности преступника, определять наиболее эффективные стратегии при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, что, в конечном итоге, позволит значительно увеличить возможность успешного выявления и расследования преступлений.

Список источников

- Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. 537 с.
- Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб.: Санкт-Петерб. юрид. ин-т МВД России, 1993. Ч. IV. 80 с.
- Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. 31 с.
- Еникеев М. И. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Норма-Инфра-М, 2001. 517 с.
- Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступления. Минск: АМАЛФЕЯ, 2001. 304 с.
- Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков: Харьков. юрид. ин-т, 1965. 47 с.
- Куранова Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики. 1962. № 6–7. С. 152–166.
- Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 400 с.
- Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М., 1957, 199 с.
- Уткин М. С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 22 с.
- Мозговая Д. А. Расследование подлога документов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 29 с.
- Криминалистическая техника: учебник / под ред. К. Е. Дёмина. М.: Юрид. ин-т МИИТ, 2017. 426 с.
- Бегалиев Е. Н. Расследование преступлений, совершаемых путем подделки материальных объектов. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 368 с.
- Воеводкин Д. В., Муканбеткалиев А. А. К вопросу о подделке документов в сфере медицинского обслуживания населения (по материалам Республики Казахстан). // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 2. С. 59–65.
- Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2015 г. № 1162 «Об определении поставщиков печатной продукции, требующей специальной степени защиты, а также утверждении перечня такой продукции, приобретаемой у них, и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001162> (дата обращения: 23.05.2022).
- Информационные системы Министерства здравоохранения Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://rcez.kz/informationssystem> (дата обращения: 23.05.2022).
- Военнослужащего задержали в Усть-Каменогорске за поддельный паспорт вакцинации [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/20210818/voennosluzhaschiy-poddelnyy-pasport-vaksinatcii-17895883.html> (дата обращения: 23.05.2022).
- Паспорт вакцинации. Недорого [Электронный ресурс]. URL: <https://vlast.kz/obsshestvo/45501-pasport-vakcinacii-nedorogo.html> (дата обращения: 23.05.2022).
- Коваленко Е. Г. Расследование преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности с использованием подлога документов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 203 с.
- Мозговых Г. А. Криминалистическая характеристика преступления. Алматы, 2002. 147 с.
- Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 355 с.

References

- Belkin R. S. Course in forensic science: in 3 volumes. T. 3: Forensic tools, techniques and recommendations. M.: Yurist, 1997. 537 p.
- Bozgrin I. A. Scientific foundations of forensic methods for investigating crimes. SPb.: St. Petersburg. legal Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 1993. Part IV. 80 s.
- Zuykov G. G. Forensic doctrine about the method of committing a crime: abstract. dis. ... Doctor of Law. Sci. M., 1970. 31 p.
- Enikeev M.I. Legal psychology: a textbook for universities. M.: Norma-Infra-M, 2001. 517 p.
- Ermolovich V. F. Forensic characteristics of crime. Minsk: AMALFEYA, 2001. 304 p.

6. Kolesnichenko A. H. General provisions of the methodology for investigating certain types of crimes. Kharkov: Kharkov. legal int., 1965. 47 p.

7. Kuranova E. D. On the main provisions of the methodology for investigating certain types of crimes // Questions of criminology. 1962. No. 6–7. pp. 152–166.

8. Yablokov N.P. Forensics: textbook. 2nd ed., revised. and additional M.: Norma, 2008. 400 p.

9. Vasiliev A. N., Mudyugin G. N., Yakubovich N. A. Planning the investigation of crimes. M., 1957, 199 p.

10. Utkin M. S. Features of investigation and prevention of theft in consumer cooperation: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sci. Sverdlovsk, 1975. 22 p.

11. Mozgovaya D. A. Investigation of document forgery: abstract. dis. ...cand. legal Sci. M., 2013. 29 p.

12. Forensic technology: textbook / ed. K. E. Demina. M.: Legal. Institute MIIT, 2017. 426 p.

13. Begaliev E. N. Investigation of crimes committed by forging material objects. Almaty: Dyke-Press, 2008. 368 p.

14. Voevodkin D.V., Mukanbetkaliev A.A. On the issue of forgery of documents in the field of medical services to the population (based on materials from the Republic of Kazakhstan). // Crime investigation: problems and ways to solve them. 2022. No. 2. P. 59–65.

15. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 31, 2015 No. 1162 "On identifying suppliers of printed products requiring a special degree of protection, as well as approving the list of such products purchased from them, and invalidating some decisions of the Government of the Republic of Kazakhstan" [Electronic resource]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001162> (date of access: 05/23/2022).

16. Information systems of the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. URL: <https://rcez.kz/informationssystem> (date of access: 05/23/2022).

17. A serviceman was detained in Ust-Kamenogorsk for a fake vaccination passport [Electronic resource]. URL: <https://ru.sputnik.kz/20210818/voennosluzhaschiy-poddelnyy-pasport-vaktsinatsii-17895883.html> (access date: 05/23/2022).

18. Vaccination passport. Inexpensive [Electronic resource]. URL: <https://vlast.kz/obsshestvo/45501-pasport-vakcinacii-nedorogo.html> (access date: 05.23.2022).

19. Kovalenko E. G. Investigation of crimes committed in the field of economic activity using forgery of documents: dis. ...cand. legal Sci. M., 2007. 203 p.

20. Mozgovykh G. A. Forensic characteristics of crime. Almaty, 2002. 147 p.

21. Kustov A. M. Forensic doctrine of the mechanism of crime: dis. ... Doctor of Law. Sci. M., 1997. 355 p.

The article was submitted 26.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

Проблемные аспекты организации функционирования натурных коллекций в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России

Дронова Ольга Борисовна¹, Рыжков Иван Викторович²

^{1,2} Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

¹ nio-va@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4604-1644>

² van-astra.net@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1276-3972>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовых, организационных и методических проблемных аспектов комплектования натурных коллекций, формируемых экспертно-криминалистическими подразделениями МВД России в целях расширения возможностей информационного обеспечения технико-криминалистической и судебно-экспертной деятельности. Авторами структурированы действенные механизмы пополнения территориальных экспертно-криминалистических натурных справочно-информационных фондов, разработанные с учетом положений нормативной правовой базы. Выделенные инициативные и пассивные способы их пополнения рассмотрены сквозь призму возможности их практической реализации. На примере положительного опыта расширения баллистических массивов справочно-информационных фондов авторами предложены пути дальнейшего совершенствования деятельности по организации и ведению натурных коллекций в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России.

Ключевые слова: натуральный объект, натурная коллекция, справочно-информационный фонд, криминалистическая коллекция, информационное обеспечение

Для цитирования: Дронова О. Б., Рыжков И. В. Проблемные аспекты организации функционирования натурных коллекций в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 93–98.

Original article

Problematic aspects of the organization of the functioning of full-scale collections in the ECP of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Dronova Olga B.¹, Ryzhkov Ivan V.²

^{1,2} Volgograd Academy of the MIA of Russia, Volgograd, Russia

¹ nio-va@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4604-1644>

² van-astra.net@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1276-3972>

Abstract. The article is devoted to the consideration of legal, organizational and methodological problematic aspects of the acquisition of full-scale collections formed by forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in order to expand the possibilities of information support for technical and forensic and forensic activities. The authors have structured effective mechanisms for replenishing territorial forensic field reference and information funds, developed taking into account the provisions of current legislation and departmental regulatory legal framework. The selected initiative and passive ways of replenishing natural collections are considered in the prism of the possibility of their practical implementation. Using the example of the positive experience of expanding the ballistic arrays of reference and information funds, the authors propose ways to further improve the organization and management of full-scale collections in forensic divisions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: full-scale object, full-scale collection, reference and information fund, forensic collection, information support

For citation: Dronova O. B., Ryzhkov I. V. Problematic aspects of the organization of the functioning of full-scale collections in the ECP of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 93–98.

Ведение отечественными экспертно-криминалистическими подразделениями (далее – ЭКП) органов внутренних дел натуральных коллекций, содержащих актуальную и потенциальную криминалистически значимую информацию и обеспечивающих информационные потребности выявления, раскрытия и расследования преступлений, остается актуальным с начала XX века [1]. Первые криминалистические коллекции создавались в целях информирования сотрудников сыскных (оперативных) подразделений об инструментах и предметах, используемых при совершении преступлений, следах, образующихся при их применении, способах технической подделки документов, а также для научного и справочного обеспечения экспертно-криминалистической деятельности.

Становление и развитие частных теорий и учений криминалистики, таких как теории криминалистической идентификации и диагностики, учения о криминалистической регистрации, о признаках, а также об отдельных видах судебной экспертизы (трасология, баллистика, технико-криминалистическая экспертиза документов, экспертиза веществ, материалов и изделий), требовало исследования обширных эмпирических массивов следовой информации, что, в свою очередь, обуславливало формирование информационных фондов исследуемых объектов, представленных в натурной форме [2, с. 24–26; 3, с. 191; 4, с. 105]. Кроме прочего использование данных коллекций в судебно-экспертной деятельности повышало оперативность получения потенциальной криминалистически значимой информации и способствовало решению сложных экспертных задач.

Вместе с тем ведение в ЭКП коллекций объектов из числа вещественных доказательств, обнаруженных на месте происшествия либо в ходе проведения иных следственных действий, например, следов рук, следов орудий взлома, следов подошвенной части обуви, стреляных пуль (гильз), обеспечивало возможность установления конкретного лица (предмета), причастного к совершению преступлений.

Опираясь на работы научно-практического характера в рассматриваемой сфере [1, 2, 3, 4], отметим, что развитие в XX веке криминалистики и судебной экспертизы в совокупности с накоплением опыта организации функционирования натуральных коллекций, являющихся элементом экспертно-криминалистических учетов и справочно-информационных фондов (далее – СИФ), разработкой уровневого подхода к внешней организации коллекций, методов внутренней систематизации фондов, правил, условий и сроков хранения объектов, порядка обращения и использования коллекций и т. д., обусловили и обосновали утилитарную эффективность использования криминалистических коллекций объектов, представленных в натурной форме, и определили именно эту форму хранения информации в качестве одной из

приоритетных в учетно-регистрационной деятельности ЭКП.

Анализ становления и развития подходов ЭКП отечественных органов внутренних дел к формированию и использованию натуральных криминалистических коллекций [5, с. 16–45] свидетельствует неразрывной связи процессов организации и функционирования их фондов с научной, методической, методологической, дидактической деятельностью данных подразделений, а также уровнем научно-технического прогресса, выраженным совокупностью используемых правоохранительными органами программных и аппаратных средств ввода, обработки, хранения, передачи и представления данных. Внедрение и использование новых методов хранения, систематизации и формализации криминалистически значимой информации обуславливает параллельное совершенствование научной, методической и методологической базы, регламентирующей учетно-регистрационную и информационно-обеспечительную деятельность ЭКП.

Изучение современного состояния судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности ЭКП МВД России позволяет утверждать, что использование программно-аппаратных средств работы с информацией способствует повышению эффективности ведения и использования натуральных коллекций. Например, применение автоматизированных баллистических идентификационных систем (АБИС «Арсенал») при ведении учета пуль, гильз и патронов со следами нарезного ручного стрелкового оружия, изъятых с мест происшествий и преступлений, существенно повышает оперативность проверки объектов по пулегильзотеке.

С другой стороны, цифровизация деятельности по ведению коллекций, содержащих криминалистически значимую информацию, обуславливает снижение количества либо упразднение отдельных натуральных СИФов. В частности, применение при производстве экспертиз веществ, материалов и изделий хромато-масс-спектрометра с библиотекой масс-спектров веществ – объектов исследования (наркотических, лекарственных, ядовитых веществ, пищевых и парфюмерных натуральных и синтетических соединений и т. д.), существенно снизило потребность экспертов в использовании «объектов-свидетелей» и «арбитражных образцов» из числа объектов натуральных СИФов, что, в свою очередь, детерминировало уменьшение количества соответствующих информационных массивов.

Тем не менее обобщение практики судебно-экспертной, учетно-регистрационной и информационно-обеспечительной деятельности ЭКП МВД России свидетельствует об актуальности натурной формы хранения криминалистически значимой информации и целесообразности ее использования при производ-

стве экспертных исследований многоразовых образцов для сравнения.

Исследование современного состояния деятельности по ведению натуральных коллекций в ЭКП МВД России позволило выявить ряд проблем организационного, правового и методического характера, возникающих в ходе их функционирования. При этом согласно анализу учетно-регистрационной составляющей организационный процесс режима использования коллекций сопровождается меньшим количеством, по сравнению с процессом ведения коллекций СИФов, проблем и неоднозначных ситуаций, что, по нашему мнению, обусловлено наличием императивных положений ведомственной нормативной правовой базы, детально регламентирующих этапы формирования, ведения и обращения к коллекциям экспертно-криминалистических учетов. В связи с этим далее нами рассматриваются только вопросы организации и функционирования натуральных коллекций СИФов.

Учитывая, что данная деятельность является единым процессом последовательных действий, реализуемых уполномоченными сотрудниками ЭКП МВД России, по определению целей создания и установлению содержания СИФов, выбору оснований систематизации, условий хранения объектов и источников их получения, решению иных вопросов их формирования и использования [6, с. 124], обеспечиваемым системой положений законодательной, нормативной правовой, научной и методической базы, выявленные проблемы будут рассмотрены во взаимосвязи.

Первая проблема связана с формированием натуральных фондов. Так, принятие решений об организации на базе ЭКП МВД России СИФов в соответствии с действующей нормативной правовой базой является инициативным действием, которое тем не менее осуществляется в соответствии с положениями нормативных правовых актов. Анализ практической деятельности ЭКП МВД России с начала 90-х годов XX века до настоящего времени свидетельствует о значительном сокращении натуральных фондов, что, по нашему мнению, коррелирует с инициативным (необязательным) характером их ведения, систематическим повышенным вниманием со стороны головного экспертного подразделения МВД России – ЭКЦ МВД России, к соблюдению принципов законности при их формировании и ведении и с отсутствием единых нормативно регламентированных правил и рекомендаций организации и функционирования СИФов.

Исключением являются баллистические натурные фонды огнестрельного оружия и боеприпасов, что обуславливается внедрением в практику работы сотрудников ЭКП приказа МВД России от 4 февраля 2016 г. № 53 «О порядке функционирования криминалистических коллекций оружия и патронов в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». Несмотря на отсутствие в нем положений, регламентирующих обязательный характер ведения баллистических СИФов территориальными ЭКП МВД России, норматив-

ное закрепление способов пополнения коллекций натурными образцами, условий хранения, порядка актуализации коллекций и обращения к ним в ходе осуществления судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности активизировало работу по формированию натуральных баллистических фондов. В частности, при взаимодействии с УМВД России по Астраханской области региональным ЭКЦ был разработан приказ УМВД России по Астраханской области от 10 мая 2017 г. № 253 «О создании криминалистической коллекции оружия и патронов», учитывающий функциональные, организационные и штатные особенности данного подразделения, и создана баллистическая коллекция, объекты которой систематически применяются при производстве баллистических экспертиз и исследований.

Полагаем, что разработка ЭКЦ МВД России нормативных правовых актов, регламентирующих порядок формирования и ведения натуральных СИФов (орудия взлома, материалы письма, печатей, штампов и их оттисков, оригинальные упаковки потребительских товаров, рукописные записи, выполненные в необычных условиях и т. д.), и методических рекомендаций к ним должна способствовать увеличению количества натуральных коллекций, организованных в территориальных ЭКП МВД России, и общего уровня информационного обеспечения судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности.

Следующая проблема, возникающая в ходе формирования СИФов, связана с выбором легитимных источников пополнения фондов и способов получения натуральных объектов. Важность данного этапа организации их функционирования очевидна, поскольку несоблюдение положений регламентирующих правовых актов потенциально может являться основанием для постановки под сомнение результатов экспертных исследований, в ходе которых использовались многоразовые сравнительные коллекционные образцы.

Исходя из содержания положений действующей нормативной правовой базы, способы пополнения территориальными ЭКП натуральных СИФов можно условно дифференцировать на инициативные и пассивные. К первым относятся:

1. Получение предметов, являвшихся вещественными доказательствами, на основании ходатайства руководителя государственного судебно-экспертного учреждения (далее – ГСЭУ) перед судом, органом дознания и следствия (ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).
2. Получение оружия и патронов, состоящих или снятых с вооружения МВД России, признанных добровольно сданными, предназначенных для уничтожения, а также переданных из государственных военизированных подразделений, от юридических лиц и граждан (п. 6 приказа МВД России от 4 февраля 2016 г. № 53).
3. Приобретение объектов в соответствии с законодательством Российской Федерации о размеще-

нии заказов для государственных и муниципальных нужд, в том числе в рамках целевых закупок в соответствии с п. 86.6 Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, утвержденного приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» (далее – Наставление).

4. Получение на безвозмездной основе натуральных объектов от организаций вне зависимости от их организационно-правовых форм собственности по запросу руководителя ГСЭУ (ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ).

К пассивному способу пополнения натуральных СИФов относится систематическое направление ЭКЦ МВД России натуральных объектов (в основном бланков документов, акцизных и федеральных специальных марок на алкогольную и табачную продукцию) в территориальные ЭКП, функционирующие на уровне региона (в соответствии с Уставом ЭКЦ МВД России, утвержденным приказом МВД России от 16 июня 2010 г. № 437).

Согласно изучению практики формирования и ведения натуральных СИФов в районных и региональных ЭКП МВД России наиболее реализуемыми являются пассивный и первые два из указанных инициативных способов пополнения коллекций, что, по нашему мнению, а также по результатам проведенного анкетирования сотрудников этих подразделений не в полной мере обеспечивает все информационные потребности судебных экспертов.

Практика реализации способа получения объектов для натуральных СИФов в соответствии с п. 86.6 Наставления региональными ЭКП МВД России достаточно редка и осуществляется лишь отдельными территориальными подразделениями, например, ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области. В частности, систематически приобретают патроны к нарезному и гладкоствольному огнестрельному оружию для пополнения баллистического натурального фонда в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Обращаясь к содержанию вышеуказанной нормы закона, а также практике осуществления территориальными ЭКП МВД России закупок объектов для баллистического СИФа у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) стоит отметить, что приобретение предметов, представляющих криминалистический интерес, проводится с использованием реестра закупок «Закупки не на ЕАТ» Единого агрегатора торговли «Берёзка» (далее – ЕАТ). При этом максимальная сумма закупки, согласно действующей законодательной базе, не должна превышать 600 тыс. рублей, а годовой объем закупок, который вправе осуществить заказчик «не должен превышать 2 млн рублей или не должен превышать 10 % совокупного

годового объема закупок заказчика и не должен составлять более чем 50 млн рублей».

В тоже время, как показывает практика территориальных подразделений, реализующих данный способ пополнения баллистических СИФов, ежегодная сумма закупок, как правило, не превышает 100 тыс. рублей, что, по нашему мнению, не относится к существенным затратам бюджетных средств, выделяемых для функционирования региональных ЭКП МВД России, и обуславливает возможность систематического пополнения коллекций на основании вышеуказанного закона.

Наряду с этим механизм реализации рассматриваемого способа пополнения натуральных СИФов предусматривает обязательное подробное описание характеристик товара (объектов для коллекций), поиск соответствующих коммерческих предложений и получение ответа на три из них, что в некоторой степени ограничивает потенциальный перечень натуральных объектов, приобретаемых посредством целевой закупки у единственного поставщика. Например, приобретение производимых на территории региона оригинальных товаров (упаковок товара), которые часто являются предметом преступного посяательства (алкогольная и пищевая продукция, товары легкой промышленности и т. д.), по нашему мнению, будет достаточно проблематичным.

Тем не менее осуществление последовательно регламентированных Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44 действий в совокупности с решением иных организационных вопросов (согласование закупки с руководителем территориального органа МВД России, финансово-экономической службой и т. д.) обеспечивает законность приобретения натуральных объектов для СИФов ЭКП МВД России.

Способ пополнения натуральных СИФов на безвозмездной основе предметами преступного посяательства, представляющими криминалистический интерес, от организаций, осуществляющих их производство и реализацию, в настоящее время сведен к минимуму, несмотря на то, что данный механизм направлен на возможность формирования фондов эталонными многообразными образцами, состоящими из объектов регионального товарооборота. Полагая, что основной причиной, обуславливающей отсутствие практической реализации указанного способа, является нерегламентированный и неразъясненный ведомством механизм взаимодействия ГСЭУ с указанными организациями. Кроме того, усложняет этот процесс отсутствие эффективных и практически реализуемых мер административного наказания организаций, отказывающихся ГСЭУ в предоставлении натуральных образцов продукции. В связи с чем считаем целесообразным разработку ЭКЦ МВД России методических рекомендаций, раскрывающих порядок взаимодействия территориальных подразделений с организациями, осуществляющими производство и реализацию объектов товарооборота, представляющих криминалистический интерес, а также внесение

предложений по ужесточению федерального административного законодательства в части неисполнения ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73.

В заключение рассмотрения проблем организационного, правового и методического характера, возникающих в ходе функционирования СИФов, следует отметить сохранившуюся в отдельных территориальных ЭКП МВД России практику формирования натуральных коллекций предметами и веществами, ранее представленными инициатором экспертного исследования в качестве сравнительных образцов, и полученными в соответствии с ч. 1–3 ст. 202 УПК РФ либо ст. 183 УПК РФ, например, образцами почерка лиц, страдающих заболеваниями опорно-двигательного аппарата, эталонными образцами продукции, производимой на конкретном предприятии и т. п. Между тем ни законодательной, ни ведомственной нормативной правовой базой указанный способ пополнения СИФов не регламентирован, что обуславливает нелегитимность дальнейшего использования объектов из натуральных коллекций в судебно-экспертной деятельности.

В тоже время, принимая во внимание несомненность происхождения полученных в соответствии с УПК РФ натуральных сравнительных образцов, а также их репрезентативность и сопоставимость, установленные в рамках ранее проведенного экспертного исследования, считаем возможным расширение подходов к пополнению натуральных СИФов рассматриваемым способом. В связи с чем представляется целесообразной разработка соответствующего дополнения ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73.

В целом рассмотренные проблемы, возникающие в ходе функционирования натуральных СИФов в ЭКП МВД России, свидетельствуют о необходимости модернизации правовых, организационных и методических подходов к формированию и ведению коллекций объектов, представленных в натурной форме, которые, несмотря на цифровизацию многих направлений деятельности правоохранительных органов, остаются актуальными и обеспечивают потребность изучения источников первичной криминалистически значимой информации.

Список источников

1. Дронова О. Б., Рыжков И. В. Начальные этапы формирования и использования в работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел системы натуральных коллекций (конец XIX – середина XX в.) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 50–58. DOI 10.24411/2587-9820-2020-10053.
2. Морозов А. В. Использование экспертно-криминалистических учетов при расследовании преступлений прошлых лет: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Москва, 2016. 186 с.
3. Россинская Е. Р., Зинин А. М. К 100-летию экспертно-криминалистической службы в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2019. № 5. С. 184–192.

4. Волкова А. Э., Разумов Э. А. Информационно-справочные криминалистические учеты: теория, организация, использование. Сумы: Мрія, 2013. 344 с.

5. Рыжков И. В. Теоретические основы и современные тенденции организации функционирования натуральных коллекций: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Волгоград, 2023. 213 с.

6. Пахомов А. В. Научные основы, организация и использование натуральных коллекций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Москва, 1998. 215 с.

7. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ [принят Государственной Думой 5 апреля 2001 г.: одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 г.] «О государственной судебно-экспертной деятельности» // КонсультантПлюс: сайт.

8. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ [принят Государственной Думой 22 марта 2013 г.: одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 г.] «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // КонсультантПлюс: сайт.

9. Приказ МВД России от 4 февраля 2016 г. № 53 «О порядке функционирования криминалистических коллекций оружия и патронов в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

10. Приказ МВД России от 16 июня 2010 г. № 437 «Об утверждении Устава федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»». URL: <https://мвд.рф>. (дата обращения: 03.06.2023).

11. Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // КонсультантПлюс: сайт.

References

1. Dronova O. B., Ryzhkov I. V. Initial stages of formation and use in the work of forensic units of internal affairs bodies of the system of full-scale collections (late XIX – mid XX century) // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2020. № 3 (15). Pp. 50–58. DOI 10.24411/2587-9820-2020-10053.
2. Morozov A. V. The use of forensic accounting in the investigation of crimes of the past years: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.12. Moscow, 2016. 186 p.
3. Rossinskaya E. R., Zinin A. M. To the 100th anniversary of the forensic service in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2019. No. 5. Pp. 184–192.
4. Volkova A. E., Razumov E. A. Information and reference forensic records: theory, organization, use. Sumy: Mriya, 2013. 344 p.
5. Ryzhkov I. V. Theoretical foundations and modern trends in the organization of the functioning of natural collections: dis. ... cand. jurid. sciences: 5.1.4. Volgograd, 2023. 213 p.

6. Pakhomov A. V. Scientific foundations, organization and use of full-scale collections in the detection and investigation of crimes: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.12. Moscow, 1998. 215 p.

7. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 [adopted by the State Duma on April 5, 2001: approved by the Federation Council on May 16, 2001] «About the state forensic expert activity» // ConsultantPlus: website.

8. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 [adopted by the State Duma on March 22, 2013: approved by the Federation Council on March 27, 2013] «About the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs» // ConsultantPlus: website.

9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 4, 2016 No. 53 «On the procedure for the functioning of forensic collections of weapons and cartridges in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation» // ConsultantPlus: website.

10. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 16, 2010 No. 437 «On approval of the Charter of the Federal state state institution «Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»». URL: <https://мвд.рф>. (date of access: 06/03/2023).

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 11, 2009 No. 7 «On the approval of the Manual on the organization of forensic activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // ConsultantPlus: website.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Дронова Ольга Борисовна – доктор юридических наук, доцент

Рыжков Иван Викторович – кандидат юридических наук

Information about the authors

Dronova Olga B. – Doctor of Law, Assistant Professor

Ryzhkov Ivan V. – Candidate of Legal Sciences

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 29.07.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 29.05.2023; approved after reviewing 20.07.2023; accepted for publication 22.09.2023

Особенности производства следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 243 Уголовного кодекса Российской Федерации

Плахтий Елена Владимировна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы), Екатеринбург, Россия, plakhtii@mail.ru

Аннотация. Объекты культурного наследия и предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную и культурную ценность, хранящиеся и экспонируемые в музеях, картинных галереях, выставочных залах, культовых сооружениях и у отдельных граждан, являются предметами духовного наследия народов Российской Федерации. Поэтому любые преступления, посягающие на них, представляют повышенную общественную опасность, так как зачастую наносят невосполнимый ущерб интересам государства, общества и частных лиц. В результате этих преступлений из страны исчезают уникальные произведения искусства и культурные ценности, исторические и иные памятники, потеря которых влечёт не только колоссальный материальный, но и моральный вред, поскольку, являясь высшими проявлениями мировой материальной и духовной культуры, они концентрируют в себе многовековой опыт человечества.

Ключевые слова: культурное наследие, охрана, культурные ценности, особая ценность, расследование, следственные действия, экспертиза

Для цитирования: Плахтий Е. В. Особенности производства следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 243 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 99–106.

Original article

Features of investigative actions in the investigation of crimes under Article 243 of the Criminal Code of the Russian Federation

Plakhtiy Elena V.

Ural Institute of Management – branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia, plakhtii@mail.ru

Abstract. Objects of cultural heritage and objects of special historical, scientific, artistic and cultural value, stored and exhibited in museums, art galleries, exhibition halls, religious buildings and individual citizens, are objects of spiritual heritage of the peoples of the Russian Federation. Therefore, any crimes encroaching on them pose an increased public danger, as they often cause irreparable damage to the interests of the state, society and individuals. As a result of these crimes, unique works of art and cultural values, historical and other monuments disappear from the country, the loss of which entails not only colossal material, but also moral harm, since, being the highest manifestations of the world's material and spiritual culture, they concentrate the centuries-old experience of mankind.

Keywords: cultural heritage, protection, cultural values, special value, investigation, investigative actions, expertise

For citation: Plakhtiy E. V. Features of investigative actions in the investigation of crimes under Article 243 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 99–106.

Каждое государство, в том числе и Российская Федерация, осознает свои моральные обязательства перед будущими поколениями, возникающие в сфере сохранения и приумножения культурных ценностей, в отношении как собственного культурного достояния, так и культурного достояния других народов и наций. Проблема охраны культурного наследия всегда стояла очень остро, поскольку хищения предметов, имеющих историческую, научную, художественную, иную культурную ценность, причиняют не только экономический, но и социальный ущерб, восполнить который зачастую просто невозможно. Экономический ущерб заключается в высокой цене объектов культурного наследия, что определяет уровень нанесенных материальных потерь государству и собственникам культурных ценностей. Каждый год правоохранительными органами РФ фиксируется ущерб от совершаемых хищений культурных ценностей на сумму около 200 млрд руб. [1]

Хищение культурных ценностей наносит серьезный вред культурному наследию страны, так как может привести к физическому исчезновению культурного достояния, ограничить доступ к культурной ценности простых граждан. Складывается ситуация, когда с потерей культурных ценностей теряется возможность проводить научные исследования и т. д. Потеря любого раритета приводит к тому, что теряется часть духовной культуры общества. К тому же этот вид кражи сопровождается такими преступлениями, как убийства, контрабанда, легализация доходов, приобретенных преступным путем. Кроме этого, хищение предметов, имеющих особую ценность, носит и международный характер, так как относится к ряду транснациональных преступлений [2, с. 107].

В нашей стране 62 % хищений предметов, имеющих особую культурную ценность, приходится на квартиры, 18 % – на церкви, 15 % – на частные дома и 5 % – на культурные учреждения [3, с. 57]. В России одним из самых крупных хищений культурных ценностей в XXI веке является кража из Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге в 2006 г. оцениваемая в 4,8 миллионов долларов. Тогда был похищен 221 экспонат: ювелирные изделия, эмали русских мастеров XVIII–XIX вв. В результате проведенных следственных действий 30 предметов были возвращены музею, 50 предметов пропали безвозвратно, 77 предметов обвиняемые сумели продать на сумму 14 млн 813 тыс. руб. [4]

Установление уголовной ответственности за названное хищение базируется на принципе достаточного уровня общественной опасности, отвечает другим критериям криминализации деяния. Например, данные судебной статистики Российской Федерации показывают, что за 2019 г. в нашей стране по ч. 1 ст. 164 УК РФ было осуждено 7 чел., из них к лишению свободы – 2 чел., условному лишению свободы – 4 чел., обязательным работам – 1 чел. По ч. 2 ст. 164 УК РФ за 2019 г. было осуждено 13 человек. Из них 10 чел. получили наказание в виде лишения свободы, 3 чел.

получили условное лишение свободы. В 2020 г. судами было вынесено 19 приговоров по ст. 164 УК РФ. Из них по ч. 1 ст. 164 УК РФ вынесено 8 приговоров (лишение свободы – 7 приговоров; по 1 делу прекращено уголовное преследование за сроком давности); по ч. 2 ст. 164 УК РФ вынесено 11 приговоров (лишение свободы – 10 приговоров; 1 обвиняемый условно-досрочно освобожден в зале суда) [5].

Поскольку криминализация хищения предметов, имеющих особую ценность, имеет индивидуальную направленность, то для сдерживания распространения этого негативного процесса разработана необходимая законодательная база. Культурные ценности выступают в качестве предметов посягательства в четырех составах преступлений, два из которых относятся к таможенным преступлениям: контрабанда (ст. 188 УК РФ) и невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ); один – к преступлениям против собственности: хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), и один – к преступлениям против общественной нравственности: уничтожение или повреждение памятников культуры (ст. 243 УК РФ).

Причинами создавшегося положения являются: а) трудности в определении предмета преступления, обусловленные отсутствием единого подхода к толкованию терминов, содержащихся в различных законодательных актах (Уголовном кодексе РФ, Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Законе РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей», и др.); б) сложности квалификации данного состава преступления, его отграничение от смежных составов (ст. 243.1 и 243.2 УК РФ), а также от административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.14.1 КоАП РФ; в) отсутствие разработанных методик расследования данного состава преступления, включающих в себя описание предмета доказывания, особенностей производства следственных и иных процессуальных действий.

Наличие указанных проблем вызывает объективную потребность в разработке научно обоснованных рекомендаций по квалификации и расследованию уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 243 УК РФ. С одной стороны, в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, наносится урон моральному и духовному развитию общества, происходит подрыв общественной нравственности [6, с. 55]. Такой ущерб причиняется самим фактом уничтожения или повреждения объекта культурного наследия, факт его нанесения является, по сути, презумпцией и какого-либо отдельного доказывания не требует.

С другой стороны, рассматриваемым преступлением причиняется материальный ущерб собственнику или владельцу уничтоженного или поврежденного объекта. На основании этого, а также сведений о соб-

ственнике или владельце объекта, решается вопрос о признании потерпевшими конкретных субъектов. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 243 УК РФ, должно быть два потерпевших. Во-первых, потерпевшим признается Министерство культуры Российской Федерации, соответствующий орган субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления – в зависимости от уровня объекта культурного наследия (относится или он к федеральному, региональному или местному уровню). Данный орган признается потерпевшим потому, что в результате уничтожения или повреждения объекта наносится урон моральному и духовному развитию общества, происходит подрыв общественной нравственности.

Во-вторых, потерпевшим должен быть признан собственник или владелец объекта, которому в результате его уничтожения или повреждения причиняется материальный ущерб. В случае уничтожения или повреждения объектов недвижимости размер материального ущерба устанавливается судебно-строительной экспертизой, в ходе которой определяется рыночная стоимость разрушенного объекта. Если собственником или владельцем объекта выступает юридическое лицо (что бывает в большинстве подобных случаев), то потерпевшим признается данное юридическое лицо как таковое. О признании потерпевшими государственного либо регионального органа или органа местного самоуправления, а также юридического лица – собственника или владельца объекта – выносятся соответствующие постановления [7, с. 92].

Помимо этого, должны быть вынесены постановления о признании представителями потерпевшего конкретных сотрудников указанных организацией, уполномоченных ее руководством. Теоретически в производстве по уголовному делу может выступать непосредственно руководитель соответствующей организации, который, по общим правилам, участвует в уголовном деле без каких-либо доверенностей, лишь при предъявлении служебного удостоверения. Однако такая ситуация встречается крайне редко. В подавляющем большинстве случаев руководитель поручает участвовать в качестве представителя конкретному сотруднику организации, составляя при этом доверенность, заверяемую гербовой печатью данной организации. В отношении соответствующего сотрудника, после предъявления им указанной доверенности, и выносятся постановления о признании представителем потерпевшего. Признанный потерпевшим собственник или владелец уничтоженного либо поврежденного объекта, как правило, предъявляет гражданский иск на сумму причиненного ему материального ущерба. После этого соответствующая организация признается также гражданским истцом, а ее представитель – представителем гражданского истца, о чем выносятся соответствующие постановления.

Обстоятельствами, способствовавшими совершению преступления, по уголовным делам о рассматри-

ваемых преступлениях могут являться: отсутствие на объекте информационных надписей, что дает виновному возможность утверждать об отсутствии у него сведений о наличии у объекта статуса культурного наследия; отсутствие на объекте охраны; запущенный вид объекта, дающий основания сомневаться в его культурной ценности.

Для выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, необходимо установить наличие на объекте информационных надписей; наличие и качество охраны объекта; периодичность и количество материальных средств, выделяемых на ремонт объекта; внешний вид объекта. В случае установления того, что объект, отнесенный к культурной ценности, использовался не по назначению, либо не выделялись средства на ремонт и поддержание объекта, следует направить представление в адрес собственника или владельца объекта, а также в орган государственной власти, отвечающий за состояние культуры.

Осмотр места происшествия (уничтоженного или поврежденного объекта) необходимо производить с участием специалистов (представителя управления культуры и лица, имеющего специальные знания в области строительства). В ходе осмотра фиксируется: территория места происшествия; описание границ объекта, информационные надписи (при их наличии); наименование объекта; описание остатков объекта; описание механических повреждений.

Применительно к зданиям и сооружениям должно быть зафиксировано:

а) состояние внешних архитектурных и конструктивных элементов объекта: общее состояние; фундаменты; цоколи и отмостки около них; наружные стены; крыша (стропила, обрешетка, кровля, водосточные желоба и трубы); главы, шатры, их конструкция и покрытие; внешнее декоративное убранство (облицовка, окраска, украшения, карнизы, колонны, пилястры, лепнина, скульптура, живопись на фасадах);

б) состояние внутренних архитектурных, конструктивных и декоративных элементов памятника: общее состояние; перекрытия; полы; внутренние стены (материал, конструкция, состояние, связи); столбы, колонны; дверные и оконные проемы, их заполнение; лестницы и крыльца; лепные, скульптурные и прочие декоративные украшения. Если объект уничтожен полностью, указывается, что на месте происшествия обнаружены горы строительного материала, при этом особое внимание должно быть обращено на характерные элементы конструкций, находящиеся среди строительного материала.

В отношении иных объектов (скульптур, картин и т. п.) необходимо отразить: местонахождение объекта; его точное наименование; наличие механических повреждений (сколы, порезы, посторонние образования в виде следов красящего вещества и т. п.). Данные повреждения должны быть описаны детально, с указанием их размеров и места на объекте. Благодаря специалисту становится возможным выяснить, обра-

зовались ли соответствующие повреждения в результате преступления либо имелись на объекте ранее. Следует отметить, что выводы в ходе осмотра места происшествия не делаются и в протоколе данного следственного действия не фиксируются.

Поскольку словесное описание, при всей его полноте, не обладает необходимой наглядностью, позволяющей точно представить механизм причиненных повреждений, необходимо произвести фотографирование и видеозапись осмотра места происшествия, а также фотосъемку повреждений с применением методов криминалистической фотографии.

Характерными ошибками, допускаемыми при осмотре места происшествия, являются: неправильное применение дознавателем терминов и обозначений; отсутствие указания на территориальные границы осмотра, в результате чего впоследствии невозможно установить, имело ли место повреждение или уничтожение в пределах объекта культурного наследия или за его границами; неконкретное и неточное описание механических повреждений, без указания их характера, размера, размещения на объекте. Данные ошибки, как правило, обуславливаются отсутствием в ходе осмотра места происшествия специалиста.

Допрос представителя потерпевшего осуществляется по общим правилам. В ходе допроса представителя государственного, регионального или муниципального органа, отвечающего за состояние культуры, выясняются следующие вопросы: точное наименование и адрес уничтоженного или поврежденного объекта; когда и каким документом объект был признан объектом культурного наследия; был ли объект включен в Перечень особо ценных объектов или Список всемирного наследия, если да, то каким документом; если объект относится к числу выявленных объектов культурного наследия, то когда и от кого поступили соответствующие документы; применялись ли в отношении объекта меры государственной охраны, если да, то в чем они состояли, были ли установлены на объекте предусмотренные законодательством информационные надписи и обозначения; в чьей собственности находился объект, составлялся ли на объект паспорт или охранное обязательство; когда и при каких обстоятельствах объект был уничтожен или поврежден, когда об этом стало известно соответствующему органу, какие меры по фиксации нарушения этим органом были приняты; в чем состоит ущерб для общества от уничтожения или повреждения объекта.

При допросе представителя собственника или владельца объекта устанавливаются следующие обстоятельства: полный адрес объекта; когда и при каких обстоятельствах объект был приобретен в собственность, взят в аренду и т. п.; какие при этом были составлены документы; какие имелись документы, подтверждающие его статус как объекта культурного наследия; какие меры государственной охраны применялись к объекту; каким образом использовался объект, какой был режим его работы, кто из работни-

ков организации и в какое время находился на объекте; каким образом осуществлялась охрана объекта в нерабочее время; каким образом, какими организациями и на основании каких договоров осуществлялось снабжение объекта электроэнергией и коммунальными услугами; поступали ли к руководству организации предложения о приобретении объекта, его сдаче в аренду и т. п., знали ли лица, обращавшиеся с подобными предложениями, о статусе объекта как культурного наследия; предлагали ли данные лица решить вопрос о лишении объекта данного статуса и об исключении объекта из Единого реестра, представляли ли они какие-либо документы, якобы подтверждающие принятие соответствующих решений, проверялась ли подлинность представленных документов; когда и каким образом был уничтожен или поврежден объект, когда и от кого руководство организации узнало об этом; приняло ли руководство организации меры по фиксации повреждений объекта, его дальнейшей охране; сообщило ли руководство организации об уничтожении или повреждении объекта в правоохранительные органы; какой материальный ущерб был причинен в результате уничтожения или повреждения объекта; при установлении виновных – возмещен ли ими причиненный ущерб и если да, то в каком размере [8].

Уничтожение или повреждение объектов недвижимости, как правило, осуществляется не самим виновным, а строительными организациями, с которыми виновный заключает договоры. Необходимо учитывать, что в судебно-следственной практике нередки случаи, когда в качестве номинальных руководителей строительных организаций оформлены лица, фактически не занимающиеся соответствующей деятельностью (безработные, утерьявшие паспорт и т. п.). Для правильной квалификации содеянного необходимо установить реальных руководителей строительных организаций.

В ходе осмотра места происшествия (территории строительной организации, техника которой использовалась для уничтожения или повреждения объекта) фиксируется: адрес организации; наименования (марки) всех единиц строительной техники, находящихся на территории организации; наличие на рабочих элементах строительной техники специфических материалов, внешне сходных с материалами, обнаруженными на месте уничтожения или повреждения объекта.

В ходе допросов руководителей строительных организаций или индивидуальных предпринимателей выясняются следующие вопросы: когда, с какого времени они занимаются соответствующей деятельностью; какая специальная техника и штат рабочих у них имеется; кто, когда и при каких обстоятельствах обратился к ним с предложением об уничтожении соответствующего объекта культурного наследия; какие документы при этом были представлены; сообщил ли им обратившийся субъект о том, что назначенный к сносу объект относится к культурному

наследию, представил ли документы о лишении объекта данного статуса, проверялась ли подлинность представленных документов; в отношении объектов недвижимости – были ли представлены документы, подтверждающие отключение объекта от энергоснабжения или снабжения коммунальными услугами; какие договоры были заключены по поводу уничтожения или повреждения объекта; какая, когда для этого была выделена строительная техника и рабочие; находились ли руководители строительной организации на месте работ; сообщали ли им рабочие о наличии на объекте надписей, свидетельствующих о его принадлежности к культурному наследию, либо о противодействии уничтожению или повреждению объекта со стороны каких-либо лиц (в частности, представителей общественности, дежуривших возле объекта); в течение какого времени продолжались работы, каков был их результат; какие документы были составлены по результатам выполненных работ (акты сдачи-приемки и т. п.); каким образом производился расчет со стороны заказчика за выполненные работы (наличными, если безналичными – с какого счета и на какой счет).

В ходе допроса работников строительной организации, непосредственно выполнявших работы по уничтожению или повреждению объекта, выясняются следующие вопросы: общий стаж работы по строительным специальностям; знает ли он нормативные документы, касающиеся правового статуса объектов, признанных культурными ценностями; в какой организации, на основании каких документов, в какой должности он работал в момент уничтожения или повреждения соответствующего объекта; когда, кем и при каких обстоятельствах ему было поручено выполнение работ, связанных с уничтожением или повреждением объекта, какая строительная техника и кем для этого была выделена; какие документы были выданы ему для проведения соответствующих работ; по какому адресу, когда и какие конкретно им проводились работы; проводились ли работы в рабочее время, по поручению руководства организации, либо в нерабочее время и по его собственной инициативе; находились ли руководители строительной организации на месте работ; видел ли он на объекте надписи, свидетельствующие о его принадлежности к культурному наследию; имело ли место в ходе проведения работ противодействие уничтожению или повреждению объекта со стороны каких-либо лиц (в частности, представителей общественности, дежуривших возле объекта); какие документы были составлены по результатам выполненных работ (акты сдачи-приемки и т. п.).

Следует учитывать, что в практической деятельности достаточно типичной является ситуация, при которой непосредственное уничтожение объекта осуществляется лицами, введенными виновным в заблуждение относительно характера совершаемых действий. Очень часто виновный оформляет поддельные документы о лишении объекта статуса куль-

турного наследия и представляет их в различные организации, выполняющие строительные работы, либо индивидуальным предпринимателям того же профиля. Затем виновным заключается договор с указанными организациями или индивидуальными предпринимателями, на основании которого последними выделяется строительная техника и рабочие, и их силами осуществляется уничтожение объекта. Достаточно часто виновный составляет договор не от своего подлинного имени, а от имени иных, в том числе и вымышленных, лиц.

Поэтому в строительных организациях, непосредственно выполнивших уничтожение или повреждение объекта, производится выемка учредительных документов, а также всех документов, составленных заказчиком соответствующих работ (договоров, платежных поручений, расписок, актов приемки выполненных работ и т. п.). Характерной ошибкой представляется отсутствие в материалах уголовного дела указанных документов, поскольку в результате остается невыясненной связь между лицами, непосредственно производившими работы по уничтожению и повреждению объекта, и виновным.

В ходе допроса подозреваемого в совершении преступления выясняются следующие вопросы: когда, для какой цели он решил уничтожить или повредить объект; знал ли он, что объект относится к культурным ценностям, почему, несмотря на это, решил совершить соответствующие действия; каким образом он установил собственника или владельца объекта; когда, к кому он обращался с предложением приобрести объект; какие документы он оформил или подделал для уничтожения или повреждения объекта, кому их представил, проверялась ли соответствующими лицами подлинность представленных документов; каким образом им было оформлено отключение объекта от энергоснабжения и коммунальных услуг; в какую организацию, выполняющую строительные услуги (или индивидуальному предпринимателю), он обратился для непосредственного уничтожения или повреждения объекта, какие представил документы; когда и кем были выполнены работы по непосредственному уничтожению или повреждению объекта, какие документы были составлены по результатам выполнения данных работ, подписывал ли он эти документы; каким образом он производил расчет с организацией, силами которой были выполнены работы по уничтожению или повреждению объекта (наличными, если безналичными – с какого счета и на какой счет).

Характерной ошибкой является неустановление умысла подозреваемого, когда в протоколе его допроса указываются лишь внешние действия, без конкретизации того, знал ли подозреваемый о статусе объекта культурного наследия, были ли на объекте соответствующие информационные надписи и обозначения, по каким причинам он решил повредить или уничтожить объект, зная о его статусе.

Целесообразно установить номер сотового телефона, которым пользовался подозреваемый в период подготовки и совершения преступления, направив для этого запрос оператору связи (в сотовую компанию), и произвести по решению суда такое следственное действие, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в обязательном порядке запросив у оператора связи сведения о биллинге (местонахождении абонента в момент соединений и привязки к базовой станции, обслуживающей соединение). В настоящее время фиксирующая аппаратура операторов связи позволяет установить местонахождение абонента с точностью примерно до 500 метров («точечный биллинг») [9, с. 35]. Анализ местонахождения абонента в момент сеансов связи позволит опровергнуть версию подозреваемого о том, что его не было на месте преступления во время его совершения.

Как правило, необходимо предъявление подозреваемого для опознания:

- представителям собственника или владельца объекта культурного наследия, если виновный обращался к ним с предложением разрешить уничтожение или повреждение соответствующего объекта;
- работникам строительной организации, в которую виновный обращался с предложением о проведении строительных работ по уничтожению или повреждению объекта.

Проведение предъявления для опознания необходимо не только при отрицании виновным причастности к содеянному, но и в случае признания своей вины. Предъявление для опознания не требуется только в том случае, когда потерпевшие или работники строительной организации лично знали виновного заранее (по совместной работе, учебе, личным товарищеским отношениям и т. п.) и могут назвать анкетные данные подозреваемого. При этом необходимо иметь в виду, что зачастую лицо, обращающееся с предложением об уничтожении или повреждении объекта, называется вымышленными данными и предъявляет поддельные документы на вымышленные данные. Поэтому, если в ходе расследования такие факты установлены, предъявление для опознания также является необходимым.

Проведение опознания по фотографии допускается только в том случае, если предъявление живого лица невозможно. В частности, категорически запрещается проведение опознания по фотографии тогда, когда личность предполагаемого виновного уже установлена, и возможен его вызов для проведения следственных действий. Необходимо учитывать, что проведение опознания по фотографии – не тактический прием, применяющийся дознавателем по своему усмотрению, а строго определенное в законе исключение из общего правила. Проведение опознания по фотографии допускается лишь тогда, когда подозреваемый скрывается от органов предварительного расследования, место его пребывания неизвестно, причем данный факт должен быть подтвержден доку-

ментально (как правило, рапортом оперативного сотрудника и показаниями родственников или соседей подозреваемого).

При наличии у опознаваемых опасений за свою жизнь и здоровье требуется произвести опознание в условиях, исключающих визуальное восприятие опознаваемым опознающих.

Если подозреваемый отрицает свою вину в содеянном, необходимо проведение очных ставок между ним и другими участниками уголовного судопроизводства. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 243 УК РФ, очная ставка не должна быть односложной. Лица, избличающие виновного, должны в ходе очной ставки дать развернутые показания, из которых совершенно определенно усматривается как то, что именно подозреваемый совершал или руководил действиями по уничтожению или повреждению объекта культурного наследия, так и то, что подозреваемый был осведомлен о статусе уничтожаемого или повреждаемого объекта. В частности, необходимо, чтобы на очной ставке были заданы в прямой постановке вопросы о том, предупреждал ли виновный исполнителей о противоправном характере действий, наличии на объекте информационных надписей, советовал ли маскировать свои действия, совершать их без посторонних и т. п.

При уничтожении объектов культурного наследия необходимо производить выемку видеозаписи камер наружного наблюдения данного или соседних объектов, а также камер системы «Безопасный город». Наличие на соответствующем участке камер, подключенных к системе «Безопасный город», устанавливается путем направления запроса в администрацию города. Иные камеры могут принадлежать расположенным поблизости от уничтоженного объекта организациям – магазинам, автозаправочным станциям, автомобильным стоянкам и т. п. Иногда камеры устанавливаются жильцами многоэтажных домов по собственной инициативе. Наличие таких камер устанавливается путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (опроса, обхода и т. п.). [10, с. 37].

В случае, если камеры наблюдения на данном участке имелись, необходимые записи изымаются в ходе выемки, производимой по правилам, установленным для выемки электронных носителей информации, с обязательным участием специалиста. Поскольку требование закона об его участии является императивным, отсутствие специалиста может повлечь за собой признание результатов выемки недопустимыми доказательствами, даже если объективной потребности в использовании специальных знаний при производстве данного следственного действия не имелось. Необходимо направить поручения в оперативные подразделения об установлении и расширении круга очевидцев происшедшего. Такими могут быть жильцы близлежащих домов, посетители культурно-массовых заведений, случайные прохожие.

Таким образом, можно сделать вывод, что культура наряду с экономикой является базисом государственности, поэтому забота граждан, общества и государства о сохранении культурного наследия является неотъемлемым элементом их повседневной деятельности. К сожалению, современная система противодействия преступным посягательствам в данной сфере далека от совершенства [11, с. 146].

Роль культурных ценностей для развития науки, искусства, культуры, воспитания подрастающего поколения огромна. В процессе своего развития, стремясь получить более полные знания по истории цивилизаций, человек постоянно обращается к культурному наследию, использует культурные материальные ценности для познания истории, культуры как своего народа, так и других народов. Материальные культурные ценности помогают воспитывать гармонично развитого гражданина своей страны и общества в целом, готового пополнить копилку мировой культуры, помогают формировать мировоззрение гражданина страны, готового защищать достижения своей Родины. Безусловно, сама концепция охраны культурного наследия требует дальнейшего совершенствования, для того чтобы постепенно утвердиться в качестве элемента российской и русской духовной культуры, синонима социального прогресса всех наций и народов, составляющих евразийскую цивилизацию.

Список источников

1. Гаврилов Ю. В России похитили более 77 тысяч культурных ценностей // Российская газета. 2020. 7 янв. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 25.02.2023).
2. Виноградова О. П. О положительном опыте правоохранительных органов зарубежных стран в сфере расследования хищений культурных ценностей // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1.
3. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России. М.: Дрофа, 2005. 271 с.
4. Рекордные музейные кражи [Электронный ресурс]. URL: <https://crimerecords.info/> (дата обращения: 13.02.2023).
5. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.xn> (дата обращения: 12.02.2023).
6. Фалькина Т. Ю., Виноградова О. П. Развитие и совершенствование российской системы охраны культурного наследия // Правоохранительные органы: теория и практика. 2014. № 2.
7. Виноградова О. П. Отдельные аспекты доктрины сохранения исторического и культурного наследия как одной из основ национальной политики // Актуальные проблемы современного российского государства и права: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2015.
8. Положение о Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: утв.

приказом Министерства культуры РФ от 3 октября 2011 г. № 954 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru>.

9. Дерюгин Р. А., Виноградова О. П. Проблемные аспекты раскрытия и расследования хищений средств сотовой связи // Полицейская и следственная деятельность. 2016. № 4.

10. Стельмах В. Ю., Малюгин С. В., Воропаев С. А., Пашнин А. Н. Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных частями первой и второй статьи 243 (Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей) Уголовного кодекса Российской Федерации: метод. рек. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2015. 55 с.

11. Веснина С. Н., Неустроева А. В., Степанюгин К. В., Згонник Г. М. Развитие правового регулирования в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия // Гуманитарные чтения: сб. ст. / ред. кол.: А. В. Милежик (отв. ред.), Н. А. Шабельникова, А. В. Усов, З. В. Якимова. Владивосток, 2021. С. 145–150.

References

1. Gavrilov Yu. More than 77 thousand cultural values were stolen in Russia // Rossiyskaya Gazeta. Jan 7, 2020 [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/> (date of access: 25.02.2023).
2. Vinogradova O. P. On the positive experience of law enforcement agencies of foreign countries in the field of investigation of theft of cultural property // Law enforcement agencies: theory and practice. 2015. No. 1.
3. Polyakova M. A. Protection of the cultural heritage of Russia. M.: Drofa, 2005. 271 p.
4. Record museum thefts [Electronic resource]. URL: <https://crimerecords.info/> (date of access: 02/13/2023).
5. Judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://stat.xn> (date of access: 02/12/2023).
6. Falkina T. Yu., Vinogradova O. P. Development and improvement of the Russian system of protection of cultural heritage // Law enforcement agencies: theory and practice. 2014. No. 2.
7. Vinogradova O. P. Some aspects of the doctrine of the preservation of historical and cultural heritage as one of the foundations of national policy // Actual problems of the modern Russian state and law: coll. materials Vseros. scientific-practical. conf. SPb.: St. Petersburg. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.
8. Regulations on the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation: approved. by order of the Ministry of Culture of the Russian Federation

of October 3, 2011 No. 954 // ConsultantPlus: website.
URL: <https://www.consultant.ru>

9. Deryugin R. A., Vinogradova O. P. Problematic aspects of disclosure and investigation of theft of cellular communications // Police and Investigative Activities. 2016. No. 4.

10. Stelmakh V. Yu., Malyugin S. V., Voropaev S. A., Pashnin A. N. Peculiarities of qualification and investigation of crimes provided for by the first and second parts of Article 243 (Destruction or damage to objects of cultural heritage (monuments of history and culture) the peoples of the Russian Federation included in the unified state register of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation, identified objects of cultural heritage, natural complexes, objects taken under state protection, or cultural values) of the Criminal Code of the Russian Federation: method. rec. Yekaterinburg: Uralsky jurid. in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 55 p.

11. Vesnina S. N., Neustroeva A. V., Stepanyugin K. V., Zgonnik G. M. Development of legal regulation in the field of conservation, use and state protection of cultural heritage objects. Art. / ed. Col.: A. V. Milezhik (editor-in-chief), N. A. Shabelnikova, A. V. Usov, Z. V. Yakimova. Vladivostok, 2021, pp. 145–150.

Информация об авторе

Плахтий Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the authors

Plakhtiy Elena V. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 28.03.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 22.09.2023

Характеристика криптовалют как предмета преступного посягательства в материальной структуре хищений (белорусский опыт): криминалистический контекст

Шнейдерова Дарья Игоревна

Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Могилев, Республика Беларусь,
shneidmimvd@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа норм действующего белорусского законодательства в области правового регулирования оборота криптовалют, а также обобщения научных подходов к определению их понятия и сущности представлена авторская концепция формирования определения термина «криптовалюта» с позиции криминалистической науки. Выделены и рассмотрены технические, функциональные и правовые характеристики криптовалют, образующие их криминалистическую характеристику как предмета преступного посягательства в материальной структуре уголовно наказуемых и административно-деликтных хищений.

Ключевые слова: криптовалюта, токен, предмет хищения, компьютерная информация, криминалистическая характеристика, единица, хеш, блокчейн

Для цитирования: Шнейдерова Д. И. Характеристика криптовалют как предмета преступного посягательства в материальной структуре хищений (белорусский опыт): криминалистический контекст // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 107–114.

Original article

Characteristics of cryptocurrencies as the subject of a criminal attack in the material structure of thefts (Belarusian experience): forensic context

Shneiderova Darya I.

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Republic of Belarus,
shneidmimvd@mail.ru

Abstract. Based on an analysis of the norms of the current Belarusian legislation in the field of legal regulation of the circulation of cryptocurrencies, as well as a generalization of scientific approaches to defining their concept and essence, the article presents the author's concept of forming a definition of the term "cryptocurrency" from the perspective of forensic science. The technical, functional and legal characteristics of cryptocurrencies are identified and considered, forming their forensic characteristics as the subject of a criminal attack in the material structure of criminal and administrative-tort thefts.

Keywords: cryptocurrency, token, subject of theft, computer information, criminalistic characteristics, unit, hash, blockchain

For citation: Shneiderova D. I. Characteristics of cryptocurrencies as the subject of a criminal attack in the material structure of thefts (Belarusian experience): forensic context // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 107–114.

Криптовалюта как один из инструментов цифровизации экономического пространства в мировых масштабах на первых этапах своего распространения воспринималась пользователями как альтернативное деньгам средство обмена и расчета, независимое от пространственных границ и контроля государства.

Данное обстоятельство повлияло на популяризацию криптовалют и способствовало их устойчивому развитию и совершенствованию в качестве самостоя-

тельного цифрового явления, о чем свидетельствует ретроспективная периодизация: 1998 г. – первые идеи создания криптовалют в работах Вэя Дай и Ника Сабо [1, с. 133]; 2007 г. – запуск неизвестными программистами первой в мире криптовалюты Bitcoin; 2011 г. – распространение многочисленных альткоинов; 2012 г. – ввод первых обеспеченных токенов, стейблкоинов; 2017 г. – появление криптосервисов DeFi, работающих на публичном блокчейне; 2018 г. – создание блокчейн-мостов, позволяющих экспортировать криптовалюты между блокчейнами.

Однако более чем десятилетняя практика оборота различных видов криптовалют показала, что ожидаемая от них экономическая позитивность активно используется в преступных целях: они являются либо инструментом сокрытия доходов, полученных преступным путем, либо предметом преступного посягательства, поскольку признаются приобретающими их пользователями имущественной ценностью. Данное обстоятельство подтверждает необходимость правового регулирования оборота криптовалют со стороны государства в целях противодействия противоправной деятельности, а также его организационно-методического и практического обеспечения.

В Республике Беларусь правовой статус криптовалют нормативно закреплён в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8), где под криптовалютой понимается биткоин или иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена [2]. Из приведенного определения усматривается, что белорусский законодатель отождествляет криптовалюты с токенами и закрепляет за ними статус средства обмена. Однако анализ научных исследований по вопросу трактовки сущности криптовалют позволил выявить диссонанс между законодательным определением и авторскими позициями относительно содержательного аспекта данного термина, раскрывающими назначение криптовалют в качестве самостоятельных объектов.

Белорусскими и российскими авторами представлено более 15 разновидностей трактовок понятия криптовалют, которые могут быть систематизированы по двум показателям: тип объекта и назначение. По типовому показателю авторские точки зрения образуют шесть групп, согласно которым криптовалюты – это: 1) цифровая валюта (А. Ю. Ушаков, М. М. Долгиева, Г. Р. Игбаева, З. Р. Шакирова); 2) виртуальная валюта (Е. В. Борисова, Т. А. Прудникова); 3) денежные средства (В. В. Хилjuta); 4) электронные деньги (А. Н. Левчук, К. Б. Раздорозный); 5) счетные единицы или знаки (И. Б. Кольчевский, Ю. В. Куницын); 6) цифровой актив (И. А. Маньковский, А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин, А. В. Токолов).

Тип объекта предопределяет и назначение криптовалют, заключающее в себе их определенный функционал. Так в литературе выделяются три ключевых позиции, согласно которым криптовалюты могут использоваться как средство обмена, накопления

(инвестирования) или расчета. Авторы первых пяти вышеобозначенных групп сходятся во мнении, что криптовалюты многофункциональны и могут использоваться как для обмена, накопления, так и для расчета, при этом именно он является приоритетным назначением. Иная точка зрения прослеживается среди авторов, определяющих криптовалюты как цифровой актив, они исключают возможность их использования при расчетах. Усматриваемое противоречие носит субъективный характер, поскольку объективно криптовалюты создавались именно для замены наличных или электронных денег при трансграничных расчетах.

Следует отметить, что возможность использования криптовалют в качестве средства платежа зависит от двух факторов: согласия контрагентов, реализующих товары, работы или услуги, и законодательного дозволения такого способа расчета на уровне отдельного государства. Республика Беларусь пошла по пути запрета использования криптовалют при расчетах, о чем свидетельствуют нормативное закрепление за ними статуса универсального средства обмена, а также определенный п. 2 Декрета № 8 перечень правомочий владельцев криптовалют, которые могут их хранить, майнить, обменивать на иные токены, приобретать и отчуждать за белорусские рубли и иностранную валюту, дарить и завещать. В свою очередь в отдельных государствах (например, Германии, Франции, Италии, США, Японии, Южной Корее, Венесуэле, Англии, Таиланде, Израиле) криптовалюты принимаются при расчетах на различных торговых объектах.

В России Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ), введено легитимное понятие «цифровая валюта», к которой, исходя из содержания определения, относится и криптовалюта. Под ней понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам [3].

Следует отметить, что содержание вышеуказанного закона, в частности определение понятия «цифровая валюта», подвергается критике экспертами правового и финансового сектора. Так, А. С. Лолаева, С. А. Макиев и Э. С. Бутаева, указывая на несовершенство и

противоречивость норм Закона № 259-ФЗ, отмечают следующее:

1) криптовалюты, исходя из определения «цифровая валюта», являются средством платежа и (или) инвестиций, но не могут быть использованы в качестве платежного средства на территории Российской Федерации, поскольку ч. 10 ст. 4 Закона № 259-ФЗ установлен запрет на их применение в качестве платы за товары, работы или услуги, на рекламу возможности производства платежей цифровой валютой. Следовательно, данные ограничения не позволяют криптовалютам выполнять все денежные функции. Кроме того, законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории России, является рубль, криптовалюта же не является денежной единицей и не обязательна к приему. Исходя из этого, Закон № 259-ФЗ не позволяет рассматривать цифровую валюту в качестве именно валюты, поскольку она не имеет никакого отношения к денежной единице Российской Федерации или какого-либо иного государства;

2) имущественный статус криптовалют был определен путем внесения поправок в федеральные законы «Об исполнительном производстве», «О несостоятельности (банкротстве)», «О противодействии коррупции» и др. В них цифровая валюта признается имуществом, и на нее может быть обращено взыскание. При этом нормы российского гражданского законодательства не относят цифровые валюты к объектам гражданских прав. Отсюда возникает противоречивая ситуация, когда при определении возможности совершения гражданско-правовых сделок с цифровыми валютами для целей отдельных законов они признаются имуществом, а гражданским законодательством за ними такое положение не закреплено [4, с. 22–23].

Таким образом, гражданам Российской Федерации, так же как и гражданам Республики Беларусь, исходя из приведенных норм, доступны лишь покупка, продажа, обмен и инвестирование криптовалюты, но запрещено проведение ею расчетов. Данная позиция, несомненно, позволила этим государствам признать легитимный статус криптовалют как имущества и допустить возможность их включения в конкурсную массу, в состав наследства, а также считать их предметом преступного посягательства.

В свою очередь интересна позиция Центрального банка Российской Федерации (далее – Центробанк), который, несмотря на наличие законодательного акта, закрепляющего легальный статус криптовалют, все же пришел к выводу о необходимости запрета оборота необеспеченных криптовалют и стейблкоинов на территории России. Данное утверждение подкреплено совокупностью рисков, сопровождающих неограниченный оборот криптовалют, среди которых можно выделить финансовую и уголовно-правовую составляющие:

1) доступность и распространение криптовалют способствуют выводу денежных средств и иных сбережений российских граждан за территорию госу-

дарства, а криптоизация ограничивает суверенитет денежно-кредитной политики (данная ситуация способствует поддержанию высокого уровня ключевой ставки для сдерживания инфляции, а это, в свою очередь, снижает доступность кредитования);

2) криптовалюты все чаще выступают предметом преступных посягательств (мошенничество в сфере торговли, вымогательство, взяточничество), а также активно используются в качестве средства реализации противоправной деятельности (отмывание доходов, наркоторговля, финансирование терроризма и т. д.) [5].

Минимизация приведенных рисков видится представителям Центробанка во внесении изменений в Закон № 259-ФЗ и иные нормативные правовые акты путем введения запретов и установления ответственности, за их нарушение. Так, предлагается «запретить организацию выпуска и (или) выпуск, организацию обращения криптовалюты на территории России; запретить вложения финансовых организаций в криптовалюты и связанные с ними финансовые инструменты; установить ответственность за нарушение указанных запретов, а также за нарушение запрета на использование криптовалют в качестве средства платежа за товары, работы и услуги, продаваемые и покупаемые юридическими и физическими лицами – резидентами Российской Федерации» [5]. При учете предложенных Центробанком мер нерешенным остается вопрос, каков будет правовой статус криптовалют, приобретенных российскими гражданами до момента введения данного запрета, а также будут ли считаться такие криптовалюты предметом преступного посягательства в случае их хищения либо имуществом, на которое можно будет обратить взыскание в рамках исполнительного производства.

Расхождение нормативных формулировок и систематизированных взглядов ученых образует проблему теоретико-правового характера, влияющую на единообразное содержательное представление сущности криптовалют, необходимое для достижения целей криминалистической науки, которое позволило бы дать четкое представление об их природе в качестве предмета преступного посягательства, форме существования, назначении, особенностях эмиссии и обращения, способности быть объектом имущественных прав, подлежащим уголовно-правовой и административно-деликтной охране. В этой связи представляется целесообразным формирование обобщенного определения понятия «криптовалюта» как предмета преступного посягательства с позиции криминалистики на основе интеграции ключевых технических, функциональных и правовых характеристик. Практическая ориентированность и применимость определения, сформированного в рамках предложенной концепции, в целях криминалистического познания сущности криптовалют как элемента механизма хищений подкрепляется результатами анкетирования следователей подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, специализирующихся на расследовании киберпреступлений, согласно кото-

рым 68,6 % респондентов признали усовершенствованную формулировку более содержательной по отношению к определению, установленному Декретом № 8.

Криптовалюты, являясь разновидностью компьютерной (цифровой) информации, обладают всеми общими характеристиками, присущими данной группе объектов: имеют двоичную кодовую структуру, неразрывную связь с материальным носителем, системно-программный характер возникновения, способность к обработке, передаче и т. д. Указанные признаки формируют базис технической природы криптовалют, дополняемый присущими только им отличительными особенностями – наглядной формой выражения, воспринимаемой пользователем, особенностями создания и последующего обращения.

Наглядную форму выражения криптовалют можно представить как комплексную запись, состоящую из числового показателя количества единиц, видового маркера и буквенно-числовой записи транзакции (хеш), фиксируемой в блоке распределенного реестра отдельного вида криптовалют. Например, в кошельке пользователя находится 0.00106427 BTC, которым соответствует транзакция с хешем 65e33157...eb196818f4005a21d. Из указанной записи следует, что 0.00106427 – количество единиц, определяющих объем владения пользователем конкретным видом криптовалют, на который указывает маркер BTC. Хеш, представленный уникальной комбинацией буквенно-цифровых символов (формируется посредством криптографического шифрования), записываемых в реестр блока распределенной информационной системы, является идентификатором транзакции. Анализ хеша с помощью обозревателя или анализатора позволяет правоохранительным органам получить криминалистически значимую информацию о неправомерной транзакции: адреса отправителя и получателя, количество криптовалюты, все входы и выходы транзакции (движение между кошельками), дату и время ее проведения, внесения в блок реестра и др. Фактически хеш – запись в блокчейне, подтверждающая, что конкретное количество единиц криптовалюты привязано к определенному кошельку на данный момент.

Из изложенного следует, что наглядное выражение криптовалют представлено неразрывной группой сведений, включающих количество единиц, номинал (он же вид криптовалюты) и соответствующий им хеш. Изменению данная группа сведений подвергается только в случае, если криптовалюты перемещаются между кошельками, при этом для каждой последующей транзакции образуется новый хеш, связанный с предыдущим.

В рамках представления технической стороны криптовалют дискуссионным видится вопрос признания материальной природы последних, имеющий непосредственное криминалистическое значение, поскольку в научной литературе закрепилось положение о том, что под предметом преступного посяательства следует понимать объекты материального

мира, имеющие физическую оболочку и способные к восприятию субъектом извне для исследования. Будучи разновидностью компьютерной информации криптовалюты указанными признаками не обладают, поскольку неразрывно связаны с материальным носителем и могут восприниматься только с его помощью. В этой связи представляет интерес точка зрения Н. Н. Беломытцева, который, раскрывая физический признак природы криптовалют, оперирует положениями физики и приходит к выводу о том, что «в программно-технических средствах криптовалюта представлена электрическим зарядом или электромагнитным полем, которые по своей сути являются материальным объектом, либо же физически она может представлять собой набор магнитных «меток», которые ее материализуют. Кроме того, материальная природа криптовалют подтверждается и тем, что компьютер может работать только с материальными образами материальных объектов, имеющими пространственную ограниченность, что еще раз указывает на телесность криптовалют» [6, с. 20].

Иного мнения придерживается Л. Л. Мельник, который утверждает, что криптовалюты имеют нематериальную природу и являются неовещественным предметом, поскольку существуют в электронном виде [7, с. 64]. Схожего мнения придерживается и Е. В. Зайнутдинова, считающая, что криптовалюты (цифровые валюты) ввиду отсутствия овещественности являются объектом обязательственных прав особого рода, поскольку определение обязанного лица происходит в момент возникновения относительного правоотношения среди других пользователей информационной системы [8, с. 164]. В противовес указанным точкам зрения следует поставить дискуссионный вопрос о том, можно ли в плоскости криминалистической науки, требующей от предмета физического выражения (материальной природы), признавать криптовалюты, не имеющие, по мнению указанных авторов, материального выражения и являющиеся объектом обязательственных правоотношений, предметом преступного посяательства в структуре хищений. Видится, что правоприменительная практика, несмотря на разногласия теоретических взглядов, сформировала в криминалистике концептуально новый подход к признанию вещественной природы объектов информационно-технического происхождения, обладающих с позиции физики признаками материальности (о чем свидетельствует возбуждение уголовных дел по фактам хищения криптовалют). Это позволяет отнести криптовалюты к категории материальных объектов, имеющих неразрывную связь с физическим носителем, и признать их предметом преступного посяательства в материальной структуре хищений.

В основе функциональных характеристик лежит совокупность признаков, определяющих назначение, способы использования и оборота криптовалют, среди которых можно выделить следующие:

– децентрализованность процесса эмиссии, которая может осуществляться за счет добычи (майнинга,

стейкинга) или единовременного выпуска монет, производимого и контролируемого программой под заданные разработчиками условия;

- высокая волатильность, т. е. эмиссия криптовалют производится не государством, а частными организациями в нормативно установленном (характерно только для стран, легализовавших оборот криптовалют) или стихийном порядке (при отсутствии правового закрепления основ процесса эмиссии), то их курс формируется за счет разницы спроса и предложения на рынке, ввиду чего он может быть достаточно скачкообразен за короткий промежуток времени. Рост цен на криптовалюты объясняется расширением использования криптотехнологий новыми пользователями, из этого утверждения следует закономерность: чем выше спрос на продукты криптоиндустрии, тем больше цена самих криптовалют;

- отсутствие материального (валютного) обеспечения, т. е. взаимозаменяемости на некоторую иную ценность, что приводит к стабильности ее курса. Сравнение криптовалют с фиатными деньгами показывает, что данный признак для них един, поскольку у современных денег нет золотовалютного обеспечения, имевшего место в истории под названием «золотой стандарт» (монеты производились из драгоценного металла, имея собственную ценность как объект, либо выпуск денег ограничивался золотовалютными резервами государства);

- способность к дроблению до одной стомиллионной доли, что не характерно для национального рубля, т. е. при физическом разделе его на части последние потеряют свою покупательскую способность;

- трансграничность и интернациональность, что обусловлено функционированием криптовалют исключительно в пределах виртуального пространства глобальной сети «Интернет». Данные свойства определяют охват пользовательской аудитории в рамках мирового пространства независимо от временных, территориальных, национальных и языковых барьеров, позволяя в значительной мере упростить порядок переводов между зарубежными контрагентами без привлечения третьих лиц (например, банка или международных платежных систем);

- многовариантность приобретения: добыча, покупка и обмен через биржи и криптообменники, приобретение в порядке инвестирования в ICO проекты, в т. ч. в качестве дивидендов, перевод на криптокошелек и т. д.;

- анонимность владельцев, обеспечиваемая отсутствием должной верификации пользователей, присоединяющихся к распределенным реестрам, регистрирующих криптокошельки, участвующих в операциях по конвертации криптовалют на обменных площадках. Процесс верификации пользователей претерпел изменения с момента появления первых криптовалют, что связано с легализацией криптовалют отдельными государствами, принятием мер по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем, а также с защитой от противоправного посягательства на криптовалюты добросо-

вестных пользователей. Такие изменения привели к относительной анонимности, заключающейся в применении отдельными криптосервисами принципа KYC – «знай своего клиента», который предполагает получение паспортных и контактных данных пользователя, установление двухфазной аутентификации. Изменение подхода стало несомненным преимуществом и подспорьем в работе правоохранительных органов, перед которыми открылась возможность получения необходимой доказательственной информации по материалам и уголовным делам;

- непрерывность криптовалютной транзакции и невозможность ее изменения или отмены. Операции могут совершаться в любое время при условии подключения к сети «Интернет», при этом добавленная в блок транзакция не подлежит техническому изменению или удалению;

- неподконтрольность эмиссии и обращения государству при условии отсутствия нормативного регулирования (для Республики Беларусь данный признак не характерен), что обеспечивает финансовую свободу и защиту от принудительного изъятия криптовалют или блокирования сделок с ними со стороны государственных органов (контрольно-надзорных, налоговых и правоохранительных);

- альтернативность способов использования (средство обмена, накопления, инвестирования, при нормативной допустимости и расчета). Белорусский законодатель закрепляет за криптовалютами функцию средства обмена, однако ее содержание не раскрывает, в связи с чем представляется целесообразным понимать ее конвертируемость на иные криптовалюты, токены, белорусские рубли, иностранную валюту.

Совокупность приведенных признаков позволяет провести сравнение криптовалют с токенами, разграничение которых является дискуссионным вопросом, поскольку нормативное закрепление отождествляет указанные объекты. Согласно п. 12 приложения № 1 Декрета № 8 токен представляет собой запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, удостоверяющую наличие у ее владельца прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой. Токен, как и криптовалюта, представляет собой единицу учета цифрового баланса некоторого актива, запись о чем размещена в базе данных, функционирующей на блокчейне. Однако токены по своему функционалу отличаются от криптовалют по следующим показателям:

- не имеют собственного блокчейна;
- могут эмитироваться централизованно и децентрализованно;
- транзакции с ними могут управляться и обеспечиваться серверами одной организации;
- цена на них формируется не только с учетом спроса и предложения, но и зависит от привязки к внешнему активу, правилам эмиссии и вознаграждения;

– используются как акции, отражая ценность какого-либо объекта (игровая валюта, баллы), либо выступают цифровыми обязательствами на реальные товары и услуги, что делает их обеспеченными [9].

Таким образом, можно прийти к выводу, что токен не во всех случаях является криптовалютой, и относится к ней, когда обозначает запись в распределенном реестре (хеш), которая удостоверяет права на децентрализованную, необеспеченную единицу отдельной криптоплатформы.

Правовая характеристика криптовалют определяется особенностями регулирования их оборота на территории определенного государства. Республика Беларусь и Российская Федерация легализовали криптовалюты на своей территории, о чем свидетельствуют положения Декрета № 8 и Закона № 259-ФЗ. Однако актуальным с позиции криминалистической науки и нерешенным остается вопрос прямого нормативного закрепления имущественного статуса криптовалют, имеющий значение для признания их предметом преступного посягательства.

Нормы Декрета № 8 и Закона № 259-ФЗ не содержат прямого указания о том, что криптовалюты (цифровые валюты в Российской Федерации) признаются имуществом в гражданском обороте. Также они не входят и в перечни объектов гражданских прав, закрепленные ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) [10] и ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [11]. Следует обратить внимание, что согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся цифровые права, которые в соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона № 259-ФЗ признаются цифровыми финансовыми активами и не распространяются на цифровую валюту. По мнению Д. Кириллова, в отличие от цифрового финансового актива «в отношении цифровой валюты отсутствует лицо, обязанное перед каждым ее обладателем, а оператор и узлы информационной системы, где она существует, обязаны только обеспечивать соответствие порядка выпуска криптовалюты и записей о ней в этой системе ее правилам» [12]. Следовательно, российское гражданское законодательство, так же как и белорусское, не закрепляет криптовалюту в качестве объекта гражданских прав.

При этом косвенно на имущественный статус криптовалют (цифровой валюты) указывают положения иных нормативных правовых актов. Так, в Республике Беларусь п. 3.1 Декрета № 8 предусматривает налогообложение доходов владельцев криптовалют от криптовалютных операций, п. 3 приложения № 1 Декрета № 8 указывает на принадлежность криптовалют владельцам на праве собственности или ином вещном праве, примечание к ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь относит криптовалюты к имуществу, на которое может быть наложен арест [13].

В Российской Федерации цифровая валюта признается имуществом только для целей ряда законов: ч. 10 ст. 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [14]; ч. 4

ст. 68 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [15]; ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [16].

Исходя из изложенного, в целях устранения выявленного законодательного пробела представляется целесообразным включение в перечни объектов гражданских прав цифровых знаков (токенов, криптовалют) в диспозицию ст. 128 ГК РБ и цифровых валют в диспозицию ст. 128 ГК РФ. Предложенное дополнение позволит закрепить имущественный статус криптовалют (цифровых валют) как объекта права собственности, на который в соответствии с этим распространится уголовно-правовая и административно-деликтная охрана, а также сформировать единый подход к установлению положения криптовалют в рамках белорусского и российского правового поля.

Резюмируя изложенное, считаем:

– при криминалистической характеристике криптовалют как предмета преступного посягательства следует исходить из определения технических, функциональных и правовых особенностей (свойств). Технические характеристики представлены исключительностью информационной природы, процесса эмиссии и обращения, формы выражения, материальности, видового разнообразия; функциональные – назначением и способами использования; правовые – законодательным закреплением правового статуса и правил оборота, способностью быть объектом гражданского оборота, на который распространяется режим права собственности и его правовая охрана;

– на основе интеграции ключевых технических, функциональных и правовых характеристик представляется необходимым изложить определение криптовалюты в следующей формулировке: количество единиц многофункционального применения (универсальное средство обмена, накопления, вознаграждения оператором криптоплатформ), соответствующее буквенно-числовой записи (токену) в распределенном реестре децентрализованной информационной системы, распоряжение которым осуществляется пользователем за счет владения открытым (адрес) и приватным ключами к записи на условиях относительной анонимности, принадлежащими ему на праве собственности или ином вещном праве.

Список источников

1. Олиндер Н. В. Криминалистическая характеристика электронных платежных средств и систем // Lex Russica. 2015. № 10. С. 128–138.
2. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 (ред. от 18.03.2021) «О развитии цифровой экономики» // Эталон: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008&q_id=7895085 (дата обращения: 28.07.2023).
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 11.01.2023) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

// КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.07.2023).

4. Лолаева А. С., Макиев С. А., Бутаева Э. С. Правовая природа криптовалюты // Юридические исследования. 2021. № 12. С. 20–32.

5. Доклад Центрального банка Российской Федерации для общественных консультаций: риски криптовалют и возможные меры регулирования. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=12623> (дата обращения: 28.07.2023).

6. Беломытцев Н. Н. Криптовалюта как предмет хищения путем использования компьютерной техники // Использование криптовалют в противоправных целях и методика противодействия: материалы международного. науч.-практ. круглого стола / под общ. ред. А. М. Багмета. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 16–22.

7. Мельник Л. Л. О криминалистической характеристике криптовалюты как предмета и платежного средства совершения преступлений // Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью: материалы заоч. международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. Н. Лахтиков и др. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2020. С. 63–65.

8. Зайнутдинова Е. В. Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения // Legal Concept. 2022. № 4. С. 159–167.

9. Что такое токен. URL: <https://forklog.com/cryptorium/chto-takoe-token> (дата обращения: 28.07.2023).

10. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (ред. от 03.01.2023) // Эталон: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218&q_id=7895106 (дата обращения: 28.07.2023).

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.07.2023).

12. ЦФА – это не криптовалюта. Юристы все объяснили. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/631b2bf69a794796b75dd573> (дата обращения: 28.07.2023).

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (ред. от 17.07.2023) // Эталон: сайт. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295&q_id=7895118 (дата обращения: 28.07.2023).

14. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.07.2023).

15. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 29.12.2022 с изм. от 26.04.2023) «Об исполнительном производстве» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.07.2023).

16. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О несостоятельности

(банкротстве)» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.07.2023).

References

1. Olinder N. V. Criminalistic characterisation of electronic payment means and systems // Lex Russica. 2015. No. 10. Pp. 128–138.

2. Decree of the President of the Republic of Belarus of December 21, 2017 No. 8 (ed. of 03/18/2021) «On development of digital economy» // Etalon: website. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008&q_id=7895085 (date of access: 07/28/2023).

3. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (ed. of 01/11/2023) «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07/28/2023).

4. Lolaeva A. S., Makiev S. A., Butaeva E. S. Legal nature of cryptocurrency // Legal Studies. 2021. No. 12. Pp. 20–32.

5. Report of the Central bank of the Russian Federation for public consultations: cryptocurrency risks and possible regulatory measures. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=12623> (date of access: 07/28/2023).

6. Belomytsev N. N. Cryptocurrency as a subject of theft by means of computer technology // The use of cryptocurrencies for illegal purposes and methodology of counteraction: materials of international scientific and practical round table / ed. by A. M. Bagmet. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. Pp. 16–22.

7. Melnik L. L. On the criminalistic characteristics of cryptocurrency as an object and means of payment for committing crimes // Theory and practice of combating computer crime: materials of extramural international scientific and practical conference / ed. by D. N. Lakhtikov et al. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2020. Pp. 63–65.

8. Zainutdinova E. V. Digital rights and digital currency in Russian law: issues of legal nature and correlation // Legal Concept. 2022. No. 4. Pp. 159–167.

9. What is a token. URL: <https://forklog.com/cryptorium/chto-takoe-token> (date of access: 07/28/2023).

10. Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998 No. 218-Z (ed. of 01/03/2023) // Etalon: website. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218&q_id=7895106 (date of access: 07/28/2023).

11. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (ed. of 07/24/2023) // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07/28/2023).

12. A digital financial asset is not a cryptocurrency. The lawyers have explained everything. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/631b2bf69a794796b75dd573> (date of access: 07/28/2023).

13. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999 No. 295-Z (ed. of 07/17/2023)

// Etalon: website. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295&q_id=7895118 (date of access: 07/28/2023).

14. Federal law of December 25, 2008 No. 273-FZ (ed. of 07/10/2023) «About counteraction to corruption» // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07/28/2023).

15. Federal law of October 2, 2007 No. 229-FZ (ed. of 12/29/2022, with amendments from 04/26/2023) «About executive manufacture» // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07/28/2023).

16. Federal law of October 26, 2002 No. 127-FZ (ed. of 07/24/2023) «On insolvency (bankruptcy)» // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07/28/2023).

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 17.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Типичная модель механизма уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

Янин Сергей Александрович

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, s.yanin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию криминалистического обеспечения расследования уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в части формулирования типичной модели механизма совершения преступлений данной категории. Рассмотрены сущность и этапы криминалистического моделирования, понятие механизма совершения преступления на примере ст. 243 УК РФ. Проанализированы элементы механизма данных преступлений, проведена их дифференциация в зависимости от содержания преступных действий, а также сформулирована типичная модель.

Ключевые слова: расследование, объекты культурного наследия, механизм преступления, криминалистическое моделирование

Для цитирования: Янин С. А. Типичная модель механизма уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 115–120.

Original article

Typical model of the mechanism of destruction or damage of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation

Yanin Sergey A.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, s.yanin1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the improvement of forensic support for the investigation of the destruction or damage of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation in terms of formulating a typical model of the mechanism for committing crimes in this category. The essence and stages of forensic modeling, the concept of the mechanism of committing a crime are considered on the example of Art. 243 of the Criminal Code of the Russian Federation. The elements of the mechanism of these crimes are analyzed, their differentiation is carried out depending on the content of criminal acts, and its typical model is formulated.

Keywords: investigation, cultural heritage, crime mechanism, forensic modeling

For citation: Yanin S. A. Typical model of the mechanism of destruction or damage of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 115–120.

Методическое обеспечение деятельности по раскрытию и расследованию преступлений основывается на общенаучном методе познания – моделирование, сущность его, как отмечает Д. Н. Лозовский, состоит «в изучении объекта, прямое (непосредственное) исследование которого невозможно или нецелесообразно по различным причинам посред-

ством специально созданной модели, которая является заменителем объекта в процессе познания» [1].

Учитывая ретроспективную природу криминалистического познания, по мнению Р. Л. Ахмедшина и С. Э. Воронина, «широкое использование приемов моделирования в процессе исследования преступ-

ного события объективно predetermined» [2, с. 4]. Криминалистическое моделирование заключается в построении и изучении модели преступного события в ходе уголовного судопроизводства.

О. А. Берзинь указывает, что «развитие метода моделирования в криминалистике, привело к его применению с целью исследования криминалистической сущности преступной деятельности для получения новой информации о расследуемом событии и лицах, его совершивших» [3].

По Г. А. Густову криминалистическое моделирование подразумевает три основных этапа: построение модели события преступления; изучение модели преступления; проверка модели и использование знаний, полученных с помощью модели [4, с. 27].

При этом очевидно, что первый этап – построение модели преступного события, представляет собой не просто констатацию сути совершенного деяния, а мысленное воссоздание следователем, дознавателем механизма преступления с учетом знания его криминалистической характеристики.

Данный этап является, по нашему мнению, важнейшим на стадии досудебного производства по делу ввиду того, что в условиях дефицита у правоохранительных органов информации о лице, совершившем преступление, его последствиях и иных значимых обстоятельствах, именно обоснованное построение модели механизма преступления позволит наиболее эффективно организовать расследование на первоначальном этапе, попытавшись в короткие сроки выяснить максимум криминалистически значимой информации и, в идеале, установить личность преступника.

Подтверждением нашей мысли служит мнение О. А. Берзинь о том, что «мысленные модели в поисково-познавательной деятельности позволяют получить представление о задачах, подлежащих выяснению, будущих действиях субъектов расследования, дальнейших шагах на пути познания ими истины в раскрытии преступления» [3].

Последующее изучение модели заключается в соотнесении усредненных данных, составляющих криминалистическую характеристику преступления конкретного вида, с имеющимися в распоряжении органов расследования материалами. Исходя из результатов такого соотнесения, следователем планируется проведение следственных действий с целью выявления и закрепления криминалистически значимой информации, то есть, составляется план расследования.

Третий этап криминалистического моделирования подразумевает внесение необходимых корректировок в план расследования в части необходимых следственных и процессуальных действий, иных мероприятий и их смыслового содержания.

С учетом того, что в основу моделирования ставятся данные криминалистической характеристики, т. е. наиболее часто повторяющиеся сведения о значимых элементах совершенного деяния, типичные для определенных видов и групп преступлений, выстроенная

модель на первоначальном этапе становится также типичной. Только результаты последующей проверки имеющихся данных и выдвинутых на их основе типичных версий позволяют индивидуализировать полученную модель с учетом специфики каждого конкретного случая.

Моделируемый механизм совершенного преступления представляет собой, как пишет А. М. Кустов, «систему процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки» [5, с. 303]. С учетом того, что названные процессы взаимодействия закономерно ведут к получению криминалистически значимой информации, знание механизма необходимо для качественного планирования расследования, выдвижения обоснованных версий, поиска следов преступления и установления иной доказательственной информации по делу. По мнению С. Ю. Журавлева, «механизм преступления – это исследовательская модель. С ее помощью выявляются структурные элементы, исследуются их отношения» [6, с. 14].

Таким образом, очевидно, что построение типичной модели механизма преступления какого-либо конкретного вида позволит в случае его совершения значительно ускорить поисковую деятельность следователя, органа дознания на первоначальном этапе расследования, что будет способствовать установлению в кратчайшие сроки обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.

В полной мере данный тезис относится к преступлениям, предусмотренным ст. 243 УК РФ, посягающим на объекты культурного наследия нашего народа, в частности памятники истории и культуры народов России. Несмотря на небольшую долю таких преступлений в общей структуре преступности в стране, уничтожение или повреждение указанных памятников наносит невосполнимый урон отечественной культуре и, как следствие, воспитанию будущих поколений.

Качество расследования этих преступлений в настоящее время находится на недостаточно высоком уровне, что обусловлено, кроме специфики сферы сохранения и оборота объектов культурного наследия народов России, ненадлежащим качеством методического обеспечения расследования. Современные ученые, исследующие данную тему, концентрируются, в основном, на уголовно-правовых аспектах расследования – особенностях квалификации и признаках состава преступления. Работ, посвященных криминалистическому обеспечению расследования, на сегодняшний день явно недостаточно. Поэтому попытка сформулировать типичную модель механизма совершения преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, призвана по возможности нивелировать пробелы методического обеспечения расследования, повысив тем самым эффективность борьбы криминалистическими средствами с данным видом противоправных деяний.

Интерпретируя приведенное выше определение А. М. Кустова применительно к ст. 243 УК РФ, а также принимая во внимание точку зрения О. С. Кучина, сформулировавшего процесс совершения преступления в сфере незаконного оборота ценностей [7], предлагаем понимать под механизмом уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации систему процессов взаимодействия участников (как прямых, так и косвенных) между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки, повлекших уничтожение или повреждение указанных объектов, а также возникновение в объективной реальности криминалистически значимой информации о совершенном преступлении.

Элементами механизма анализируемого преступления предлагаем считать:

- 1) лиц, участвовавших в совершении преступления;
- 2) объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов России, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия, в том числе историко-культурные заповедники, музеи-заповедники, объекты археологического наследия; природные комплексы; объекты, взятые под охрану государства; культурные ценности;
- 3) место, время и другие обстоятельства, относящиеся к обстановке совершения преступления;
- 4) способы подготовки, совершения и сокрытия рассматриваемых преступлений;
- 5) преступный результат;
- 6) обстоятельства, способствующие совершению рассматриваемых преступлений;
- 7) поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками преступлений, связанных с уничтожением или повреждением объектов культурного наследия.

Анализ диспозиции ст. 243 УК РФ в качестве способов (в уголовно-правовом значении) совершения анализируемого преступления позволяет выделить уничтожение и повреждение. Исходя из содержания указанных терминов, различие между ними заключается в достижении конечного результата, когда объект культурного наследия усилиями преступника приходит в частичную либо полную негодность или перестает существовать. Направленность данных действий едина – нанести ущерб объекту культурного наследия. Способы при этом также могут быть одинаковы, поэтому, по нашему мнению, нецелесообразно на этом основании разделять типичные модели механизмов уничтожения или повреждения.

Дифференцировать можно лишь мотивы и цели совершения преступных действий, в зависимости от которых объект либо повреждается, либо уничтожается.

По мнению Д. В. Васяева, «уголовно-процессуальное значение классификации мотива и цели преступления выражается в том, что при доказывании

соответствующих обстоятельств по уголовному делу необходимо ориентироваться на видовые особенности мотивов и целей преступления, их специфические черты» [8].

Так, согласно проведенному нами исследованию [9, с. 30–32], их мотивы могут быть корыстными, хулиганскими, идеолого-политическими и связанными с психическими отклонениями фигуранта

1. Корыстные мотивы. При совершении противоправных действий по подобному мотиву объект культурного наследия может быть как уничтожен в целях последующего распоряжения (например, земельным участком, на котором он располагался) или сбыта фрагментов, частей памятника (например, цветного металла), так и поврежден для использования его в иных целях (например, исторически значимая усадьба перестраивается в многоквартирный жилой дом либо офисное здание); присваиваются либо сбываются ценности, выкопанные из мест массовых захоронений, являющихся памятниками истории и культуры). При этом экономятся средства на проведение надлежащим образом регламентированных работ на территории объекта культурного наследия.

Так, например, Дормидонтов П. В. для уменьшения финансовых затрат на земляные работы на земельном участке, который расположен в границах объекта культурного наследия (памятника археологии) «Участок культурного слоя посада города, Никольской, Троицкой, Ямской слобод, XV–XVIII вв.», в нарушение требований Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» произвел их без проведения предварительных археологических раскопок, а также без разрешения (открытого листа), осознавая при этом незаконность таких действий.

Данные земляные работы были произведены на указанном земельном участке с привлечением строительной техники – экскаватора, а также самосвала для вывоза грунта, под личным руководством Дормидонтова П. В., который давал указания рабочим о способе и месте их проведения, площади и глубине, на которых они должны быть сделаны. Извлеченный при производстве данных земляных работ грунт вывозился самосвалами в качестве строительного мусора.

В результате незаконного производства Дормидонтовым П. В. земляных работ на указанном земельном участке культурный слой объекта археологического наследия «Участок культурного слоя посада города, Никольской, Троицкой, Ямской слобод XV–XVIII вв.» на площади 8496 кв.м. был разрушен, а на площади 49 184 кв.м. частично поврежден [10].

2. Хулиганские мотивы. В данном случае уничтожение либо повреждение объектов культурного наследия вандалами направлено на грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, а разрушение памятника истории и культуры выступает лишь средством выражения пренебрежения к обществу.

Например, ночью 24 февраля 2021 г. трое местных жителей в возрасте от 23 до 26 лет из хулиганских побуждений при помощи краски из аэрозольных баллонов повредили ряд объектов культурного наследия регионального значения в г. Севастополе, в числе которых Таврическая лестница, путем нанесения на них различных надписей и граффити. В отношении задержанных лиц возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 243 УК РФ [11].

3. Идеолого-политические мотивы. Подобный мотив характерен для экстремистов, уничтожающих или повреждающих памятники истории и культуры по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Так, например, 1 апреля 2009 г. около 4 часов неустановленными лицами у Финляндского вокзала г. Санкт-Петербурга при помощи самодельного взрывного устройства был поврежден памятник В. И. Ленину "Ленин на броневике", установленный 7 ноября 1926 г. к 9-й годовщине Революции, считающийся объектом культурного наследия [12].

4. Мотивы, связанные с психическими отклонениями фигуранта. В данном случае цель совершения преступления диктуется нездоровым воображением преступника, предписывающим ему по тем или иным не существующим в объективной реальности причинам повредить или уничтожить памятник истории и культуры.

По материалам уголовного дела Д., страдающий психическим расстройством в форме параноидной шизофрении, 11 декабря 2017 г. примерно в 20.00, находясь возле дома № 4 литера А на Исаакиевской площади в Адмиралтейском районе г. Санкт-Петербурга, с помощью металлического лома повредил расположенную с «Восточного портика» в алтарь малую дверь Восточного фасада Исаакиевского собора, нижнее стекло витражного оконного заполнения Восточного фасада, разбил стекло за решеткой рисунка «чешуя» малой двери, в результате чего нанес ущерб объекту культурного наследия федерального значения – Санкт-Петербургскому государственному бюджетному учреждению культуры «Государственный музей-памятник "Исаакиевский собор"».

Указанные действия были совершены Д. ввиду наличия бредовой идеи о том, что в соборе и его подвальном помещении убивают детей, и он должен их спасти [13].

При этом независимо от мотива фигурант должен осознавать то обстоятельство, что повреждаемый или уничтожаемый им памятник, культурная ценность и иной объект, перечисленные в диспозиции ст. 243 УК РФ, относится к культурному наследию народов Российской Федерации, то есть имеет особый правовой режим охраны и использования.

Предлагаемая общая и для уничтожения, и для повреждения объектов культурного наследия типичная модель механизма преступления содержит, по мнению А. М. Кустова, подготовительный, основной

и заключительный этапы [5, с. 305]. Раскроем их содержание применительно к анализируемому составу преступления, предусмотренному ст. 243 УК РФ.

1. Подготовительный этап. У лица в силу определенных побуждений, заинтересованности (корыстной либо иной из рассмотренных выше) первоначально возникает умысел на уничтожение или повреждение объекта культурного наследия. Подготовка к его совершению проявляется в определении времени совершения преступления, поиске сообщников, помощников (которые, к слову, могут быть не осведомлены о том, что, выполняя определенные работы, совершают противоправное деяние), технических средств, транспорта.

Проводимые действия, заключающиеся в договоренностях с другими людьми, оформлении различных документов (договоров подрядных работ, аренды спецтехники, транспорта), приготовлении инструментов, горючих жидкостей и т. п., дают определенный объем криминалистически значимой информации, которая впоследствии может быть установлена и трансформирована в доказательства по уголовному делу различными способами – путем допросов, осмотров, обысков и выемок и пр.

2. Последующий (основной) этап. Фигурант реализует свой преступный замысел по уничтожению либо повреждению объекта культурного наследия. Его поведение заключается в активных действиях, направленных на достижение желаемого результата.

3. Заключительный этап. Злоумышленник принимает действия по сокрытию следов противоправной деятельности, а именно:

- 1) маскирует свои действия под законные;
- 2) изменяет или уничтожает следы, документы и другие источники криминалистически значимой информации;
- 3) утаивает от окружающих, а также контролирующих государственных органов факты уничтожения или повреждения объекта культурного наследия путем быстрой застройки «освобожденного» от памятника земельного участка, введения в эксплуатацию «модернизированного» противоправным образом объекта недвижимости и т. п.
- 4) оказывает психологическое воздействие на свидетелей и др.

Примером реализации модели названного механизма может являться уголовное дело в отношении Сосновского Д. А., рассмотренное Великоустюгским районным судом Вологодской области.

Так, 2 марта 2009 г. директор ООО «...» Сосновский Д. А. заключил с собственником памятника градостроительства и архитектуры общероссийского значения «Усадьба Брагиных, кон. XVIII - XIX вв.» договор возмездного оказания услуг – проведение строительно-монтажных работ по реконструкции указанного объекта. Сосновскому изначально было известно о том, что здание является памятником градостроительства и архитектуры общероссийского значения и подлежит обязательному сохранению.

Не имея соответствующего разрешения от органов охраны культурного наследия на проведение каких-либо строительных или реставрационных работ, фигурант заключил договоры подряда с рядом строительных организаций на производство строительно-монтажных работ на объекте, не поставив их руководителей в известность о специальном правовом статусе здания.

В ходе выполнения незаконных работ (возведение пристройки, перепланировка помещений, закладка части окон и др.) был искажен внешний и внутренний облик здания, частично уничтожены и повреждены его элементы, нарушено композиционное построение объемов, искажена историческая подлинность объекта культурного наследия.

В отношении Сосновского Д. А. было возбуждено уголовное дело по факту повреждения объекта культурного наследия общероссийского уровня по ч. 2 ст. 243 УК РФ. Пытаясь избежать ответственности, обвиняемый привлек в качестве специалиста Т.А. – главного специалиста института реставрации, руководителя архитектурно-реставрационной бригады, который дал заключение о том, что проведенные работы были выполнены правомерно и не повредили облик здания, приспособив его таким образом для современной жизни. Однако суд отнесся к заключению и показаниям критически, опровергнув их иными материалами дела. В результате в отношении Сосновского Д. А. был вынесен обвинительный приговор [14].

С учетом совокупности действий преступника механизмы совершения преступлений, предусмотренных ст. 243 УК РФ, можно разделить на простые и сложные. В первом случае факт уничтожения или повреждения памятников истории и культуры не маскируется, то есть отсутствуют элементы интеллектуальности либо технологичности.

Например, Савельев А. М., достоверно зная о расположении и границах находящегося на территории земельного участка с кадастровым номером <номер скрыт>, общей площадью 61 135 кв. м., объекта археологического наследия «Селище (Клещино) X- XII вв.», осознавая противоправный характер и общественную опасность своих действий, выразившуюся в повреждении указанного объекта, безразлично относясь к наступлению общественно опасных последствий в виде невозможности утраты предметов, имеющих историческую и культурную ценность, с целью улучшения коммерческой привлекательности земельных участков, предназначенных для продажи и последующей жилой застройки, провел с использованием автогрейдера в период с сентября 2013 года по май 2014 года работы по строительству дороги, в ходе которых были повреждены устоявшийся растительный покров (дёрн) и культурный слой на территории указанного объекта на глубину от 0,25 до 0,90 см на общей площади 2732,11 кв.м. В связи с чем затраты на проведение спасательных археологических работ в денежном выражении составили 23 494 266,71 руб. [15].

Сложные механизмы имеют место в случае, если преступление скрывается путем быстрой маскировки совершенных действий способами, перечисленными выше, когда необходимы определенные технологические и интеллектуальные усилия преступника, чтобы утаить факт совершенного деяния, что иллюстрирует пример уголовного дела в отношении Сосновского Д. А.

Завершая рассмотрение вопроса о моделировании механизма преступления рассматриваемого вида, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, моделирование в деятельности по раскрытию и расследованию уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации позволяет лучше познать механизм совершенного преступления, спрогнозировать тем самым вопросы, требующие выяснения, а также следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия, подлежащие проведению;

- во-вторых, знание механизма совершенного преступления, как справедливо отмечает А. М. Кустов, «обеспечивает выдвижение общих и частных версий, планирование расследования, а также целенаправленный поиск материальных последствий преступления, установление преступника, способствует правильной квалификации преступного деяния, исследованию всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями закона» [5, с. 303];

- в-третьих, типизация модели механизма уничтожения или повреждения объектов культурного наследия позволит унифицировать расследование, сократить время на планирование и проведение необходимых следственных действий и оперативных мероприятий, направленных на раскрытие преступления в кратчайшие сроки.

Таким образом, очевидно, что дополнение предлагаемыми теоретическими положениями имеющейся базы криминалистического обеспечения расследования преступлений рассматриваемого вида позволит повысить эффективность профессиональной подготовки следователей, сотрудников органа дознания, осуществляющих борьбу с преступлениями в отношении культурного наследия народов России, что, в свою очередь, будет способствовать его сохранению для потомков.

Список источников

1. Лозовский Д. Н. Использование метода криминалистического моделирования в процессе расследования преступлений. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-kriminalisticheskogo-modelirovaniya-v-protssesse-rassledovaniya-prestupleniy>
2. Ахмедшин, Р. Л. Моделирование в криминалистической деятельности: монография. Красноярск: АНО ВО «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2020. 281 с.

3. Берзинь О. А. Криминалистические подходы к моделированию преступной деятельности. URL: hse.ru/data/2012/06/24/1256167823/Право%202011-4-14.pdf

4. Густов Г. А. Моделирование в работе следователя. Ленинград, 1980. 188 с.

5. Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1997.

6. Журавлев С. Ю. Методологические основы совершенствования методики расследования преступлений в сфере экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2022.

7. Кучин О. С. Криминалистическая теория и практика выявления и расследования незаконного оборота ценностей: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2011.

8. Васяев Д. В. О видах мотивов и целей преступления (на примере мотивов и целей убийств) // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vidah-motivov-i-tseley-prestupleniya-na-primere-motivov-i-tseley-ubiystv>

9. Янин С. А., Янина Т. Н., Горелов М. Г. Организация расследования уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: ВА МВД России, 2021. 108 с.

10. Уголовное дело № 1–58/2018. Архив Галичского районного суда Костромской области. 2018.

11. В Севастополе местные жители разрисовали Таврическую лестницу. URL: <https://forpostsevastopol.ru/accident/v-sevastopole-mestnye-zhiteli-razrisovali-tavricheskuju-lestnicu-foto/>

12. Газета Коммерсант. № 58 (4113) от 2 апреля 2009 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1147975>

13. Уголовное дело № 11701400001702234. Архив СУ УМВД России по Адмиралтейскому району г. Санкт-Петербурга. 2018.

14. Уголовное дело № 1-103/2011. Архив Великоустюгского районного суда Вологодской области. 2011. URL: sudakt.ru

15. Уголовное дело № 1-1/2019. Архив Переславль-Залесского районного суда Ярославской области. 2019.

References

1. Lozovsky D. N. Using the method of forensic modeling in the process of investigating crimes. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-kriminalisticheskogo-modelirovaniya-v-protssesse-rassledovaniya-prestupleniy>

2. Akhmedshin, R. L. Modeling in criminalistic activity: monograph. Krasnoyarsk: ANO VO «Siberian Institute of Business, Management and Psychology», 2020. 281 p.

3. Berzin O. A. Forensic approach to modeling criminal activity. URL: hse.ru/data/2012/06/24/1256167823/Pravo%202011-4-14.pdf

4. Gustov G. A. Modeling in the work of the investigator. Leningrad, 1980. 188 p.

5. Kustov A. M. Forensic doctrine about the mechanism of crime: dis. ... dr. legal sciences. Moscow, 1997.

6. Zhuravlev S. Yu. Methodological bases for improving the methodology for investigating crimes in the economic sphere: dis. ... dr. legal sciences. Nizhny Novgorod, 2022.

7. Kuchin O. S. Forensic theory and practice of identifying and investigating illicit trafficking in valuables: dis. ... dr. legal sciences. Moscow, 2011.

8. Vasyaev D. V. On the types of motives and goals of crime (on the example of motives and goals of murders) // Bulletin of the Volga University. V. N. Tatishchev. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vidah-motivov-i-tseley-prestupleniya-na-primere-motivov-i-tseley-ubiystv>

9. Yanin S. A., Yanina T. N., Gorelov M. G. Organization of the investigation of the destruction or damage of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation: a study guide. 2nd ed., revised and additional. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 108 p.

10. Criminal case No. 1–58/2018. Archive of the Galichsky District Court of the Kostroma Region. 2018.

11. In Sevastopol, local residents painted the Tauride Stairs. URL: <https://forpostsevastopol.ru/accident/v-sevastopole-mestnye-zhiteli-razrisovali-tavricheskuju-lestnicu-foto/>

12. Newspaper Kommersant. No. 58 (4113) dated April 2, 2009. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1147975>

13. Criminal case No. 11701400001702234. Archive of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Admiralteisky district of St. Petersburg. 2018.

14. Criminal case No. 1-103/2011. Archive of the Veliky Ustyug district court of the Vologda region. 2011. URL: sudakt.ru

15. Criminal case No. 1-1/2019. Archive of the Pereslavl-Zalesky District Court of the Yaroslavl Region. 2019.

Информация об авторе

Янин Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Yanin Sergey A. – Candidate of Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 30.06.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 30.06.2023; accepted for publication 22.09.2023

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 342.7

Отдельные аспекты правового регулирования персональных данных в Российской Федерации

Кожевников Олег Александрович¹, Крысанов Антон Вячеславович²

^{1,2} Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия;
Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ jktu1976@yandex.ru

² amK1984@e1.ru

Аннотация. В настоящей статье авторы с учетом сложившейся законодательной и подзаконной регламентации дают свою оценку качеству правового упорядочивания стремительно возрастающих количественно и изменяющихся по своему содержанию отношений в информационной сфере, и сфере оборота персональных данных в частности. Исследование сопровождается анализом мнения ученых и специалистов-практиков по вопросам, связанным с юридическим обеспечением режима охраны личных данных, а также приводятся отдельные примеры судебной практики по делам, связанным с их защитой. На основании проведенной работы авторами делается вывод о том, что складывающаяся в области законодательного регулирования категории «персональные данные», режима охраны и обращения с данной информацией ситуация позволяет говорить о присутствии правовой неопределенности нормативных предписаний не только федерального законодателя, но и иных уполномоченных на нормотворчество органов. Целый ряд правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации может свидетельствовать даже об их «сомнительной» конституционности. В связи с чем предлагается провести качественный пересмотр нормативного регулирования института персональных данных, который в равной степени с иными смежными правами (сведениям о частной жизни, свободой слова и информации и др.) должен быть конституционно защищен, что в полной мере невозможно с учетом сложившейся неопределенности как в законодательном регулировании, так и правоприменительной практике.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, информационные правоотношения, персональные данные, правовая неопределенность

Для цитирования: Кожевников О. А., Крысанов А. В. Отдельные аспекты правового регулирования персональных данных в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 121–126.

Original article

Certain aspects of the legal regulation of personal data in the Russian Federation

Kozhevnikov Oleg A.¹, Krysanov Anton V.²

^{1,2} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev Yekaterinburg, Russia; Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹ jktu1976@yandex.ru

² amK1984@e1.ru

Abstract. In this article, the authors, taking into account the existing legislative and by-law regulations, give their

© Кожевников О.А., Крысанов А.В., 2023

assessment of the quality of legal regulation of rapidly increasing quantitatively and changing in content relations in the information sphere and the sphere of personal data circulation in particular. The study is accompanied by an analysis of the opinions of scientists and practitioners on issues related to the legal support of the regime for the protection of personal data, and also provides individual examples of judicial practice in cases related to their protection. Based on the work carried out, the authors conclude that the situation emerging in the field of legislative regulation of the category of «personal data», the regime of protection and handling of this information allows us to speak about the presence of legal uncertainty of regulatory requirements not only by the federal legislator, but also by other authorities authorized to set rules. A number of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation may even indicate their “dubious” constitutionality. In this connection, it is proposed to carry out a qualitative review of the regulatory framework of the institution of personal data, which, equally with other related rights (information about private life, freedom of speech and information, etc.) must be constitutionally protected, which is completely impossible given the current uncertainty both in legislative regulation and law enforcement practice.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, information legal relations, personal data, legal uncertainty

For citation: Kozhevnikov O. A., Krysanov A. V. Certain aspects of the legal regulation of personal data in the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 121–126.

Информация в современном российском обществе с каждым днем все чаще становится объектом правовых притязаний человека и гражданина и все более вовлекается в правовой оборот вне зависимости от отраслевой принадлежности. Государство в лице его органов практически постоянно вынуждено вырабатывать и принимать адекватные меры правового регулирования правоотношений в информационной сфере, в том числе в сфере защиты персональных данных.

Конституция Российской Федерации не только провозгласила демократический и правовой характер нашего государства, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью, но и обязала государство осуществлять деятельность по их признанию, обеспечению и защите. В этой связи представляется важным, что именно конституционное право в совокупности с иными отраслями и институтами российской правовой системы призвано своевременно находить правильные ответы на вызовы времени, предлагать надлежащие правовые средства, способные эффективно регулировать во многом принципиально новые публичные и частные информационные отношения, качественно охранять и защищать права и свободы личности. Присутствующие в настоящее время в Российской Федерации беспрецедентные масштабы утечки персональных данных (за 2022 год в России количество утечек записей персональных данных и платежной информации выросло в 2,67 раза по сравнению с предыдущим годом и составило более 667 млн. единиц) [1] обуславливают особую актуальность поиска доктринального и законодательного разрешения стоящих перед нашим обществом проблем в области безопасности информации и, прежде всего, личной информации, а также реализации государственно-правовых мероприятий по обеспечению прав граждан в обозначенной сфере жизнедеятельности.

Как отмечал неоднократно в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации «вопросы обеспечения безопасности личности при применении информационных технологий, обороте цифровых данных относятся к предметам ведения Российской Федерации, по которым принимаются федеральные конституционные и федеральные законы» [2]. А фундаментальные права и свободы граждан в области информации, «будучи общепризнанными в правовых государствах, защищают одинаково значимые интересы частного лица в сохранении приватности, с одной стороны, и, с другой – интересы широкой общественности в доступе к информации, а потому не находятся в состоянии главенства и подчинения и не обладают безусловным приоритетом друг перед другом» [3, 4]. В этой связи особую роль приобретает качество федерального законодательства в рассматриваемой сфере оборота информации и, в частности, в области персональных данных, которое до настоящего времени не сформировано в полном объеме, что, несомненно, вызывает дискуссии и споры.

В Российской Федерации правовая категория «персональные данные» определяется федеральным законодательством как любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [5]. Этот подход не является уникальным, поскольку фактически идентичное определение содержится в Конвенции Совета Европы, требующей от государств, присоединившихся к ней, обеспечить на уровне национального законодательства реализацию основополагающих принципов защиты данных [6]. Таким образом, российский законодатель выполнил данное требование, приняв соответствующий федеральный закон, более того, он скопировал конвенционное определение персональных данных. Именно такой подход к определению персональных данных соотносится и с толкованием Европейской

конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая действовала на территории России до 2022 года, а также практикой Европейского суда по правам человека, выраженной, например, в его постановлениях от 24 июня 2004 г. по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии» и от 17 октября 2019 г. по делу «Лопес Рибальда (Lopez Ribalda) и другие против Испании».

Вместе с тем, в научных дискуссиях отдельные исследователи отмечают, что коренная проблематика базового закона о персональных данных связана с тем, что он начал действовать как достаточно рамочный документ, создание которого было продиктовано мотивом, весьма далеким от желания обеспечить четкое регулирование сферы защиты персональных данных. Некоторые специалисты указывают на то, что истинные мотивы принятия закона о персональных данных связаны с формальным выполнением требований для вступления России в ВТО В связи с чем его положения выглядят непрактичными, ведь на момент их создания отсутствовала должная степень зрелости в описываемой сфере [7]. Возникновению различных казусов в правоприменительной практике способствуют и систематические изменения, дополнения текста закона о персональных данных, которых к настоящему времени набралось уже 29. Каждый раз отечественный законодатель обосновывает их необходимостью очередной адаптации законодательных положений к практическому применению, к сложившейся судебной и правоприменительной практике.

Одним из часто обсуждаемых в научной юридической литературе дефектов вышеназванного закона является отсутствие в его тексте исчерпывающего перечня сведений, относящихся к персональным данным. Так, профессор М. Б. Добробаба справедливо указывает на то, что в «российском законодательстве отсутствует нормативно закрепленный исчерпывающий перечень сведений, которые являются персональными данными, хотя ранее, в редакции от 4 июня 2011 г. закон содержал в себе ориентиры перечня персональных данных, в который входили: фамилия, имя, отчество субъекта персональных данных, год, месяц, дата и место его рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, а также другая информация» [8, с. 45]. Отсутствие закрытого списка предоставляет возможность представителям кадровых служб и иным заинтересованным лицам достаточно широко определять их содержание и не контролируют необходимость их предоставления соответствующими субъектами, что подтверждается и отдельными примерами судебной практики. Например, если совокупность данных необходима и достаточна для идентификации лица, то такие данные следует считать персональными данными, даже если они не включают в себя номера и серии документов, удостоверяющих личность. В частности, к числу идентификаторов, которые сами по себе однозначно определяют физическое лицо, могут быть отнесены банковские счета, номера банковских карт и т. д. [9].

Отсутствие единого подхода к объему сведений, составляющих персональные данные, привело к широчайшему усмотрению в виде различного рода подзаконных актов органов власти, регламентирующих не только этот вопрос, но и порядок обращения и защиты персональных данных. Так, исходя из содержания ведомственного акта Роскомнадзора установлены правила оформления согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом для распространения, перечень которых включает в себя фамилию, имя, отчество (при наличии), год, месяц, дату рождения, место рождения, адрес, семейное положение, образование, профессию, социальное положение, доходы и др. [10]. А в приказе Минэкономразвития России определен круг данных (36 позиций), обрабатываемых в данном федеральном органе исполнительной власти в связи с реализацией служебных или трудовых отношений, включая иные сведения, которые субъект пожелал сообщить о себе [11].

Таким образом, отсутствие в законодательном акте исчерпывающего перечня информации, относящейся к личным данным, фактически компенсируется подзаконным нормативным правовым регулированием, давая при этом возможности дискреционного усмотрения для правоприменителя, что подтверждается и многочисленной судебной практикой [12, 13].

Другим проблемным вопросом законодательного регулирования и правоприменительной практики является взаимосвязь определения перечня и содержания сведений, относящихся к персональным данным, а также обработки персональных данных и учета требования законодателя об их конфиденциальности [5]. Здесь в разноуровневых нормативных правовых актах наблюдается несогласованность отдельных правовых предписаний, касающихся содержания персональных данных. Так, в законе они трактуются как любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). При этом в подзаконных актах, устанавливающих перечень сведений конфиденциального характера [14]. В связи с чем можно констатировать, что к персональным данным отнесены сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. Таким образом, налицо необоснованное включение в число персональных данных, на которые распространяется режим конфиденциальности тех сведений, которые соотносятся с частной жизнью, а не с конкретным физическим лицом.

Еще одной проблемой законодательного регулирования института персональных данных является настойчивое желание на федеральном уровне расширить перечень видов персональных данных. Так, в закон были внесены изменения, в результате которых появилась категория персональных данных, разрешенных субъектом для распространения, а также в российской правовой системе появилась категория биометрических данных, их, несмотря на наличие

законе отдельной статьи, отнесли к категории специальных.

Наличие правовой определенности является важнейшим критерием оценки конституционности любой нормы российского законодательства. Об этом неоднократно в своих решениях указывал Конституционный суд Российской Федерации РФ (Постановления от 20 декабря 2011 г. № 29-П, от 2 июня 2015 г. № 12-П, от 19 июля 2017 г. № 22-П и др.). Также наличие неопределенности содержания правовой нормы, не будучи в состоянии обеспечить ее единообразное понимание, а значит и применение, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, что может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона [16].

Представляется, что складывающаяся с характером законодательного правового регулирования категории «персональные данные», режима охраны и обращения с данной информацией ситуация позволяет говорить об отсутствии учета вышеназванных позиций не только федеральным законодателем, но и иными уполномоченными на нормотворчество органами. В этой связи нельзя не вспомнить позицию Конституционного Суда Российской Федерации о том, что «появление в печатных средствах массовой информации, и особенно в сети Интернет, публикаций, в которых гражданин идентифицируется посредством указания его персональных данных, высказываются, в том числе негативные, суждения о нем, о его деятельности является неизбежной издержкой свободы информации в демократическом обществе» [2]. Однако подобные негативные моменты должны быть уравновешены гарантиями защиты достоинства, чести, доброго имени и деловой репутации, а также запретом дискриминации и унижающего обращения по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии и убеждений, принадлежности к общественным объединениям или состояния здоровья (ст. 19 и 23 Конституции Российской Федерации). Названные гарантии можно достичь только путем качественного и непротиворечивого законодательного и подзаконного нормотворчества, что, как было отмечено ранее в настоящем исследовании, не наблюдается. В этой связи полагаем, что назрела настоятельная необходимость качественного пересмотра нормативного регулирования института персональных данных. Они в равной степени с иными смежными правами – сведениям о его частной жизни, свободой слова и информации и др., должны быть конституционно защищены, что невозможно в ситуации сложившейся неопределенности как в законодательном регулировании, так и правоприменительной практике.

Список источников

1. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/04/2023/643936229a7947134f0ce21c (дата обращения: 25.08.2023).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона "О персональных данных" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "МедРейтинг"». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision535809.pdf> (дата обращения: 30.08.2023).
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 г. № 274-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав п. 1 ст. 1522 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision389037.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 г. № 275-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 1521 и п. 1 ст. 1522 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision389038.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 25.08.2023).
6. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 г.). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.08.2023).
7. Проблемы и коллизии правового регулирования защиты персональных данных. URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/zashhita-personalnyh-dannyh/problemy-realizatsii-zakona-o-zashchite-personalnykh-dannykh/> (дата обращения: 02.09.2023).
8. Добробаба М. Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 42–52.
9. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 4 июля 2017 г. по делу № 33–6394/2017.
10. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 24 февраля 2021 г. № 18 «Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 29.08.2023).
11. Приказ Минэкономразвития России от 21 октября 2019 г. № 685 «Об утверждении Перечня персональных данных, обрабатываемых в Министерстве экономического развития Российской Федерации в связи с реализацией служебных или трудовых отношений, Типовой формы согласия на обработку персональных данных федеральных государственных гражданских служащих Министерства экономического развития Российской Федерации и иных субъектов персональных данных, а также Типовой

формы разъяснения субъекту персональных данных юридических последствий отказа предоставить свои персональные данные». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rossii-ot-21102019-n-685-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 01.09.2023).

12. Приказ Минэкономразвития России от 21 октября 2019 г. № 685 «Об утверждении Перечня персональных данных, обрабатываемых в Министерстве экономического развития Российской Федерации в связи с реализацией служебных или трудовых отношений, Типовой формы согласия на обработку персональных данных федеральных государственных гражданских служащих Министерства экономического развития Российской Федерации и иных субъектов персональных данных, а также Типовой формы разъяснения субъекту персональных данных юридических последствий отказа предоставить свои персональные данные». URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rossii-ot-21102019-n-685-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 01.09.2023).

13. Что относится к персональным данным? Являются ли государственный регистрационный знак и адрес владельца персональными данными? URL: https://www.garant.ru/consult/civil_law/1622422/ (дата обращения: 02.09.2023).

14. Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 25.08.2023).

15. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 29-П, от 2 июня 2015 г. № 12-П, от 19 июля 2017 г. № 22-П и др.

16. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 6 апреля 2004 г. № 7-П, от 20 декабря 2011 г. № 29-П, от 14 января 2016 г. № 1-П.

17. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 6 апреля 2004 г. № 7-П, от 20 декабря 2011 г. № 29-П, от 14 января 2016 г. № 1-П.

References

1. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/04/2023/643936229a7947134f0ce21c (access date: 08/25/2023).

2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 25, 2021 No. 22-P "In the case of verifying the constitutionality of clause 8, part 1, art. 6 of the Federal Law «On Personal Data» in connection with the complaint of the limited liability company «MedRating». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision535809.pdf> (access date: 08/30/2023).

3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 12, 2019 No. 274-O "On the refusal to accept for consideration the complaints of Sergei Vitalievich Bezrukov about the violation of his constitutional rights, paragraph 1 of Art. 1522 of the Civil Code of the Russian Federation." URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision389037.pdf> (access date: 09/01/2023).

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 12, 2019 No. 275-O "On the refusal to accept for consideration the complaints of Anna Olegovna Bezrukova regarding the violation of her constitutional rights, paragraph 1 of Art. 1521 and paragraph 1 of Art. 1522 of the Civil Code of the Russian Federation." URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision389038.pdf> (access date: 09/01/2023).

5. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data". URL: <https://www.garant.ru> (date of access: 08.25.2023).

6. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (concluded in Strasbourg on January 28, 1981). URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 08.25.2023).

7. Problems and conflicts of legal regulation of personal data protection. URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/zashhita-personalnyh-dannyh/problemy-realizatsii-zakona-o-zashchite-personalnykh-dannykh/> (date of access: 09/02/2023).

8. Dobrobaba M. B. The concept of personal data: the problem of legal certainty // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL). 2023. No. 2. pp. 42–52.

9. Appeal ruling of the Novosibirsk Regional Court dated July 4, 2017 in case No. 33–6394/2017.

10. Order of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications dated February 24, 2021 No. 18 "On approval of requirements for the content of consent to the processing of personal data authorized by the subject of personal data for distribution." URL: <https://www.garant.ru> (date of access: 08.29.2023).

11. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated October 21, 2019 No. 685 "On approval of the List of personal data processed by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation in connection with the implementation of official or labor relations, the Standard consent form for the processing of personal data of federal civil servants of the Ministry of Economic Development Russian Federation and other subjects of personal data, as well as the Standard Form for explaining to the subject of personal data the legal consequences of refusal to provide their personal data." URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rossii-ot-21102019-n-685-ob-utverzhenii/> (access date: 09/01/2023).

12. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated October 21, 2019 No. 685 "On approval of the List of personal data processed by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation in connection with the implementation of official or labor relations, the Standard consent form for the processing of personal data of federal civil servants of the Ministry of Economic Development Russian Federation and other subjects of personal data, as well as the Standard Form for explaining to the subject of personal data the legal consequences of refusal to provide their personal data." URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rossii-ot-21102019-n-685-ob-utverzhenii/> (access date: 09/01/2023).

13. What is personal data? Are the state registration plate and address of the owner personal data? URL: https://www.garant.ru/consult/civil_law/1622422/ (access date: 09/02/2023).

14. Decree of the President of the Russian Federation of March 6, 1997 No. 188 "On approval of the list of confidential information." URL: <https://www.garant.ru> (date of access: 08/25/2023).

15. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 2011 No. 29-P, of June 2, 2015 No. 12-P, of July 19, 2017 No. 22-P, etc.

16. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 25, 1995 No. 3-P, dated April 6, 2004 No. 7-P, dated December 20, 2011 No. 29-P, dated January 14, 2016 No. 1-P.

17. Resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 25, 1995 No. 3-P, dated April 6, 2004 No. 7-P, dated December 20, 2011 No. 29-P, dated January 14, 2016 No. 1-P.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Информация об авторах

Олег Александрович Кожевников – доктор юридических наук, профессор

Антон Вячеславович Крысанов – кандидат юридических наук

Information about the authors

Kozhevnikov Oleg A. – Doctor of Law, Professor

Krysanov Anton V. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 22.09.2023

Использование искусственного интеллекта при оказании бесплатной юридической помощи гражданам: *Cujus commodum, ejus periculum*

Мещерягина Вероника Александровна

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,

metsheryagina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9507-9417>

Аннотация. Научная статья посвящена рассмотрению конституционного права на предоставление бесплатной юридической помощи в условиях стремительной цифровизации общества и, как следствие, внедрению в процесс правового консультирования граждан технологий искусственного интеллекта. Автором не только рассматриваются правовые проблемы использования соответствующих технологий, но и раскрываются три возможных варианта их реализации в деятельности юристов. Сформулирован вывод о необходимости законодательного регулирования признаков искусственного интеллекта и установления пределов его использования в процессе юридического консультирования граждан.

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, консультирование, искусственный интеллект, цифровизация конституционных прав, интернет-бот

Для цитирования: Мещерягина В. А. Использование искусственного интеллекта при оказании бесплатной юридической помощи гражданам: *Cujus commodum, ejus periculum* // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 127–130.

Original article

The use of artificial intelligence in the provision of free legal aid: *Cujus commodum, ejus periculum*

Meshcheryagina Veronika A.

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, metsheryagina@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9507-9417>

Abstract. The scientific article is devoted to the consideration of the constitutional right to provide free legal assistance in the context of the rapid digitalization of society and, as a result, the introduction of artificial intelligence technologies into the process of legal consultation of citizens. The author examines not only the legal problems of using relevant technologies, but also reveals three possible options for their implementation in the activities of lawyers. The conclusion is formulated about the need for legislative regulation of the characteristics of artificial intelligence and establishing limits for its use in the process of legal consultation of citizens.

Keywords: free legal aid, consulting, artificial intelligence, digitalization of constitutional rights, internet bot

For citation: Meshcheryagina V. A. The use of artificial intelligence in the provision of free legal aid: *Cujus commodum, ejus periculum* // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 127–130.

Несмотря на существенные преобразования текста Конституции РФ, произошедшие в 2020 году, содержание нормы о предоставлении бесплатной юридической помощи гражданам (ст. 48) не изменилось [1]. В ней система оказания бесплатной юридической помощи делится на пенитенциарную, то есть связанную с защитой человека в рамках задержания, заключения под стражу, предъявления обвинения,

и возможную в любых иных установленных законом случаях.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи» система оказания бесплатной юридической помощи (в разрез со смыслом конституционной нормы) подразделяется на две системы, исходя не из предмета правового

регулирования, а из субъектов, на государственную и негосударственную [2]. Подобное деление не позволяет понять пределы оказания рассматриваемого вида помощи и сформулировать ее определение (в условиях отсутствия легального), что приводит еще к одной существенной проблеме – установление правосубъектности «посредников» предоставления бесплатной юридической помощи.

Так, в указанном федеральном законе говорится о том, что бесплатная юридическая помощь предоставляется в форме консультирования, однако никаких разъяснений о содержании этой правовой категории, ее видах, типах, стадиях не дается. Законодатель ориентирует лишь на его форму: письменную и устную.

Анализ законодательства в целом [3] показывает, что содержание категории «консультирование» раскрывается лишь в подзаконном акте Министерства обороны РФ, где под юридической консультацией предлагается понимать «совет специалиста в области юриспруденции, получение информации и справок юридического характера» [4].

Пробелы определения ключевого понятия в конструкции бесплатной юридической помощи приводит к существенным рискам для граждан, особенно в условиях стремительной цифровизации сферы юридического консультирования.

На сегодняшний день возможности искусственного интеллекта в сфере правового консультирования представляются колоссальными, поскольку уже существуют программы, способные к самообучению и самостоятельному пополнению базы ответов на распространенные юридические вопросы граждан. Например, платформа «Цифровой юрист» – это текстовый и голосовой бот, который разрабатывается при финансовой поддержке Министерства юстиции РФ и в перспективе будет предоставлять юридические консультации на основе интеграции с правовыми базами, помогать найти нужные нормативно-правовые акты, составлять бланки юридических документов [5].

Примером продуктивного внедрения чат-ботов является электронный сервис «Правовед.ru», связывающий профессиональных юристов с клиентами в режиме on-line. На данном портале даются только первичные консультации и только по одной отрасли – защите прав потребителей. Однако бот обучаем, что на сегодняшний день позволяет ему осваивать начальные консультации по иным отраслям права. Если обратиться к оценке качества его деятельности среди заявителей, то порядка 75 % относятся к интернет-боту негативно и предпочитают получить консультацию у опытного юриста-практика. Однако 44 % опрошенных оценили качество такой услуги выше, чем у многих начинающих юристов. Существенные показатели демонстрирует внедрение интернет-ботов с позиции экономического эффекта: робот обрабатывает более 5000 консультаций в месяц или более 60 000 в год. Практикующему юристу для такого объема работы потребуется 8 лет и 2 месяца, если тратить на разбор одного дела 15 минут (что на практике реализовать весьма затруднительно) [6].

Данная технология открывает широкие возможности для оптимизации деятельности юриста при консультировании. Внедрить ее в работу как органа власти, так и участника негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи можно тремя способами:

1. Бот, функционирующий на основе жестко заданной схемы «вопрос-ответ», имея данные, например, в форме таблицы, где одному или нескольким вопросам соответствует один или несколько ответов, проводит их сопоставление. В данном случае искусственный интеллект может использоваться для определения сути вопроса (семантического значения фразы или предложения), его модификации в определенном диапазоне (одна из самых сложных частей с точки зрения разработки) для совпадения с одним из имеющихся ответов. При отсутствии подходящего ответа или по запросу пользователя управление передается оператору-человеку. Основная работа в этом случае ложится на составителей схемы. При этом требуется постоянный мониторинг и усовершенствование схемы с учетом обратной связи от пользователей.

2. Бот, функционирующий на основе искусственного интеллекта, обрабатывает первичную информацию о пользователе, которая может включать в себя персональные данные лица, обратившегося за консультацией, и ответы на заранее подготовленный список уточняющих вопросов, и передает управление оператору-человеку. После обработки первичная информация передается оператору в установленной форме, позволяющей максимально быстро определить суть и особенности ситуации, с прикреплением материалов (образцов документов и т. п.), которые могут потребоваться для решения вопроса. Основная работа заключается в составлении перечня данных, необходимых консультанту-человеку для оперативного и корректного решения проблемы. Если список уточняющих вопросов является жестким, то данный вариант идентичен предыдущему. Если система имеет некоторую свободу в отношении задаваемых вопросов, то основная сложность будет заключаться в обучении модели искусственного интеллекта, которое должно проводиться на достаточно большом массиве предварительно обработанных и промаркированных данных в форме «вопрос-ответ». Предварительная обработка предполагает исключение оставшихся без ответа запросов, при этом маркировка данных предполагает, что подборка содержит примеры как правильных, так и неправильных ответов на одни и те же вопросы.

3. Бот на основе искусственного интеллекта действует автономно во всех вопросах и передает управление оператору-человеку только по запросу пользователя или в случае необходимости принятия важного решения (критерии важности вопроса, необходимые и достаточные для передачи управления человеку – отдельная группа вопросов). В данном случае основная сложность заключается в обучении модели искусственного интеллекта. Учитывая, что нормы права в совокупности часто носят противоре-

чивый характер, данные для обучения должны включать в себя не только правовые акты всех уровней, но также судебную практику и комментарии. При этом обучающая информация требует предварительной обработки (например, обезличенные судебные акты не должны быть слишком абстрактными, например, в части размера причиненного ущерба и пр.) и маркировки (не только в части правильная или неправильная, но также с точки зрения юридической силы акта, определяющей вес решения). Модель должна постоянно тестироваться на предмет принятия некорректных решений и проходить дополнительное обучение с учетом обратной связи пользователей, принятия новых нормативных правовых актов, вынесения новых судебных решений и т. д.

Как нетрудно заметить, искусственный интеллект в любом из представленных случаев работает по математическим алгоритмам. В настоящее время отсутствие у роботов способности творческого мышления дает преимущество юристам-практикам. Возможно, именно по этой причине до сих пор не реализован амбициозный проект Министерства юстиции РФ по созданию интернет-бота, способного консультировать граждан, предлагая различные варианты решения возникшей проблемы.

Помимо внушительного объема обращений, который может в кратчайший срок обрабатывать робот, его неоспоримым преимуществом является круглосуточная доступность для заявителей путем внедрения программного продукта на смартфоны.

Стоит отметить, что самого по себе понятия «искусственный интеллект» в системе российского права долгое время не существовало. Он даже не упоминается в Гражданском кодексе РФ, в том числе и в ст. 128 в качестве объекта гражданских прав [7].

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [8].

Сложность состоит в том, что определив признаки искусственного интеллекта в сфере российского законодательства, но не определив его правовое положение, трудно понять, кто будет являться автором ответов, созданных интернет-ботом, на юридические вопросы граждан. Ими могут быть признаны как разработчики искусственного интеллекта, так и пользователи его технологий – органы и организации, оказывающие бесплатную юридическую помощь. При этом справедливость подобного исхода кажется сомнительной, учитывая, что роботом посредством собственных алгоритмов, без чьего-либо воздействия со стороны, можно создавать макеты консультаций

самостоятельно. В связи с этим вопрос авторского права на произведения (консультации), созданные с помощью технологий искусственного интеллекта, представляется неоднозначным.

Законодатель не дает четких ориентиров по вопросу ответственности в случаях, если неграмотная консультация повлекла имущественный или моральный вред обратившемуся гражданину. Думается, что некорректная работа системы, сбои – это зона ответственности конкретного человека или компании-разработчика совместно с организациями или индивидуальными предпринимателями, приобретающими софт. Но невозможно точно определить, кто ответственен за вред, причиненный искусственным интеллектом «самостоятельно», насколько полноценно человек способен контролировать ту машину, которая умеет самообучаться на основе полученного опыта, выходя за рамки заложенной программы. Этот вопрос с каждым днем становится всё актуальнее, что связано с развитием общественных отношений в области взаимодействия с искусственным интеллектом, поскольку риски причинения такого вреда лишь возрастают.

Выходом из сложившейся ситуации видится внедрение в правовое пространство при юридическом консультировании категории «посредника», регламентация его правового статуса, обязательное закрепление за ним куратора-юриста для решения проблем в случаях наступления правовых последствий за некачественное консультирование и очерчивание допустимых пределов его использования (например, регистрация, первичная консультация, аналитика и т. п.).

Этот подход схож с научными разработками ряда российских и зарубежных авторов, относящих искусственный интеллект к специфической категории субъектов права – «электронных лиц» [9; 10, с. 358]. Однако ставить вопрос о допустимости наделяния их правами и обязанностями кажется преждевременным, поскольку они обязательны при вступлении роботов в общественные отношения, что на сегодняшний день пока не имеет широкого применения на практике.

Электронный посредник обеспечивает деятельность юриста и обучается под руководством ML-инженера, который и должен нести риски, связанные с некорректной работой программы. Возможные результаты такой посреднической деятельности (дача первичной информации обратившемуся гражданину, формирование бланков юридических документов, подготовка текст письменных консультаций) должны проверяться юристами-практиками, соответственно нести юридическую ответственность за низкое качество письменной консультации должен уже юрист-куратор. В данном контексте очевиден подход, согласно которому робот выступает объектом гражданского права, что позволяет относить искусственный интеллект, особенно в части применения обучаемых нейронных сетей, к объектам повышенной опасности. Под ними Верховный суд РФ предлагает понимать

«любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами» [11].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс: сайт.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.
3. На основании аналитических данных // КонсультантПлюс: сайт.
4. Приказ Министра обороны РФ от 3 декабря 2015 г. № 717 «Об утверждении Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.
5. Коммерсантъ. Робот с полным правом. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4801880>
6. Чат-боты освободят рынок от юристов, зарабатывающих на консультациях справочного характера // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/chat-boty-osvobodiyat-rynok-ot-yuristov-zarabatyvayushchikh-na-konsultatsiyakh-spravochnogo-kharaktera/>
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт
8. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // КонсультантПлюс: сайт
9. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. В резолюции приведены рекомендации для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике (2015/2013 (INL)) // КонсультантПлюс: сайт
10. Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-subekt-prava> (дата обращения: 06.05.2023).
11. Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // РГ. 2010. № 24. 5 февраля.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with

amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // ConsultantPlus: website.

2. Federal Law of November 21, 2011 No. 324-FZ «On Free Legal Aid in the Russian Federation» // ConsultantPlus: website.

3. Based on the analytical data // ConsultantPlus: website.

4. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation of December 3, 2015 No. 717 «On approval of the Manual on legal work in the Armed Forces of the Russian Federation» // ConsultantPlus: website.

5. Kommersant. Robot with full rights. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4801880>.

6. Chatbots will free the market from lawyers who make money on consultations of a reference nature. Lawyer newspaper. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/chat-boty-osvobodiyat-rynok-ot-yuristovzarabatyvayushchikh-na-konsultatsiyakh-spravochnogo-kharaktera/>

7. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // ConsultantPlus: website.

8. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation», together with the «National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030» // ConsultantPlus: website.

9. Resolution of the European Parliament of February 16, 2017. The resolution provides recommendations to the European Commission on civil law norms on robotics (2015/2013 (INL)) // ConsultantPlus: website.

10. Uzhov F. V. Artificial intelligence as a subject of law // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. P. 357–360. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-subekt-prava> (date of access: 05/06/2023).

11. See: paragraph 18 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 26, 2010 No. 1 «On the application by the courts of civil law governing relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen» // RG. 2010. No. 24. February 5.

Информация об авторе

Мещерягина Вероника Александровна – кандидат юридических наук

Information about the author

Meshcheryagina Veronika A. – Candidate of Law

Статья поступила в редакцию 19.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 19.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Конституционные гарантии единства Российской Федерации как федеративного государства в условиях этнокультурного и языкового многообразия

Мочалов Артур Николаевич

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, artur.mochalov@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2502-559X>

Аннотация. В статье представлена классификация конституционных гарантий единства Российской Федерации в условиях сложного этнокультурного, религиозного и языкового состава российского общества. Под единством федеративного государства автор понимает взаимосвязь принципов государственной целостности и социальной солидарности, в основе которой лежат гражданский мир и межнациональное согласие. Отмечается, что этнокультурное и языковое многообразие в современном мире – это не только важные конституционные ценности, но и вызовы, способные обуславливать этнический сепаратизм и межнациональные конфликты. В связи с этим от государств требуется повышенное внимание к обеспечению единства. В России государственное единство и устойчивость федеративной системы обеспечиваются за счет высокой степени централизации. Приоритет обеспечения государственной целостности достигается за счет сокращения степени самостоятельности субъектов и формирования общероссийской гражданской идентичности. В число конституционных гарантий единства Российской Федерации входят единое правовое и политическое пространство, единый статус личности.

Ключевые слова: федерализм, многообразие, гарантии, государственная целостность, государственное единство, социальная солидарность, межнациональное согласие

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0604/23.

Для цитирования: Мочалов А. Н. Конституционные гарантии единства Российской Федерации как федеративного государства в условиях этнокультурного и языкового многообразия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 131–140.

Original article

Constitutional guarantees of the unity of the Russian Federation as a federal State in the conditions of ethnocultural and linguistic diversity

Mochalov Artur N.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, artur.mochalov@usla.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2502-559X>

Abstract. The article presents a classification of constitutional guarantees of the unity of the Russian Federation in the context of a complex ethno-cultural, confessional and linguistic composition of Russian society. According to the author, the unity of a federal state means the relationship between the principles of state integrity and social solidarity, which is based on civil peace and interethnic harmony. It is noted that ethnocultural and linguistic diversity in the modern world are not only important constitutional values, but also challenges that can cause ethnic separatism and interethnic conflicts. In this regard, increased attention is required to ensure the state unity. In Russia, the state unity and stability of the federal system are ensured due to the high degree of centralization and the leading role of the federal center in federal relations. The constitutional legislator gave priority to ensuring state integrity by reducing the degree of independence of the subjects of the Federation, the formation of an all-Russian civic identity. Among the constitutional guarantees of the unity of the Russian Federation are guarantees of a single legal space, a single personality status, a single political space, etc.

Keywords: federalism, diversity, guarantees, state integrity, state unity, social solidarity, interethnic harmony

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the USLU named after V. F. Yakovlev within the framework of the project of the leading scientific school No. 0604/23.

For citation: Mochalov A. N. Constitutional guarantees of the unity of the Russian Federation as a federal State in the conditions of ethnocultural and linguistic diversity // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 131–140.

Конституция России, закрепив форму государственного устройства, установила базовые принципы российского федерализма. Они призваны, с одной стороны, обеспечивать целостность Российской Федерации, единство ее правового, политического и экономического пространства; с другой стороны – поддерживать традиционное для российского общества многообразие культур, языков и религий.

Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года [1] провозглашает обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия в качестве одной из целей государственной национальной политики. Многие положения Конституции России направлены на его поощрение. Так, народ Российской Федерации, выступающий в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти, характеризуется в Основном законе (в частности в преамбуле и в ст. 3) как многонациональный, включающий в себя равноправные этнические общности (народы). Каждому гарантируется свобода определения своей национальной принадлежности (ч. 1 ст. 26 Конституции РФ), право пользования родным языком (ч. 2 ст. 26 Конституции РФ), свобода исповедования любой религии (ст. 28 Конституции РФ), доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44 Конституции РФ). В результате конституционной поправки 2020 г. в Конституции был закреплен принцип сохранения этнокультурного и языкового многообразия (ч. 2 ст. 69).

Этнокультурное и языковое многообразие, представляя собой безусловную ценность, одновременно несет в себе определенные риски, особенно в ситуациях, когда та или иная общность концентрированно проживает в каком-либо регионе страны. От государства требуются усилия, направленные на обеспечение межнационального согласия, предотвращение этнического сепаратизма, борьбу с этнической преступностью, недопущение дискриминации граждан по признаку национальной принадлежности, языка или религии. Достижение социальной солидарности, сохранение государственной целостности и единства – цели, которые неизменно присутствуют практически в любом современном полиэтническом государстве. Важное конституционное значение они имеют и для России, где федерализм выступает своего рода ответом на вызовы этнокультурного многообразия, компромиссным решением, позволяющим объединить разнообразные народы в общее политико-правовое пространство, не допустив его распада. Не случайно равноправие и самоопределение народов

названы в ст. 5 Конституции РФ в числе принципов российского федерализма. Как верно замечает С. В. Нарутто, «российский федерализм предполагает многогранность территориальной, социальной и национальной организации жизнедеятельности общества, дифференциацию возможностей государственной власти применительно к региональной и локальной специфике объективных условий, приближение власти к человеку и окружающим его проблемам» [2, с. 85]. Государственная целостность, являющаяся одной из основ конституционного строя России, находится в тесной связи с другим конституционным принципом – социальной солидарности, основой которого в поликультурном обществе выступают гражданский мир и межнациональное согласие. В совокупности они обеспечивают единство федеративного государства и устойчивость федеративной системы.

Проблемам их обеспечения посвящены работы ряда ученых. А. И. Казанник конституционно-правовыми гарантиями единства и территориальной целостности федераций считает «оптимальное разграничение компетенции между федерацией и ее субъектами, участие субъектов федерации в осуществлении государственной власти на федеральном уровне, верховенство федеральной конституции и законов, высшую юридическую силу федеральной конституции, единство экономического пространства, выравнивание уровня экономического и социального развития субъектов федерации, статус государственного языка, наличие согласительных процедур и института федерального вмешательства» и т. д. [3] Авторы монографии под редакцией Б. С. Эбзеева выделяют правовые и социально-политические основы государственного единства и целостности Российской Федерации, при этом базой единой российской государственности они называют развитое гражданское общество, а в качестве гарантии обеспечения государственного единства вводят понятие федеративной ответственности [4]. С. В. Нарутто рассматривает в качестве «начала, генерирующего системные взаимосвязи, обуславливающие единство федеративного государства, конституционные принципы российского федерализма – базовые начала российской федеративной государственности» [5], при этом особенно подчеркивает значение «совпадения принципиальных основ организации Федерации ее субъектов – формы правления, политического режима, экономической и социальной системы, основ правового статуса личности, устройства и функционирования механизма публичной власти» [2, с. 85]. В

течение последних лет в отечественной науке активно исследуется роль конституционных ценностей [6; 7] и конституционной идентичности [8] в обеспечении государственного единства Российской Федерации и социальной солидарности российского поликультурного общества.

Основной закон нашей страны предусматривает обширный юридический инструментарий обеспечения единства и государственной целостности Российской Федерации, социальной солидарности российского общества. Конституционные гарантии в этой сфере могут быть сгруппированы в следующие категории.

1. *Конституционные гарантии единства правового пространства.* Конституционным базисом единства правового пространства являются общие для Российской Федерации и всех ее субъектов основы конституционного строя, закрепленные в гл. 1 Конституции РФ. Как федеральное законодательство, так и нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации должны неукоснительно подчиняться принципам правового, демократического, светского, социального государства, народного суверенитета и т. д. Особую роль в обеспечении единства правового пространства играют принципы высшей юридической силы и прямого действия Конституции РФ (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ), верховенства Конституции РФ и федеральных законов (ст. 4 Конституции РФ). Именно Основной закон, выступая главенствующим нормативным правовым актом по отношению как к федеральному законодательству, так и к законодательству каждого субъекта страны, интегрирует весь нормативно-правовой массив в единый континуум, основанный на общих ценностях и принципах. Как подчеркивается в информации Конституционного Суда РФ, исключительный нормативный статус Конституции создаёт «институциональные предпосылки для выполнения ею главного, интегративного, предназначения: предотвращать распад социума, укреплять общественное согласие, формировать сознание гражданской нации» [9].

В совокупности с принципом разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами названные принципы задают иерархию федеральных и региональных нормативных правовых актов (ст. 76 Конституции РФ). При соответствии с конституционно установленной иерархией нормативные правовые акты субъектов, независимо от их статуса, не должны вступать в противоречие с федеральными законами. Исключение составляют лишь сферы, относящиеся к ведению самих субъектов (ст. 73 Конституции РФ), куда федеральный законодатель не вправе вторгаться (ч. 6 ст. 76 Конституции РФ).

Единство правового пространства обеспечивается также тем, что предметы ведения разграничиваются между Российской Федерацией и ее субъектами одинаково, независимо от их статуса. Этим конституционное распределение компетенции коренным образом отличается от того, которое содержалось в

Федеративном договоре, предусматривающем различия в зависимости от вида субъекта. Наиболее широкой компетенцией обладали республики в составе РФ, но даже они не могли ставить свое законодательное регулирование выше федерального. Еще в 1992 году, рассматривая вопрос о конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан, Конституционный Суд РФ указал, что «отрицание принципа верховенства федеральных законов над законами субъектов федерации противоречит конституционному статусу республики в федеративном государстве, препятствует формированию правового государства» [10].

В 1990-е годы существовала практика заключения договоров между федеральными и региональными органами государственной власти, предусматривавших индивидуальное перераспределение предметов ведения, закрепленных в ст. 71–73 Конституции РФ. Фактически это представляло собой попытку изменения конституционно установленных правил в отношении определенных субъектов Федерации, занимавших привилегированное положение, в обход процедуры изменения Конституции, что было очевидным отступлением от принципа высшей юридической силы Основного закона. Общее правовое пространство словно делилось, создавая повышенный риск для целостности государства. Нарушался и принцип равноправия субъектов Федерации, закрепленный в ст. 5 Конституции РФ в качестве одного из базовых принципов российского федерализма. По этой причине с начала 2000-х годов практика заключения таких договоров сошла на нет.

Впрочем, Конституция РФ, допуская в ч. 3 ст. 11 возможность заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, признаёт необходимость некоторой гибкости в распределении компетенции, учитывая многообразие субъектов Российской Федерации и существование объективных различий между ними. Конституционный Суд РФ исходит из необходимости узкого толкования данной нормы, отмечая, что «все указанные договоры должны соответствовать Конституции Российской Федерации» [11]. Это означает, что такими договорами не может изменяться принадлежность предметов ведения, закрепленная в ст. 71–73 Конституции РФ. Договорное разграничение может осуществляться только в отношении полномочий органов государственной власти, реализуемых ими в рамках того или иного предмета совместного ведения, но не предметов ведения как таковых. Статья 50 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 414-ФЗ) предусматривает необходимость существования объективных предпосылок для заключения договоров о разграничении полномочий. Таковыми могут выступать экономические, географические и иные особенности субъекта Российской Федерации», причем перераспределение допустимо лишь в той мере, в которой

указанными особенностями определено иное, чем это установлено федеральными законами.

2. *Конституционные гарантии единства правового статуса личности.* Единство правового пространства тесно связано с конституционными гарантиями единства правового статуса личности. В каком бы субъекте Российской Федерации ни находился индивид, он будет иметь одинаковый объем конституционных прав, свобод и обязанностей. Конституция РФ, признавая права и свободы человека и гражданина в качестве высшей ценности (ст. 2) и закрепляя его базовые конституционные обязанности, не ставит их реализацию в зависимость от того, где личность проживает или находится. При этом всем, кто законно находится на территории страны, гарантируется право свободы передвижения, выбора места пребывания и места жительства (ч. 1 ст. 27 Конституции РФ). Принцип высшей ценности человека, его прав и свобод означает, что как Российская Федерация, так и все ее субъекты должны исходить из приоритета прав и свобод человека и гражданина, которые в равной мере определяют смысл и содержание федеральных и региональных законов, деятельность федеральных и региональных органов законодательной и исполнительной власти (ст. 18 Конституции РФ). Их прямое действие и универсальный характер создают юридический базис, препятствующий, с одной стороны, дискриминации лиц по признаку их национальной принадлежности, языка или места жительства, с другой стороны – созданию в тех или иных регионах условий для привилегированного положения лиц, принадлежащих к какой-либо этнической общности.

Регулирование прав и свобод человека и гражданина, а также вопросов гражданства России Конституция относит к исключительному ведению Российской Федерации (п. «в» ст. 71). Любое их ограничение может устанавливаться только федеральным законом, но не актом субъекта Федерации (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Единообразные механизмы установления ограничений осуществления прав и свобод человека оправданы в условиях этнокультурного многообразия, так как направлены на недопущение ситуаций, когда те или иные фундаментальные права и свободы ограничиваются на региональном уровне в угоду представителям определенной этнической или религиозной группы, а также дискриминации меньшинств, исключения их из общественной и политической жизни.

Провозглашая в ст. 6 принцип единого гражданства, Конституция РФ не предусматривает его существования на уровне субъектов. В регулировании конституционного статуса личности очевидно прослеживается стремление законодателя придать больший вес связям индивида именно с Федерацией, тем самым способствовать формированию сильной гражданской идентичности россиян. Региональная же идентичность (в том числе основанная на национальном самоопределении) должна носить производный характер по отношению к общероссийской и ни

в коем случае не превалировать над ней. Это является залогом государственного единства. Именно по этой причине Конституция России оставляет сравнительно небольшое пространство для регулирования правового статуса личности на региональном уровне. Единство статуса личности в российской федеративной системе присуще не только конституционным правоотношениям, но также гражданско-правовым, уголовно-правовым, процессуальным и иным, регулирование которых отнесено в соответствии со ст. 71 Конституции РФ к компетенции государства. В сферах совместного ведения субъекты Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, основываясь на федеральном законодательстве, которое, в свою очередь, также устанавливает единый статус участников правоотношений (например, трудовых, административных, жилищных). В российской правовой системе не существует отраслей права, которые бы относились исключительно к сфере регионального регулирования. В связи с этим единство правового статуса участников правоотношений можно рассматривать как межотраслевой принцип, пронизывающий всю правовую систему.

Принцип равноправия и недопустимость дискриминации не следует понимать как абсолютный запрет учета культурно-этнической специфики населения при осуществлении правового регулирования на региональном уровне. Субъекты Федерации могут принимать меры по защите прав человека (что относится к их совместному ведению с Федерацией), в том числе предусматривать дополнительные гарантии реализации тех или иных прав и свобод, особенно в социально-экономической и культурной сферах.

3. *Конституционные гарантии единства политического пространства.* Единое политическое пространство означает, во-первых, единые принципы осуществления государственной власти как на федеральном уровне, так и в каждом субъекте, во-вторых, единые «правила игры» на политической арене. Положение ч. 1 ст. 77 Конституции РФ, обязывающее субъекты при установлении системы региональных органов государственной власти исходить из основ конституционного строя, имеет принципиальное значение для установления единого политического пространства. Оно означает, что как федеральная государственная власть, так и государственная власть в любом субъекте (независимо от его статуса и этнокультурных особенностей) должна основываться на фундаментальных конституционных принципах, среди которых государственный суверенитет РФ, демократизм, правовое государство, республиканская форма правления, светский характер публичной власти. Общность фундаментальных принципов организации власти проистекает из принципа суверенитета народа Российской Федерации, согласно которому источником всякой публичной власти в стране является весь многонациональный народ России, а не какая-то его часть. В связи с этим всякая публичная власть в стране на любом уровне ее территориальной

организации должна основываться на принципах, отражающих волю всего российского народа [12]. Приверженность значительной части населения субъекта определенной религии, существование тех или иных культурных традиций не могут служить оправданием для установления в таком регионе клерикального режима или автократии.

Конституция РФ не просто закрепляет единые юридические начала осуществления публичной власти, а исходит из принципа единства ее системы, который не получил прямого текстуального закрепления в Основном законе, но вытекает из ряда его положений, в том числе из содержащегося в преамбуле положения о «соединении многонационального народа Российской Федерации общей судьбой на своей земле, сохранении исторически сложившегося государственного единства и возрождении суверенной государственности России» [13]. Как подчеркивает Конституционный Суд РФ, единство публичной власти носит функциональный характер, не исключаящий организационной самостоятельности органов власти на соответствующем уровне.

Важными для поддержания политического единства являются не только принципы осуществления государственной власти на всех уровнях, но и общие принципы борьбы за власть. Конституция РФ гарантирует всем своим гражданам право на участие в управлении делами государства (ст. 32), которое распространяется как на федеральный, так и на региональный уровень власти. Провозглашая принцип демократического государства и гарантируя право каждого гражданина избирать и быть избранным, Основной закон называет референдум и свободные выборы в качестве высших форм народовластия. Выборность власти путем проведения свободных периодических выборов служит объединяющим началом для политических процессов, протекающих на всех уровнях публично-властной организации. Политический плюрализм, многообразие мнений и их свободное выражение, а также многопартийность – конституционные принципы, которые также в равной степени затрагивают как Российскую Федерацию в целом, так и все ее субъекты.

Учитывая, что регулирование политических прав и свобод граждан отнесено Конституцией к федеральному ведению, субъекты Российской Федерации имеют сравнительно небольшие возможности в выстраивании собственных региональных политических систем, способных обладать сколько-нибудь выраженной спецификой. На этом сказывается и жестко детализированное в Законе № 414-ФЗ регулирование порядка формирования региональных органов законодательной и исполнительной власти, унифицированное для всех субъектов РФ и приближающее современную Россию к унитарной форме государственного устройства, и существующий с 2001 года запрет на создание и деятельность региональных (а также местных) политических партий. В отличие от многих других федеративных государств

принцип многопартийности в России означает лишь право на создание общероссийских политических партий и участие в их деятельности. При этом они должны иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации. На региональном уровне реализация принципа многопартийности осуществляется только путем участия в деятельности региональных отделений общероссийских политических партий. Такое решение законодателя стало в свое время реакцией на политическую фрагментизацию России. Как отметил Конституционный Суд РФ, признавая запрет региональных политических партий, «в современных условиях, когда российское общество еще не приобрело прочный опыт демократического существования, при том, что имеют место серьезные вызовы со стороны сепаратистских, националистических, террористических сил, создание региональных политических партий – поскольку они стремились бы к отстаиванию преимущественно своих, сугубо региональных и местных, интересов – могло бы привести к нарушению государственной целостности и единства системы государственной власти как основ федеративного устройства России» [14].

Единое политическое пространство также предполагает включение всех территориальных единиц, образующих Федерацию, в процессы принятия решений на общегосударственном уровне. Ее субъекты должны иметь возможность участвовать в выработке федеральной политики, которая, распространяясь на все регионы страны, непосредственно затрагивает их интересы. Это приобретает особую значимость, когда те или иные субъекты федерации выступают выразителями интересов определенных этнических или языковых общностей. Исключение субъектов из данных процессов чревато ростом протестных настроений, сепаратизма и, как следствие, возникновением рисков для государственной целостности и единства страны.

В большинстве современных федераций субъекты участвуют в выработке и принятии решений на федеральном уровне через «верхние» палаты парламентов. Не является исключением и Россия, где все субъекты на равной основе направляют в Совет Федерации по два представителя. Дополнительным механизмом участия регионов в выработке и обсуждении государственной политики на федеральном уровне можно назвать Государственный совет Российской Федерации, куда входят высшие должностные лица субъектов (наряду с руководителями ряда высших федеральных органов). Согласно ст. 3 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» в числе целей формирования данного органа лежит определение основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства.

4. *Конституционные гарантии единства экономического пространства.* Конституция РФ предус-

матривает в целом стандартный для большинства федеративных государств набор конституционных гарантий единого экономического пространства и общего рынка: свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств (ст. 8), запрет установления внутренних таможенных пошлин и иных барьеров для такого свободного перемещения (ч. 1 ст. 74), свобода экономической деятельности (ст. 8 и 34) и обусловленный ею единый экономико-правовой статус участников отношений, единая национальная валюта (ч. 1 ст. 75). На общегосударственном уровне обеспечивается установление правовых основ единого рынка, осуществляется финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование (п. «ж» ст. 71 Конституции РФ), принимается гражданское законодательство и законодательство об интеллектуальной собственности (п. «о» ст. 71 Конституции РФ), определяются общие принципы налогообложения и сборов (ч. 3 ст. 75 Конституции РФ).

Актуальной проблемой в любом федеративном государстве являются экономические диспропорции между субъектами. Даже в условиях формального равенства они способны порождать значительную фактическую асимметрию, обуславливающую рост сепаратизма (особенно в ситуациях, когда экономическая отсталость региона накладывается на особенности этнического состава его населения). Экономические диспропорции могут спровоцировать этнический национализм и привести к межнациональным конфликтам.

5. *Общность конституционных ценностей.* Устойчивость федеративного государства, межнациональный мир и согласие возможны в условиях, когда конституционные ценности разделяются всеми гражданами независимо от того, в каком субъекте они проживают. Единое ценностное пространство не исключает существования тех или иных ценностей на региональном уровне, в том числе обусловленных национальной и культурной спецификой региона, историческими особенностями его развития. Вместе с тем они не должны вступать в конфликт с общегосударственными конституционными ценностями, конкурировать с ними, быть взаимоисключающими по отношению друг к другу.

Важно и то, что конституционные ценности федеративного государства не должны носить характер простых деклараций. Закрепление в Основном законе должно сопровождаться установлением конкретных гарантий, претворяющих их в жизнь, делающих их осязаемыми для граждан. В противном случае разрыв между конституционными декларациями и реальностью рано или поздно приведет к падению доверия государству, нарастанию чувства неудовлетворенности, что представляет существенный риск для государственной целостности.

6. *Конституционные гарантии культурного и языкового плюрализма и единства культурно-языкового пространства.* В современных условиях возрастает роль языковой политики и реализации гражданами

государства своих прав в области языка и доступа к культурным ценностям. Будучи основным средством человеческого общения, язык выступает основным маркером этнокультурной идентичности, опосредует взаимодействие между членами общности и позволяет индивиду приобщаться к культуре своего народа. По этой причине сложно переоценить закрепление в Конституции РФ принципа языкового многообразия (ч. 2 ст. 69), права каждого пользоваться родным языком и свободно выбирать язык общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26), права народов на сохранение родного языка (ч. 3 ст. 68). Вместе с тем в поликультурном обществе возникает необходимость и в закреплении языка (или языков) межнационального общения как инструмента интеграции представителей всех общностей в единую нацию. В нашей стране государственным языком является русский (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ). Республики в составе РФ наряду с ним вправе устанавливать собственные государственные языки, которые служат элементом их конституционно-правового статуса, отличающимся от других субъектов. Это обусловлено тем, что исторически большинство республик в составе России являются местами концентрированного проживания определенных этнокультурных общностей, для которых собственный язык является не только средством общения, но и самоопределения, а также гарантией сохранения самобытности.

Первостепенное значение приобретает установление справедливого баланса между языковым многообразием и использованием государственного языка. Развитие региональных языков и языков меньшинств не должно осуществляться в ущерб языку, признанному средством межнационального общения. В свою очередь, требование обязательного использования государственного языка не должно превращаться в его повсеместное навязывание, исключающее использование любых других языков.

Установление основ федеральной политики в области культурного и национального развития Российской Федерации Конституция относит к ведению государства (п. «е» ст. 71). Федеральный законодатель установил в качестве общего правила требование использования кириллической графической основы для языков народов России (п. 6 ст. 3 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»). Конституционный Суд РФ отметил, что это направлено на «гармонизацию и сбалансированное функционирование общегосударственного языка и государственных языков республик», «достижение их оптимального взаимодействия в рамках общего языкового пространства» «в интересах сохранения государственного единства» [15].

Общее языковое пространство, где происходит взаимодействие государственного языка и языков этнических общностей, тесно связано с общим культурным пространством, конституционное право каждого человека на доступ к ним (ст. 44 Конституции РФ) означает, что ценности той или иной этнокультурной

общности не могут рассматриваться как исключительная принадлежность только этой общности. Это должно быть гарантировано каждому человеку независимо от их национальной принадлежности. По этой причине символично, что Конституция РФ с учетом поправки 2020 года говорит не о культурах отдельных народов России, а о культуре (в единственном числе) как об «уникальном наследии» всего многонационального народа России (ст. 68).

7. *Конституционные гарантии равноправия субъектов Российской Федерации.* Конституционная асимметрия и различия в правах субъектов федеративного государства обоснованно рассматриваются в литературе как фактор повышенного риска в обеспечении государственной целостности. Конституция РФ, называя шесть видов своих субъектов, закрепляет принцип их равноправия во взаимоотношениях с федеральным центром.

Развитие федерального законодательства на протяжении последних десятилетий целенаправленно шло по пути выравнивания статуса субъектов Российской Федерации, главным образом посредством постепенного снижения привилегий республик как особого вида, сформированных по этническому (национальному) признаку и обладающих в связи с этим повышенным потенциалом этнического сепаратизма. В настоящее время республики (даже несмотря на то, что именуются в Конституции государствами) существенно отличаются от остальных субъектов в конституционно-правовом отношении только двумя элементами своего статуса. Во-первых, как указывалось выше, они могут устанавливать собственные государственные языки. Во-вторых, они могут принимать свои учредительные акты (конституции) любым демократическим способом, в то время как в других субъектах такие же акты (уставы) принимаются законодательными органами. Разница между конституциями республик и уставами других субъектов является во многом символической и, помимо способов принятия, заключается разве что в наименовании документа. Они обладают одинаковой юридической силой по отношению как к федеральному законодательству, так и к правовым актам соответствующего субъекта. Их юридическое содержание в целом аналогично друг другу.

Равноправие субъектов проявляется также в том, что ни один из них не может в одностороннем порядке определять собственный статус, поскольку не является суверенным образованием. Это правило в равной мере распространяется на все субъекты Федерации. Как следует из ч. 5 ст. 66 Конституции РФ, изменение статуса субъекта может осуществляться только по взаимному согласию с Федерацией. Для изменения границ между субъектами требуется их взаимное согласие (ч. 3 ст. 67 Конституции РФ) и последующее утверждение Советом Федерации (п. «а» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ). Вопрос возможности выхода какого-либо субъекта из состава государства не может быть решен даже по взаимному согласию Фе-

дерации и субъектов в силу закрепления в ч. 3 ст. 5 Конституции РФ принципа государственной целостности. В 2020 году данный конституционный принцип был конкретизирован в ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ, установив прямой запрет на совершение действий, направленных на отчуждение части территории нашей страны, а также призывы к таким действиям.

8. *Конституционные гарантии разрешения споров с участием субъектов Федерации.* Равноправие субъектов также предполагает существование одинаковых для них механизмов разрешения споров, что снижает риск перехода конфликта в неправовую плоскость. Конституционный Суд РФ отметил, что споры о границах между субъектами Российской Федерации должны решаться «прежде всего, путем переговоров с участием правомочных органов государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации и посредством нахождения ими согласованного решения» [16]. Представляется, что данный подход может быть распространен на споры и по другим предметам. Статья 85 Конституции РФ предусматривает право Президента РФ использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов, а также передать материалы на рассмотрение соответствующего суда.

Субъектам Федерации как участникам конституционных правоотношений гарантируется судебная защита, что вытекает из ст. 46 Конституции РФ. В частности, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации наделены правом обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности федеральных законов и ряда других правовых актов (ч. 2 ст. 125 Конституции РФ). Споры о компетенции с участием органов законодательной и исполнительной властей субъектов Российской Федерации также решаются посредством конституционного судопроизводства (ч. 3 ст. 125 Конституции).

9. *Конституционные механизмы федерального воздействия.* Самостоятельность субъектов Федерации не исключает возможности конституционно-правового вмешательства в их дела со стороны государства, если возникают обстоятельства, способные нанести вред его конституционному строю. Наличие у Федерации таких прерогатив обусловлено ее обязанностью по обеспечению государственную целостность страны, охранять ее суверенитет, защищать права и свободы человека и гражданина на любой части ее территории [17].

Отдельные меры федерального воздействия предусмотрены непосредственно Конституцией РФ. Так, Конституционный Суд РФ может признавать не соответствующими Основному закону конституции (уставы) и законы субъектов РФ (ст. 125 Конституции РФ). Другие федеральные суды в соответствии с подведомственностью могут решать вопрос законности актов субъектов РФ, действий и решений их органов,

что вытекает из права каждого человека оспаривать действия и решения органов публичной власти (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ). Президент России наделен полномочиями по приостановлению действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия их Конституции РФ и федеральным законам, международным обязательствам или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом (ч. 2 ст. 85 Конституции РФ). Полномочия главы государства в отношении органов власти субъектов РФ (в частности, отрешение от должности глав субъектов) вытекают из принципа единства публичной власти. Исключительными мерами федерального воздействия можно считать введение на территории соответствующего субъекта РФ чрезвычайного или военного положения, использование Вооруженных сил государства для восстановления конституционной законности, в том числе в случаях вооруженных межэтнических конфликтов.

На основании изложенного можно сделать выводы о том, что Конституция РФ предусматривает большое число гарантий государственной целостности и единства Российской Федерации, устойчивости ее федеративной системы. Этнокультурное и языковое многообразие обусловило достаточно высокую степень централизации власти в России с явным доминированием федерального центра, что стало ответом на вызовы этнического сепаратизма начала 1990-х годов. При установлении баланса между единством и многообразием, централизацией и децентрализацией приоритет был отдан обеспечению государственного единства России, формированию общероссийской гражданской идентичности, исключению гипертрофированного влияния этнических и религиозных факторов на региональную политику. Сохранение языкового и этнокультурного многообразия остается важной конституционной ценностью Российского государства, залогом сохранения многогранной культуры, гарантией гражданского мира и межнационального согласия.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.
2. Нарутто С. В. Конституция, федерализм и единство государственно-правовой системы России // LexRussica (Русский закон). 2018. № 11. С. 83–92. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.083-092.
3. Казанник А. И. Конституционно-правовые гарантии единства и территориальной целостности современных федеративных государств (сравнительный анализ) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4. С. 35–46.
4. Эбзеев Б. С., Краснорядцев С. Л., Левакин И. В. и др. Государственное единство и целостность Россий-

ской Федерации (конституционно-правовые проблемы) / отв. ред. Б. С. Эбзеев. Москва, 2005. 375 с.

5. Нарутто С. В. Единство и многообразие российского федерализма // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 56–67. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.056-067.
6. Кондрашев А. А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 21–29. DOI: 10.51980/2542-1735_2018_4_21.
7. Несмеянова С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 4. С. 71–74. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.4.9.
8. Блещик А. В., Калинина Е. Г., Несмеянова С. Э. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 3. С. 87–100. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100.
9. Информация Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г. Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации // КонсультантПлюс: сайт.
10. Постановление Конституционного Суда РСФСР от 13 марта 1992 г. № П-РЗ-I «По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года, Закона Республики Татарстан от 18 апреля 1991 г. "Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Республики Татарстан", Закона Республики Татарстан от 29 ноября 1991 г. "О референдуме Республики Татарстан", Постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года "О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан"» // КонсультантПлюс: сайт.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // КонсультантПлюс: сайт.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // КонсультантПлюс: сайт.
13. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской

Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 ст. 3 и п. 6 ст. 47 Федерального закона "О политических партиях" в связи с жалобой общественно-политической организации "Балтийская республиканская партия"» // КонсультантПлюс: сайт.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2004 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 10 Закона Республики Татарстан "О языках народов Республики Татарстан", части второй ст. 9 Закона Республики Татарстан "О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан", п. 2 ст. 6 Закона Республики Татарстан "Об образовании" и п. 6 ст. 3 Закона Российской Федерации "О языках народов Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // КонсультантПлюс: сайт.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия "Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой" и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» // КонсультантПлюс: сайт.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // КонсультантПлюс: сайт.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025" // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2012. No. 52. Art. 7477.

2. Narutto S.V. Constitution, federalism and unity of the state-legal system of Russia // Lexrussica (Russian Law). 2018. No. 11. P. 83–92. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.083-092.

3. Kazannik A. I. Constitutional and legal guarantees of unity and territorial integrity of modern federal states

(comparative analysis) // Bulletin of the University of Omsk. Series «Law». 2015. No. 4. S. 35–46.

4. Ebzeev B.S., Krasnotretsev S. L., Levakin I.V. et al. State unity and integrity of the Russian Federation (constitutional and legal problems) / Otv. Ed. B. S. Ebzeev. Moscow, 2005. 375 p.

5. Narutto S. V. Unity and diversity of Russian federalism // Actual problems of Russian law. 2017. No. 9. S. 56–67. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.056-067.

6. Kondrashev A. A. Conflict of constitutional values in the theory and practice of constitutional justice in Russia // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. S. 21–29. Doi: 10.51980/2542-1735_2018_4_21.

7. Nesmeyanova S.E. On the question of the hierarchy of constitutional values // Legal Paradigm. 2017. T. 16, No. 4. S. 71–74. DOI: 10.15688/LC.jvolsu.2017.4.9.

8. Palicator A.V., Kalinina E. G., Nesmeyanova S.E. Transformation of the constitutional identity of the state in the conditions of the challenges of modernity // Law enforcement. 2021. T. 5, No. 3. P. 87–100. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5 (3) .87-100.

9. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 19, 2021. Methodological aspects of constitutional control (for the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation) was prepared by the Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation // Consultant Plus: Site.

10. Decree of the Constitutional Court of the RSFSR dated March 13, 1992 No. P-RZ-I "In the case of verification of the constitutionality of the Declaration on State Sovereignty of the Republic of Tatarstan dated August 30, 1990, the Law of the Republic of Tatarstan dated April 18, 1991" On amendments and additions The Constitution (Basic Law of the Republic of Tatarstan ", the Law of the Republic of Tatarstan dated November 29, 1991" On the Referendum of the Republic of Tatarstan ", Decree of the Supreme Council of the Republic of Tatarstan dated February 21, 1992" On the holding of the Republic of Tatarstan on the state status of the Republic of Tatarstan "" // Consultant Plus: Site.

11. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2000 No. 10-P "In the case of verification of the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Altai Republic and the Federal Law" On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bords of State Power of the Constitutions of the Russian Federation " // Consultant Plus: Site.

12. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 7, 2000 No. 10-P "In the case of verification of the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Republic of Altai and the Federal Law" On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the constituent entities of the Russian Federation " // Consultant Plus: Site.

13. The conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 No. 1-Z "On

compliance with the provisions of Ch. 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation that have not entered into force the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation «On the improvement of the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power», as well as on the compliance of the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Art. 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation "/// Consultant Plus: Site.

14. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 1, 2005 No. 1-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs of the second and third paragraph 2 of Art. 3 and paragraph 6 of Art. 47 of the Federal Law «On Political Parties» in connection with the complaint of the socio-political organization «Baltic Republican Party» «// Consultant Plus: Site.

15. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 16, 2004 No. 16-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Art. 10 of the Law of the Republic of Tatarstan «On the languages of the peoples of the Republic of Tatarstan», part of the second Art. 9 of the Law of the Republic of Tatarstan «On the state languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan», paragraph 2 of Art. 6 of the Law of the Republic of Tatarstan «On Education» and paragraph 6 of Art. 3 of the Law of the Russian Federation «On the languages of the peoples of the Russian Federation» in connection with the complaint of a citizen S. I. Khapugin and the requests of the State Council of the Republic of Tatarstan and the Supreme Court of the Republic of Tatarstan «// Consultant Plus: Site.

16. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2018 No. 44-P "In the case of verification of the constitutionality of the Law of the Republic of Ingushetia" on the approval of the agreement on the establishment of the border between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic "and the agreement on the establishment of the border between the Republic of Ingushetia

Информация об авторе

Мочалов Артур Николаевич – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Mochalov Artur N. – Candidate of juridical sciences, Associate professor

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 11.09.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 22.09.2023

О видах представительства в конституционном судопроизводстве

Нагорный Игорь Ефимович

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, nagorie2023@bk.ru

Аннотация. В статье производится классификация представительства и анализируются наиболее характерные его виды в конституционном судопроизводстве. С учетом специфики института представительства в конституционном судопроизводстве особое внимание уделяется профессиональному участию представителей. Делается вывод о профессиональном представительстве как особом институте, который базируется на таких качествах представителей, как компетентность, высокий уровень квалификации и нацеленность на повышение результативности. Приводятся примеры судебной практики в качестве иллюстрации отдельных видов представительства в конституционном судопроизводстве. Обозначаются проблемы и пути их решения при реализации института представительства в конституционном процессе.

Ключевые слова: представительство, правовой институт, конституционное судопроизводство, классификация, виды

Для цитирования: Нагорный И. Е. О видах представительства в конституционном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 141–146.

Original article

On the types of representation in constitutional court proceedings

Nagorny Igor E.

Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia, nagorie2023@bk.ru

Abstract. The article classifies representation and analyzes its most characteristic types in constitutional proceedings. Taking into account the specifics of the institution of representation in constitutional proceedings, special attention is paid to the professional participation of representatives. The conclusion is made about professional representation as a special institution, which is based on such qualities of representatives as competence, high level of qualification and focus on improving performance. Examples of judicial practice are given as an illustration of certain types of representation in constitutional proceedings. The problems and ways to solve them in the implementation of the institution of representation in the constitutional process are outlined.

Keywords: representation, legal institution, constitutional legal proceedings, classification, types

For citation: Nagorny I. E. About types of representation in constitutional legal proceedings // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 141–146.

В конституционном судопроизводстве огромная роль в осуществлении правосудия отводится институту представительства. Вид представительства имеет важное значение для определения «внутреннего наполнения», конкретизации статусной сущности представителя в конституционном процессе. В соответствии с Законом о Конституционном Суде РФ представители подразделяются на два крупных бло-

ка: на представителей *по должности* (ex officio) и *иных* представителей.

Для коллективных заявителей представителями по должности в конституционном процессе являются единоличные органы таких объединений в лице генерального директора, директора, президента и др.

либо коллегиальные органы управления (например, совет директоров, проектный комитет, правление, дирекция и т. п.). Поскольку для юридических лиц порядок назначения (или избрания) указанных органов, выполняющих управленческие функции, регулируется законом и учредительными документами, их статус в качестве представителя по должности в Конституционном Суде РФ также должен быть документально подтвержден (выпиской из устава либо из иного документа учредительного характера). Они также подтверждают свой статус представителя через предъявление суду необходимых документов.

В категорию «*иные представители*», которую также обозначают как представительство *по поручению*, или представительство *по доверенности*, очевидно, следует отнести адвокатов и лиц, обладающих ученой степенью по юридической специальности. Специалисты, относящиеся к указанной разновидности представительства в конституционном судопроизводстве, так же как и представители по должности, обязаны документально подтвердить собственный статус в Конституционном Суде РФ.

На наш взгляд, с учетом вариативности *допустимого количества представителей* в конституционном процессе можно предложить соответствующую классификацию. Так, в конституционном процессе возможно представительство *единоличное* (обеспечением защиты интересов стороны занимается один единственный представитель) и представительство *множественное* (дела, в которых сторона имеет двух или трех представителей). При этом указанная классификация не распространяется на случаи, когда лицо, направившее обращение в Конституционный Суд РФ, отстаивает свои права самостоятельно, не привлекая в судебное разбирательство для выполнения соответствующих функций представителя.

В свою очередь, последний имеет право применять в отношении представителей точно такие же меры, которые применяются к остальным участникам конституционного судебного производства, в том числе удаление из зала, где проводится судебное заседание. Из этого следует, что в случае обеспечения защиты прав и законных интересов представляемого лица сразу несколькими представителями (вне зависимости от реализуемого вида представительства) на них возлагается задача по предварительному обсуждению всех аспектов, касающихся рассматриваемого дела, а также согласованию имеющихся мнений для грамотного формирования позиции, которая будет отстаиваться в судебном процессе [1, с. 112].

Видится важным обратить внимание на тот факт, что сторона, принявшая обжалуемый заявителем закон, также имеет право на трех представителей. С учетом практики и действующего отечественного законодательства такое представительство можно назвать *постоянным*: как правило, это представители по должности высших органов государственной власти (Государственной Думы, Совета Федерации), Президента РФ.

Получается, что к представителям данного вида применяются зафиксированные повышенные юридические требования еще до их назначения на соответствующую должность. Очевидно, поэтому уже в самом конституционном процессе для подтверждения своего статуса представители высших органов государственной власти России не обязаны повторно доказывать наличие у них ученой степени, им требуется только предоставить документы, свидетельствующие о пребывании в должности.

Указанные представители обладают высоким уровнем квалификации и профессиональной компетенции. Они имеют огромный многолетний опыт по защите позиции этих властных органов, отстаиванию подлежащих обжалованию нормативных правовых актов, которые пытаются оспаривать заявители. В связи с этим, например, гражданину, подающему на рассмотрение в Конституционный Суд РФ подобное обращение, объективно крайне сложно участвовать в противостоянии с настолько сильной во всех отношениях стороной. Поэтому в таких случаях, на наш взгляд, требуется представительство по поручению, в рамках которого возможно заключение договора с адвокатом или лицом, обладающим ученой степенью кандидата или (и) доктора юридических наук, а главное, имеющим необходимый и достаточный опыт работы в соответствующей сфере.

Изложенное, по нашему мнению, позволяет нам предложить еще один вариант классификации представителей в конституционном процессе. Полагаем, что с учетом *временного (или ситуативного)* критерия, можно говорить о представительстве *на постоянной основе (перманентном)* и *дискретном*. Так, в сущности, у органов государственной власти всегда есть представители, которые занимаются отстаиванием их позиций в любых судебных процессах. Очевидно, что такая разновидность представительства в конституционном судопроизводстве, как представительство по должности, полностью оправдывает свое наименование. В органах государственной власти специальное лицо в соответствии со своими должностными обязанностями исполняет представительские функции.

Если для граждан или организаций привлечение представителя для обеспечения своих интересов в Конституционном Суде РФ является единичным, «разовым», то органам государственной власти ввиду возможных множественных случаев отстаивания своих позиций требуется перманентное представительство. Считаем, что условно, в контексте сущностной особенности указанной классификации можно также говорить о разделении представителей *по принципу состязательности сторон* (их противостоянию). Так, в судебном разбирательстве в рамках конституционного судопроизводства в определенных категориях (например, в случае толкования Конституции РФ, подобная классификация неприменима) дел могут участвовать *представители стороны-заявителя* (в сущности, учитывая, что, например, в ФРГ конститу-

ционную жалобу также называют конституционным иском, видится возможным обозначать заявителя, используя понятие «истец») и *представители стороны «ответчика»*.

Кроме этого, по нашему мнению, беря во внимание способ осуществления представительских функций, законодательно предусмотренной для граждан возможности защищать свои законные интересы как лично, так и через привлечение представителя, соответствующего установленным параметрам, а также совместно, можно предложить еще одну классификацию представительства в рамках конституционного судопроизводства. Так, видится допустимым выделение *самостоятельного*, или *автономного* представительства, когда обеспечением защиты прав и интересов сторона, обратившаяся в Конституционный Суд РФ, занимается лично (в рамках данной классификации мы не будем учитывать саму сущность представительства, предполагающую участие «дополнительного» лица помимо стороны – участника конституционного процесса), представительства *совместного* (предполагает одновременное участие стороны и представителя, а также нескольких представителей), *специализированного* (здесь представитель является приглашенным и полностью замещает собой сторону, чьи интересы он защищает в конституционном процессе).

Как было подчеркнуто ранее, статус представителя в конституционном процессе, его полномочия должны быть подтверждены посредством предоставления Конституционному Суду РФ соответствующих документов. Можно говорить о том, что Конституционный Суд РФ весьма строго относится к соблюдению предусмотренных для регуляции этого вопроса правил.

Так, например, лицу, имеющему доверенность, однако не обладающему при этом ученой степенью кандидата либо (и) доктора юридических наук, не являющемуся адвокатом, аналогично не присваивается статус представителя (*иного или по поручению*) в конституционном производстве. В одном из Определений Конституционный Суд РФ мотивировал свой отказ в рассмотрении поданного гражданином Гусаровым Виктором Николаевичем в интересах Общества с ограниченной ответственностью «Сибпроект» обращения тем, что лицом, намеревавшимся осуществлять представительские функции, не были приложены необходимые документы, подтверждающие статус представителя. А именно, суду не были предоставлены копии документов, свидетельствующих о наличии у Гусарова В. Н. звания адвоката либо ученой степени по юридической специальности [2].

По аналогичной причине (отсутствие подтверждающих соответствие представителя по поручению предъявляемым конституционным законодательством специальным требованиям) Конституционным Судом было отказано в принятии к рассмотрению жалобы, поступившей от гражданки Н. М. Брестовицкой, пытавшейся оспорить отдельные положения Феде-

рального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [3]. Подтверждение своего статуса, очевидно, требуется и от *законных* представителей, и от представителей *по должности*.

Если обратиться к оформлению выносимых Конституционным Судом РФ решений, можно обратить внимание, что, как правило, уже в начале судебного акта обозначаются участники конституционного процесса с четким «видовым» разграничением представителей (например, представители граждан – адвокаты; постоянные представители высших органов государственной власти в Конституционном Суде РФ; полномочный представитель Президента России). Из этого следует, что вид представительства в конституционном производстве имеет важное практическое значение. Для подтверждения соответствующего статуса в Конституционном Суде РФ необходимо предоставлять различные документы.

Как известно, именно заявитель, чьи права и интересы были нарушены неконституционным законом, является уполномоченным лицом по поданной в Конституционный Суд РФ конституционной жалобе. В соответствии с Законом о Конституционном Суде РФ круг заявителей является конкретизированным, поскольку напрямую зависит от категории разбираемого дела.

Учитывая, что статус представителя в конституционном судопроизводстве в большинстве случаев определяется представляемым лицом, необходимо понимание, рассмотрение каких споров относится к ведению Конституционного Суда РФ, а также кто может выступать в качестве заявителя в каждом случае. Полагаем, что от этого зависит возможный осуществляемый вид представительства. В случае обращения в соответствующие органы судебной власти заявителю необходимо решить вопрос, касающийся участия в разбираемом в порядке конституционного судопроизводства деле представителей.

Поскольку для конституционного процесса, равно как и для других, применим принцип состязательности и равноправия сторон, их процессуальных прав, логично, что не только для лиц, обращающихся в Конституционный Суд РФ для защиты своего конституционно-правового интереса, имеет значение реализуемый вид представительства, но и для сторон, которые выступают в роли «ответчика». Однако необходимо отметить, что данная классификация подходит не для всех разбираемых в порядке конституционного судопроизводства дел, а только для конкретных категорий. Так, например, в случаях оспаривания гражданами конституционности каких-либо норм отечественного законодательства подобное деление представителей (за исключением ситуаций, когда лицо обеспечивает защиту своих законных прав самостоятельно) является уместным, тогда как в делах, связанных с толкованием Конституции РФ по объективным причинам (непосредственное взаимодействие обратившейся стороны только с вышестоящей судебной инстанцией по другому вопросу, не пред-

полагающему наличие «оппонента») выделение таких разновидностей исключается.

Полагаем, что с учетом изложенного можно предложить еще один возможный вариант классификации представительства в рамках конституционного судопроизводства. Так, при всем многообразии разрешаемых в порядке конституционного судопроизводства дел, если направить фокус внимания на *количественный критерий*, относящийся к субъекту, направляющему обращение в Конституционный Суд РФ, можно выделить представительство *индивидуальное (персональное)* и представительство *коллективное*. Первая разновидность имеет место в случаях, когда гражданин подает на рассмотрение жалобу о нарушении своих прав и законных интересов или же, например, Совет Федерации обращается в Конституционный Суд РФ с целью получить заключение о соблюдении установленного порядка обвинения Президента РФ в совершении последним измены государству либо другого тяжкого противоправного деяния. Второй из обозначенных видов может возникать тогда, когда с жалобой обращается сразу несколько граждан (объединения граждан) для того, чтобы оспорить конституционность каких-либо нормативных положений.

Кроме этого, считаем, что, взяв за основу критерий субъекта, направившего обращение в Конституционный Суд РФ либо же выступающего в качестве стороны-ответчика, возможна еще одна классификационная модель представительства. Так, в конституционном процессе могут участвовать *представители граждан (их объединений), представители юридических лиц*, а также *представители органов государственной власти*. Если сделать акцент на сфере затрагиваемых интересов, то данную классификацию также можно обозначить следующим образом: *представительство органов публичной власти* и *представительство частных лиц* в конституционном судопроизводстве.

Можно встретить классификацию субъектного состава судебного представительства, основанную на *критерии профессиональной подготовки представителей*. Так, выделяют квалифицированных (профессиональных) представителей и неквалифицированных (непрофессиональных) представителей [4, с. 23]. К первой из указанных групп относят адвокатов и частно практикующих юристов, а ко второй – представителей, не обладающих специальной юридической подготовкой. Профессиональное представительство базируется на таких качествах представителей, как компетентность, высокий уровень квалификации и нацеленность на повышение результативности. С точки зрения действующего российского законодательства, профессионализм представителей определяется их соответствием установленным критериям. В случае с конституционным судопроизводством, как мы помним, это статус адвоката либо наличие ученой степени кандидата и (или) доктора юридических наук, что должно иметь документальное подтверждение.

В рамках условного выделения профессионального и непрофессионального представительства следует согласиться с мнением о том, что действие подобной нормы с учетом реалий настоящего времени, когда огромное количество людей становятся жертвами так называемых «псевдоюристов», не имеющих соответствующей квалификации и не владеющих какими-либо профессиональными навыками для участия в процессе и совершения даже самых элементарных процессуальных действий, тем самым наносящих колоссальный урон как обратившимся за помощью лицам, так и правовому порядку в целом порядку, оказывает позитивное воздействие сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, она в определенной мере становится гарантией защиты граждан от возникновения подобных ситуаций, что особенно важно, так как возмещение ущерба, причиненного в результате такого «псевдоюридического» сопровождения, ввиду сложности доказывания несоответствия оказанных услуг заявленному качеству является почти невозможным. Во-вторых, норма препятствует утрате доверительного отношения к российской судебной системе, способствует формированию в обществе, где традиционно вся ответственность возлагается на судью, вынесшего решение по конкретному делу, положительного мнения о ее функционировании.

Не менее значимо в этом отношении и то, что юрист, обладающий высокой профессиональной квалификацией, способен вести диалог с судьей, рассматривающим спор, на одном процессуальном языке. Он умеет максимально четко, грамотно и качественно сформулировать правовую позицию по делу и донести ее до суда [5, с. 7]. Очевидно, что участие в конституционном судопроизводстве профессионального представителя позволяет избежать возникновения распространенной в процессах, в которых стороны обеспечивают свои законные права и интересы самостоятельно, проблемы, связанной со смешением вопросов права и вопросов факта. А, как известно, подобное разграничение является принципиально значимым для вышестоящих судебных инстанций.

Как мы неоднократно подчеркивали ранее, с учетом специфики конституционного судебного производства, повышенного уровня сложности рассматриваемых дел, многогранности разбираемых споров именно специалисту, по нашему мнению, следует поручать столь непростую задачу. В связи с этим следует согласиться с мнением об обоснованности и значимости в современных условиях законодательно установленных требований, которые, фактически закрепляя в своем роде «профессиональный ценз» [6, с. 8], исключают возможность существования «непрофессионального» представительства как отдельного вида, подразумевающего участие в конституционном процессе простого «обывателя».

Таким образом, классификация, в основу которой положен принцип профессионализма в отношении представительства в конституционном судебном

производстве, конечно, может быть применена, но с большой «натяжкой». Так, если сторона, направившая обращение в Конституционный Суд РФ (и здесь, конечно же, подразумеваются дела, рассматриваемые судом по поданным гражданами жалобам), пользуется правом на самостоятельное представление своих интересов и при этом заявитель не является адвокатом или не обладает ученой степенью по юридической специальности, оправданно говорить о непрофессиональном представительстве. Однако такой подход не вполне соответствует самой сущности представительства как такового, подразумевающего участие иного «дополнительного» лица вместо или же совместно с представляемым.

С учетом анализа судебной практики, сопоставления с действующими нормами, регулирующими обозначенный вопрос, а также уже выявленных особенностей представительства в конституционном процессе, специфики самого конституционного судебного производства, полагаем, можно сделать следующие выводы. Во-первых, мы еще раз убедились в значимости реализуемого вида представительства. Во-вторых, что касается законного представительства в Конституционном Суде РФ, то очевидно, что представитель лица, не способного по ряду причин обеспечивать защиту своих интересов самостоятельно, *в полной мере* перенимает от него *по закону* весь комплекс прав и возлагает на себя все обязанности представляемого лица.

То есть фактически законный представитель замещает своего подопечного, приобретает статус «полноправной» стороны, а значит, может воспользоваться правом представлять свои интересы самостоятельно. И именно этим мы можем объяснить возможность участия законного представителя, даже не соответствующего установленным в отношении представителей по назначению требованиям. Комплекс полномочий, которыми наделяется представитель определяет его место и роль в конституционном процессе.

Поскольку в случае законного представительства имеет место передача прав и обязанностей в полном объеме, законный представитель становится обязательным участником судебного разбирательства и, соответственно, практически «дублирует» статус стороны, чьим интересам необходимо обеспечить защиту. И, кроме того, как мы указывали ранее, законное представительство и представительство по должности, в отличие от представительства, относящегося в соответствии с положениями Закона о Конституционном Суде РФ к разновидности «иное», являются весьма стабильными, поскольку утратить статус законного представителя или представителя по должности в зависимости от воли стороны гораздо сложнее, нежели, например, в случае расторжения заключенного с адвокатом договора на оказание соответствующих услуг.

Также, полагаем, можно говорить о том, что законное представительство является особым ввиду того, что соответствующий ему статус законного

представителя в сущности следует признать более емким, выверенным, имеющим больший охват и распространение на определенные категории лиц в силу императивного характера нормативно-правового регулирования. Так, например, в ст. 51 ГПК РФ в отношении следователей, прокуроров, судей, их помощников, работников аппарата суда устанавливается запрет на осуществлении ими полномочий в качестве представителя, за исключением тех случаев, когда они принимают участие в процессе как представители соответствующих государственных органов либо как законные представители. Подобная норма также действует в рамках арбитражного (ч. 1 ст. 60 АПК РФ) и административного судебного производства (ч. 2 ст. 55 КАС РФ). В ст. 11 Закона о Конституционном Суде РФ также закрепляется ограничение для судей Конституционного Суда РФ на осуществление функций представительства, однако им допускается выступать в судах и иных органах в качестве законных представителей.

Считаем обоснованными и способствующими повышению эффективности конституционного правосудия предъявляемые в отношении представителей закрепленные на законодательном уровне требования. Их необходимо оценивать в качестве «усиленных», «ужесточенных», нацеленных на обеспечение участия в конституционном процессе, отличающемся особой сложностью, высококвалифицированных специалистов, обладающих достаточными и необходимыми знаниями и навыками, позволяющими обеспечивать защиту прав и интересов представляемых лиц в такой особой инстанции, как Конституционный Суд РФ. Полагаем, это также свидетельствует о том, что представителей в конституционном процессе можно относить к категории специальных субъектов права.

Список источников

1. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. // Гражданское процессуальное право в системе отраслей российского права: монография / под ред. А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2022. Т. 9. 512 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1660-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Гусарова Виктора Николаевича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 1155-О». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2023).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 255-О. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Брестовицкой Надежды Михайловны на нарушение конституционных прав граждан Шукшиной Елены Семеновны и Шукшиной Ольги Алексеевны положениями п. 3 ст. 11 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.05.2023).

4. Колоколова Э. Е. Адвокат – представитель в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Саратов, 2005. 36 с.

5. Момотов В. В. Основные цели, задачи и этапы судебной реформы в современной России // Мировой судья. 2018. № 10. С. 3–9.

6. Баньковский А. Е. Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь через призму установления образовательного ценза судебных представителей: отечественный и зарубежный опыт // Российский судья. 2020. № 8. С. 7–11.

References

1. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 volumes // Civil procedural law in the system of branches of Russian law: monograph / ed. A. A. Demicheva, R. L. Khachaturova. Moscow: Yurlitinform, 2022. T. 9. 512 p.

2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 28, 2022 No. 1660-O-R “On the refusal to accept for consideration the petition of citizen Viktor Nikolaevich Gusarov for clarification of the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 19, 2012 No. 1155-O.” URL: <http://www.consultant.ru> (access date: 05/02/2023).

3. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 20, 2014 No. 255-O. “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Nadezhda Mikhailovna Brestovitskaya about the violation of the constitutional rights of citizens Elena Semenovna Shukshina and Olga Alekseevna Shukshina by the provisions of paragraph 3 of Art. 11 of the Federal Law “On Higher and Postgraduate Professional Education.” URL: <http://www.consultant.ru> (access date: 05/02/2023).

4. Kolokolova E. E. Lawyer – representative in civil proceedings: abstract. dis. ...cand. legal Sciences // Civil process. Arbitration process. Saratov, 2005. 36 p.

5. Momotov V.V. Main goals, objectives and stages of judicial reform in modern Russia // Justice of the Peace. 2018. No. 10. pp. 3–9.

6. Bankovsky A.E. Constitutional right to qualified legal assistance through the prism of establishing the educational qualifications of judicial representatives: domestic and foreign experience // Russian Judge. 2020. No. 8. pp. 7–11.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Правовые основы независимости судебных и специализированных органов правовой охраны конституции в российском праве: анализ исторического развития

Садовой Михаил Вадимович

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург,
Россия, sadovoy1996@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4867-4277>

Аннотация. В настоящей статье в историческом контексте проанализированы вопросы независимости судебных и специализированных органов правовой охраны конституции в российском праве. Независимость в данном случае рассматривается в аспекте институциональной независимости органов правовой охраны конституции (независимое положение органа правовой охраны конституции в системе государственных органов) и функциональной самостоятельности органов правовой охраны конституции (наделение органов необходимыми полномочиями, правовыми и материальными гарантиями осуществления ими своей деятельности, набор которых позволяет органам правовой охраны конституции реализовывать свои полномочия самостоятельно и самодостаточно). На основе правового регулирования организации и деятельности Верховного Суда СССР, Комитета конституционного надзора СССР, Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ обозначены проблемы их независимости, сделаны выводы о характере исторического развития идеи независимости судебных и специализированных органов правовой охраны конституции в российском праве и современных тенденциях данной идеи.

Ключевые слова: независимость органа правовой охраны конституции, Верховный Суд СССР, Комитет конституционного надзора СССР, Конституционный Суд РФ, конституционные (уставные) суды

Для цитирования: Садовой М. В. Правовые основы независимости судебных и специализированных органов правовой охраны конституции в российском праве: анализ исторического развития // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 147–153.

Original article

Legal bases of independence of judicial and specialized bodies of legal protection of the Constitution in Russian law: analysis of historical development

Sadovoy Mikhail V.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, sadovoy1996@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4867-4277>

Abstract. In this article the issues of independence of judicial and specialized bodies of legal protection of the constitution in Russian law are analyzed in the historical context. Independence in this case is considered in the aspect of the institutional independence of the bodies of legal protection of the constitution (independent position of the body of legal protection of the constitution in the system of state bodies) and the functional independence of the bodies of legal protection of the constitution (the provision of bodies with the necessary powers, legal and material guarantees of their activities, a set of which allows the bodies of legal protection of the constitution to exercise their powers self-sufficient and independently). Based on the analysis of legal regulation, the issues of independence of the Supreme Court of the USSR, the Committee for Constitutional Supervision of the USSR, the Constitutional Court of the RSFSR, the Constitutional Court of the Russian Federation and the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation are considered. Conclusions are formulated about the nature of the historical development of the idea of independence of judicial and specialized bodies of legal protection of the constitution in Russian law and current trends in the development of this idea.

Keywords: independence of the body of legal protection of the constitution, the Supreme Court of the USSR, the Constitutional Supervision Committee of the USSR, the Constitutional Court of the RSFSR, the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional (statutory) courts

For citation: Sadovoy M. V. Legal bases of independence of judicial and specialized bodies of legal protection of the Constitution in Russian law: analysis of historical development // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 147–153.

В учебной литературе при изучении истории отечественного конституционного контроля отмечают следующие этапы: зарождения идей о конституционном контроле; осуществления конституционного контроля ЦИК СССР при наличии у Верховного Суда СССР конституционно-надзорных полномочий; период осуществления конституционного контроля Верховным Советом СССР; период деятельности Комитета конституционного надзора СССР; современный период [1, с. 25–28]. Такой подход позволяет выделить в рамках становления конституционного контроля в российском праве следующие судебные и/или специализированные органы: Верховный Суд СССР, Комитет конституционного надзора СССР, современные органы конституционной юстиции.

Исторически первым судебным органом, осуществлявшим функции по правовой охране конституции, стал Верховный Суд СССР. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 6 июля 1923 г.) (далее – Конституция СССР 1923 г.) предусматривал, что функции конституционного контроля (полномочия по отмене неконституционных актов органов союзных республик) осуществляют Съезд Советов и ЦИК СССР как верховные государственные органы. Но при этом к компетенции Верховного Суда СССР относилась дача заключений по требованию ЦИК СССР о конституционной законности постановлений союзных республик. Полномочия суда в рамках правовой охраны Конституции были расширены Постановлением Президиума ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. «Положение о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик» (далее – Положение о Верховном Суде СССР), которым предусматривались возможность дачи Верховным Судом СССР заключений о соответствии Конституции постановлений центральных исполнительных комитетов и советов народных комиссаров союзных республик, а также СНК СССР; возможность внесения представлений в ЦИК СССР о приостановлении и отмене нормативных актов центральных органов и Народных Комиссариатов СССР в связи с их несоответствием Конституции СССР.

Однако, с точки зрения вопроса о независимости Верховного Суда СССР как органа правовой охраны Конституции, стоит отметить два аспекта. Во-первых, Верховный Суд СССР не обладал институциональной независимостью и был подконтролен ЦИК СССР. Это следует в том числе из ст. 43 Конституции СССР 1923 г., согласно которой Верховный Суд СССР учреждается при ЦИК СССР. Во-вторых, Конституция СССР 1923 г. и Положение о Верховном Суде СССР не наделяли его полномочиями по самостоятельной отмене не-

конституционных актов, что фактически не наделяло суд функциональной самостоятельностью и делало его консультационным органом при ЦИК СССР. М. О. Рейхель отмечал, что суд являлся органом, непосредственно подчиненным ЦИК СССР, и его решения в рамках указанных полномочий являются консультационными [2, с. 124].

Статистика первых лет деятельности Верховного Суда СССР показывает, что механизм правовой охраны конституции с его участием применялся редко [3, с. 104–105]. Резко критиковали модель конституционного судебного контроля в том числе и сами судьи Верховного Суда СССР П. И. Стучка [4, с. 37] и М. О. Рейхель [2, с. 123]. Представляется, что при господстве подобных взглядов перспективы развития Верховного Суда СССР в качестве конституционно-надзорного, и тем более в качестве органа независимого конституционного контроля, отсутствовали. Итогом стало принятие Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г.), согласно которой Верховный Суд СССР был лишен полномочий по конституционному надзору.

По указанным выше причинам можно констатировать, что Верховный Суд СССР не являлся независимым органом правовой охраны конституции. Однако этот период был важен для развития идеи независимости органа конституционного контроля, поскольку практика конституционного надзора послужила источником развития теории специализированной охраны конституции [5]. Таким образом, можно отметить и пользу для развития независимой конституционной юстиции. Во-первых, в российском праве впервые появился первый опыт реализации судебной модели правовой охраны конституции, что уже само по себе стало определенной базой знаний для дальнейшего теоретического изучения и практической реализации конституционного контроля. Во-вторых, практика Верховного Суда СССР продемонстрировала недостатки, которых необходимо избегать при построении органов конституционного судебного контроля (полная подконтрольность другому органу государственной власти, политизированность и т. д.). В-третьих, практика осуществления конституционно-го надзора Верховным Судом СССР побуждала отечественную юридическую науку осуществлять теоретико-правовое осмысление конституционной юстиции.

На последующих этапах истории судебный и/или специализированный конституционный контроль отсутствовал вплоть до появления Комитета конституционного надзора СССР (далее – Комитет), создание

которого было предусмотрено Конституцией (Основным Законом) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 7 октября 1977 г.) (ред. от 14 марта 1990 г.). Впервые в национальном порядке появился специализированный орган, главной функцией которого являлась правовая охрана конституции посредством осуществления конституционного надзора, а также впервые были закреплены положения о независимости данного органа: согласно ст. 124 Конституции СССР члены Комитета при исполнении своих обязанностей независимы и подчиняются только конституции; ст. 3 Закона СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» (далее – Закон о конституционном надзоре) среди принципов деятельности Комитета предусматривала его самостоятельность и подчинение только Конституции СССР и конституциям республик, а ст. 24 указанного закона также провозглашала независимость членов Комитета.

Полномочием Комитета являлась дача заключений о конституционности очень широкого круга нормативных актов: законов и актов органов исполнительной власти всесоюзного и республиканского уровней, международных договоров. Однако, несмотря на то, что Конституция СССР наделяла Комитет достаточно широким объемом компетенции, вряд ли возможно говорить о полной функциональной самостоятельности Комитета в связи со следующими особенностями юридической силы его заключений:

1. По общему правилу, в случае принятия Комитетом заключения о неконституционности нормативного акта действие такого акта приостанавливалось до момента устранения установленного Комитетом несоответствия. В течение трех месяцев с момента принятия заключения орган, издавший акт, был обязан привести его в соответствие Конституции СССР либо закону СССР. В случае если орган, издавший акт, не устраняет установленное нарушение самостоятельно, Комитет конституционного надзора обращается с представлением об отмене проверяемого нормативного акта в соответствующий высший орган государственной власти, которому подконтролен издавший неконституционный акт орган. Таким образом, окончательное решение об отмене неконституционного акта, по общему правилу, оставалось за высшими органами государственной власти.

2. Принятие Комитетом заключений, устанавливающих неконституционность законов, принятых Съездом народных депутатов СССР, и конституций союзных республик не влекло за собой приостановления их действия. Заключение Комитета о неконституционности указанных актов могло быть отклонено Съездом народных депутатов СССР.

При этом в отличие от исключительно консультационной деятельности Верховного Суда СССР в 1924–1936 гг., полномочия Комитета по приостановлению действия нормативных актов и отмене актов, нарушающих основные права и свободы человека, придавали заключениям Комитета намного более значимые

юридические последствия. Но в то же время заключения Комитета о неконституционности нормативного акта могли быть отклонены, итоговое решение об отмене такого акта принималось Съездом народных депутатов СССР. И отсутствие, по общему правилу, у заключений Комитета свойства окончательности говорит о его ограниченной самостоятельности и независимости: исполнение его решений зависело от усмотрения высших органов законодательной и исполнительной власти. При таких условиях невозможно делать вывод о том, что Комитет был функционально самостоятельным органом.

Рассматривая вопрос институциональной независимости Комитета, следует отметить, что нормы Закона о конституционном надзоре предусматривали, что члены комитета (в том числе Председатель и его заместитель) избираются Съездом народных депутатов СССР. Таким образом, вопросы формирования Комитета являлись абсолютной дискрецией одного органа. Кроме того, закон предусматривал ряд оснований для досрочного прекращения полномочий члена комитета. Решение о досрочном прекращении полномочий принималось Съездом народных депутатов СССР по представлению Председателя Верховного Совета СССР (в свою очередь, избираемого Съездом народных депутатов СССР). Как правило, основаниями являлись юридические факты, которые можно установить объективно (например, наличие вступившего в силу обвинительного приговора суда), но также имело место и такое основание, как нарушение членом Комитета присяги. Текст присяги предусматривал, что член Комитета клянется выполнять свои обязанности добросовестно, руководствуясь при этом исключительно положениями Конституции СССР. Представляется, что в таком случае дискреция Съезда народных депутатов СССР по принятию решения о досрочном прекращении полномочий члена Комитета была необоснованно широкой, поскольку отставка члена Комитета по причине нарушения им присяги не имела формально определенных критериев и позволяла разрешать этот вопрос исходя из субъективных убеждений. Таким образом, вопрос формирования кадрового состава Комитета конституционного надзора, как в случае его формирования, так и в случае досрочного прекращения полномочий членов, целиком находился в руках Съезда народных депутатов СССР, что также говорит об отсутствии у Комитета институциональной независимости. Это подтверждал и С. С. Алексеев, отмечая, что «...он (Комитет), в сущности, был органом Съезда, которому Комитет должен был докладывать о «нарушениях действующей Конституции»» [6, с. 51].

Таким образом, во-первых, Комитет в полной мере не обладал институциональной независимостью. Несмотря на декларирование в Конституции СССР и законе его самостоятельности и независимости, фактически он был подчинен Съезду народных депутатов СССР, поскольку все вопросы формирования кадрового состава Комитета находились в ведении

Съезда. Во-вторых, Комитет в полной мере не обладал функциональной самостоятельностью. Несмотря на полномочие по приостановлению и отмене неконституционных актов, хоть и ограниченное, заключения Комитета могли отклоняться, а окончательное решение об отмене неконституционного акта принималось Съездом народных депутатов СССР. Тем не менее стоит дать данному историческому этапу и положительную характеристику. Комитет стал первым созданным специализированным органом правовой охраны конституции, основной функцией которого стал конституционный нормоконтроль. Его деятельность стала первой достаточно широко применяемой практикой специализированной правовой охраны конституции, поскольку за время своего непродолжительного существования Комитет успел принять несколько десятков актов, многие из которых повлияли на дальнейшее развитие правовой системы, укрепление защиты прав и свобод личности [6, с. 53–56]. Наконец, на примере проблемы эффективности правовой охраны конституции органом, не обладающим в полной мере независимостью, стала видна необходимость наличия независимого специализированного органа конституционного контроля. И, несмотря на то, что итоговая оценка деятельности Комитета до сих пор является дискуссионным вопросом, Комитет принято считать «предтечей» создания Конституционного Суда [7].

Современный этап деятельности Конституционного Суда РФ берет начало после принятия Конституции РФ и Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон о Конституционном Суде). Дадим общую характеристику правового регулирования независимости Конституционного Суда РФ. Основой независимости Конституционного Суда РФ является Конституция РФ, в том числе ее следующие положения: принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную при условии их самостоятельности; принцип осуществления правосудия только судом и выделение в качестве самостоятельного вида судопроизводства конституционного; нормы о независимости судей, их несменяемости и неприкосновенности; обязательное финансирование судов за счет федерального бюджета в объеме, обеспечивающем возможность полного и независимого осуществления правосудия; определение статуса Конституционного Суда РФ как высшего органа конституционного контроля и закрепление основного объема его компетенции, и т. д.

При этом основной (по объему) нормативный массив, посредством которого на нормотворческом уровне закрепляется принцип независимости, содержится в законодательных нормах. В первую очередь необходимо отметить нормы Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее – Закон о судебной системе). Данный закон закрепля-

ет, что судебная власть осуществляется только судами (в систему которых входит Конституционный Суд РФ) и не может быть подменена другими органами и лицами, а также что судебная власть самостоятельна и действует независимо от иных ветвей власти. Закон о судебной системе также предусматривает, что суды осуществляют свою власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, и по существу является провозглашением принципа независимости судебных органов. Указанными положениями устанавливается институциональная независимость судебной власти и закрепляется полнота власти судебных органов в рамках их компетенции. Также формализация независимости судебных органов в контексте функциональной самостоятельности обеспечивается нормами об обязательности судебных постановлений, об обеспечении деятельности судов, правилом о финансировании судов, обеспечивающем полное и независимое осуществление правосудия. Перечисленные нормы в равной степени распространяются на все органы судебной системы, и в частности в отношении Конституционного Суда РФ.

Но, что касается непосредственно Конституционного Суда РФ, важнейшую роль для нормативного закрепления принципа его независимости играет Закон о Конституционном Суде. Среди норм данного закона, регулирующих независимость в организации и деятельности Суда, отметим следующие: дефиниция Конституционного Суда РФ как высшего судебного органа конституционного контроля, осуществляющего судебную власть самостоятельно и независимо; провозглашение принципа независимости в качестве одного из основных принципов деятельности Суда, а также провозглашение независимости принципом конституционного судопроизводства; запрет на вмешательство в деятельность Суда; комплекс норм о порядке формирования Суда; гарантии независимости и беспристрастности судей; закрепление компетенции Суда, а также правил организации его деятельности и процессуального порядка осуществления полномочий; нормы об обязательности и юридических свойствах решений Суда; нормативное закрепление независимости Суда в организационном, финансовом и материально-техническом отношениях, а также установление правила о самостоятельном и независимом осуществлении информационного и кадрового обеспечения и запрет на ограничение условий деятельности Суда; правовые основы деятельности аппарата Конституционного Суда РФ и т. д. Эти и другие нормы закона являются правовой основой принципа независимости Конституционного Суда РФ, и ими обеспечивается институциональная независимость, функциональная самостоятельность и беспристрастность Суда.

На примере указанных выше норм права можно отметить, что институционально в действующем законодательстве имеет место система норм, способная обеспечивать фактическое независимое положение Конституционного Суда РФ. При этом в 2020 г.

законодательство претерпело большое количество изменений: скорректированы полномочия Конституционного Суда РФ; состав Суда сокращен до 11 судей; ужесточены действующие в отношении судей запреты и ограничения; изменен порядок досрочного прекращения полномочий судей и т. д. При этом в юридическом сообществе ставятся вопросы о дискуссионном характере данных изменений в том числе в контексте их негативного влияния на независимость Конституционного Суда РФ [8; 9; 10]. Таким образом, вопросы независимости Конституционного Суда РФ в настоящее время являются актуальными.

Стоит также отдельно отметить историю развития региональной конституционной юстиции. Первоначальная редакция Закона о судебной системе предоставляла субъектам возможность создавать свои конституционные (уставные) суды. При этом в некоторых субъектах органы конституционной юстиции появились еще до вступления в силу указанного закона. Отмечается, что конституционные (уставные) суды выступали в качестве дополнительного механизма защиты прав граждан [11, с. 129]. Институциональная независимость конституционных (уставных) судов проявлялась, в частности, в том, что они являлись органами судебной власти (самостоятельной в силу ст. 10 Конституции РФ); занимали обособленное от иных судебных органов место в судебной системе; формировались, как правило, при участии в процедуре назначения судей органов законодательной и исполнительной власти, что соответствует принципу разделения властей. Функциональная самостоятельность обеспечивалась, в частности, установленной на уровне конституций (уставов) и законов компетенцией судов (проверка соответствия конституции (уставу) субъекта нормативных актов, разрешение споров о компетенции и т. д.); установленным законом процессуальным порядком деятельности; обязательностью, окончательностью (но в ряде случаев с возможностью собственного пересмотра), непосредственностью действия решений; наличием гарантий финансирования; наличием собственного штата и т. д. Имели место и гарантии беспристрастности в виде требований и ограничений, предъявляемых к судьям; принципа коллегиальности; возможности отвода судьи в случае заинтересованности и проч.

В качестве примера такого органа можно привести Уставный Суд Свердловской области, в число полномочий которого входила проверка нормативных правовых актов региональных государственных органов, органов местного самоуправления на предмет соответствия Уставу Свердловской области (в том числе по обращениям граждан), а также толкование Устава. Областным законом от 6 мая 1997 г. № 29-ОЗ «Об Уставном Суде Свердловской области» устанавливались гарантии независимости Уставного Суда (формирование Суда органами законодательной и исполнительной ветви власти, гарантии независимости судей, обязательность решений Уставного Суда, установленная законом независимость Уставного

Суда в организационном, материально-техническом, информационном и кадровом обеспечении своей деятельности от любых других органов, наличие собственного аппарата и т. д.).

Но в полной мере потенциал данного института, обеспечивающего конституционную законность на региональном уровне, не был раскрыт. В большей части субъектов Российской Федерации фактически данные суды созданы не были. Более того, в результате законодательных изменений 2020 года данные суды были упразднены и к 1 января 2023 года полностью прекратили деятельность. При этом даже незадолго до данной реформы отмечалось, что данные суды являются необходимым органом в судебной системе, высказывались предложения о мерах по укреплению данного института и повышению его эффективности [12].

В качестве альтернативы конституционным (уставным) судам создаются иные государственные органы (советы, палаты). Например, в Республике Саха (Якутия) образован Конституционный совет Республики Саха (Якутия). Конституционным законом Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. 2356-З № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» устанавливается принцип организационной самостоятельности и функциональной независимости данного органа. Его полномочия дублируют компетенцию ранее существовавших конституционных (уставных) судов. Однако Конституционный совет лишен важнейших гарантий независимости. Во-первых, предусматривается, что он создается при законодательном органе республики, следовательно, совет не обладает институциональной независимостью. Во-вторых, его решения не являются обязательными, а лишь подлежат рассмотрению органами государственной власти и органами местного самоуправления, следовательно, совет не обладает функциональной самостоятельностью. По существу, это означает, что Конституционный совет является совещательным органом, не занимающим независимого положения в системе органов государственной власти. В связи с этим деятельность подобных органов является менее эффективным средством правовой охраны конституции, чем функционирование ранее действовавших конституционных (уставных) судов, обладавших независимостью и самостоятельностью.

Таким образом, если на федеральном уровне учреждение первого специализированного органа судебного конституционного контроля в лице Конституционного Суда РФ стало отражением положительной динамикой развития независимой конституционной юстиции, то упразднение региональных конституционных (уставных) судов на современном этапе отражает отсутствие в настоящее время в российском праве устойчивой тенденции к укреплению независимости органов конституционного судебного контроля.

Подводя итог, можно отметить, что возникновение в отечественном праве специализированного

независимого органа конституционной юстиции произошло не эволюционным путем, поскольку Конституционный Суд РФ не стал прямым правопреемником какого-либо органа. Несмотря на наличие в истории отечественного права отдельных практик (контрольно-надзорная деятельность Верховного Суда СССР, деятельность Комитета конституционного надзора СССР), которые стали базой для исследования правовой охраны конституции в формах контроля и надзора, а также продемонстрировавшие проблему отсутствия независимости органа, осуществляющего конституционный контроль, не выявлено последовательных этапов развития идеи необходимости конституционной юстиции и непрерывного процесса реформирования законодательства, которые привели бы правовую систему к созданию независимого конституционного суда путем закономерного и устойчивого развития. Таким образом, Конституционный Суд РФ стал уникальным и первым в своем роде независимым органом конституционного судебного контроля в российском праве. При этом среди судебных и/или специализированных органов правовой охраны конституции именно по отношению к Конституционному Суду РФ впервые был закреплен законодательно принцип независимости. В настоящее время можно отметить существование большого нормативного массива, провозглашающего и регулирующего принцип независимости Конституционного Суда РФ, а также наличие длительной и активной практики реализации Судом функций по осуществлению конституционного контроля. Однако, с другой стороны, во-первых, имеет место отсутствие в российском праве исторической традиции существования независимого конституционного контроля; во-вторых, в настоящее время имеется негативная практика упразднения независимой конституционной юстиции на уровне субъектов Российской Федерации; в-третьих, имеются законодательные изменения по вопросам организации и деятельности Конституционного Суда РФ, по своему содержанию являющиеся дискуссионными с точки зрения обеспечения его независимости. Таким образом, вопросы укрепления независимости Конституционного Суда РФ являются в настоящее время актуальными и требующими подробного исследования.

Список источников

1. Конституционный судебный процесс: учебник для бакалавриата / отв. ред. М. А. Митюков, В. В. Комарова. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. 352 с.
2. Рейхель М. О. СССР. Очерки конституционных взаимоотношений советских республик. Харьков, 1925. Ч. 1. 186 с.
3. Карасев Р. Е. Конституционный контроль в России: генезис, эволюция и проблемы современного периода // Государство и право. 2015. № 9. С. 102–108.
4. Митюков М. А. К истории конституционного правосудия России. Москва, 2002. 167 с.

5. Митюков М. А. Итоги, общая характеристика и оценки конституционно-надзорной практики Верховного Суда СССР (1924–1933 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 10. С. 17–24.
6. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том] // Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х – 2009 гг. Москва: Статут, 2010. Т. 4. 544 с.
7. Митюков М. А., Остапович И. Ю. Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета конституционного надзора СССР (1988–1991 гг.) // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 35–63.
8. Боброва Н. А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект конституционной ответственности // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 23–34.
9. Кряжков В. А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–39.
10. Саленко А. В. Конституционная реформа – 2020 и судебная власть: проблемы независимости и самостоятельности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 188–211.
11. Саликов М. С. Конституционный судебный процесс в системе российского права // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 125–130.
12. Зубарева М. А. Проблемы существования конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 69–72.

References

1. Constitutional trial: textbook for undergraduate studies / resp. ed. M. A. Mityukov, V. V. Komarova. Moscow: Norma: INFRA-M, 2019. 352 p.
2. Reichel M. O. USSR. Essays on the constitutional relations of the Soviet republics. Kharkov, 1925. Part 1. 186 p.
3. Karasev R. E. Constitutional control in Russia: genesis, evolution and problems of the modern period // State and law. 2015. No. 9. pp. 102–108.
4. Mityukov M. A. On the history of constitutional justice in Russia. Moscow, 2002. 167 p.
5. Mityukov M. A. Results, general characteristics and assessments of the constitutional supervisory practice of the Supreme Court of the USSR (1924–1933) // State power and local self-government. 2005. No. 10. pp. 17–24.
6. Alekseev S.S. Collected works: in 10 volumes [+ Reference. volume] // Line of Law. Concept: Essays 1990s – 2009 Moscow: Statute, 2010. T. 4. 544 p.
7. Mityukov M. A., Ostapovich I. Yu. The forerunner of constitutional justice in the post-Soviet space: towards the historiography of the Committee of Constitutional Supervision of the USSR (1988–1991) // Russian-Asian Legal Journal. 2020. No. 2. pp. 35–63.

8. Bobrova N. A. The Constitutional Court of the Russian Federation as a subject of constitutional responsibility // Law enforcement. 2020. Vol. 4, No. 4. pp. 23–34.

9. Kryazhkov V. A. How the constitutional reform of 2020 changed the Constitutional Court of the Russian Federation // State and Law. 2020. No. 9. pp. 18–39.

10. Salenko A.V. Constitutional reform - 2020 and the judiciary: problems of independence and self-sufficiency // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2020. T. 6. No. 3 (23). pp. 188–211.

11. Salikov M. S. Constitutional judicial process in the system of Russian law // Journal of Russian Law. 2003. No. 11. pp. 125–130.

12. Zubareva M. A. Problems of the existence of constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2020. No. 2. pp. 69–72.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 30.08.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 30.08.2023; accepted for publication 22.09.2023

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Научная статья
УДК 343

Розыскная и идентификационная деятельность как единая система: точка зрения

Иванов Петр Иванович
Академия управления МВД России, Москва, Россия, ivanovPI1952@yandex.ru

Аннотация. В настоящей научной статье автором в порядке постановки проблемы через призму предмета оперативно-розыскной науки высказана идея, связанная с пониманием розыскной и идентификационной деятельности как единой системы со множеством структурных элементов. Такая синхронизация условно может быть представлена следующим образом: установление местонахождения пропавших без вести граждан – идентификация неопознанных трупов – розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания. Успешное проведение розыскной и идентификационной работы зависит не только от совершенствования законодательного и иного нормативного правового регулирования, но и от научно-теоретического осмысления всех структурных элементов рассматриваемой нами системы – цели, задач, функций, субъектов, объектов, принципов, факторов, тенденций, закономерностей, с учетом происходящих глобальных процессов. Автором изучены предпосылки для разработки современной модели розыскной и идентификационной деятельности, соответствующей реалиям сегодняшнего дня.

Ключевые слова: оперативно-розыскная наука, розыскная и идентификационная деятельность, органы внутренних дел, подразделения уголовного розыска, розыск, отождествление личности

Для цитирования: Иванов П. И. Розыскная и идентификационная деятельность как единая система: точка зрения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 154–158.

Original article

Search and identification activities as a united system: point of view

Ivanov Pyotr I.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
IvanovPI1952@yandex.ru

Abstract. In this scientific article, the author, in order to pose the problem through the prism of the subject of operational investigative science, expressed an idea related to the understanding of search and identification activities as a single system with many structural elements. Such synchronization can be conditionally presented as follows: establishing the location of missing citizens - identifying unidentified corpses - searching for persons hiding from the bodies of inquiry, investigation and court, evading criminal punishment. The successful conduct of investigative work depends not only on the improvement of legislative and other normative legal regulation, but also on the scientific and theoretical understanding of all the structural elements of the system we are considering - goals, objectives, functions, subjects, objects, principles, factors, trends, patterns, taking into account ongoing global processes. The

author has studied the prerequisites for the development of a modern model of search and identification activities that correspond to the realities of today.

Keywords: operational-investigative science, investigative and identification activities, internal affairs bodies, criminal investigation units, search, identification of personality

For citation: Ivanov P. I. Search and identification activities as a united system: point of view // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 154–158.

Обращаясь к проблемам розыскной и идентификационной деятельности, мы исходим из общих положений, присущих им. При этом наряду с использованием полного словосочетания «розыскная и идентификационная деятельность» будет использоваться термин «розыскная работа», понимаемый нами как комплексная система организационных, профилактических, процессуальных, оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на обеспечение успешного розыска скрывшихся преступников, без вести пропавших лиц и иных категорий разыскиваемых, выявление и устранение условий, способствующих уклонению лиц от следствия и суда, отбывания наказания, исполнения обязательств, безвестному исчезновению граждан, а также условий, способствующих длительному укрывательству (преступлению) разыскиваемых лиц на обслуживаемой территории».

Успешное проведение розыскной и идентификационной работы зависит не только от совершенствования законодательного и иного нормативного правового регулирования, но и от научно-теоретического осмысления всех структурных элементов рассматриваемой нами системы – цели, задач, функций, субъектов, объектов, принципов, факторов, тенденций, закономерностей, с учетом происходящих глобальных процессов. Это утверждение профессоров В. М. Аتماжитова и В. А. Лукашова [1], которое мы разделяем и в ходе проведенного исследования попробуем доказать.

Развернутое понимание изучаемой системы мы рассматриваем с точки зрения процессов, суть которых сводится к следующим ключевым моментам:

- рассматриваемые нами виды деятельности – это динамично развивающиеся с учетом современных реалий и условий глобальной среды процессы, которые могут стать объектом многократных исследований и познания новых закономерностей их развития;
- это сложное по своей структуре системное образование, состоящее из множества тесно взаимосвязанных между собой компонентов (до недавнего времени розыскная и идентификационная деятельность рассматривалась обособленно, т. е. вне связи с идентификационной деятельностью, базирующейся на отождествлении личности, заключающейся в не процессуальной идентификации объекта (лица) по его мысленному образу в сознании опознающего (например, свидетеля или потерпевшего) [2];
- для указанных видов деятельности характерна их многофакторная связь с системой более высокого

уровня, связанной с криминальными проявлениями, продуцированными условиями самой среды, в основе которых, прежде всего, лежат социальные противоречия, накладывающие, к сожалению, свой отпечаток на формы и методы розыскной работы [3, 4];

- совокупность знаний о комплексе причин и условий (объективных и субъективных) при определенных условиях может перерастать во вполне сложившуюся теорию, отражающую закономерности и принципы организации розыска и идентификации лиц;

- интенсивность проявления цифровых технологий, расширяющих информационное пространство, становится объектом первоочередного познания в рамках оперативно-розыскной науки, реализующей концептуальные положения оперативно-розыскной политики [5, 6]. В это случае наука и политика рассматриваются нами как структурно-содержательные элементы анализируемой единой системы, концепция которой нашла свое закрепление в межведомственном нормативном правовом акте, принятом в 2018 году МВД России, Минюстом России, Минздравом России, МЧС России, Министерством обороны РФ, Следственным комитетом РФ, который регламентирует вопросы организации и осуществления розыска и идентификации лиц;

- на сегодняшний день в практической деятельности очевидна потребность в разработке новой модели (парадигмы) розыскной работы, за основу может быть принято авторское видение изучаемого вопроса, нашедшее отражение в настоящей статье.

Для подтверждения приведенных выше положений нами в ходе выборочного изучения установлены связи между розыскной и идентификационной деятельностью, выражающиеся:

- в изучении объектов познания через призму предмета оперативно-розыскной науки. При этом принято, что система теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) наряду с другими ее разделами включает общую теорию, которая в свою очередь – теорию розыскной работы. Сторонники этой точки зрения ни слова не говорят об идентификационной деятельности, это еще раз подтверждает их обособленное рассмотрение ранее. Мы же полагаем, что им присущи общие закономерности познавательной деятельности, поскольку используются единые специальные и общенаучные методы познания социальной среды;
- сходном целеполагании, связывающем их в вопросах розыска лиц;

- специфическом предмете исследования, т. е. в совокупности информации об объектах указанной деятельности (прежде всего, это лица и обстоятельства совершенного уголовно наказуемого деяния);

- строгой регламентации нормативными правовыми актами;

- совокупности правоотношений, возникающих в процессе розыска и идентификации лиц;

- документальном закреплении результатов деятельности по сбору, анализу и систематизации фактических данных.

Перечисленные признаки позволяют вести речь о наличии тесной связи между розыскной и идентификационной деятельностью.

Любая динамичная по своим законам система, имеет своеобразие, выражающееся в совокупности черт (признаков), приобретаемых в процессе развития. В этом плане рассматриваемая нами система не является исключением. В ней также происходят определенные изменения и корректировки, во многом обусловленные условиями внешней среды, на сегодняшний день определяемыми цифровой трансформацией общества.

Несмотря на наличие монографических работ по розыскной работе [7, 8, 9], на сегодняшний день не в полной мере изучены вопросы, требующие своего разрешения посредством установления непознанных закономерностей, углубленного изучения и анализа факторов и тенденций ее развития, соответствующих современным реалиям.

К таким вопросам, нуждающимся в дальнейшей углубленной научной проработке, на наш взгляд, относятся:

- 1) разработка и использование оперативно-розыскной методики в интересах установления личности непознанных трупов, розыска несовершеннолетних, пропавших без вести, идентификации личности фрагментированных трупов;

- 2) особенности документирования материалов дела оперативного учета с использованием оперативно-розыскных сил, средств, методов и путем проведения мероприятий на основе изучения типичных оперативно-тактических ситуаций;

- 3) компьютерное моделирование криминальных и оперативно-тактических ситуаций («от лица к преступлению» и наоборот), которые на сегодняшний день в теоретико-прикладном плане не в полной мере отработаны, и рассмотрение их в рамках соответствующих дел оперативного учета;

- 4) разработка в условиях цифровой трансформации общества современного механизма информационного обеспечения процесса документирования, т. е. реализация инновационной технологической составляющей с учетом возможных (вероятных) рисков и указанием путей их минимизации, что позволит повысить эффективность розыскной работы;

- 5) поиск наиболее эффективных форм и методов ОРД по своевременному раскрытию серийных преступлений против личности, подготовка практико-ориентированных методических рекомендаций по

розыску лиц, без вести пропавших, раскрытию преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей и обнаружением непознанных трупов, имеющих признаки серийности;

- б) обобщение отечественного и международного опыта розыскной работы в целях выявления ее прогрессивных форм и методов, установления и внедрения в практическую деятельность подразделений уголовного розыска программно-технических комплексов, системного подхода к использованию сил и средств органов, осуществляющих ОРД.

Помимо этого существует объективная необходимость совместной углубленной проработки проблем, связанных с розыскной деятельностью, в рамках Союзного государства, поскольку возникает острая потребность выработки согласованных действий в процессе сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации и Республики Беларусь. Указанный формат, по нашему мнению, в первую очередь предполагает создание нормативно-правовой базы на основе гармонизации и унификации национальных законодательств и соглашений, научное обеспечение оперативно-служебной деятельности подразделений уголовного розыска, проработку вопросов ее методического и информационного обеспечения. Как нам представляется, не исключается возможность формирования на базе ГИАЦ МВД России единого специализированного банка данных по линии розыскной работы путем объединения существующих информационных систем, связанных с розыском лиц и их отождествлением.

Говоря о дальнейшем углубленном изучении розыскной работы с научной точки зрения, необходимо выделить три взаимосвязанные проблемы:

- 1) отсутствие обновленного понятийного аппарата (в настоящее время появились новые понятия: оперативно-розыскной риск, идентификация бенефициарных владельцев собственности, идентификация цифровой личности, компьютерное моделирование ситуации, объекты розыскной и идентификационной деятельности и др., но они не в полной мере отражают направления рассматриваемых видов деятельности);

- 2) влияние цифровой трансформации;

- 3) необходимость корректировки информационных потоков при возникновении некоторых сложностей в ходе международного сотрудничества с правоохранительными органами иностранных государств [10].

Автор полагает, что поиск эффективных форм и методов розыскной и идентификационной деятельности, соответствующих современным реалиям, следует ставить в зависимость от степени (уровня) познания закономерностей, связанных с криминальной средой. Под закономерностью здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между розыскной и идентификационной деятельностью, а также между комплексом мер, принимаемых подразделениями уголовного ро-

зыска в целях успешного решения задач, связанных с розыском преступников и механизмом осуществления указанных видов деятельности.

Таким образом, одним из вариантов оптимизации розыскной работы могло бы послужить заблаговременное познание таких закономерностей, использование которых предполагается в практической деятельности, связанной с розыском представляющих оперативный интерес лиц и их отождествлением. К ним относятся:

- взаимозависимость структурных элементов, образующих содержание розыскной и идентификационной деятельности (объект, субъект, принципы, тенденции, факторы, средства и др.) и раскрывающих ее механизм [11, 12];

- упорядочение и согласование взаимодействия подразделений уголовного розыска с другими оперативными подразделениями полиции [13];

- взаимосвязь и взаимообусловленность оперативно-розыскной методики осуществления розыскной и идентификационной деятельности с механизмом (моделью) решения задач, стоящих перед ней;

- использование в процессе осуществления розыскной и идентификационной деятельности информационных систем, создаваемых на базе органов внутренних дел, например, «Розыск-магистраль» или ведомственный банк данных федерального уровня – Бюро регистрации несчастных случаев, объединяющий сведения о неопознанных трупах, а также о лицах, которые не могут сообщить данные о себе (введен в опытную эксплуатацию в 2021 году);

- причинно-следственные связи между механизмами осуществления розыскной и идентификационной деятельности для их оптимизации посредством выработки пошагового алгоритма действий подразделений уголовного розыска [10], т. е. повышение эффективности, понимаемое как достижение поставленных перед оперативными подразделениями целей при условии соответствия затраченных усилий конечному результату;

- взаимообусловленность (взаимозависимость) типичных носителей и источников информации, содержащих сведения о разыскиваемых лицах и об обстоятельствах их исчезновения.

Все вышеуказанные закономерности строятся на принципе детерминизма, который в розыскной работе является системообразующим. Отсюда, на наш взгляд, можно заключить: закономерно, значит детерминировано.

Говоря об идентификационной деятельности, исследователи в последнее время особое внимание обращают на возможность применения в оперативно-розыскной работе новых форм отождествления личности, например, техническое отождествление на основе компьютерного анализа биометрических персональных данных [14]. Так, С. М. Ховавко при этом подчеркивает три момента:

- 1) необходимость определения принципов построения и работы системы биометрической иденти-

фикации личности для нужд оперативных подразделений полиции;

- 2) различные методы биометрической идентификации (распознавание по лицу, запаху, походке, голосу и речи);

- 3) важность использования специализированных программ и аппаратно-программных средств [15].

На основании изложенного в качестве тенденций развития теоретико-методологических основ розыскной деятельности можно выделить:

1. Активное использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

2. Нарастание влияния криминогенных факторов на фоне снижения позитивного воздействия антикриминогенных и наоборот.

3. Увеличение числа разысканных и идентифицированных лиц.

4. Рост количества разыскиваемых преступников.

5. Увеличение уровня латентности объектов розыскной деятельности.

В заключение затронутой нами проблемы следует отметить, что рассмотрение розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел как единой системы является наиболее оптимальным решением, направленным на повышение эффективности данной работы посредством выработки общей стратегии и тактики осуществления розыска и идентификации лиц, интеграцию информационных ресурсов, комплексного использования и маневрирования силами и средствами различных министерств и ведомств.

Список источников

1. Атамажов В. М., Лукашов В. А. Розыскная работа оперативных аппаратов органов внутренних дел: учебное пособие. Москва: Академия МВД СССР, 1987.
2. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / вступ. ст. В. Д. Зорькина. Москва: Норма, 2006. 110 с.
3. Иванов П. И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 64–67.
4. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям: точка зрения // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 83–92.
5. Иванов П. И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63). С. 26–33.
6. Иванов П. И. О формировании современной оперативно-розыскной политики: точка зрения // Юрист-Правовед. 2022. № 4 (103). С. 12–16.
7. Гасымов Н. Г. Международный розыск: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

8. Буряков, Е.В. Розыскная деятельность оперативных подразделений полиции: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2020.

9. Парфенов А.В. Розыскная и идентификационная деятельность органов внутренних дел. М., 2022.

10. Иванов П. И. Оперативно-розыскная наука о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел // Философия права. 2021. № 3. С. 86–90.

11. Осипкин В. Н. Теоретические и организационно-методические проблемы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. 199 с.

12. Иванов П. И. Вопросы соотношения контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятия и признаки их разграничения) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3. С. 67–72.

13. Иванов П. И. Частная теория организации оперативно-розыскной деятельности в системе общей теории (в порядке постановки проблемы) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3. С. 44–51.

14. Ховавко С. М. Теоретико-правовые и организационные основы технического отождествления личности на основе биометрической идентификации в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 151–155.

15. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ч. 1 ст. 11). «О персональных данных».

References

1. Аتماжитов В. М., Лукашов В. А. Розыскная работа оперативных аппаратов органов внутренних дел: учебное пособие. Москва: Академия МВД СССР, 1987.

2. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / вступ. ст. В. Д. Зорькина. Москва: Норма, 2006. 110 с.

3. Иванов П. И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 64–67.

4. Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям: точка зрения // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 83–92.

5. Иванов П. И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63). С. 26–33.

6. Иванов П. И. О формировании современной оперативно-розыскной политики: точка зрения // Юрист-Правовед. 2022. № 4 (103). С. 12–16.

7. Гасымов Н. Г. Международный розыск: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

8. Буряков, Е.В. Розыскная деятельность оперативных подразделений полиции: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2020.

9. Парфенов А.В. Розыскная и идентификационная деятельность органов внутренних дел. М., 2022.

10. Иванов П. И. Оперативно-розыскная наука о розыскной и идентификационной деятельности органов внутренних дел // Философия права. 2021. № 3. С. 86–90.

11. Осипкин В. Н. Теоретические и организационно-методические проблемы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. 199 с.

12. Иванов П. И. Вопросы соотношения контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятия и признаки их разграничения) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3. С. 67–72.

13. Иванов П. И. Частная теория организации оперативно-розыскной деятельности в системе общей теории (в порядке постановки проблемы) // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3. С. 44–51.

14. Ховавко С. М. Теоретико-правовые и организационные основы технического отождествления личности на основе биометрической идентификации в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 151–155.

15. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ч. 1 ст. 11). «О персональных данных».

Сведения об авторе

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Чувашской Республики, заслуженный профессор Академии управления МВД России

Information about the author

Ivanov Pyotr I. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored lawyer of the Chuvash Republic, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 22.09.2023

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья
УДК 343.3

К вопросу об организационно-правовых особенностях оказания первой помощи в Российской Федерации

Винокурова Анна Анатольевна

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, 79089232467@yandex.ru

Аннотация. Целью работы является определение роли и места мероприятий первой помощи в спасении жизни и сохранения здоровья пострадавших, а также выявление проблемных вопросов, связанных с нормативным правовым обеспечением процедуры оказания первой помощи. Несмотря на имеющиеся на данный момент нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы оказания первой помощи в Российской Федерации, неконкретность формулировок и отсутствие единых алгоритмов приводят к неэффективности выполняемых мероприятий, что пропорционально снижает уровень общественного здоровья. Разработаны предложения по проведению организационных мероприятий, направленных на совершенствование подготовки и оказания первой помощи пострадавшим.

Ключевые слова: мероприятия первой помощи, закон, врач, сотрудник полиции, клинические рекомендации

Для цитирования: Винокурова А. А. К вопросу об организационно-правовых особенностях оказания первой помощи в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 159–163.

Original article

On the issue of organizational and legal features of first aid in the Russian Federation

Vinokurova Anna A.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, 79089232467@yandex.ru

Abstract. The purpose of the work is to determine the role and place of first aid measures in saving the lives and preserving the health of victims, as well as to identify problematic issues related to the regulatory legal support of the first aid procedure. Because despite the currently existing regulatory legal acts regulating first aid issues in the Russian Federation, the lack of specific formulations and the lack of uniform algorithms leads to the inefficiency of the measures carried out, which proportionally reduces the level of public health. Proposals have been developed for organizational measures aimed at improving the preparation and provision of first aid to victims.

Keywords: first aid measures, law, doctor, police officer, clinical recommendations

For citation: Vinokurova A. A. On the Issue of organizational and legal features of first aid in the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russia. 2023. No. 3. P. 159–163.

Жизнь каждого человека провозглашается высшей ценностью, а любая попытка защитить эту ценность ставится выше возможной ошибки в ходе оказания первой помощи, так как дает пострадавшему человеку шанс на выживание. Каждый гражданин

Российской Федерации при наличии специальных навыков вправе добровольно оказывать первую помощь пострадавшим от преступлений, администра-

© Винокурова А.А., 2023

тивных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует.

Экстренная и неотложная помощь пострадавшим вне медицинских учреждений оказывается преимущественно силами скорой медицинской помощи. Однако время доезда до пациента бригады скорой медицинской помощи может составлять до 20 минут с момента поступления вызова [1]. В ряде случаев (клиническая смерть, массивное кровотечение, острые нарушения кровообращения и дыхания) возможно наступление необратимых последствий в течение 5–7 минут, а с увеличением срока начала оказания помощи значительно возрастает частота различных, в том числе смертельных, осложнений у пострадавших [2, с. 121]. Вместе с тем очевидцы происшествия, выполняя простейшие мероприятия по оказанию первой помощи, могут поддерживать оптимальные условия для пострадавшего до приезда бригады скорой медицинской помощи, что позволяет уменьшить летальность и тяжесть состояния после травмы [3, с. 75].

Однако имеются данные о том, что в Российской Федерации первая помощь пострадавшим практически не оказывается. Возможные причины тому – недостаточные теоретические знания в области оказания первой помощи, отсутствие умений применения имеющихся знаний на практике, а также страх юридической ответственности в случае причинения вреда в ходе оказания помощи [4, с. 20]. При этом поиск необходимых и объективных сведений о первой помощи в русскоязычном сегменте сети Интернет может представлять определенные затруднения, так как сайты разных организаций содержат достаточно разрозненную информацию: используется различная терминология, встречаются устаревшие подходы, рекомендации, противоречащие друг другу, указания на методики оказания первой помощи, не утвержденные официальными документами [5, с. 10].

Рассматривая причины плохой теоретической подготовки и низкой осведомленности граждан относительно мероприятий первой помощи, необходимо отметить, что, несмотря на то, что прошло уже более 13 лет с момента принятия Федерального закона от 25 ноября 2009 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым первая помощь обособилась от медицинской помощи, до сих пор не только обыватели, но и сотрудники МЧС, МВД, военнослужащие и другие субъекты, обязанные оказывать такую помощь, путаются между первой медицинской помощью, первой помощью и доврачебной помощью [6].

К сожалению, путаница в видах помощи и ее объеме характерна также и для преподавателей. Сегодня существует множество организаций различных форм собственности, предоставляющих образовательные, информационные и другие услуги (навыкам

первой помощи сегодня готовы обучить не только «Российский Красный Крест», «Национальный совет по реанимации», региональные центры федеральной противопожарной службы, центры медицины катастроф, медицинские вузы, некоммерческие проекты и организации, в т. ч. «Спасатель рядом», «Вершина»), но и многочисленные частные образовательные учреждения дополнительного профессионального образования, учебные центры. Программы и методика преподавания в таких учреждениях может значительно разниться, а также включать авторские взгляды и приемы. На сегодняшний день не регламентируется, какой уровень образования и специализацию должен иметь преподаватель (или тренер) по первой помощи, за исключением наличия у него дополнительного профессионального образования повышения квалификации по подготовке преподавателей, обучающихся приемам оказания первой помощи [7].

На сегодняшний день критериями качества оказанной медицинской помощи является в том числе ее соответствие клиническим рекомендациям, которые дают представление о том, как именно должна выполняться та или иная медицинская процедура. При проведении судебно-медицинской экспертизы проводится анализ соблюдения при оказании помощи больному порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи и клинических рекомендаций (протоколов лечения) [8, с. 330]. Учитывая, что первая помощь не относится к медицинской помощи, она не оказывается на основе порядков, стандартов и клинических рекомендаций, а значит и критерии качества медицинской помощи к ней неприменимы. Нормативных документов, регламентирующих технику выполнения мероприятий первой помощи, нет. Утвержден лишь перечень состояний, при которых первая помощь оказывается, а также перечень мероприятий [9].

Содержание клинических рекомендаций составляет технико-юридические нормы, которые регламентируют безопасность и фиксируют наиболее рациональное и эффективное взаимодействие медицинского персонала с биологическим объектом – человеческим организмом. Соблюдение норм клинических рекомендаций обеспечивает безопасность выполнения процедур и достижение наиболее благоприятного результата [10, с. 231]. Оказание медицинской помощи на основе клинических рекомендаций было закреплено Федеральным законом № 489, который вступил в силу с 2022 года [11]. Закрепление клинических рекомендаций также в качестве основы оказания первой помощи имеет все шансы стать эффективным средством повышения ее качества за счет обеспечения преемственности подходов, унификации технического выполнения мероприятий и использования результатов современных научных исследований.

Говоря о возможной юридической ответственности в случае наступления неблагоприятных последствий, наступивших в результате оказания первой помощи, нужно отметить, что в литературе уже широко пред-

ставлены точки зрения на условия наступления уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности [12–14]. Например, в США и некоторых странах англо-саксонской правовой системы существует принцип «доброго самаритянина», который обеспечивает защиту от претензий тех, кто добровольно оказывает помощь в чрезвычайных ситуациях [15]. Нельзя не согласиться с тем, что добросовестные «спасатели» не должны быть наказаны за возможный неблагоприятный исход [16].

Своего рода аналогом принципа «доброго самаритянина» в России можно считать ст. 41 «Обоснованный риск» и ст. 39 «Крайняя необходимость» Уголовного кодекса РФ. В соответствии со ст. 39 причинение вреда для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, не является преступлением (если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости).

Следует отметить, что в статье 31 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определен перечень лиц, обязанных оказывать первую помощь, при этом указано, что такие лица должны иметь соответствующую подготовку. Вместе с тем в той же статье определена возможность оказания первой помощи самим пострадавшим (самопомощь) или находящимися вблизи лицами (взаимопомощь), при этом нет указаний на обязательное наличие у таких лиц специальной подготовки. Так, например, М-в А. В., не обладая специальными познаниями в оказании первой медицинской помощи, не вызвав в первую очередь скорую медицинскую помощь, не предвидя, что от его действий может наступить смерть потерпевшего или того, что он сможет причинить потерпевшему тяжкий вред здоровью, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, стал проводить Х. Н. реанимационные мероприятия путем непрямого массажа сердца, надавливая на грудную клетку Х. Н. руками. В результате указанных действий М-ва А. В. потерпевшему Х. Н. причинены телесные повреждения в виде закрытой травмы груди с переломами грудины, 3, 4, 5, 6 ребер справа, 2, 3, 4, 5 ребер слева с повреждением пристеночной плевры, верхней доли левого легкого, осложнившейся развитием двухстороннего гемопневмоторакса, острой почечной недостаточности, которые относятся к тяжкому вреду здоровья по признаку опасности для жизни и как вызвавшие угрожающее жизни состояние, и стоят в прямой причинной связи с наступлением смерти Х. Н. Суд приговорил признать М-ва А. В. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ [17].

Следует подчеркнуть, что законом не регламентируется, что является подтверждением наличия знаний и навыков первой помощи. Школьники в рамках получения основного общего и среднего общего образования изучают первую помощь на уроках основ безопасности жизнедеятельности, физкультуры и

биологии [18]. В соответствии с этим остается открытым вопрос: является ли наличие документа об общем образовании подтверждением наличия познаний в области первой помощи?

Проблемным также представляется тот аспект, что факт прохождения службы в органах внутренних дел, сотрудники которых обязаны оказывать первую помощь, суд рассматривает как подтверждение наличия навыков ее оказания. Так, например, Х-в Ю. Н. в судебном заседании пояснил, что тащил потерпевшего к воде с целью оказания ему помощи, а опустил его голову под воду для того чтобы определить, жив он или нет. Находя доказанным факт утопления Х-вым Ю. Н. потерпевшего, суд не может согласиться с позицией стороны защиты о непреднамеренном характере действий подсудимого. Х-в Ю. Н. длительное время проходил службу в МЧС, обладает навыками оказания первой помощи, в связи с чем суд не может согласиться с доводами стороны защиты о том, что совершенные в отношении потерпевшего действия, связанные с его утоплением, являлись способом диагностики наличия признаков жизни. Совершая указанные действия, Х-в Ю. Н. вне всякого сомнения понимал, что попадание воды в дыхательные пути находившегося без сознания потерпевшего приведет к смерти последнего. Суд приговорил признать Х-ва Ю. Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ [19].

Несмотря на то, что в перечне мероприятий по оказанию первой помощи перечислены в том числе «определение наличия сознания у пострадавшего», «мероприятия по восстановлению проходимости дыхательных путей и определению признаков жизни у пострадавшего», «мероприятия по проведению сердечно-легочной реанимации до появления признаков жизни, давление руками на грудину пострадавшего», не существует утвержденной техники проведения указанных мероприятий [20]. Возможно, по этой причине суд вынужден был в каждом отдельном случае судить о правильности проведения первой помощи и в принципе о возможности расценивать действия подсудимого как первую помощь [21]. Например, Б-ов С. В., будучи в состоянии опьянения, вызванного употреблением наркотических средств, действуя умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшей, осознавая в силу своего возраста и жизненного опыта, что своими умышленными действиями может причинить тяжкий вред ее здоровью, опасный для жизни человека, предвидя неизбежность его причинения и желая этого, но не предвидя, что в результате его преступных действий наступит смерть потерпевшей, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть наступление смерти потерпевшей, причиняя ей физическую боль, схватил и стал с силой удерживать руками голову и руки Х., после чего, продолжая реализацию своего преступного умысла, вооружившись ножом хозяйственно-бытового назначения и применяя его в качестве предмета, используемого в качестве оружия, умышленно

клинком ножа ампутировал ей язык. Х. скончалась на месте происшествия в результате травматической ампутации языка, протекавшей с кровотечением из язычных сосудов с развитием механической асфиксии вследствие аспирации (затекания, вдыхания) крови в дыхательные пути. Сам Б-ов С. В. пояснил, что просто хотел оказать помощь своей супруге Х., у которой после введения препарата стал западать язык, и которая стала задыхаться. Умышленно причинять Х. смерть и тяжкий вред здоровью он не хотел. Он, не имея медицинского образования, пытался помочь Х., чтобы она не проглотила язык и зубной протез. Он не помнит, каким образом у Х. оказался ампутирован язык, но допускает, что он был ампутирован его действиями, поскольку он хотел ее спасти. Он боролся за жизнь Х., оказывал помощь, а именно держал ей язык, чтобы она не задохнулась, и во время этого он его оторвал. На вопрос, почему он не вызвал скорую помощь, когда Х. начала задыхаться, мужчина пояснил, что не мог вызвать скорую помощь, так как держал язык. Суд приговорил признать Б-ова С. В. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ [22].

Таким образом, остается актуальным обеспечение доступной и качественной теоретической подготовки, а также практическое обучение оказанию первой помощи самого широкого круга лиц. Для снижения летальности пострадавших необходимо вооружение знаниями и умениями в области оказания первой помощи не только сотрудников специальных служб, но и гражданского населения. Качественное обучение и анализ возможных дефектов при оказании помощи невозможны без соответствующих актов, регламентирующих правильную технику проведения мероприятий первой помощи. Закрепление в законе клинических рекомендаций основой оказания первой помощи будет способствовать унификации, обеспечит преемственность между первой и медицинской помощью, исключит научно необоснованные приемы.

Список источников

1. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 июня 2013 г. № 388н «Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи» // СПС «Гарант».
2. Балабанов В. А., Ульянова Е. Ю. Проблемные вопросы подготовки к оказанию первой и медицинской помощи, пострадавшим силами пожарно-спасательных подразделений // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2015.
3. Сумин С. А. Неотложные состояния. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Медицинское информационное агентство, 2005. 752 с.
4. Дежурный Л. И., Лысенко К. И., Закурдаева А. Ю. Юридическая безопасность в случае неумышленного причинения вреда пострадавшему при оказании помощи на догоспитальном этапе // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. Ч. 17. № 1.
5. Неудахин Г. В., Дежурный Л. И., Лысенко К. И. Ин-

формационные ресурсы по первой помощи в сети Интернет // Социальные аспекты здоровья населения. 2012. Ч. 23. № 1.

6. Скобелева М. В. Проблемы подготовки сотрудников полиции по дисциплине «Первая помощь» // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 15 (57). С. 105–107.

7. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2464 «О порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда» (вместе с «Правилами обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда») // СПС «Гарант».

8. Ковалев А. В., Мартеньянова А. А. Особенности установления причинно-следственных связей при проведении судебно-медицинской экспертизы по факту «неоказания» помощи больному. СПб., 2016.

9. Приказ Минздравсоцразвития России от 4 мая 2012 г. № 477н (ред. от 7 ноября 2012 г.) «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» // СПС «Гарант».

10. Винокурова А. А. Клинические рекомендации в системе регулирования оказания медицинской помощи в современной России: проблемы теории и практики // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Международ. конф. молодых ученых (Москва, 15–16 апреля 2022 г.): в 3 т. М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. Т. 3. С. 231–233.

11. Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. № 489-ФЗ «О внесении изменений в статью 40 Федерального закона "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" и Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" по вопросам клинических рекомендаций» // СПС «Гарант».

12. Мамонтов Д. Ю. Проблемы применения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за неоказание помощи больному // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 16. С. 171–175.

13. Мамонтов Д. Ю. Сотрудник полиции как субъект неоказания помощи больному // Закон и право. 2018. № 11. С. 80–82.

14. Соболева М. В. О правовом регулировании оказания первой помощи сотрудником полиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33).

15. West B., Varacallo M. Good Samaritan Laws. 2022 Sep 12. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2022 Jan.

16. Марченко Д. В. Правовые основы оказания первой помощи сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 1.

17. Приговор № 1-456/2013 1-28/2014 1-28/2014(1-456/2013) от 4 марта 2014 г. // ГАС РФ «Правосудие».

18. ФГОС Основное общее образование: утв. приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897 (ред. от 11.12.2020) // СПС «Гарант».

19. Приговор № 1-224/2019 от 6 августа 2019 г. по делу № 1-224/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

20. Приказ Минздравсоцразвития России от 4 мая 2012 г. № 477н (ред. от 7 ноября 2012 г.) «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» // СПС «Гарант».

21. Елфимов П. В., Виноградова О. П. Насильственные преступления на почве семейно-бытовых конфликтов: проблемы первоначального этапа расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2 (26). С. 30–35.

22. Приговор Ногинского городского суда Московской области от 28 августа 2019 г. по делу № 1-239/2019. URL: <https://sudact.ru>.

References

1. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated June 20, 2013 No. 388n "On approval of the procedure for providing emergency, including emergency specialized, medical care" // SPS "Garant".

2. Balabanov V. A., Ulnova E. Yu. Problematic issues of preparation for the provision of first aid and medical aid to victims of fire and rescue units // Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2015.

3. Sumin S. A. Urgent conditions. 5th ed., revised. and additional M.: Medical Information Agency, 2005. 752 p.

4. Duty officer L. I., Lysenko K. I., Zakurdaeva A. Yu. Legal security in the event of unintentional harm to the victim in the provision of assistance at the prehospital stage // Social aspects of public health. 2011. Part 17. No. 1.

5. Neudakhin G. V., Dezhurny L. I., Lysenko K. I. Information resources for first aid on the Internet // Social aspects of public health. 2012. Part 23. No. 1.

6. Skobeleva M. V. Problems of training police officers in the discipline "First Aid" // Problems of modern science and education. 2016. No. 15 (57). pp. 105–107.

7. Decree of the Government of the Russian Federation of December 24, 2021 No. 2464 "On the procedure for training in labor protection and testing knowledge of labor protection requirements" (together with the "Rules for training in labor protection and testing knowledge of labor protection requirements") // SPS "Garant".

8. Kovalev A. V., Martemyanova A. A. Peculiarities of establishing causal relationships during a forensic medical examination on the fact of "failure to provide" assistance to a patient. SPb., 2016.

9. Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia dated May 4, 2012 No. 477n (as amended on November 7, 2012) "On approval of the list of conditions under which first aid is provided and the list of measures to provide first aid" // SPS Garant.

10. Vinokurova A. A. Clinical recommendations in the system of regulation of medical care in modern Russia: problems of theory and practice // Traditions and innovations in the system of modern Russian law: materials of the XXI International. conf. young scientists (Moscow, April 15–16, 2022): in 3 vols.

11. Federal Law No. 489-FZ of December 25, 2018

"On Amendments to Article 40 of the Federal Law "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation" and the Federal Law "On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" on Clinical Recommendations" // ATP "Garant".

12. Mamontov D. Yu. Problems of application of the norm establishing criminal liability for failure to provide assistance to the patient // Vestnik SevKavGTI. 2014. No. 16. P. 171–175.

13. Mamontov D. Yu. A police officer as a subject of failure to provide assistance to a patient // Law and Law. 2018. No. 11. P. 80–82.

14. Soboleva M. V. On the legal regulation of the provision of first aid by a police officer // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1 (33).

15. West B., Varacallo M. Good Samaritan Laws. 2022 Sep 12. In: StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; 2022 Jan.

16. Marchenko D. V. Legal basis for the provision of first aid by employees of the internal affairs bodies // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1.

17. Sentence No. 1-456/2013 1-28/2014 1-28/2014(1-456/2013) dated March 4, 2014 // GAS RF "Justice".

18. GEF Basic general education: approved. by order of the Ministry of Education and Science of Russia dated December 17, 2010 No. 1897 (as amended on December 11, 2020) // SPS "Garant".

19. Sentence No. 1-224/2019 dated August 6, 2019 in case No. 1-224/2019 // State Arbitration Court of the Russian Federation "Justice".

20. Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia dated May 4, 2012 No. 477n (as amended on November 7, 2012) "On approval of the list of conditions under which first aid is provided and the list of measures to provide first aid" // SPS "Garant".

21. Elfimov P. V., Vinogradova O. P. Violent crimes on the basis of family and domestic conflicts: problems of the initial stage of the investigation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (26). pp. 30–35.

22. Judgment of the Noginsk City Court of the Moscow Region dated August 28, 2019 in case No. 1-239/2019. URL: <https://sudact.ru>.

Информация об авторе

Винокурова Анна Анатольевна – кандидат медицинских наук

Information about the author

Vinokurova Anna A. – Candidate of Medical Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 343.35

Недостатки конструкций квалифицированных составов превышения должностных полномочий (статья 286 Уголовного кодекса Российской Федерации)

Ермакова Ольга Владимировна

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, ermakova_alt@mail.ru

Аннотация. В представленной статье автором анализируются квалифицированные составы, закрепленные в п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ч. 4 ст. 286 УК РФ. Последняя была введена только в 2022 г. и фактически не исследована в научной литературе. Автором проводится сравнительная характеристика понятия «пытка», демонстрируются недостатки современной трактовки относительно ст. 117 УК РФ. Отдельное внимание уделяется разбору нормативного закрепления тяжких последствий: в частности доказывается, что использование двух последствий, выраженных в законе при помощи оценочных признаков, приводит к проблемам правоприменения и вынесению необоснованных решений. Автором предлагается ограничить понятие существенного нарушения только неимущественными разновидностями вреда, а в квалифицированных составах предусмотреть причинение имущественного и физического вреда.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, пытка, тяжкие последствия, квалифицированные составы преступления

Для цитирования: Ермакова О. В. Недостатки конструкций квалифицированных составов превышения должностных полномочий (статья 286 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 164–168.

Original article

Disadvantages of designs of qualified abuse of power (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Ermakova Olga V.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ermakova_alt@mail.ru

Abstract. In the presented article, the author analyzes the qualified compositions enshrined in paragraph «c» of Part 3 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 4 of Art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. The latter was introduced only in 2022 and has not actually been studied in the scientific literature. The author provides a comparative description of the concept of “torture” and demonstrates the shortcomings of the modern interpretation regarding Art. 117 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the analysis of the normative consolidation of grave consequences: in particular, it is proved that the use of two consequences expressed in the law using evaluative signs leads to problems of law enforcement and the making of unfounded decisions. The author proposes to limit the concept of a significant violation only to non-property types of harm, and in qualified cases to provide for the infliction of property and physical harm.

Keywords: abuse of power, torture, grave consequences, qualified elements of a crime

For citation: Ermakova O. V. Disadvantages of designs of qualified abuse of power (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 164–168.

Из всего перечня квалифицированных составов, закрепленных в ч. 2–5 ст. 286 УК РФ, особое внимание следует уделить регламентации введенного Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ нового признака – применение пытки (данный признак также был закреплен этим же законом и в ч. 3 ст. 302 УК РФ).

Необходимо отметить, что обозначенный способ совершения преступления уже закреплялся в составе истязания (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ), однако впоследствии был исключен из данной законодательной нормы.

В этой части следует отметить, что обновленное определение пытки, получившее отражение в примечании 1 к ст. 286 УК РФ кардинально отличается от понятия, предлагавшегося в примечании к ст. 117 УК РФ, что вызывает вопросы относительно, во-первых, причин изменения законодателем собственной позиции по данному вопросу, во-вторых, обоснованности предложенной регламентации.

Проведение сравнительного исследования ранее существовавшего и вновь введенного понятия «пытка» позволяет выявить следующие отличия:

1. В соответствии с примечанием 1 к ст. 286 УК РФ пытка может проявляться не только в действии, но и в бездействии. Такое расширение понятия вызывает удивление, поскольку традиционное понимание превышения должностных полномочий, исходя из буквального толкования закона, однозначно воспринимается только как действие [1, с. 68].

Ограничение деяния в составе преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ, исключительно действиями актуализирует вопрос возможности превышения полномочий путем бездействия.

Анализ судебной практики показывает, что суды квалифицируют подобные случаи по ст. 285 УК РФ. К примеру, М., являясь сотрудником органов внутренних дел, получил информацию о хранении Э. наркотических средств с целью их последующего употребления. Чтобы получить незаконное вознаграждение от последнего, М. произвел его задержание и предложил передать деньги в размере 5000 рублей за то, что не составил протокол [2].

Следует поддержать вывод о признании такого бездействия разновидностью злоупотребления, а не превышением по следующим обстоятельствам: во-первых, должностное лицо обладает полномочиями по принятию решения относительно составления протокола и может воспользоваться ими из корыстных побуждений; во-вторых, тот факт, что сотрудник не составил протокол вследствие незаконных действий, направленных на получение вознаграждения, нельзя расценивать как превышение, поскольку в представленной ситуации она относится не к составлению или несоставлению протокола, а к действиям

по получению взятки, что образует самостоятельный состав преступления.

Таким образом, соединение законодателем в одной конструкции деяния в форме исключительно действия со способом, заключающимся в бездействии, нельзя признать обоснованным.

При этом представленный тезис о понимании пытки исключительно в качестве действия полностью соответствует положениям Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. По всей видимости, российский законодатель закрепил указание на бездействие для того, чтобы можно было привлечь к уголовной ответственности за соучастие и тех должностных лиц, которые непосредственно не пытали сами, но с их ведома или молчаливого согласия данное преступное деяние осуществляли другие лица. Однако решение данной проблемы путем расширения форм преступного деяния полностью противоречит не только пониманию пытки, но и пониманию самого превышения должностных полномочий и требует внесения в уголовный закон соответствующих изменений.

2. На сегодняшний день уголовное законодательство расширило последствия пытки. Если в соответствии с примечанием к ст. 117 УК РФ пытка причиняла физические или нравственные страдания, то в настоящее время она может еще и повлечь сильную боль. В этой части, очевидно, масштабное использование законодателем оценочных категорий, таких как «сильная боль», «страдания», не имеющих никаких критериев определения. Следует оценить подобную практику законотворческой деятельности негативно, поскольку причинение боли либо есть, либо нет, а градация ее по степени воздействия на сильную, среднюю, слабую в практической деятельности нецелесообразна, т. к. непригодна для установления.

3. Трансформации подверглась цель совершения пытки. Буквальное толкование примечания 1 к ст. 286 УК РФ позволяет выделить следующие альтернативные виды целей:

- получение от потерпевшего или третьего лица определенных сведений или признаний;
- наказание за действия, совершенные им или третьим лицом;
- запугивание;
- принуждение.

Кроме того, в дефиницию включен альтернативный мотив – дискриминация любого характера.

В этой части необходимо отметить, что и в ранее действующем примечании к ст. 117 УК РФ цель включалась в качестве обязательного признака и отличалась открытым перечнем, поскольку использовалась формулировка – «либо в иных целях».

В примечании 1 к ст. 286 УК РФ цель и мотив сформулированы исчерпывающим образом. При этом

большая часть альтернативных целей, для которых применяется пытка, связывается с принуждением к даче каких-либо сведений. Соответственно, превышение должностных полномочий с применением пытки при наличии цели принуждения к даче показаний следует отграничивать от ст. 302 УК РФ, которая, по нашему мнению, в этом случае будет более уместна.

Отметим, что данное в УК РФ определение пытки практически воспроизводит формулировку, закрепленную в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Существенное отличие заключается в том, что в примечании 1 к ст. 286 УК РФ не определены субъекты преступления. Исходя из того, что применение пытки выступает квалифицирующим признаком превышения должностных полномочий, в состав которого включен специальный субъект – должностное лицо, можно сделать вывод, что и для состава, предусмотренного ч. 4 ст. 286 УК РФ субъект аналогичен.

Необходимо отметить, что в международном понимании субъектом рассматриваемого преступления может быть лицо, выступающее в официальном качестве либо действующее с ведома либо с согласия должностного лица [4, с. 13]. Очевидно, что российское уголовное законодательство сужает круг субъектов данного преступления.

Без всяких сомнений, законодатель стремится привести уголовно-правовые нормы о применении пыток в соответствие с международными предписаниями. Содержание последних в свою очередь оказывает влияние на признание тех или иных признаков в качестве обязательных, а также на их юридическое выражение. Однако в настоящее время в примечании 1 к ст. 286 УК РФ международная правовая позиция выражена лишь частично.

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволило выделить существенные недостатки понятия «пытка», закрепленного в примечании 1 к ст. 286 УК РФ: излишнее указание на такую форму совершения деяния, как бездействие; некорректное использование формулировки последствий – «в виде сильной боли»; исчерпывающий перечень целей пытки; ограничение специального субъекта преступления только должностными лицами.

Устранению обозначенных неточностей, на наш взгляд, может способствовать следующее определение: пытка – это действие по причинению физических или нравственных страданий в целях получения от этого лица или других лиц каких-либо сведений или признаний, наказания за совершение чего-либо, принуждения либо в иных целях или по любой причине, основанной на дискриминации, совершенное должностным лицом либо с ведома либо с согласия должностного лица.

Конструкция состава – превышение должностных полномочий, также уникальна тем, что помимо оценочного отражения преступных последствий в основном составе в квалифицированном составе (п. «в» ч.

3 ст. 286 УК РФ) закрепляются также тяжкие последствия, не имеющие четких критериев определения. В результате чего для вменения указанной нормы правоприменителям следует установить два оценочных понятия – существенное нарушение прав и тяжкие последствия, при этом обосновав принятое решение относительно каждого из них.

Так, суд признал повлекшими причинение тяжких последствий действия 3., выразившиеся в незаконном привлечении гражданина М. к уголовной ответственности. Вместе с тем Президиум Ярославского областного суда указал на отсутствие установленных последствий, которые относятся к числу тяжких, а не просто существенных [3].

Использование подобного сочетания в виде совокупности оценочных понятий, не обладающих четким содержанием, нельзя признать удачным.

Тяжкие последствия перечисляются Верховным Судом РФ в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 в виде открытого примерного перечня (п. 21), при этом их характеристика может связываться с материальным и нематериальным содержанием.

В. К. Андрианов указывает, что правоохранительными органами не всегда выполняются рекомендации указанного Пленума Верховного Суда РФ [5, с. 217] Следует не согласиться с подобным утверждением, поскольку представленный перечень не является исчерпывающим, следовательно, носит примерный характер и разработан в целях ориентирования правоприменителей на качественную и количественную характеристику таких последствий. При вменении п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ следует обосновать признание последствий не просто существенными, а тяжкими.

Достаточно сложным при квалификации превышения должностных полномочий является вопрос определения размера имущественного вреда как разновидности материальных последствий для отнесения их к числу тяжких.

К примеру, суд первой инстанции признал главу местного самоуправления виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, установив причинение материального ущерба в размере 66 052 537 рублей, которые были выделены из бюджетов РФ, субъектов РФ и муниципального образования. Данный приговор был изменен Пермским краевым судом, в принятом решении которого указывается на отсутствие в приговоре обоснования признания в качестве тяжких последствий материального ущерба, наступившего после совершенного преступления. Следовательно, в действиях осужденного нельзя усмотреть такой квалифицирующий признак, как превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий.

Считаем необходимым закрепить границы материального ущерба в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ либо в уголовном законе. На целесообразность этого указывается в научной литературе: так, А. А. Ильин подчеркивает назревшую потребность в установлении причинения материального ущерба в качестве самостоятельного преступного

последствия, т. к. применение состава халатности доказывает эффективность такой практики [7, с. 113].

По мнению И. А. Архиповича законодателю следует закрепить размер крупного и особо крупного ущерба в примечании к ст. 285 УК РФ, распространив его действие на ст. 286 и 293 УК РФ, с учетом характеристики существенного нарушения прав. Диспозиция ст. 286 УК РФ, по мнению автора, может выглядеть следующим образом: «Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших за собой крупный или особо крупный ущерб или существенное нарушение прав и законных интересов физических лиц или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» [8, с. 107].

В целом, поддерживая авторов относительно целесообразности выделения материального ущерба в качестве самостоятельного последствия, а также предложения о необходимости конкретизации преступных последствий, считаем необоснованным включение имущественного ущерба в качестве альтернативной разновидности, отличающейся количественными показателями, поскольку в этом случае нарушается правило дифференциации уголовной ответственности.

Полагаем, что наиболее верно ограничить качественные характеристики существенного нарушения прав исключительно нематериальными последствиями с сохранением оценочного принципа их определения. Самостоятельными в составе превышения должностных полномочий следует предусмотреть разновидности материальных последствий в виде имущественного и физического вреда. При этом, руководствуясь теорией дифференциации уголовной ответственности, законодателю необходимо соотнести общественную опасность каждого деяния с выделением соответствующих квалифицированных и особо квалифицированных составов.

Проведенный анализ п. «в» ч. 3 и ч. 4 ст. 286 УК РФ позволяет сделать определенные выводы и внести предложения по совершенствованию законодательства. В частности, можно рекомендовать ограничить использование конструкций, в которых признаки состава преступления находят юридическое выражение в оценочных понятиях. Особенно важно исключить их одновременное использование при описании деяния и последствий, а также их одновременное включение в основной и квалифицированный составы. Исходя из этого, предлагаем исключить п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ с одновременным закреплением таких квалифицированных составов, как превышение должностных полномочий, повлекшее крупный (особо крупный) имущественный ущерб (с указанием в примечании конкретной денежной суммы). При этом учитывать, что действующая редакция п. «а» ч. 3 и ч. 5 ст. 286 УК РФ уже предусматривают различные варианты причинения вреда здоровью и жизни, а значит дальнейшая детализация таких разновидностей не целесообразна.

Список источников

1. Поляков А. А., Мишустина С. В. К вопросу об уголовно-правовой категории «пытка» в уголовном кодексе российской федерации // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации) / под ред. Я. Б. Жолобова. Санкт-Петербург, 2022. С. 508–509.
2. Уголовное дело № 1-49/20. Бутырский районный суд. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 05.05.2023).
3. Ермаков С. В., Ермакова О. В. Превышение должностных полномочий: проблемы толкования общественно опасного деяния // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 2 (96). С. 68–73.
4. Постановление Президиума Ярославского областного суда от 15 мая 2013 г. № 44у-123-2013 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 05.05.2023).
5. Андрианов В. К. Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями и превышением должностных полномочий // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 216–222.
6. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 25 января 2018 г. по делу № 22-277/2018 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 05.05.2023).
7. Ильин А. А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. Москва, 2014.
8. Архипович И. А. Квалифицирующие признаки превышения должностных полномочий // Концепции и модели устойчивого инновационного развития общества. Уфа, 2020. С. 107–110.

References

1. Polyakov A. A., Mishustina S. V. On the issue of the criminal legal category «torture» in the criminal code of the Russian Federation // Law and justice in the modern world (on the occasion of the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation) / ed. Y. B. Zholobov. St. Petersburg, 2022. Pp. 508–509.
2. Ermakov S. V., Ermakova O. V. Abuse of official powers: problems of interpretation of a socially dangerous act // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (96). Pp. 68–73.
3. Andrianov V. K. Some issues of qualifying crimes related to abuse of power and abuse of power // Problems of Economics and Legal Practice. 2019. V. 15. No. 3. Pp. 216–222.
4. Ilyin A. A. Abuse of official powers (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation): concept, types, issues of legislative technique and differentiation of responsibility. Moscow, 2014.
5. Arkhipovich I. A. Qualifying signs of abuse of power // Concepts and models of sustainable innovative development of society. Ufa, 2020. Pp. 107–110.

Информация об авторе

Ермакова Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент

Information about the author

Ermakova Olga V. – Candidate of Law, Assistant professor

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Особенности разграничения статей 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации

Малышев Константин Сергеевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, k.malyshev@mail.ru

Аннотация. В статье исследованы отдельные проблемы квалификации преступлений, связанные с разграничением ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, предложены пути их решения. Используя системный анализ, автор раскрывает форму и содержание предмета ст. 207.3 УК РФ, который, по его мнению, в случаях дискредитации Вооруженных Сил РФ или государственных органов при совершении этого деяния путём публичного распространения заведомо ложной информации является ключевым признаком, позволяющим разграничить анализируемые преступления.

Ключевые слова: публичное распространение заведомо ложной информации, общественная безопасность, дискредитация, Вооруженные Силы РФ, государственная власть

Для цитирования: Малышев К. С. Особенности разграничения статей 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 169–172.

Original article

Features of differentiation of Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

Malyshev Konstantin S.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, k.malyshev@mail.ru

Abstract. The article examines certain problems of qualification of crimes related to the distinction between Art. 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, ways to solve them are proposed. Using system analysis, the author reveals the form and content of the subject of Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, which, in his opinion, in cases of discrediting the Armed Forces of the Russian Federation or state bodies during the commission of this act through the public dissemination of knowingly false information, is a key feature that makes it possible to distinguish between the crimes being analyzed.

Keywords: public dissemination of deliberately false information, public safety, discrediting, Armed Forces of the Russian Federation, state power

For citation: Malyshev K. S. Features of differentiation of Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 169–172.

С момента начала специальной военной операции на Украине существенно увеличилось число случаев дискредитации Вооружённых Сил РФ, а также распространения недостоверных сведений об их использовании.

Роскомнадзор, подводя итоги работы с обращениями граждан в I квартале 2022 года, проинформировал о двукратном (по сравнению с аналогичным периодом 2021 года) увеличении количества обращений по фактам публичного распространения в интернете

заведомо ложной информации, в том числе о спецоперации [1].

По данным МВД России на октябрь 2022 года было пресечено 4,5 тыс. административных правонарушений, выразившихся в дискредитации Вооружённых Сил РФ и распространении недостоверных сведений об их использовании, возбуждено свыше 100 уголовных дел [2].

Тенденция роста указанных противоправных, общественно опасных деяний, на наш взгляд, созда-

ёт существенную угрозу развитию общественных отношений, обеспечивающих защищенность личности, общества и государства от информационных манипуляций в сфере реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, суверенитета, территориальной целостности и устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, обороны и безопасности государства в целом.

В этой связи повышается роль уголовно-правовых средств противодействия данному негативному социальному явлению.

Следует отметить, что в 2022 году законодатель ввёл ряд статей, обеспечивающих защиту обозначенных общественных отношений, в том числе ст. 207.3 УК РФ – «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий», и 280.3 УК РФ – «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях».

Статья 207.3 УК РФ входит в главу 24 УК РФ и охраняет общественную безопасность, а видовым объектом ст. 280.3 УК РФ, входящей в главу 29 УК РФ, являются основы конституционного строя и государственная безопасность. При этом непосредственные объекты анализируемых норм совпадают – причинение вреда или создания угрозы причинения такого вреда обороноспособности и государственной безопасности.

Оценивая объективную сторону, необходимо отметить, что внешние признаки данных преступлений не являются тождественными. В ст. 207.3 УК РФ они выражаются в публичном распространении заведомо ложной информации. Признаком ст. 280.3 УК РФ являются публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов страны и её граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий. К таким действиям могут быть отнесены публичные призывы, публичные акции, в рамках которых демонстративно уничтожаются военные символы, и прочие деяния. Более того, к ним может быть отнесено и публичное распространение заведомо ложной информации, дискредитирующей Вооруженные Силы нашей страны и ее государственные органы по исполнению своих полномочий, в том числе за пределами территории Российской Федерации.

С учетом смежности непосредственных объектов, а также схожести внешних признаков деяния у правоприменителя могут возникнуть вопросы, связанные с разграничением преступлений, предусмотренных ст. 207.3 и 280.3 УК РФ. Решение указанной проблемы

лежит в плоскости исследования сущности предмета анализируемых норм.

Так, предмет ст. 207.3 УК РФ включает в себя «распространяемую под видом достоверных сообщений заведомо ложную информацию, содержащую данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащую данные об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях» [3].

В соответствии с Военной доктриной Российской Федерации, утверждённой Президентом 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 под использованием Вооруженных Сил следует понимать их деятельность по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, непосредственное применение в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, а также деятельность по развитию военной организации, строительству и развитию Вооруженных Сил, по мобилизационной подготовке и мобилизационной готовности Российской Федерации, по военно-экономическому обеспечению обороны (оснащение военной и специальной техникой, материальными средствами, развитие оборонно-промышленного комплекса, военно-политическое и военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами) [4].

В свою очередь публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, в рамках действующей редакции ст. 207.3 УК РФ должно повлечь ответственность только при условии, что эти данные касаются полномочий, входящих в перечень прав и обязанностей непосредственного государственного органа, а также при условии их выполнения за пределами территории Российской Федерации в целях защиты интересов страны и её граждан, а также в целях поддержания международного мира и безопасности.

Во-первых, ложная информация, выступающая в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, обладает свойством манипуляции и инвективы – воздействия на адресата, побуждающего к резкой негативной эмоциональной оценке, обвинению деятельности органов власти, общественных организаций, общественных и политических деятелей и пр. Вместе с тем дискредитация в ст. 280.3 УК РФ также рассматривается как некая цель подрыва авторитета, имиджа и доверия к Вооруженным Силам Российской Федерации и иным государственным органам. Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие в ст. 207.3 УК РФ указания на характеристику угрозы распространяемой информации охраняемым общественным отношениям, ссыла на которую есть в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ. В этой связи следует отметить, что непубличное распространение информации, на наш

взгляд, не создает угрозу общественным отношениям.

Во-вторых, признаком применительно к ст. 207.3 УК РФ является фиктивная достоверность, которая может быть связана с формой, способами, обстановкой, спецификой субъекта и другими особенностями распространения информации. В частности, Президиум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что «о придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям» [5]. Объективно ложная информация даже при её публичном распространении не несёт общественной опасности, если не выдаётся кем-либо за достоверную. Художественные фильмы, постановочные ролики и прочий контент, публикуемый как творческий продукт не соответствующий действительности, не является предметом анализируемых преступлений.

В-третьих, информация должна быть ложной, то есть не соответствующей действительности. Используя системный анализ норм уголовного законодательства, связанных с ответственностью за изготовление и использование определённых носителей информации, таких как фальсифицированные доказательства, поддельные документы, поддельные денежные купюры, ценные бумаги, знаки соответствия и пр., мы пришли к выводу о том, что распространяемый аудио- и видеоконтент, электронные, устные или письменные сообщения будут объективно ложными в случае их несоответствия действительности в целом или какой-либо их части.

Оценивая ложность в качестве характеристики распространяемой информации, по нашему мнению, следует согласиться с мнением А. Г. Кибальника, который правильно указал, что оценочные суждения, мнения, предположения, прогнозы не должны повлечь за собой ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации [6]. Из этого следует, что содержание информации должно относиться исключительно к фактам.

Устанавливая несоответствие информации действительности, правоприменителю необходимо использовать данные официальных источников органов власти, результаты судебных экспертиз, которые могут установить признаки технической подделки аудио- или видеоконтента, показания свидетелей и прочие доказательства, устанавливающие объективную ложность распространяемого сообщения.

В следственной и судебной практике применения анализируемых уголовно-правовых норм при оценке ложности информации следует учитывать в качестве некой «презумпции достоверности» источники из перечня, которые на основании ст. 57 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 исключают ответственность представителей средств массовой информации за достоверность, если она взята из них. Другими словами

при распространении такие данные не требуют дополнительной проверки.

Проанализировав содержание и форму предмета преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, сформулируем критерии разграничения ее со ст. 280.3 УК РФ, которые, на наш взгляд, следует исследовать, используя ретроспективный опыт отечественного законодательства. В период, когда в уголовном законодательстве были криминализированы и одновременно существовали такие преступления как оскорбление и клевета, совершённое деяние, как и при применении ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, выражалось в сообщении ложной информации. В указанном случае разграничение проводилось по предмету преступления. В частности, клевета отличалась распространением ложных фактов, а оскорбление могло лишь содержать неправдивую информацию общего оскорбительного характера без указания на недостоверные факты. В случаях, когда публичные действия, направленные на дискредитацию использования российской армии или иных государственных органов, связаны с публичным распространением ложной информации, необходимо вменить ст. 207.3 УК РФ при условии, что информация содержит исключительно ложные факты, выдающиеся под видом достоверных.

Если же помимо этого публично высказывается иная дискредитирующая информация (например, оскорбительные лозунги об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и её граждан), не содержащая фактов, то необходимо преступление следует квалифицировать по совокупности ст. 207.3 и 280.3 УК РФ.

Соответственно, при распространении ложной информации исключительно общего характера, не ссылающейся на факты, с учетом ее направленности на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ либо иных государственных органов для защиты интересов РФ и граждан РФ деяние следует квалифицировать только по ст. 280.3 УК РФ.

Список источников

1. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): Роскомнадзор подвел итоги работы с обращениями граждан за I полугодие 2022 г. – URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74464.htm?~print=1&ysclid=I9fna67ka6135931720&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
2. Официальный сайт МВД России: выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в рамках «правительственного часа». – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/33199229/?ysclid=I9fml0ethk-137079189>
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. – URL: <http://www.consultant.ru>

4. Военная доктрина Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/

5. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. Президиум Верховного Суда Российской Федерации: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28882/?ysclid=l27wy7wh-1n>.

6. Кибальник А. Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. – 2020. – № 5 // КонсультантПлюс, Версия Проф. – 2020.

References

1. Official website of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor):

Roskomnadzor summed up the results of its work with citizens' appeals

for the first half of 2022 – URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74464.htm?print=1&ysclid=l9fna67ka6135931720&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

2. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia: speech by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, Police General of the Russian Federation V.A. Kolokoltsev at a meeting of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation during the "government hour". – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/33199229/?ysclid=l9fml0ethk-137079189>

3. Criminal Code of the Russian Federation. – URL: <http://www.consultant.ru>

4. Military doctrine of the Russian Federation. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/

5. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation: Review of selected issues of judicial practice related to the application of legislation and measures

on countering the spread on the territory of the Russian

Federation of New Coronavirus Infection (COVID-19) No. 2. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/28882/?ysclid=l27wy7wh-1n>.

6. Kibalnik A.G. Criminal legal reaction to the coronavirus pandemic // Legality. – 2020. – No. 5 // ConsultantPlus, Version Prof. – 2020.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 22.09.2023

Содержание и перспективы совершенствования признака «механическое транспортное средство» в уголовном законодательстве

Первухин Александр Сергеевич

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, ann.alexandr@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7761-9237>

Аннотация. В статье анализируется содержание признака «механическое транспортное средство». На основе анализа правоприменительной практики и трудов ученых автор ставит под сомнение избранный законодателем формально-правовой подход к определению признака «механическое транспортное средство» и приходит к выводу о необходимости использования технико-юридического подхода. Обоснован тезис о том, что устройства, обладающие признаками, указывающими на их принадлежность к какому-либо роду механических транспортных средств, и участвующие в дорожном движении, следует признавать механическими транспортными средствами. Предлагается ограничить круг механических транспортных средств для целей ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ только теми, конструктивная скорость которых составляет 20 км/ч и более.

Ключевые слова: механическое транспортное средство, транспортное преступление, технические характеристики транспортного средства, уголовная ответственность

Для цитирования: Первухин А. С. Содержание и перспективы совершенствования признака «механическое транспортное средство» в уголовном законодательстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3. С. 173–182.

Original article

The substance and prospects of improving the feature of «mechanical vehicle» in criminal legislation

Pervukhin Alexander S.

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, ann.alexandr@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7761-9237>

Abstract. The article analyzes the content of the feature «mechanical vehicle». Based on the analysis of law enforcement practice and the works of scientists, the author criticizes the formal legal approach chosen by the legislator to the definition of the attribute «mechanical vehicle» and comes to the conclusion that it is necessary to use a technical and legal approach. The thesis is substantiated that devices with signs indicating its belonging to any kind of motor vehicles and participating in road traffic should be recognized as mechanical vehicles. It is proposed to limit the range of motor vehicles, for the purposes of Articles 264, 264.1, 264.2, 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation only to those whose design speed is 20 km/h or more.

Keywords: mechanical vehicle, transport crime, technical characteristics, criminal liability

For citation: Pervukhin A. S. The substance and prospects of improving the feature of «mechanical vehicle» in criminal legislation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3. Pp. 173–182.

Довольно продолжительное время среди юристов не утихают споры о содержании признака «механическое транспортное средство». Указанный признак трактуется правоприменителями по-разному, что отражается на судебно-следственной практике. Сказанное обуславливает научный интерес к данному вопросу и, как представляется, необходимость

корректировки используемого в уголовном законе понятия «механическое транспортное средство».

В середине прошлого десятилетия в Правилах дорожного движения (далее – ПДД) и уголовном законе произошли значимые изменения.

До вступления в законную силу постановления Правительства РФ от 22 марта 2014 г. № 221 «О вне-

сении изменений в постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090» в ПДД под механическими транспортными средствами понимались транспортные средства, кроме мопеда, приводимые в движение двигателем. Термин распространялся на любые тракторы и самоходные машины. Мопедом признавалось двух- или трехколесное транспортное средство, приводимое в движение двигателем с рабочим объемом не более 50 куб. см и имеющее максимальную конструктивную скорость не более 50 км/ч. К нему приравнивались велосипеды с подвесным двигателем, мокики и другие транспортные средства с аналогичными характеристиками [1]. Фактически техническими критериями механических транспортных средств являлись рабочий объем двигателя более 50 куб. см и конструктивная скорость более 50 км/ч.

Сегодня согласно ПДД механическими транспортными средствами являются транспортные средства, приводимые в движение двигателем. Термин по-прежнему распространяется на любые тракторы и самоходные машины. Исключение составляют средства индивидуальной мобильности и велосипеды [2]. Теперь к механическим транспортным средствам следует относить и те транспортные средства, которые не соответствуют указанным выше техническим критериям (например, мопед). Другими словами, в качестве таковых стал признаваться более широкий перечень транспортных средств.

Необходимо отметить изменения, коснувшиеся уголовного закона, который в ст. 264 УК РФ также содержит понятие «механическое транспортное средство», которое по своему содержанию не идентично тому, что дано в ПДД.

До вступления в законную силу Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» к механическим транспортным средствам для целей ст. 264 УК РФ относили автомобиль, трамвай, другие механические транспортные средства – троллейбусы, а также трактора и иные самоходные машины, мотоциклы и иные механические транспортные средства [3].

Теперь к механическим транспортным средствам, наряду с автомобилем и трамваем, законодатель относит трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право (примечание 1 к ст. 264 УК РФ).

Комментируя внесенные изменения, Ю. В. Грачева, А. И. Коробеев, А. И. Чучаев говорят о том, что законодатель занял совершенно иную позицию относительно понятия механического транспортного средства, сущностная характеристика которого была заменена на формально правовую [4, с. 73].

Перемены были восприняты научным сообществом неоднозначно, а споры продолжились. Попробуем разобраться.

В ч. 1 ст. 264 УК РФ законодатель упоминает автомобиль, трамвай и другие механические транспортные средства. Системное толкование законодательства позволяет утверждать, что автомобиль является механическим транспортным средством, что вытекает из его конструкции и назначения. Автомобиль – это самоходное транспортное средство на колесном либо полугусеничном ходу, оборудованное двигателем внутреннего сгорания или электродвигателем и предназначенное для перевозки пассажиров и (или) грузов по безрельсовым путям [5, с. 81]. Управление им в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения разрешается только при наличии специального права соответствующей категории (ст. 25 ФЗ от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения») [6]. Следовательно, автомобиль охватывается понятием «механические транспортные средства». Закономерно возникает вопрос: для чего законодатель в диспозиции анализируемой статьи указал видовой (автомобиль) и родовой (механическое транспортное средство) термин? Думается, что упоминание автомобиля в указанной норме излишне.

Несколько иначе обстоит ситуация с трамваем. Согласно п. «т» Конвенции о дорожных знаках и сигналах 1968 г. к числу механических транспортных средств не относятся рельсовые транспортные средства [7]. Законодательного понятия трамвая нет, но оно выработано наукой. А. И. Коробеев предлагает понимать под трамваем самоходное транспортное средство, приводимое в движение электрическим двигателем и используемое для перевозки пассажиров по рельсовым путям [5, с. 81]. Из предложенного понятия следует, что трамвай является рельсовым транспортным средством и, согласно нормам международного права, не относится к механическим транспортным средствам.

ПДД, напротив, признают трамвай механическим транспортным средством в силу того, что он предназначен для перевозки по дорогам людей и приводится в движение двигателем.

Налицо противоречие норм отечественного и международного законодательства. Согласно ст. 15 Конституции РФ в таком случае должны применяться правила международного договора. В связи с этим, оправданным кажется оставление термина «трамвай» за рамками понятия «механические транспортные средства» в ч. 1 ст. 264 УК РФ.

Излишними терминами наполнено и примечание 1 к ст. 264 УК РФ. Наравне с «самоходными машинами» законодатель в понятие «механического транспортного средства» включил «трактор» и «самоходную дорожно-строительную машину». Согласно ст. 1 Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 297 «О самоходных машинах и других видах техники» «трактор» и «самоходная дорожно-строительная машина» являются разновидностями «самоходной машины»

[8]. Кроме того, согласно ПДД термин «механическое транспортное средство» распространяется на любые тракторы и самоходные машины. Учитывая сказанное, кажется нецелесообразным упоминание тракторов, самоходных дорожно-строительных и иных самоходных машин в примечании 1 к ст. 264 УК РФ.

Другой недостаток закрепленного в уголовном законе понятия «механическое транспортное средство» проявляется в существующей проблеме оценки правового статуса водителей, управляющих устройствами, не предназначенными для движения по дорогам общего пользования, например, спортивным мотоциклом (питбайком). Именно потому, что они предназначены для использования в спортивных мероприятиях, отсутствует необходимость в получении специального права для управления ими. Также на них не выдается паспорт технического транспортного средства. И может показаться, что по смыслу примечания 1 к ст. 264 УК РФ такие устройства не являются транспортными средствами, на управление которыми предоставляется специальное право и, соответственно, механическими транспортными средствами. Опираясь такой логикой, некоторые правоприменители склонны не относить названные устройства к механическим транспортным средствам при квалификации административных правонарушений и преступлений.

Обращая внимание на эту проблему, Г. Ш. Аюпова приводит примеры из судебной практики, демонстрирующие разные подходы.

Из приговора мирового судьи судебного участка № 9 г. Коврова и Ковровского района Владимирской области следует, что К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, при следующих обстоятельствах. К., будучи лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, умышленно управлял спортивным мотоциклом в состоянии алкогольного опьянения [9, с. 86].

Противоположную позицию в аналогичном вопросе занял Свердловский областной суд, который отменил решения нижестоящих судов, вынесенных по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. Согласно материалам дела установлено, что Б. управлял кроссовым мотоциклом (питбайком), находясь в состоянии опьянения. Мотивируя свое решение, суд указал, что эксплуатация кроссового мотоцикла (питбайка) допускается только в спортивных соревнованиях, его использование в пределах дорог общего пользования запрещено. Гоночные транспортные средства не подлежат постановке на регистрационный учет ни в органах Государственной инспекции безопасности дорожного движения, ни в органах Ростехнадзора, для управления ими не требуется получения специального права. Следовательно, кроссовый мотоцикл (питбайк) по смыслу приведенных выше положений закона не может быть признан транспортным средством [9, с. 86].

Г. Ш. Аюпова высказывает солидарность с позицией Свердловского областного суда.

Верховный Суд РФ в разные периоды времени занимал разные позиции по данному вопросу. Так, 3. был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ за управление мотоциклом типа АОВ37-2 без государственного регистрационного знака, не имея права управления данным транспортным средством. Отменяя решения нижестоящих судов, Верховный Суд РФ указал, что эксплуатация кроссового мотоцикла типа АОВ37-2 по дорогам общего пользования запрещена, он предназначен исключительно для участия в спортивных соревнованиях, не подлежит постановке на регистрационный учет в органах Госавтоинспекции, паспорт транспортного средства для него не предусмотрен. Следовательно, мотоцикл, которым управлял 3., по смыслу приведенных выше положений закона, не является транспортным средством [10].

Иную позицию Верховный Суд РФ занял при рассмотрении действий С., управлявшего с признаками опьянения мини-мотоциклом «DIRT BIKE 125», в нарушение требований п. 2.3.2 ПДД не выполнившего законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Указанные действия С. были квалифицированы по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ. Оставляя поступившую от С. жалобу без удовлетворения, Верховный Суд РФ не согласился с доводами последнего о том, что указанный мотоцикл не является транспортным средством, т. к. согласно сведениям производителя в основном используется для спорта и активного отдыха. Аргументируя свою позицию, суд указал, что используемый С. мотоцикл, согласно техническим характеристикам, относится к категории А1 и в полной мере соответствует понятиям транспортного средства и механического транспортного средства, сформулированным в п. 1.2 ПДД, а приведенные С. сведения производителя о мотоцикле не свидетельствуют о том, что он предназначен исключительно для участия в спортивных соревнованиях [11].

Последний из приведенных подходов Верховного Суда кажется более верным, т. к. исключает необоснованную дифференциацию уголовной ответственности и преимущественное положение лиц, управляющих устройствами, которые юридически не предназначены для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем, но могут использоваться в таких целях.

Анализ правоприменительной практики показал, что обозначенные проблемы связаны с необходимостью установления тождества используемого лицом устройства (например, питбайка) формальным признакам транспортного средства, на управление которым в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право. Признание такого устройства механическим транспортным средством для целей ст. 264 УК РФ возможно только в случае, если правоприменительным органам удастся

доказать, что оно имеет своим назначением перевозку по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем.

В ходе анализа правоприменительной практики также было установлено, что лица, пытаясь уклониться от ответственности, приводят доводы о том, что используемое устройство не является транспортным средством в силу того, что оно, по заявлениям производителя, предназначено для спортивных мероприятий, не обладает необходимыми техническими атрибутами, а также не требует получения паспорта транспортного средства, не может быть зарегистрировано как транспортное средство и на управление им не нужно специальное право.

По нашему мнению, с данными доводами согласиться нельзя.

Не погружаясь в вопрос о сути уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 264 УК РФ, приведем несколько тезисов. Криминализация деяния – это процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и наказуемых [12, с. 278]. Устанавливая ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, законодатель стремился защитить общественные отношения, возникающие в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог, от опасного поведения, выражающегося в нарушении норм, предписывающих порядок действия водителя в той или иной дорожной ситуации. Изучение проблемы закономерно заставляет нас задаться вопросом: исключает ли спортивное назначение мотоцикла возможность причинения вреда жизни, здоровью и собственности граждан, которые являются частью основного непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 264.2 УК РФ¹?

Главным образом последствия ДТП определяются массой и скоростью транспортного средства. Спортивные мотоциклы способны развивать достаточно высокую скорость при большой массе. Например, питбайк PROGASI SMART 4 150CC YELLOW 17/14 при весе в 75 кг может развивать скорость до 100 км/ч [13]. Очевидно, что такой мотоцикл представляет не меньшую угрозу указанным общественным отношениям, чем тот, который предназначен для движения по дорогам общего пользования.

Лицо, выезжая на дороги общего пользования, управляя спортивным мотоциклом, вступает в общественные отношения, возникающие в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных

средств или без таковых в пределах дорог, соответственно, возлагает на себя обязанности по соблюдению правил, обеспечивающих эти отношения.

С учетом сказанного, возникают обоснованные сомнения в доводе о том, что спортивные мотоциклы не оснащены необходимыми атрибутами, обеспечивающими их безопасную эксплуатацию, в частности, внешними световыми приборами, звуковым сигналом, зеркалами заднего вида, что исключает возможность получения на них паспорта технического транспортного средства и их регистрации.

Практике известны случаи, когда отказ в выдаче паспорта транспортного средства на мотоцикл спортивного назначения был успешно оспорен. Так, например, ООО «Н» успешно обжаловало решение таможенного органа, который отказал в выдаче паспорта технического транспортного по причине того, что мотоцикл YAMAHA WR 450 FA относится к спортивным, не обеспеченным необходимыми атрибутами с точки зрения безопасности движения по дорогам общего пользования [14]. Согласно заключению проведенной в ходе судебного разбирательства экспертизы мотоцикл YAMAHA WR 450 FA относится к категории L₃ и может использоваться на дорогах общего пользования без ограничений [15].

Приведенное решение свидетельствует о том, что получение паспорта транспортного средства на устройство, которое изначально не предназначалось для использования на дорогах общего пользования, в отдельных случаях возможно.

Согласно п. 20 Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 сентября 2015 г. № 122 «Об утверждении Порядка функционирования систем электронных паспортов транспортных средств (электронных паспортов шасси транспортных средств) и электронных паспортов самоходных машин и других видов техники» [16] электронный паспорт транспортного средства оформляется уполномоченным органом (организацией) в отношении транспортного средства при наличии одобрения типа транспортного средства² или свидетельства о безопасности конструкции транспортного средства в соответствии с требованиями технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» [17].

Из сказанного следует, что получение паспорта транспортного средства на спортивный мотоцикл возможно при его соответствии требованиям безопасности. В этой связи, учитывая положения Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18], отсутствуют препятствия для его регистрации.

² «Одобрение типа транспортного средства» – документ, удостоверяющий соответствие выпускаемых в обращение транспортных средств, отнесенных к одному типу, требованиям технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» [17].

¹ По нашему мнению, основной непосредственный объект составов преступлений, предусмотренных ст. 264.2 УК РФ, – составной. Указанные преступления посягают на общественные отношения, складывающиеся по поводу состояния защищенности общества от угроз, связанных с нарушением правил движения, предписывающих поведение водителя транспортного средства в определенной дорожной ситуации.

Следует также отметить, что транспортное средство допускается к участию в дорожном движении в случае, если оно состоит на государственном учете и соответствует основным положениям о допуске транспортных средств к участию в дорожном движении, установленным Правительством Российской Федерации [6]. В частности, техническое состояние и оборудование участвующих в дорожном движении транспортных средств в части, относящейся к безопасности дорожного движения и охране окружающей среды, должно отвечать требованиям соответствующих технических регламентов, стандартов, правил и руководств по их технической эксплуатации [2].

Как мы уже говорили выше, лицо, вступающее в общественные отношения, возникающие в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог, возлагает на себя обязанность обеспечить соответствие устройства указанным требованиям.

В данном случае уместно и даже необходимо упомянуть позиции видных ученых в известной дискуссии относительно транспортных средств, конструкция или внесенные изменения в конструкцию которых не соответствуют требованиям действующего законодательства.

Так, З. Б. Соктоев говорит о том, что указанные транспортные средства не могут быть признаны предметом транспортных преступлений [19, с. 117]. Придерживаясь иной позиции, Н. И. Пикуров говорит, что «запрет эксплуатации таких средств не означает, что они не могут быть предметом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Несоответствие установленным стандартам означает лишь, что использование таких транспортных средств само по себе является нарушением правил, которое учитывается при квалификации дорожно-транспортного преступления в качестве одной из разновидностей нарушения правил эксплуатации транспортных средств» [20, с. 48].

Соглашаясь с позицией Н. И. Пикурова приходим к выводу, что в случае использования лицом устройства, которое изначально было предназначено для спортивных мероприятий, без соблюдения требований, предъявляемых к транспортному средству при допуске к участию в дорожном движении, следует расценивать как самостоятельное правонарушение.

С учетом сказанного, представляется, что дифференциация уголовной ответственности лиц, управляющих транспортными средствами, и лиц, управляющих устройствами иного назначения, лишь на том основании, что они не соответствуют формальному критерию, не соответствует принципам уголовного права, а также целям уголовно-правовых запретов. Фактически, как верно указал Верховный Суд РФ, им присущи технические характеристики механических транспортных средств, а передвижение на них по дорогам общего пользования не исключено. Кроме того, по справедливому замечанию Н. И. Пикурова, несоответствие конструкции такого устройства или транспортного средства следует признавать разно-

видностью нарушений эксплуатационных правил [20, с. 48].

Приведенные аргументы, а также позиция Верховного Суда, в совокупности позволяют заключить, что для признания устройства механическим транспортным средством не обязательно, чтобы такое устройство изначально было предназначено для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем, а также полностью соответствовало требованиям, предъявляемым к конструкции механических транспортных средств. Достаточно того, чтобы такое устройство в принципе могло осуществлять такую функцию и участвовало в дорожном движении, а также имело признаки, указывающие на его принадлежность к какому-либо роду механических транспортных средств.

Сказанное еще раз подтверждает верность занятой Верховным Судом РФ позиции по делу № 11-АД19-17 [11], а также открывает вопрос о необходимости формулирования соответствующих правоположений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [21] в целях унификации судебной практики.

Предлагаем дополнить указанное постановление правоположением следующего содержания: «Для целей ст. 264 УК РФ механическими транспортными средствами также следует признавать устройства, обладающие признаками, указывающими на их принадлежность к какому-либо роду механических транспортных средств, и участвующие в дорожном движении».

В рамках настоящей работы также хочется уделить внимание тому факту, что необходимость получения специального права на управление транспортным средством не характеризует транспортное средство как представляющее опасность для жизни, здоровья, собственности граждан.

В поисках решения мы проанализировали научную литературу и пришли к выводу, что авторами в основном предлагается два противоположных подхода к понятию механического транспортного средства. Первые считают, что в законодательном определении механического транспортного средства следует ограничиться лишь юридическими признаками [22, с. 219]. Вторые наравне с юридическим используют технический признак [9, с. 89; 23, с. 117; 24, с. 136; 25, с. 56; 26, с. 86].

А. Ю. Пожарский, предлагая теоретическую модель главы 27 УК РФ, сформулировал норму, предусматривающую ответственность за нарушение правил движения и (или) эксплуатации транспортного средства, следующего содержания: «Нарушение лицом, управляющим механическим транспортным средством, на управление которым в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется

специальное право, правил безопасности движения и (или) эксплуатации транспортного средства, повлекшее по неосторожности причинение средней тяжести или тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба» [22, с. 219]. Из предложенной ученым формулировки следует, что он, так же как и законодатель, придерживается формального подхода и называет аналогичный признак, который, на наш взгляд, не характеризует механическое транспортное средство как представляющее угрозу для жизни, здоровья, собственности граждан. В связи с этим мы не можем согласиться с предложенным понятием.

Иного подхода придерживается М. В. Федорченко и под механическими транспортными средствами предлагает понимать «мотоциклы, трамваи, троллейбусы, трактора, иные самоходные машины и механические транспортные средства, приводимые в движение двигателем с рабочим объемом более 50 см³ и имеющие конструктивную скорость свыше 50 км/ч» [23, с. 117].

В. И. Неверов пишет о том, что «под механическими транспортными средствами следует понимать автомобили, трамваи, троллейбусы, мотоциклы, самоходные машины и другие механические транспортные средства с двигателем рабочим объемом более 50 кубических сантиметров и (или) конструктивной скоростью более 50 километров в час, предназначенные обычно для перемещения людей и (или) грузов в процессе дорожного движения» [25, с. 56].

По мнению Е. Р. Кейдуновой, А. Я. Саядовой, механическое транспортное средство следует определять как транспортные средства, приводимые в движение двигателем рабочим объемом более 50 кубических сантиметров и (или) конструктивной скоростью более 50 километров в час, предназначенные для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем [26, с. 86].

Схожей позиции придерживаются Г. Ш. Аюпова, С. А. Комарикова [9, с. 82–84; 24, с. 135–136].

В целом, избранный исследователями подход нам кажется верным, однако в полной мере согласиться с ними мы не можем.

Здесь уместно привести позицию Ю. В. Грачевой и А. И. Чучаева, которые предлагают вовсе отказаться от уголовно-правового определения механического транспортного средства, т. к. «его понятие дано в законодательстве иной отраслевой принадлежности, что вполне согласуется с бланкетной диспозицией нормы» [27, с. 11]. И мы поддерживаем авторов в этом. Едва ли правоприменитель нуждается в дублировании ясного понятия «механического транспортного средства», не наделенного потайным смыслом. Вместе с тем решение полностью отказаться от примечания 1 к ст. 264 УК РФ считаем преждевременным, но об этом ниже.

Ошибка, выявленная Ю. В. Грачевой, А. И. Чучаевым в понятиях, предлагаемых М. В. Федорченко и В. И. Неверовым, заключается в том, что «в дефиницию латентно вводится само определяемое понятие» [27, с. 12].

Также, на наш взгляд, излишне указание на назначение механического транспортного средства в понятиях, предложенных В. И. Неверовым, Е. Р. Кейдуновой, А. Я. Саядовой, т. к. оно указано в понятии транспортного средства, закрепленном в ПДД.

Большой научный интерес вызывает технический признак. Он должен адекватно характеризовать механическое транспортное средство как объект материального мира, способный причинить вред жизни, здоровью и собственности граждан.

Большинство ученых сходятся во мнении о том, что механическим транспортным средством следует признавать только те устройства, которые оснащены двигателем с рабочим объемом более 50 куб. см и (или) развивающие максимальную конструктивную скорость более 50 км/ч [23, с. 117; 24, с. 136; 25, с. 56].

Несколько иной позиции придерживается Г. Ш. Аюпова. Отмечая высокие темпы технологического прогресса, ученый говорит, что механическим транспортным средством следует признавать транспортное средство, оборудованное двигателем (двигателем внутреннего сгорания, электродвигателем и т. п.) максимальной мощностью более 0,34 л/с с максимальной конструктивной скоростью не менее 25 км/ч [9, с. 29].

Приведенная позиция в сравнении с предыдущими кажется нам более правильной. Однако заметим, что предложение Г. Ш. Аюповой основано на юридическом анализе положений ПДД. Нам же кажется, что при разрешении обозначенного вопроса следует уделить внимание возможности устройства причинить вред, указанный в статье.

Одним из обязательных признаков преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, являются общественно опасные последствия в виде тяжкого вреда здоровью или смерти. Средство совершения преступления, указанное в диспозиции, должно обладать свойствами, способными причинить общественно опасные последствия или создавать угрозу их причинения. Под действие анализируемых норм не должно попасть устройство, не способное причинить такой вред в обычных условиях, и наоборот, не должны оставаться вне пределов данной нормы те устройства, которые с высокой вероятностью приведут к наступлению соответствующих последствий.

Ранее мы уже отмечали, что одним из основных факторов, оказывающих влияние на вероятность смертельного исхода при столкновении устройства, выполняющего функции транспортного средства, является скорость. Обращая на это внимание, В. И. Неверов, говорит, что устройства с максимальной конструктивной скоростью менее 50 км/ч не представляют повышенной опасности наступления последствий, указанных в ст. 264 УК РФ [25, с. 51]. Такое утверждение нам кажется спорным.

Общемировое признание получила выведенная П. Врамборгом зависимость риска смертельного исхода при столкновении транспортного средства с пешеходом и другими участниками дорожного движения на различных скоростях [28].

Отметим, что самыми незащищенными участниками дорожного движения являются пешеходы, а причинение тяжкого вреда здоровью или смерти есть одно из возможных проявлений общественно опасных последствий исследуемого преступления. Сказанное следует учитывать при изучении технического признака, характеризующего механическое транспортное средство как объект, опасный для жизни, здоровья, собственности граждан.

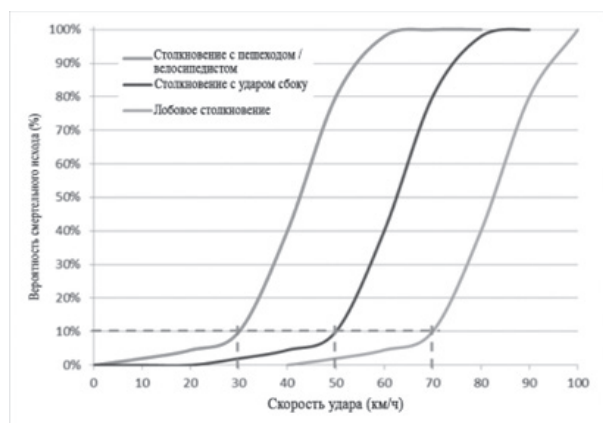

Рис. 1. Кривые П. Врамборга, отражающие риск смертельного исхода при столкновении транспортного средства с пешеходом и другими участниками дорожного движения на различных скоростях [29, р. 4249]

Согласно приведенным данным резкий рост риска смертельного исхода отмечается при столкновениях транспортных средств с пешеходами на скорости 30 км/ч и выше. В интервале скоростных показателей от 30 км/ч до 50 км/ч рост показателя риска наиболее высок. При скорости свыше 50 км/ч риск гибели пешехода стремится к 100 % [29, р. 4249].

Учитывая, что одним из общественно опасных последствий в ст. 264 УК РФ является причинение тяжкого вреда здоровью, не будем упускать из виду исследования, посвященные зависимости риска причинения тяжкого вреда здоровью при столкновении транспортного средства с пешеходом на различных скоростях.

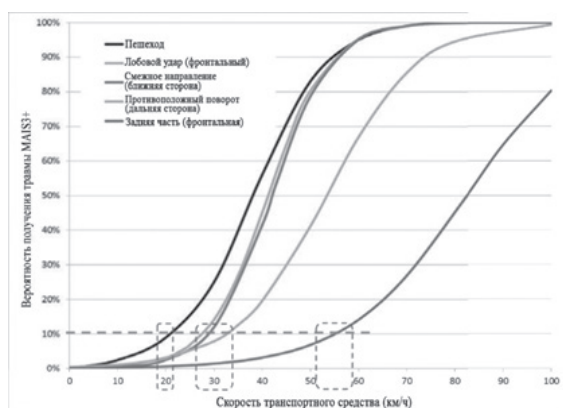

Рис. 2. Кривые вероятности получения травмы MAIS3+ при столкновении транспортного средства с пешеходом и транспортными средствами [29, р. 4254]

Согласно данным графика 10 %-ный риск получения травмы MAIS3+ существует при столкновении с транспортным средством, двигающимся на скорости 20 км/ч [29, с. 4254]. К данной категории относятся «серьезные травмы», например, открытый перелом плечевой кости. Согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н такая травма относится к тяжкому вреду здоровью [30].

Опираясь на признанные результаты исследований зарубежных коллег, делаем вывод, что для целей ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3 необходимо ограничить круг механических транспортных средств только теми, конструктивная скорость которых составляет 20 км/ч и более.

Не можем оставить без внимания тот факт, что учеными в технический признак включается максимальный рабочий объем двигателя. На наш взгляд, упоминание указанной характеристики может повлечь необоснованное распространение закона на устройства, не представляющие опасности. Исследователями отмечается, что не всегда устройства, оборудованные двигателями с равным рабочим объемом, способны развивать одинаковую скорость [24, с. 135; 25, с. 52]. Как мы уже говорили выше, смертность и травматизм при столкновении устройства, выполняющего функции транспортного средства, с пешеходом зависит от его скорости и массы. Рабочий объем двигателя не говорит о том, что такое устройство способно развивать «опасную» скорость. Она определяется конструкцией двигателя, массой устройства и другими факторами. Так, возможно представить ситуацию, когда устройства, оборудованные двигателями с равным рабочим объемом, будут признаваться средствами совершения транспортных преступлений. При этом максимальная конструктивная скорость одного из них будет равна 80 км/ч, а другого – 10 км/ч. Оба из них будут признаны транспортными средствами, хотя второе не представляет опасности ввиду низкой максимальной конструктивной скорости. Из этого следует, что указание на рабочий объем двигателя излишне.

Подводя итог, заключим следующее. В целях совершенствования закона и практики применения ст. 264, 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ необходимо:

- 1) исключить из ч. 1 ст. 264 УК РФ излишние термины;
- 2) отказаться от действующего примечания к ст. 264 УК РФ в пользу того, которое бы ограничивало круг механических транспортных средств только теми, конструктивная скорость которых составляет 20 км/ч и более;
- 3) в целях унификации судебно-следственной практики сформулировать соответствующие правовые положения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»

следующего содержания: «Для целей ст. 264 УК РФ механическими транспортными средствами также следует признавать устройства, обладающие признаками, указывающими на их принадлежность к какому-либо роду механических транспортных средств, и участвующие в дорожном движении».

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 22 марта 2014 г. № 221 «О внесении изменений в постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
2. Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
3. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
4. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И. Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // Lex Russica. 2015. № 4. С. 71–80.
5. Трофимов В. Е. Уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость: дис. канд. юрид. наук. Орел, 2021. 192 с.
6. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
7. Конвенция о дорожных знаках и сигналах (Вена, 8 ноября 1968 г.) // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
8. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 297-ФЗ «О самоходных машинах и других видах техники» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
9. Аюпова Г. Ш. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
10. Постановление Верховного Суда РФ от 13 февраля 2015 г. № 13-АД15-1 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
11. Постановление Верховного Суда РФ от 22 июля 2019 г. № 11-АД19-17 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
12. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
13. Питбайк PROGASI SMART 4 150CC YELLOW 17/14. URL: jazzmoto.ru/ (дата обращения: 21.01.2023).
14. Мотоцикл WR450F. URL: www.yamaha-motor.eu/ (дата обращения: 14.03.2023).
15. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 января 2013 г. № Ф03-6280/12 по делу № А51-8108/2012 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
16. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 сентября 2015 г. № 122 «Об утверждении Порядка функционирования систем электронных паспортов транспортных средств (электронных паспортов шасси транспортных средств) и электронных паспортов самоходных машин и других видов техники» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
17. Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
18. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
19. Афанасьев М. В. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицом, находящимся в состоянии опьянения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
20. Пикуров Н. И. Квалификация транспортных преступлений. науч.-практ. пособие. М.: РАП, 2011.
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).
22. Пожарский А. Ю. Система норм о транспортных преступлениях в уголовном праве России (становление и развитие): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
23. Федорченко М. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004.
24. Комарикова С. А. Уголовно-правовая оценка нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018.
25. Неверов В. И. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
26. Кейдунова Е. Р., Саядова А. С. Особенности предмета преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 3 (175).

27. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. дополнительные уголовно-правовые меры обеспечения безопасности автотранспорта // Уголовное право. 2015. № 3.

28. Guide to Traffic Management Part 5: Road Management // Austroads available at: austroads.com.au/ (accessed: 21.01.2023).

29. Jurewicz C., Sobhani A., Woolley J., Dutschke J., Corben B. (2016) Exploration of vehicle impact speed – injury severity relationships for application in safer road design. In Core, pp. 4247–4256.

30. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н // КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2023).

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of March 22, 2014 No. 221 "On Amendments to the Decree of the Council of Ministers - the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 No. 1090" // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

2. Decree of the Council of Ministers - the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 No. 1090 "On the rules of the road" // ConsultantPlus: site. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

3. Federal Law of December 31, 2014 No. 528-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Strengthening Responsibility for Offenses in the Sphere of Road Safety" // ConsultantPlus: site. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

4. Gracheva Yu. V., Korobeev A. I., Chuchaev A. I. A new type of transport crime as a modified version of a well-forgotten old one // Lex Russica. 2015. No. 4. P. 71–80.

5. Trofimov V. E. Criminal liability for driving while intoxicated by a person subjected to administrative punishment or having a criminal record: dis. cand. legal Sciences. Eagle, 2021. 192 p.

6. Federal Law of December 10, 1995 No. 196-FZ "On Road Safety" // Consultant Plus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

7. Convention on Road Signs and Signals (Vienna, November 8, 1968) // Consultant Plus: site. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

8. Federal Law of July 2, 2021 No. 297-FZ "On self-propelled vehicles and other types of equipment" // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

9. Ayupova G. Sh. Criminal liability for violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment: dis. ... cand. legal Sciences. Yekaterinburg, 2018.

10. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of February 13, 2015 No. 13-AD15-1 // ConsultantPlus: site. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

11. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of July 22, 2019 No. 11-AD19-17 //

ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

12. Lopashenko N. A. Fundamentals of criminal law impact. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004.

13. Pit bike PROGASI SMART 4 150CC YELLOW 17/14. URL: jazzmoto.ru/ (date of access: 01/21/2023).

14. Motorcycle WR450F. URL: www.yamaha-motor.eu/ (accessed 03/14/2023).

15. Decree of the Federal Arbitration Court of the Far Eastern District dated January 17, 2013 No. F03-6280/12 in case No. A51-8108/2012 // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

16. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated September 22, 2015 No. 122 "On Approval of the Procedure for the Functioning of Systems of Electronic Vehicle Passports (electronic passports of vehicle chassis) and electronic passports of self-propelled vehicles and other types of equipment" // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

17. Decision of the Commission of the Customs Union dated December 9, 2011 No. 877 "On the adoption of the technical regulation of the Customs Union "On the safety of wheeled vehicles" // ConsultantPlus: site. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

18. Federal Law No. 283-FZ of August 3, 2018 "On State Registration of Vehicles in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

19. Afanasyev M. V. Criminal liability for violation of the rules of the road and the operation of vehicles by a person in a state of intoxication: dis. ... cand. legal Sciences. M., 2018.

20. Pikurov N. I. Qualification of transport crimes. scientific-practical. allowance. M.: RAP, 2011.

21. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2008 No. 25 "On judicial practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their unlawful possession without the purpose of theft" // Consultant Plus: site . URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

22. Pozharsky A. Yu. The system of norms on transport crimes in the criminal law of Russia (formation and development): dis. ... cand. legal Sciences. M., 2016.

23. Fedorchenko M. V. Violation of the rules of the road and the operation of vehicles: criminal law and criminological aspects: dis. ... cand. legal Sciences. Nizhny Novgorod, 2004.

24. Komarikova S. A. Criminal law assessment of violations of traffic rules and operation of vehicles (Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation): dis. ... cand. legal Sciences. Omsk, 2018.

25. Neverov V. I. Violation of the rules of the road and the operation of vehicles (criminal and criminological research): dis. ... cand. legal Sciences. Saratov, 2006.

26. Keidunova E. R., Sayadova A. S. Features of the subject of the crime under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation // News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences. 2013. No. 3 (175).

27. Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. additional criminal law measures to ensure the safety of vehicles // Criminal law. 2015. No. 3.

28. Guide to Traffic Management Part 5: Road Management // Austroads available at: austroads.com.au/ (accessed: 01/21/2023).

29. Jurewicz C., Sobhani A., Woolley J., Dutschke J., Corben B. (2016) Exploration of vehicle impact speed – injury severity relationships for application in safer road design. In Core, pp. 4247–4256.

30. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of April 24, 2008 No. 194n // ConsultantPlus: website. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 03/21/2023).

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 22.09.2023

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 22.09.2023